М. Н. Пинчук

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

Михаил Пинчук

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Мифы и реальность

Вильня
«Наша будучыня»
2014

Редактор и издательство благодарят
Дмитрия Колесника
за помощь в издании этой книги

Пинчук, М.

Советские партизаны: Мифы и реальность. / М. Н. Пинчук. — Вільня: Наша будучыня, 2014. — 392 с., 127 ил.

Официальная история партизанского движения на территории СССР, оккупированной войсками Германии и ее союзников, полностью мифологизирована. Вместо критического анализа реальных событий, их особенностей, причин и последствий, читателям предлагаются выдумки бывших партизанских начальников, партийных идеологов, советских историков и литераторов.

Автор книги, состоящей из 26 глав, последовательно опровергает эти мифы. Свои рассуждения и выводы он подтверждает ссылками на исследования историков, воспоминаниями участников и очевидцев описываемых событий, подлинными документами, а также статистическими данными.

Предисловие

История партизанского движения на территории СССР, оккупированной в 1941–1944 гг. вооруженными силами Германии и ее союзников, даже сейчас — через 70 лет после изгнания оккупантов — остается мифологизированной. Этот факт объясняется живучестью коммунистической идеологии в постсоветских странах, в первую очередь в России и Беларуси.

Напомню, что «краеугольными камнями» идеологической системы, созданной коммунистами, служили тезисы о морально-политическом единстве советского народа; о беспредельной любви «простых людей» к коммунистической партии; о поддержке советской власти всеми слоями общества; о ненависти граждан к врагам партии и государства. Из этих тезисов следовал логический вывод: оказавшись в условиях вражеской оккупации, советские люди в своем подавляющем большинстве обязательно будут бороться с оккупантами всеми доступными им средствами и методами.

Но реальная действительность оказалась очень далекой от такого сценария. Поэтому неприятную правду бывшие партизанские начальники, историки, пропагандисты, литераторы, кинематографисты заменили выдумками. Давно пора «разобраться» с советскими мифами о партизанах и партизанском движении. Именно этому посвящено данное исследование.

Оно представляет собой переработку книги Сергея Захаревича «Партизаны СССР: от мифов к реальности», опубликованной издательством «Наша будучыня» в январе 2012 года. Книга вызвала огромный интерес у читающей публики. Два небольших тиража (вместе 550 экземпляров) разошлись в рекордно короткие сроки, буквально за две недели.

Несмотря на то, что книга не поступала в магазины «Белкниги», ее заметили и отметили некоторые официальные «товарищи». Естественно, что их мнения об исследовании С.С. Захаревича были сугубо негативными. Оно и понятно, ведь именно комплекс мифов о советско-германской войне 1941–1945 гг. является официальной «платформой» идеологов России и Беларуси.

Более того, в Республике Беларусь партизанская тема по сей день имеет статус своего рода «священной коровы», которой ни в коем

случае нельзя вспороть брюхо для анатомического исследования, ибо это святотатство и виновного в таком деянии надо побить камнями. Во всяком случае, именно таково отношение к попыткам критического анализа «партизанщины» со стороны идеологов и пропагандистов, подвизающихся в органах власти различного уровня, а также тех авторов, чьи статьи публикуют государственные газеты и журналы.

Еще одной «священной коровой» на местном идеологическом пастбище является операция «Багратион». Без особого преувеличения можно сказать, что Беларусь живет сейчас не от Нового года до Нового года, а от «Багратиона» до «Багратиона», так как 3 июля (день освобождения Минска) из Дня города превратился в День Независимости, несмотря на то, что в 1944 году новых оккупантов просто сменили старые. Смешно и грустно слышать, как в этот день официальные средства массовой информации дружно долдонят о каком-то патриотизме и об «уроках любви» к некоей Родине, не называя конкретно ни этот патриотизм, ни эту Родину.

О какой Родине ведут речь господа-начальники? О Беларуси? А что, она в 1941-м являлась независимой державой? Ах, была «свободной советской республикой»! Свободной от чего? Разве что от возможности спокойно жить и работать с уверенностью в завтрашнем дне! Ныне известно, что за первые 23 года своего существования (1918–1941 гг.) органы советской власти предали смерти (казнили) свыше 4-х миллионов граждан СССР (в том числе более 350 тысяч жителей Беларуси), а еще 6 миллионов замучили до смерти, уморили голодом и непосильным трудом в тюрьмах, на этапах, в лагерях, спецпоселениях (в том числе не менее 700 тысяч граждан БССР)? Не мы придумали характеристику для периода 1937–1938 годов — Большой Террор.

Приемы советской пропаганды по-прежнему в чести

Защиту этого людоедского режима вы называете «советским патриотизмом»? В таком случае заявляем: все, что связано с защитой власти большевиков (ком-

мунистов) и «новых господ» (партийно-советской номенклатуры) ни автор, ни редактор, ни издатели патриотизмом не считают.

Но вернемся к партизанской теме. «Священная партизанская корова» пасется между трех «сосен-аксиом».

Первая. После оккупации войсками Вермахта территории западных республик и областей СССР преобладающая часть местного населения в едином порыве ненависти к врагу (а также огромной любви к родной Красной Армии и лично к товарищу Сталину) поднялась на борьбу против германцев, — кто с ружьем, кто с топором, кто со спичками...

Вторая. Партизанская борьба советского народа в значительной мере способствовала поражению Вермахта на фронтах, так как причинила врагу огромные потери в живой силе (один миллион человек!), военной технике, железнодорожном и автомобильном транспорте.

Третья. Моральный облик советских партизан был не просто положительным, а сугубо рыцарским. Они не только храбро атаковали войска оккупантов, но и защищали гражданское население от грабежей и репрессий со стороны тех же оккупантов и их «местных пособников».

Итак, в партизанской тематике нас интересуют три главных вопроса:

1) Было ли партизанское движение ОБЩЕНАРОДНЫМ?

2) Было ли оно ЭФФЕКТИВНЫМ с военно-стратегической точки зрения?

3) Совершали ли партизаны военные ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Предлагаемая книга — попытка объективного ответа на указанные вопросы. По сравнению с картиной, давно нарисованной советской историографией, советской пропагандой и советским искусством многое в ней покажется читателям весьма непривычным.

Основные изменения в тексте следующие:

— Поменялись местами первая и вторая части. Та, что раньше была второй, теперь стала первой. При этом текст бывшей первой части (ныне второй) сокращен.

— Глава о Беларуси увеличена более чем вдвое (с 46 страниц до 105) и стала отдельной частью, включающей 7 глав.

— Весь текст заново отредактирован, в нем сделано много сокращений, перемещений, изменений.

Фактически — это новая книга, хотя основные идеи предыдущего издания сохранены.

Автор, редактор и издательство не ставили своей целью полное описание истории партизанского движения на оккупированной части территории СССР в годы Второй мировой войны. Такое исследование составило бы не одну книгу, а времени заняло бы не меньше, чем понадобилось Карлу Марксу для сочинения трех томов его «Капитала». Но и то, что удалось сделать, является своего рода «революционным переворотом» во взглядах на партизанское движение.

Михаил Пинчук,
24 мая 2014 г.

ЧАСТЬ I

СТРАТЕГИЯ, ТАКТИКА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН

Глава 1

Сущность партизанской войны

Немного теории

«Партизанская борьба — это борьба иррегулярных сил, или специально засланных в неприятельский тыл специально подготовленных отрядов и групп регулярных войск или спецслужб для развертывания борьбы партизанскими методами...

Партизаны не ставят цели нанести противнику решающего поражения, но наносят ему ряд мелких чувствительных ударов. Методы партизанской борьбы сводятся к отказу от концентрации сил на одном направлении, и в нанесении ударов в разных местах небольшими силами, чтобы максимально распылить силы противника... (Соколов Б.В., Фронт за линией фронта, с. 4–6).

Если кто-то считает, что две эти цитаты из книги Бориса Соколова дают исчерпывающее определение сущности партизанской войны, то он заблуждается. Приведенный текст важен в ином смысле — он иллюстрирует непонимание сути партизанской войны, характерное для многих авторов, пишущих на темы военной истории.

А теперь обратимся к официальному изданию. Это двухтомный «Военный энциклопедический словарь», подготовленный коллективом авторов из Института военной истории Министерства обороны Российской федерации (издание 2001 года). Во 2-м томе читаем:

«Партизанская борьба — см. *Партизанское движение*» (с. 274).

Ниже дано определение:

«Партизанское движение — вооруженная борьба народных масс за свободу и независимость своей страны, ведущаяся на территории, оккупированной или контролируемой противником (...). Основной

силой в этой борьбе выступают партизаны, действующие в составе организованных вооруженных формирований и опирающиеся на поддержку местного населения. В партизанском движении нередко участвуют и части регулярных вооруженных сил государства, сражающиеся в тылу врага» (там же).

Как видите, ученые люди не отождествляют собственно партизан с военнослужащими регулярных войск, действующими в тылу противника. Поэтому неправильно называть партизанами воинские подразделения Красной Армии и специальные группы органов НКВД — НКГБ, осуществлявшие боевые действия на территории, оккупированной противником. Для тех читателей, которые не согласны с таким подходом, приведу еще одно определение из цитируемого словаря:

«Партизан (франц. partisan) — лицо, добровольно сражающееся в составе организованных вооруженных формирований на территории, занятой противником. Правовое положение партизан регулируется нормами международного права (см. *Гаагские конвенции 1899, 1907 гг.*)».

Обратите внимание на два обстоятельства, к которым мы вернемся позже:

во-первых, предполагается, что партизаны — это добровольцы из числа гражданских лиц (в армию, как известно, людей призывают, не спрашивая их согласия);

во-вторых, на действия партизан распространяются нормы международного права.

Думаю, правильно будет сказать, что партизанская война — это *специфический способ ведения боевых действий* как регулярных, так и иррегулярных подразделений вооруженных сил. Есть много примеров, когда партизанские действия осуществляли одни только регулярные формирования. Например, во время войны во Вьетнаме в 1962–1975 гг. из четырех противоборствующих сторон три (вооруженные силы США и их союзников, армия Южного Вьетнама, армия ДРВ) представляли собой регулярные вооруженные силы, и лишь четвертая — «Вьет Конг» — была иррегулярной.

К ведению боевых действий партизанскими методами вынуждают две основные причины:

(1) Когда одна из противоборствующих сторон не может вести классические («правильные») боевые действия. В противном случае ей нет нужды использовать «партизанщину». Испытывая определенные затруднения в борьбе с противником, она сознательно из-

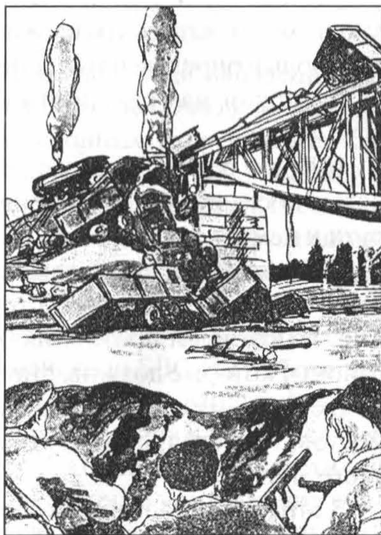
бирает партизанский способ боевых действий, чтобы свести вражеские «плюсы» к минимуму.

Кроме того, иногда бывает целесообразно «поднять» на партизанскую войну гражданское население своей территории, оккупированной неприятелем. Соответственно, противнику навязывается необходимость борьбы с партизанами.

(2) Когда существенные ограничения накладывают природные условия театра военных действий (ландшафт, климат и т.п.) или политика.

Природный фактор (крупные лесные массивы, обширные болота, горы, пустыни) зачастую делают бессмысленными традиционные способы боевых действий, или же существенно ограничивают использование боевой техники, в том числе авиации.

А политические ограничения иногда вынуждают использовать исключительно «ограниченный контингент» своих войск. Так, правительство Великобритании в 70-е годы XX века вполне могло с помощью грубой силы «свернуть» в «позу лотоса» индонезийские войска на острове Борнео (ныне называется Калимантан) или поставить на четыре точки движение «оду» в султанате Оман, расположенном в восточной части Аравийского полуострова. Но политическая ситуация диктовала иные способы действий, поэтому были задействованы подразделения SAS (специальной авиадесантной службы), использовавшие партизанскую тактику.

Партизанская диверсия, рисунок из журнала времен войны

С учетом сказанного сделаем вывод: надо отличать боевые действия партизанского характера как разновидность тактики подразделений регулярной армии от партизанско-повстанческого движения оккупированного (или порабощенного) гражданского населения (национально-освободительной борьбы).

Партизанская война отличается отсутствием четко выраженных позиций на местности (нет линии фронта) и сводится к установле-

нию контроля над определенными районами. В свою очередь борьба за эти районы включает в себя:

— захват (или контроль) населенных пунктов и подъездных путей к ним;

— ведение постоянной разведки внутри района и за его пределами;

— уничтожение вооруженных формирований противника, дислоцирующихся в данном районе, либо пытающихся проникнуть в него.

Исходя из указанных задач, противоборствующие стороны:

а) делят театр военных действий (ТВД) на отдельные зоны (по степени их важности), а также выделяют внутри зон стратегически важные населенные пункты (обычно это пункты, занимающие господствующее положение на конкретных участках местности либо являющиеся узлами путей сообщения);

б) сочетают позиционную оборону населенных пунктов и прилегающих коммуникаций (силами их гарнизонов) с действиями маневренных групп (уничтожающих подразделения противника, пытающихся захватить эти населенные пункты или же установить свой контроль в определенных зонах).

Диверсии на транспортных коммуникациях целесообразны в двух случаях:

1) Когда осуществляется плотная блокада населенного пункта (с целью последующего овладения им) и блокируются все подъездные пути к нему;

2) В интересах своей армии, готовящей операции в конкретных районах. Тогда партизаны стремятся заблокировать пути сообщения, по которым противник осуществляет перевозки именно в те районы, которые должны стать объектом армейских операций.

В остальных случаях разрушение участков железных дорог (равно мостов, туннелей, станционных сооружений) не имеет стратегического значения.

В стратегии партизанской войны нет положений, применимых для всех случаев. Всё зависит от конкретных условий. В одном случае партизанскую войну ведут регулярные вооруженные силы государства (например, потерпевшие поражение в столкновениях «классического» типа), в другом — иррегулярные формирования. В одном случае «партизанят» высланные в тыл противника разведывательно-диверсионные подразделения, в другом — восставшая часть населения. Цели и задачи партизанской войны при этом будут разными.

Были кадры, да сплыли?

Серьезную ошибку совершают современные исследователи партизанского движения, когда принимают на веру одну из популярных сказок советской историографии и пропаганды. Ее суть в том, что в 1930-е годы существовали хорошо подготовленные кадры партизан, предназначенные для действий в тылу врага *в случае его нападения на территорию СССР*. А Сталин эти кадры частью перестрелял, частью пересажал.

Илья Старинов, которому в современной России присвоили — незаслуженно — титул «короля диверсантов», под конец своей долгой жизни говорил и писал примерно то же самое: «Да, были у нас хорошо подготовленные профессиональные партизанские кадры; вломили бы они немцам как следует, если бы Сталин их всех не репрессировал».

На самом деле это миф. Но миф популярный. Например, вот что пишет Владимир Лемешонок в своей статье «Партизанское движение в Великую Отечественную войну /«Энцыклапедыя гісторыі Беларусі», том 5, Минск, 1999, с. 413):

> «Подготовка к партизанской борьбе на случай нападения фашистской Германии началась еще в 1930-е годы. Она включала создание законспирированной сети диверсионных групп, диверсантов-одиночек (...) западнее линии укрепленных районов, организацию и подготовку маневренных партизанских отрядов и групп, обеспечение партизанских формирований средствами связи и другими материалами, необходимыми для борьбы и жизни в условиях вражеского тыла.
>
> В Беларуси подготовкой к партизанским действиям занимались партийные органы и командующий войсками БВО И.П. Уборевич. Были созданы 6 партизанских отрядов (Полоцкий, Минский, Слуцкий, Мозырский, Борисовский, Бобруйский) по 300–500 человек каждый. В них входили коммунисты, комсомольцы, участники гражданской войны, которые прошли специальное обучение в закрытых школах. Во главе каждого отряда был штаб из опытных руководителей (командиры К. Орловский, С. Ваупшасов, В. Корж, С. Макаревич, А. Рабцевич, А. Спрогис). Для каждого отряда в лесах были заложены замаскированные базы оружия, боеприпасов, снаряжения, продуктов (...)
>
> Однако из-за необоснованных репрессий в 1937–38 гг. многие подготовленные партизанские командиры и военные специалисты были уничтожены (уцелели те, кто в то время находился на войне в

Испании); отряды расформированы, ликвидированы все базы оружия и боеприпасов».

Сразу возникает вопрос: где находились эти укрепленные районы? И почему сеть диверсионных групп развертывалась западнее, а не восточнее их?

Ответ: начиная с 1928 года в европейской части СССР за 7–10 лет вдоль линии государственной границы были построены 24 укрепленных района, в том числе 4 в БССР: 61-й Полоцкий, 63-й Минский, 67-й Слуцкий, 65-й Мозырский.

БССР, как часть СССР, в то время граничила с двумя государствами — Латвией и Польшей. Граница с Германией появилась только в октябре 1939 года, после захвата территории Польши вооруженными силами Германии и Советского Союза. Следовательно, ни о каком нападении нацистской Германии на СССР не могло быть и речи. Да и нацисты пришли к власти только в 1933 году (фашисты были в Италии, тогда как в Германии — нацисты. Это не одно и то же).

Вывод может быть только один, без всяких «если бы» или «вероятно». Диверсантов и партизан военно-политическое руководство СССР готовило в 1930-е годы для действий на территории других стран, а не временно оккупированной своей. С севера на юг, по порядку, это Финляндия, Эстония, Латвия, Польша и Румыния. Общих границ с Летувой, Германией, Чехословакией и Венгрией у Советского Союза тогда еще не было.

Отметим, что во второй половине 1920-х годов в СССР была начата целенаправленная подготовка вооруженных сил к наступательной войне в Европе. В связи с этим Генштаб РККА разработал теорию «глубокой наступательной операции»*. Эта «сверхнаступательная» теория не предусматривала никаких оборонительных мероприятий. Как свидетельствуют военные историки, само понятие «оборона» было надолго изгнано из советских уставов и наставлений. Поэтому летом 1941 года застигнутые врасплох подразделения Красной Армии вместо того, чтобы обороняться, непрерывно пытались сами атаковать или контратаковать наступавшего противника. Их так учили: в приграничном *встречном сражении* завоевать инициативу и дальше громить врага «малой кровью, могучим ударом» (тем более, что враг, по словам политруков, хотя и подл, но всегда труслив).

---

* Теорию «глубокой наступательной операции» разрабатывали высшие военные чины РККА Владимир Триандафилов (1894–1931), Александр Свечин (1878–1938), Александр Коленковский (1880–1942) и ряд других.

Тогда же, в конце 1920-х годов, по инициативе заместителя народного комиссара по военным и морским делам Михаила Тухачевского Разведывательное управление Генштаба РККА стало создавать в воинских частях штатные подразделения диверсантов («саперно-маскировочные» взводы), а в приграничных районах — внештатную сеть мелких диверсионных групп и более крупных партизанских отрядов. При этом Разведуправление опиралось на опыт диверсионно-террористической войны, которую оно вело в 1921–25 гг. на территории Польши силами нелегальных подразделений, забрасываемых из БССР. Эти подразделения в советской прессе (позже в мемуарной литературе) называли отрядами «красных партизан», хотя возглавляли их кадровые командиры РККА, в том числе упомянутые Лемешонком махровые диверсанты и террористы Ваупшасов, Корж, Макаревич, Орловский, Рабцевич, Спрогис...

Один из специалистов «по диверсиям» Артур Спрогис (1904–1980)

Вот на эту «обманку» и покупаются современные историки — мол, не может создание партизанских групп свидетельствовать об агрессивных намерениях СССР.

Еще как может! Диверсантов и партизан селили вдоль государственной границы именно потому, что они предназначались для действий в тылу войск противника. Ведь по взглядам того же Тухачевского первое решительное столкновение РККА с противником должно было произойти именно на границе («пограничное, или встречное сражение»). Но как, в таком случае, действия «маскировщиков» и «партизан» стыкуются с теорией «глубокого прорыва»?

А в теории очень просто. Те и другие предназначались не для партизанской борьбы на своей территории, а для диверсионно-террористических действий в тылу противника при проведении Красной Армией собственных наступательных операций.

Именно такую тактику пытались реализовать «красные динамитчики» во время Гражданской войны в Испании 1936–39 гг., куда их послали специально с целью проверки эффективности теории диверсий в тылу вражеских войск. Они не дожидались захвата франкистами какой-то провинции, чтобы развертывать там партизан-

скую борьбу. Вместо этого отдельные части 14-го корпуса республиканцев (якобы партизанского) выводились через линию фронта, и, разделившись на мелкие группы, приступали к диверсиям: видим мост — взрываем мост, видим водокачку — взрываем водокачку и т.д., не задумываясь о реальной значимости того или иного объекта для вооруженных сил противника. В результате от действий «динамитчиков» страдало в основном мирное население. А франкистов больше беспокоил сам факт деятельности врага в тылу своих войск, чем последствия этой деятельности.

Как стало ясно сейчас, теория использования «маскировщиков» и «партизан» была столь же ущербной, как и теория «глубокой операции». Судите сами.

Автономность и боевые возможности мелких диверсионных групп крайне незначительны, так как прямо зависят от объема переносимого людьми на себе полезного груза, а много ли могут перенести несколько человек? О диверсантах-одиночках и говорить нечего. Использование тех и других есть нечто среднее между глупостью и отчаянием (согласно поговорке «утопающий хватается за соломинку»).

Два примера в этой связи

Первый — история 18-летней диверсантки Зои Космодемьянской. Какой ущерб она могла причинить врагу? Единственное «диверсионное средство» Зои — две или три бутылки с бензином, оружие самообороны — револьвер, из которого она едва умела стрелять. Разведка объекта, огневая поддержка группы прикрытия, продуманный путь отхода — ничего этого не было в помине. Ей удалось поджечь две избы местных жителей. Они же ее и схватили, избили, потом сдали немцам. Их трудно обвинить в «предательстве»: юная москвичка сожгла жилье, а на дворе — конец ноября, уже началась лютая зима 1941/42 года с ее небывалыми морозами. Куда им было деваться с детьми и скотиной?! Какие чувства они могли испытывать к этой горе-диверсантке, кроме злобы и ненависти?!

Возникает вопрос: какой идиот придумал такие «диверсии»? Оказывается, «хорошо подготовленные профессионалы» вроде Артура Спрогиса и Хаджи-Умара Мамсурова. Они рассуждали следующим образом. Если забросить в прифронтовой тыл к немцам несколько тысяч таких девиц, и если каждая из них сожжет по одному немецкому «объекту», а заодно убьет (ранит) пару «фашистов», то действия противника будут серьезно затруднены. Сказано — сделано. В период битвы за Москву послали «на ту сторону» около трех тысяч

наивных комсомольцев и комсомолок. Почти все они погибли. Относительно эффективности их действий история умалчивает. А что касается организаторов указанной «диверсии», то понятно, что с совестью у них проблем не было, в отличие от интеллекта.

Кто-то может сказать: то было время битвы за Москву, Сталин и вся партийно-советская верхушка пребывали в паническом состоянии, они требовали от своих подчиненных немедленно принять «крайние меры», «не останавливаясь ни перед чем» — только бы избежать захвата «столицы нашей Родины». Потом высшие «партайгеноссе» несколько успокоились и поумнели.

Лично я сильно в этом сомневаюсь. Рассмотрим другой пример.

В конце октября 1942 года в Сальскую степь была послана — наряду с другими — диверсионная группа № 66 «Максим» под командованием 28-летнего старшины Леонида Черняховского*. Она состояла из 15 человек — двенадцати парней и трех девушек. Пятерым еще не исполнилось 18 лет. Помимо стрелкового оружия (8 карабинов, 6 автоматов ППШ, пистолет ТТ), диверсанты имели при себе 40 кг тротила и три коробки спичек — поджигать бикфордов шнур.

Район действий группы «Максим»

В ночь на 2 ноября радистка группы приняла шифрограмму, приказывавшую «любой ценой» перекрыть железную дорогу Сальск — Котельниково — Сталинград в районе между станциями Куберле и Орловская. Но что могли сделать диверсанты на ровной как стол степной местности со своими 40 килограммами взрывчатки?! Днем они заложили несколько зарядов, а вечером, когда вдали показался поезд с немецкими войсками, разворотили взрывами рельсы.

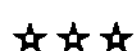
Эшелон остановился, высадились солдаты мотострелковой роты полка «Нордланд» из дивизии СС «Викинг» и за полчаса покончили с диверсантами. У них на 15 единиц оружия, включая пистолет, было 4500 патронов — всего по 300 на ствол! Несколько парней и одна девушка остались в живых. Немцы взяли их в плен, допросили, а потом расстреляли.

---

* Город Сальск находится в южной части Ростовской области. Он окружен степями.

Движение по линии было прервано только на четыре часа. Чем эта диверсия (и многие другие, подобные ей), принципиально отличается от «диверсии» Зои Космодемьянской? И если это не акт отчаяния, то что?

Кстати говоря, никто не узнал бы об этом трагическом, но незначительном эпизоде войны, если бы не Овидий Горчаков (1925–2002) — бывший военный разведчик, ставший писателем*. В конце 1960-х годов он опубликовал повесть «Максим не выходит на связь», где заявил — ни много, ни мало, что группа № 66 сыграла исключительно важную роль в разгроме танковой группы генерала Германа Готта (!) Сыграла тем, что задержала ее на 4 часа, которые якобы оказались «решающими»! Что ж, как литератор, занимавшийся восхвалением «бессмертных подвигов» советских разведчиков и диверсантов, он поступил правильно. Врать — так по-крупному!

Замаскированные партизанские базы в лесах, это конечно хорошо, но главное все же не базы, а объекты, подлежащие уничтожению. Практика показала, что до них от базы может быть несколько десятков километров, идти туда надо не одни сутки, ведь «маскировщики» и партизаны передвигались исключительно пешком. Радиосвязи у них не было, так как советская радиопромышленность не выпускала тогда портативных надежных «коротковолновок».

Если наложить все эти детали на схему «глубокой операции», то получается ерунда: за то время, пока «маскировщики» или «партизаны» доберутся до нужного объекта на вражеской территории либо собьются в отряд численностью 50–100–200 человек, быстроходные танки БТ и кавалерия уйдут далеко вперед, и диверсанты автоматически переместятся в тыл своих войск. Объект, подлежащий уничтожению, окажется уже на своей территории. Словом, чепуха на постном масле. Вот почему Тухачевский планировал использование «маскировщиков» только на начальном этапе наступательной операции — в период проведения «приграничного сражения», для уничтожения заранее намеченных конкретных объектов — для одиночных, по сути, акций*. После этого предусматривался перевод саперно-маскировочных взводов на переформирование.

---

* Советское командование ничего не знало о судьбе группы «Максим» и объявило ее «без вести пропавшей». Но под воздействием общественной кампании, поднятой Горчаковым, всех членов группы посмертно наградили орденами «Красной звезды», а на станции Орловская поставили памятник с их фамилиями.

Вот Сталин и упразднил кадры диверсантов и партизан — за ненадобностью. Он самонадеянно считал Красную Армию оч-ч-чень сильной, способной осуществлять наступательные операции огромного масштаба. Что же касается тактики собственно партизанских действий — борьбы на своей территории с оккупационными частями противника, то подобных выкладок в советской военной теории не существовало в принципе. И.Г. Старинов в этом вопросе просто лжет.

Вот что пишет об этом В.С. Батшев:

> «До начала войны правительство и командование Красной Армии не предполагало прибегать к такой форме сопротивления как партизанское движение.
>
> Партизанская война исключалась из военных методов по двум причинам. Во-первых, уверенность в мощи Красной Армии была настолько сильна, что военные действия предполагались только на вражеской территории; во-вторых, руководство считало, что вооружение народа — слишком рискованное предприятие.
>
> Партизанская война, ее методы и возможности не изучались в Советском Союзе ни в одной из военных академий (...). С 1928 по 1941 год в военных вузах не было, например, ни одной диссертации на тему о ведении партизанской войны в тылу врага».

Илья Старинов, с «подачи» журналистов превратившийся в «главного советского диверсанта»

Кстати о Старинове... Российские историки партизанского движения постоянно опираются на него как на главного эксперта по части партизанской войны, принимая практически все, что он говорил, в качестве аксиомы. Но на наш взгляд Илья Григорьевич Старинов (1900–2000) достаточно часто порол чушь. В своей книге «Большая кровь» Сергей Захаревич уже отметил, что Старинов — «мыльный пузырь», неимоверно раздутый пропагандой (примерно так же, как безголосый Дима

---

* С.С. Захаревич достаточно подробно рассмотрел теорию «глубокой операции» в своей книге «Сталинский бросок на юг» (Минск, 2010, с. 85–96).

Билан в современном шоу бизнесе проходит под маркой «выдающегося певца»)*.

Он никогда не был экспертом в области партизанской войны хотя бы потому, что мало что о ней знал. Две вещи, в которых Илья Григорьевич действительно разбирался, это железнодорожный транспорт (закончил Ленинградскую школу железнодорожных техников, затем испытывал технику на полигоне железнодорожных войск в Гороховце) и подрывное дело. Но партизанская война требует навыков не только железнодорожника-минера. Никогда не был Старинов и рядовым диверсантом — всегда ходил в начальниках. Он и в Испанию отправился в качестве советника при группе диверсантов (кстати говоря, единственный источник сведений о его «подвигах» там — мемуары самого Старинова). А во Вторую мировую Илья Григорьевич командовал сперва группами, после — бригадами.

Минирование дома номер 17 по улице Дзержинского в Харькове, которое историки почему-то включают в хронику *партизанской войны* как диверсионную спецоперацию, осуществила оперативно-инженерная группа Юго-Западного фронта (5 саперных батальонов, столько же оперативных групп) — в соответствии с планом общего минирования «второй столицы Украины» при отступлении советских войск. Киев изуродовали тоже они.

Партизанской войной, как таковой, Илья Григорьевич занимался лишь тогда, когда был заместителем начальника Центрального штаба паризанского движения (П.К. Пономаренко) по диверсиям, то есть в конце 1942 года, и позже — когда занимал должность заместителя начальника Украинского ШПД. И хотя он постоянно открещивался от участия в провальных операциях по массовому разрушению железных дорог (типа «Концерт»), сваливая вину на «дилетантов» вроде Пономаренко, однобокая направленность этих акций — именно подрыв, именно железных дорог (единственное, в чем хорошо разбирался Старинов) ясно указывает на торчащие из-за кустов уши подлинного инициатора всех этих «рельсовых войн».

Короче говоря, в предвоенный период в СССР концепция партизанской войны не была разработана.

Мелкие группы или большие отряды?

Молниеносный разгром Красной Армии в приграничных сражениях несколько отрезвил «глубоких прорывателей» Страны Советов. Они поспешно приступили к созданию партизанских отрядов

---

* См.: Большая кровь. Минск, 2009, глава «Миф о короле диверсантов», с. 518–525.

и групп для действий на занятой противником территории. Отряды эти первоначально подчинялись созданному в Наркомате обороны СССР Управлению по формированию партизанских частей. В последние дни июня 1941 года первые такие отряды, наспех сформированные на левом берегу Днепра (в районах Могилёва и Орши) были отправлены в тыл к немцам.

Но отправка готовых партизанских отрядов завершилась полным провалом. В чем причина? Какими только факторами не обуславливают исследователи крушение партизанских начинаний 1941 года: и плохим обучением, и недостатком вооружения, и «неправильными» указаниями высшего командования вступать в открытый бой с противником, и тактикой заброски отрядов извне вместо создания их на местах, и т.п. Все это было, но не это главное.

Российские историки (опираясь на того же Старинова) часто сетуют, что недостаточно использовался опыт Испании, а ценные кадры советских диверсантов (около 3-х тысяч подготовленных к 1936 году) разогнали, постреляли, пересажали. Но заметили ли эти историки, что Управление по формированию партизанских частей использовало именно «испанскую тактику»: формировало отряды на своей территории и выводило их в тыл противника через линию фронта пешим порядком.

Разогнали перед войной 3000 диверсантов? Ну и что? В 1941-м в тыл противника отправили несколько десятков тысяч!

Они были плохо обучены? Правильнее сказать, что вообще не обучены. Вот пример. 27 июня 1941 года по докладу командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова К.Е. Ворошилову ЦК КП(б)Б и штаб фронта «приняли меры по созданию партизанских отрядов и диверсионных групп». Ночью 28 июня полковник Хаджи-Умар Мамсуров* выехал в район

Хаджи-Умар Мамсуров (1903–1968)

---

* В «Энциклопедии шпионажа» (Москва, 1999, с. 196) сказано: «Одним из провалов войны с Финляндией стала операция группы спецназначения численностью 50 человек, которой командовал Хаджи-Умар Мамсуров. Во время гражданской войны в Испании он успешно атаковал со своими людьми транспортные коммуникации и склады армии Франко, но с финнами этот номер не прошел. Мамсуров пытался брать «языков» из числа финских солдат, но безуспешно».

подготовки партизанских кадров, где до утра проводил занятия по тактике диверсионных действий. А утром 29 июня несколько групп общей численностью 300 человек отправились «на выполнение боевых задач в тылу противника». Как видим, этой сверхускоренной «подготовкой» ведал один из «разогнанных перед войной опытнейших диверсантов».

А под Москвой еще один «разогнанный кадр» — майор НКВД Артур Спрогис бросал против немцев горячих, но бестолковых комсомольцев и комсомолок, умевших в лучшем случае попадать в неподвижную мишень из револьвера системы «наган». Зоя Космодемьянская входила в число его «учеников».

Но разве в подготовке было дело? Ну, забросили бы в тыл врага 3000 подготовленных диверсантов, и что? Причина провала 1941 года не в подготовке, не в тактике и не в оснащении, хотя «ляпы» проявились и в этом.

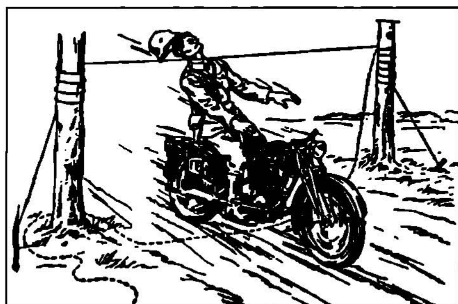

Рисунок из пособия 1942 года «Спутник партизана». Несомненно, составитель пособия Ю. Вебер считал немецких военнослужащих идиотами

Отряды, отправляемые за линию фронта, «все свое несли с собой» — продовольствие, оружие, боеприпасы, медикаменты. Однако «грузоподъемность» человеческого тела невелика: сколько ни возьми, много все равно не выйдет: если больше продовольствия, то меньше боеприпасов и наоборот.

Командование вдобавок ко всему нагружало диверсантов минами (в том числе противотанковыми!) и бутылками с зажигательной смесью КС. А в любом современном пособии по тактике диверсий ясно сказано, что в рейды в тыл противника не следует брать с собой тяжелые противотанковые мины, и вообще мины таскать с собой ни к чему, проще вместо них брать больше взрывчатки, чтобы готовить подрывные заряды на месте. Бутылки КС — вообще глупость, любой пожар можно устроить подручными средствами.

В тех же пособиях по диверсионным операциям можно прочесть, что группам (если только им не поставлена узкоспециальная задача) нет смысла таскать с собой много оружия — ведь оно требует много боеприпасов, а это лишний груз.

Не должны диверсанты атаковать механизированные и бронетанковые колонны войск противника из-за вероятности больших потерь, если только группе не поставлена конкретная задача атаки в специально выбранном удобном месте (например, в горном ущелье). «Их целями» являются совсем другие объекты: штабы, центры связи, крупные мосты, туннели, электростанции, плотины, склады топлива и боеприпасов, самолеты на аэродромах и т.п.

Итак, прибыв на место, отряд советских диверсантов (которых в СССР упорно называли «партизанами») вскоре обнаруживал, что у него подходит к концу продовольствие. Далее следовали два варианта действий, и оба были связаны с деревнями (а где еще добывать продукты?): либо просили еду по-хорошему, после чего мог последовать донос немцам от местных жителей, отнюдь не пылавших любовью к советской власти, либо (в большинстве случаев) продовольствие изымалось принудительно, и тогда донос оккупационным властям следовал обязательно.

Партизанам приходилось срочно менять место дислокации. Но куда идти? Ведь подготовленных баз нет. Начиналось хаотическое блуждание. Отряд не имел радиосвязи, а обстановка на фронте менялась непрерывно*. Диверсанты передвигались пешком, что занимало много времени и вызывало сильную усталость. Василь Быков в повести «Дожить до рассвета» красочно описал, как диверсионная группа, которой приказали взорвать вражеский склад, после множества злоключений и потерь добралась-таки до места назначения, где обнаружила, что склад успел переехать в другое место.

В 1941 году партизанские отряды и группы действовали в основном в интересах армии, поэтому свои боевые задачи они должны были решать в оперативном тылу противника (в прифронтовой зоне). Но вражеские войска до глубокой осени продолжали наступать, поэтому диверсанты повсюду натыкались на них. Это влекло за собой быстрый разгром групп (отрядов).

Так что ссылки И.Г. Старинова на недостаток мин несостоятельны. Дело не в минах, а в отсутствии поддержки населения, в отсутствии продовольствия, а главное — в отсутствии хорошо продуманной стратегии действий. Все ограничилось набором общих грандиозных задач, приводивших к распылению сил и средств.

Тут вот еще что примечательно: советская историография заявляет об *уничтожении* большинства советских партизанских фор-

---

* Даже во второй половине 1943 года переносные радиостанции имели чуть более половины разведывательно-диверсионных групп Разведуправления Генштаба РККА и разведотделов штабов фронтов. О партизанах и говорить нечего.

мирований противником, но в архивных документах немцев нет упоминаний ни об одной специальной операции против партизан с лета 1941 до лета 1942 года. Отсюда вопрос: разгромлены были эти отряды или же *самораспустились*? Пример кавказского региона (речь о нем пойдет во второй части книги) убедительно свидетельствует в пользу именно такого варианта.

В шутку можно сказать, что англосаксы победили в обеих мировых войнах лишь потому, что имели привычку предварять активные боевые действия какой-нибудь конференцией. Прежде чем приступить к действиям, они вырабатывали общие стратегические принципы, определяли приоритетные цели и задачи, методы их решения. Проще говоря, сначала выясняли в процессе ожесточенной дискуссии, *как именно они будут побеждать*, а уж потом приступали к делу (так, вопрос о высадке десанта во Франции был решен еще в начале 1943 года, оставалось лишь определить время, место и необходимые условия).

У Сталина в 1941 году не было никакой стратегии даже для армии, не говоря уже о партизанах. Он не только не знал, как будет побеждать, но вообще не думал тогда о победе. По свидетельству В.М. Молотова, в 1941 году обсуждался только вопрос о том, как далеко придется отступить — за Волгу или за Урал? Резервной столицей государства уже был назначен Куйбышев, туда эвакуировали ряд наркоматов и других учреждений*. Главной «стратегией» того периода являлось ожидание, когда Вермахт сам остановится — Сталин так и сказал: «Должны же они когда-нибудь остановиться». Вождь «прогрессивного человечества» пытался через болгарское и шведское посольства заключить с бывшим другом Адольфом мир на его условиях, пусть с потерей всех оккупированных Вермахтом территорий — этакий «Брестский мир» образца 1941 года.

А поскольку стратегические задачи партизанского движения должны соответствовать стратегическим целям и задачам действующей армии, то при отсутствии у нее четко сформулированной стратегии «генеральная линия» партизанского движения скрывается в тумане. Если командование РККА само «не в курсе» относительно ближней и дальней перспективы, то как определить основные направления помощи армии со стороны партизан?

Не удивительно, что первые инструкции по организации партизанской деятельности содержали массу глупостей и ошибок. Приведем примеры.

---

* Город Самара (в 1935–91 гг. Куйбышев) находится в 850 км на юго-восток от Москвы, за Волгой.

«Утверждаю:

Командующий Северо-Западным фронтом генерал-майор Собенников

Член военного совета Штыков

Инструкции, касающиеся организации и действий партизанских отрядов и диверсионных групп. Общие директивы.

2. В первую очередь партизанские отряды и диверсионные группы должны создаваться в главных районах боевых действий, то есть в районах *наибольшей концентрации противника* (это чтобы их как можно быстрее уничтожили? — *М.П.*).

...Железнодорожные составы можно остановить, разложив на рельсах костер (остановка поезда костром — ненаучная фантастика. — *М.П.*).

...Устраиваемые взводами засады должны располагаться на расстоянии 500–700 метров друг от друга, и огонь должен открываться всеми одновременно по сигналу командира. Командир должен находиться в группе, расположенной в середине, или в группе, которая по ходу движения противника находится ближе всего к нему (расположение засад в полукилометре друг от друга, к тому же при полном отсутствии средств связи, сильно облегчит противнику их уничтожение. — *Авт.*).

...При движении на маршах предпочтение следует отдавать дорогам в полях и лесах (грубая ошибка — дорог следует избегать. — *М.П.*)*.

Интересны инструкции, которые Центральный штаб партизанского движения рассылал советским партизанам. Например, такая:

Охота на немца напоминает охоту на тетеревов. К тетереву надо подкрасться, пока он поет, и сидеть притаившись, когда он замолкает. Тот же метод пригоден и для охоты на немецкого часового. Вооружившись топором, подкрадись к нему в темноте. Если он прогуливается взад и вперед или оглядывается вокруг, стой и не шевелись. Если он стоит задумавшись, постарайся как можно ближе к нему подкрасться. Когда подкрался достаточно близко, внезапно изо всей силы нанеси топором удар по голове. Сделать это надо так быстро, чтобы он не успел вскрикнуть» (Соколов Б.В., с. 118).

С топорами против автоматов и пистолетов?! Ничего не скажешь, круто!

---

* Цитируется по коллективной монографии «Партизанская война. Стратегия и тактика, 1941–1943» (Москва, 2007), с. 300–306.

В книге приведено много цитат из этой монографии, созданной под редакцией профессора Д. Армстронга коллективом историков из университета штата Висконсин. Для экономии места все последующие ссылки на нее обозначены просто «Армстронг».

Те же инструкции требовали от партизан смело атаковать механизированные части противника, когда танкисты и автомобилисты устраивают привал. Видимо, сочинители этого бреда думали, что глупые немцы, завоевавшие половину Европы, даже не догадываются о необходимости выставления караулов и прочих мер предосторожности.

> «Партизаны нападают сразу и на войска фашистов, расположенные в различных частях населенного пункта, и на важнейшие объекты. Если сил для этого недостаточно, истреби сначала вражеские войска, а затем переходи к разрушению отдельных объектов. Уничтожай фашистские войска там, где они находятся, не давай им соединиться, отрезай все пути отхода; бей противника по частям.
>
> Нападение на пункт, занятый противником и приспособленный к обороне, можно совершить в следующем порядке. Головные группы партизан бесшумно снимают часовых или обходят их и внезапно нападают на огневые точки, блиндажи и окопы противника. Они громят живую силу фашистов на внешнем кольце населенного пункта, уничтожают их огневые средства и линии проволочной связи»*...

Как видим, составитель данного наставления солдат и офицеров Вермахта, разгромивших армии десяти стран Европы, считал оболтусами, неспособными оказать надлежащее сопротивление партизанам даже в населенном пункте, заранее «приспособленном к обороне», имеющем огневые точки, окопы и блиндажи, налаженную связь, систему часовых и все прочее. Между тем на протяжении всей войны именно штурм укрепленных населенных пунктов являлся для советских партизан непосильной задачей.

В инструкциях и наставлениях 1941—42 годов можно найти немало и других глупостей. Не будем тратить время на это занятие.

Все познается в сравнении...

А как в аналогичной ситуации поступили хитрые англосаксы?

Летом 1940 года политическое руководство Великобритании пришло к осознанию следующих истин: 1) скорый реванш на поле боя после катастрофы в Дюнкерке невозможен; 2) воздействовать на неприятеля можно и нужно путем экономической блокады, ударами бомбардировочной авиации, а также диверсионными действиями.

---

* Ю. Вебер. Спутник партизана (3-е, дополненное издание). Москва, 1942. // Цитируется по сборнику «Спутник разведчика и партизана», Минск, 2003, с. 352.

Премьер-министр Уинстон Черчилль потребовал от командования вооруженных сил Великобритании развернуть на всей территории оккупированной Европы сеть сопротивления по образцу территориальных подразделений Ирландской республиканской армии в 1916—1923 годах.

Следующим шагом явилось создание органа для руководства подобными действиями. Свои кандидатуры предлагали и военное министерство и SIS (разведка), но британский премьер правильно рассудил, что указанным ведомствам вполне хватает своей работы, они не в состоянии сконцентрироваться должным образом на новых задачах. Приоритет был отдан новому министерству экономической войны, в котором создали специальную структуру для «раздувания европейского пожара» — Управление специальных операций (SOE). Решение сосредоточить руководство диверсионными и партизанскими действиями в специализированном органе было совершенно правильным.

К аналогичному решению советское высшее руководство пришло в конце мая 1942 года, когда руководство партизанскими формированиями поручили штабам партизанского движения регионов. До того момента партизанами пытались руководить партийные органы, органы НКВД, штабы армий и фронтов... Поэтому система в организации партизанских действий на оккупированной территории отсутствовала до самого конца 1942 года — пока штабы создали, пока отряды переподчинили, пока связь с ними установили...

Вот так советская пропаганда изображала действия партизан: «охота на немца напоминает охоту на тетеревов...»

Любое серьезное дело надо сперва хорошо обдумать. Но Сталин первые два года войны в критических ситуациях всегда спешил действовать. Армия терпела одно поражение за другим. И вместо того, чтобы как следует оценить ситуацию и принять правильное решение, вытекающее из размышлений и обсуждений, он норовил бить — неважно куда, главное нанести как можно больше ударов,

пусть даже в пустоту — главное, чтобы весь мир видел, что он не только жив, но и «дергается»*.

В SOE действовать не спешили. Сначала определили важнейшие промышленные зоны Франции, в районе которых планировалось дислоцировать диверсионные группы. Затем занялись подбором и подготовкой агентов, наладили взаимодействие с содействующими ведомствами — в первую очередь с военным министерством и Сикрет Интеллидженс Сервис (SIS) — разведкой. Только после этого приступили к действиям «в поле» — первые агенты французского отделения SOE высадились во Франции в мае 1941 года.

Деятельность SOE тоже имела примечательный характер.

Вооруженные группы в глубь Франции и других оккупированных государств англичане не забрасывали. Налетами на стратегические объекты противника вдоль побережья занимался Корпус комбинированных операций лорда Луиса Маунтбеттена (1900–1979) — морские диверсанты («коммандос»), а в глубине территории — парашютисты («леопарды»). Для боевых операций в тылу итальянских и немецких войск в Северной Африке были созданы моторизованные группы дальнего действия в пустыне и Специальная авиадесантная служба (SAS).

SOE действовало следующим образом. В определенном районе определенного департамента Франции на парашюте, либо прямо с самолета высаживался агент (или группа агентов), иногда с радиостанцией, иногда рацию доставляли позже. Первым делом он (они) устанавливал связь с местными ячейками Сопротивления, затем устраивал явки, прибывали другие члены группы, разворачивалась локальная сеть в этом районе. Создавались запасные радиоточки, намечались пункты выгрузки либо посадки самолетов. Группа высадившегося резидента создавала в соседних регионах новые группы и поддерживала связь с местными партизанскими отрядами («маки»), оставаясь в то же время автономной.

При этом английские агенты не лезли в командиры, чтобы не ущемлять национальные чувства французов (сравните с советскими партизанами, где сплошь и рядом партизанами любой национальности командовали русские). Позже, при подготовке ко дню «Д», партизанские отряды получили много оружия, боеприпасов и взрывчатки, туда прибыли опытные координаторы. К 1944 году вся Франция была покрыта «ячейками» SOE. Германская служба без-

* Эти особенности действий РККА в 1941–1942 гг. хорошо рассмотрены в книгах В.В. Бешанова «Танковый погром 1941 года» (2000 г.) и «Год 1942 — учебный» (2002 г.).

опасности (SD) работала достаточно эффективно, но поскольку локальные «сети» не имели связи друг с другом (общую картину знали только в Лондоне), ликвидация некоторых из них не приводила к разгрому Сопротивления в целом (трагическое исключение в Нидерландах только подтверждает правило). На место выбывшего резидента прибывал другой и создавал новую сеть.

Летом 1942 года уже было решено, что высадка союзников во Франции состоится непременно, поэтому главным в общей стратегии Сопротивления стало всемерное наращивание сил партизанских отрядов «голлистов» (коммунисты ни западным союзникам, ни «Свободной Франции» Шарля де Голля не подчинялись принципиально), чтобы в день «Д» быть готовыми к массированным действиям.

С шашкой и пулеметом против танков — ничего не скажешь, круто! (почтовая марка времен войны)

В то же время Сопротивление постоянно устраивало диверсии против «точечных» объектов — напоминало населению о себе, беспокоило противника и «набивало руку». Но нельзя было допустить разгрома оккупантами основных сил Сопротивления, поэтому партизаны не пускались на авантюры типа «рельсовых войн». Это не имело смысла, вызвало бы массовые репрессии против населения и насторожило противника. Главная цель заключалась в подготовке к тому, чтобы в момент высадки союзников во Франции нанести мощный удар в спину немцам.

Если перенести этот опыт на СССР, становится ясно, что главной целью партизан следовало сделать подготовку партизанских сил к будущему наступлению Красной Армии на всех фронтах. Тогда и результат был бы весомый, и гражданское население на оккупированной территории не понесло бы в 1942—1943 годах множества жертв от карателей с обеих сторон — немецкой и советской.

Глава 2

Партизаны или чекисты?

Специальные отряды и группы органов НКВД и НКГБ сыграли весьма значительную роль в организации «партизанского движения». Можно даже сказать — решающую. Однако многие авторы совершают серьезную ошибку, когда отождествляют их с партизанами. Какое отношение имеют *специальные* формирования, переброшенные из-за линии фронта к *народному подъему?* Никакого.

Упомянем для примера убийство генерального комиссара Беларуси Вильгельма Кубе в сентябре 1943 года. Диверсию осуществила горничная Елена Мазаник, решающую роль в вербовке которой сыграл специальный агент НКВД СССР Николай Хохлов, миной ее обеспечил специальный отряд НКВД СССР «Дима». Он же эвакуировал участников теракта. Тем не менее, убийство Кубе до сих пор приписывается проявлению «гнева беларуского народа» и «беларуским партизанам».

НКВД и «НАРОДНЫЙ ПОДЪЕМ»

Официальная информация о причастности ведомства «народного комиссара» Л.П. Берия к «народному подъему» такова.

> «Активно и целенаправленно в создании партизанских сил действовали органы НКВД-НКГБ. В оперативном подчинении органам НКВД с первых дней войны находились многие тысячи бойцов и командиров истребительных батальонов, развернутых в прифронтовых районах. Эти люди проходили специальную подготовку, в которой большое место было отведено методам и способам партизанских действий на оккупированной территории. Был создан и оперативный орган управления истребительных батальонов во главе с генерал-майором Г.А. Петровым, а на местах — оперативные группы.
>
> Одним из главных аспектов участия органов государственной безопасности в партизанском движении явилась помощь чекистов партийным и советским органам в кадровом подборе в партизанские отряды. С первых дней войны чекистские органы приступили к этой задаче. Уже 26 июня 1941 г. на территории Минской, Могилевской и Витебской областей органами госбезопасности было создано 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека. В их составе оперативных и руководящих работников НКГБ было 539 человек, работников НКВД и милиции — 623 человека» (Высшее пар-

тизанское командование Белоруссии. 1941–1944: Справочник, с. 12).

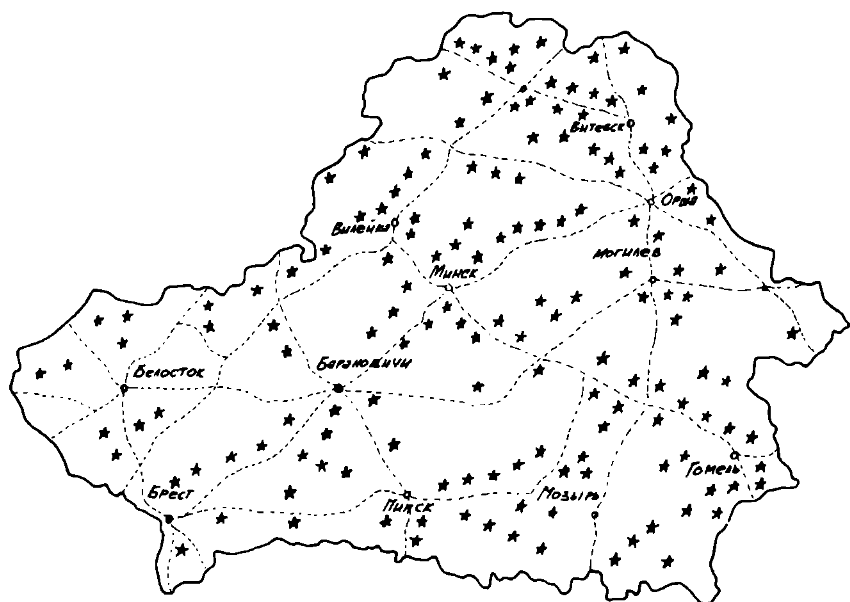
Однако попытка НКВД организовать «партизанщину» в 1941 — первой половине 1942 года старым большевистским способом — путем создания истребительных отрядов из числа горожан для автономных действий в сельской местности, потерпела полный провал. Некоторое представление об уровне подготовки бойцов истребительных батальонов дает доклад заместителя начальника штаба истребительных батальонов майора госбезопасности Александрова в июне 1942 года наркому Берия:

> «Начиная с осени 1941 г. и по настоящее время боевое обучение проводится в недостаточных размерах. (...) В отдельных батальонах Воронежской, Ростовской и Смоленской областей занятия проводятся нерегулярно, а в некоторых совершенно прекращены. Посещаемость занятий бойцами намного ниже, чем в 1941 г., и порой падает до 20–30 %.
>
> Такое явление обуславливается следующими причинами: бойцы, занятые на производстве на нужды войны, освобождаются от работы поздно и не в состоянии после этого посещать занятия. Выходные дни они, если не заняты на производстве, используют для устройства своих личных дел. Партийно-комсомольский актив мобилизуется для проведения в районе политических и хозяйственных мероприятий. Особенно много таких бойцов было привлечено на весенние посевные работы. Бойцы из числа колхозников и учащихся также заняты на полевых работах» (Соколов Б.В., с. 49).

Но здесь речь идет о 1942 годе и о попытках готовить партизанские кадры заранее. А в 1941 году органы НКВД формировали партизанские отряды из числа собственных сотрудников (таковых имелось великое множество) в пожарном порядке (за 2–5 суток). Правда, теперь официально признано, что «борьба в тылу врага не сразу приняла большой размах, не сразу достигла высокой эффективности».

К примеру, более или менее активная диверсионная деятельность чекистских формирований на территории БССР началась с весны 1942 года. По их собственным донесениям, до конца года они пустили под откос 192 вражеских эшелона и 5 бронепоездов, взорвали 37 железнодорожных мостов и 83 шоссейных, разрушили 18528 метров железнодорожного полотна. Отряды и группы чекистов НКВД БССР провели (по их собственным заявлениям) в течение 1942 года 197 боевых операций, в ходе которых разгромили 70 гарнизонов и

штабов противника, убили и ранили 19.249 вражеских солдат и офицеров (это численность почти двух дивизий Вермахта! — *М.П.*), а также 360 полицейских. Кроме того они якобы ликвидировали 16 генералов (!) и «других видных гитлеровских чинов и ставленников», 105 «предателей и изменников», уничтожили 40 различных складов, 64 танка, 44 пушки, 1 самолет, 4 бронемашины, 2 бронетранспортера. «Белорусские чекисты до конца 1942 года сумели фактически создать фронт за линией фронта» — таков вывод «ведомственных историков».

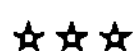

Дислокация отрядов и спецгрупп НКВД–НКГБ, действовавших в разное время на территории БССР

Но многочисленные примеры «из жизни» показывают и доказывают, что ущерб, причиненный чекистами врагу в 1942 году, надо сократить очень и очень значительно. Как минимум — в десять раз. И тогда громкий тезис «фронт за линией фронта» сожмется до той картины, что существовала на самом деле. Имя ей — мелкое вредительство применительно к врагу, беспощадный террор в отношении своего гражданского населения.

На Украине органы госбезопасности с августа 1941 по июнь 1942 года оставили в тылу врага или забросили туда 778 партизанских отрядов и 622 диверсионных группы общей численностью 28.754 че-

ловека. Масштаб совершенных ими «подвигов» еще скромнее, чем в БССР. Но об этом мы поговорим позже.

Вот что пишет Владимир Батшев о чекистах, изображавших партизан:

«Партизанское движение в СССР в советско-германскую войну *не носило народного характера*, а было искусственно создано по приказу Политбюро, чрезвычайно обеспокоенного желанием населения сотрудничать с немцами. Для руководства всей работой в тылу у немцев в июле 1941 года был создано специальное (4-е) управление НКВД, руководителем которого назначили профессионального убийцу и шпиона, заместителя начальника отдела разведки НКВД, комиссара госбезопасности 3-го ранга П.А. Судоплатова.

Все начальники партизанских отрядов, если не являлись кадровыми сотрудниками НКВД, занимали до войны должности секретарей обкомов, райкомов и т. п.

Цель партизанского движения была двойная: 1) помешать мирному сотрудничеству населения с немцами; 2) нанести немцам хоть какой-нибудь вред. Первая цель считалась более важной, чем вторая.

(...) Позднее /в 1942 г. — *М.П.*/ важную роль в организации партизанщины сыграл Берия. События скомпрометировали НКВД и показали его фактическое бессилие на оккупированных территориях. Берия, пытаясь восстановить авторитет якобы всемогущей организации, взял руководство в свои руки. (...) В 1942 году партизаны официально вошли в подчинение Центральному штабу партизанского движения (ЦШПД), который возглавил секретарь ЦК ВКП(б) и первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко.

Здесь я словно спотыкаюсь. А был ли мальчик? Существовал ли этот легендарный и мифический Штаб партизанского движения? Насколько много о нем писали в 50–60-е годы, настолько вдруг замолчали во время “перестройки”. Понятно почему — появились мемуары заслуженных палачей-чекистов, в которых об этой организации не было ни слова.

В чем же дело? Все в том же — в мифе. Вечный страх разоблачения заставлял мерзавцев плодить очередные мифы и легенды. Не могли же они в открытую признаться, что воевали с собственным народом. Потому и придумывали “партизанские штабы”, «партизанские края», партизанские бригады. Но все время проговаривались. С появлением мемуаров Ваупшасова, а потом и Судоплатова легенда о партизанском штабе не только поколебалась, но и оказалась непопулярной.

Почему? Да потому, что никогда бы великий стратег и полководец Сталин не позволил бы, чтобы деятельность его клевретов в тылу врага проводилась из разных органов. Тогда сложнее было бы дергать за нужную ниточку. А Сталин не любил сложностей. Поэтому 4-е управление НКВД СССР и есть та организация, которая скрывалась за мифическим эвфемизмом — Центральный штаб партизанского движения, Украинский штаб партизан, Белорусский и т.п.

Разумеется, существовали эти бюрократические структуры — как же без них в бюрократической системе. Но существовали де-юре. Де-факто же функционировал НКВД. Все оперативное руководство партизанами вело 4-е управление НКВД СССР под руководством (...) П.А. Судоплатова и его заместителей. Судоплатов, а не Пономаренко решал стратегию и тактику партизанского движения. Не на Старой площади, а на Лубянской принимались решения. Судоплатов пишет:

/ЦШПД/ «выполнял, в основном, лишь координационные функции, не ведя агентурной разведки в тылу германских войск без взаимодействия с военной разведкой и контрразведкой. Некоторую самостоятельность проявили лишь активисты партии и комсомола, которые большей частью вели пропагандистскую работу в тылу противника. И все они полагались на конспиративное обеспечение своей деятельности по линии нашей военной разведки и НКВД».

Партизанская война, разожженная Москвой, была направлена не столько против немцев, сколько против собственного населения в немецком тылу, и приобрела характер не столько войны с чужеземным агрессором, сколько гражданской войны.

Кто же непосредственно и лично разжигал эту войну?

А те самые "руководители оперативных групп", о которых мы писали в самом начале.

(...) Генерал-майор в отставке Е. Телегуев, заместитель председателя комиссии по делам бывших партизан, пишет:

«Партизанские отряды и группы ОМСБОНа существенно отличались от других отрядов, которые возникали на оккупированных территориях. Объективно они не были так подготовлены к ведению борьбы, как мы. У нас каждый отряд с момента перехода линии фронта имел радиосвязь с центром. Каждый боец прошел полный курс саперной подготовки. В нашем распоряжении имелась техническая база для диверсионной работы».

Замечаете, как генерал подчеркивает "у нас", "наши отряды", "наши бойцы", то есть отделяет бойцов отрядов НКВД от прочих партизан. То же подчеркивал и С. Ваупшасов:

“Мы сняли белые маскхалаты, они были уже ни к чему, снег сошел, и остались в привычном защитного цвета красноармейском обмундировании с красными звездочками на шапках и полевыми петлицами на воротниках”.

Посмотрите на фотографии, на людей в военной форме и вам сразу станет ясно, кто и где готовил этих “партизан”. Разведчиками, то есть людьми, которые профессионально занимаются разведкой, работников НКВД назвать нельзя. Нам с вами понятно, что ваупшасовы — орловские — рабцевичи были профессиональные чекисты, сотрудники ЧК — ГПУ — НКВД с большим стажем. (...)

Все названные генералом Телегуевым чекисты еще в 20-е годы занимались “партизанщиной” на территории Польши. Население не поддерживало коммунистических партизан и регулярно доносило об их появлении жандармам. Чекистские отряды уходили за “кордон”, то есть на территорию СССР. Отдохнув, снова переправлялись через границу, пытались дестабилизировать обстановку в восточных областях Польши. В советской печати это называлось красивыми словами “борьба польских крестьян и рабочих против капиталистов”. Сегодня мы их называем “специалисты по организации подрывных действий».

(...) Генерал /Судоплатов/ признается, что никакого подполья в городах не было, а создавалось оно НКВД. А то, что разворачивалось партизанское движение, то «разворачивали» его (на жаргоне НКВД) именно агенты Судоплатова. Разворачивали всем известным способом: стреляли в спины немецких солдат (если бы эсэсовцев! если бы гестаповцев!). И вызывали ответные репрессии против мирного населения. Как тут не вспомнить сталинский приказ № 0428! Вторая гражданская война полыхала на всей территории, занятой немцами».

Как, например, НКВД создавало соединение, известное под названием «Путивльское соединение Ковпака»?

Задолго до занятия Путивля немцами, НКВД приступил к организации партизанского отряда. В рядах чекистов, работников милиции, военных, партийцев — не нашлось подходящей кандидатуры, и Ковпак был назначен командиром отряда. Комплектовался он из физически выносливых, грубых и испытанных работников и сексотов НКВД...

В ближайшем Спащанском лесу спешно рыли землянки для складов. Завозили продовольствие, оружие, взрывчатку. В городе организовали сеть наблюдателей, явочные квартиры, связных и пр. Первый месяц после вступления немцев прошёл спокойно. Страсти разгорелись после ареста и расстрела 20 партизан. От них же гестапо

и узнало точное расположение отряда в лесу. В ближайшее воскресенье, в базарный день, на глазах большого стечения людей было повешено несколько партизан.

Партизанский отряд лишь возглавлялся Ковпаком. Все оперативные задания разрабатывались командирами Красной Армии и комиссаром-чекистом Базымой. Непосредственно отряд подчинялся Москве. Существовала радиосвязь. Комплектование отряда кадрами, снабжение новейшим оружием и руководство диверсионными актами шло из Москвы. Для подготовки крупных операций Ковпак летал в Москву (а почему бы и нет?).

Партизанам около Путивля делать было нечего, и они уходили в глубь брянских лесов. Временами снова появлялись. Взрывали небольшие мостики через Сейм, которые немцы быстро восстанавливали. По ночам посещали дома жителей, отбирали одежду, продовольствие, обувь, уводили здоровых мужчин. Одних оставляли партизанить, а других расстреливали. Страдало от партизан гражданское население, но не немецкие солдаты. На протяжении двух лет, гарнизон в Путивле и окрестностях вместе с комендатурой не превышал 20 человек!

Население ближайших к лесу сёл жило двойной жизнью. Днём оно совместно с избранными старостами подчинялось немецкому командованию и районной управе. Ночью же подчинялось партизанам: производило выпечку хлеба, ремонт обуви и одежды, стирало бельё и т. д. По ночам в школах устраивались собрания, выступали политруки, велась пропаганда, запугивание»...

Слово о 4-м управлении

Уже в первую неделю войны в Наркомате внутренних дел СССР было создано 4-е управление во главе с майором госбезопасности Павлом Судоплатовым*. Управлению поручили организацию диверсионно-разведывательной и партизанской борьбы против вооруженных сил Германии и ее союзников.

Одновременно в Москве началось формирование специального войскового соединения, получившего название «войска Особой группы при Наркоме НКВД». Войска Особой группы состояли из двух бригад, делились на батальоны и отряды, отряды — на спецгруппы. С 26 июня соединение возглавил комбриг Павел Богданов (1901–1973). В октябре 1941 года войска Особой группы были пере-

* В 1930–1940-е годы в СССР звания сотрудников органов госбезопасности на три ступени превышали аналогичные армейские звания. Звание майора госбезопасности соответствовало званию генерал-майора РККА.

формированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД.

Общая численность бригады первоначально составила 10500 человек. В нее вошли: 1) секция управления (штаб); 2) два мотострелковых полка трехротного состава (в роте три стрелковых взвода, один пулеметный взвод); 3) минометная и противотанковая батареи; 4) инженерно-саперная рота; 5) парашютно-десантная рота; 6) рота связи; 7) автомобильная рота; 8) служба материально-технического обеспечения.

На основе подразделений бригады формировались самостоятельные отряды для действий на отдельных участках фронта (до 1000–1200 бойцов) и спецгруппы (от 3 до 10 человек) для заброски в тыл противника. 4-е Управление НКВД СССР за годы войны на базе ОМСБОН сформировало 212 спецотрядов и более 2 тысяч спецгрупп общей численностью до 15 тысяч человек (в том числе 7316 омсбоновцев). По официальным данным, они провели 1084 боевые операции (в среднем, всего лишь 0,49 на одно формирование — *М.П.*).

В ходе боевых действий бойцы ОМСБОНа якобы уничтожили 136 тысяч вражеских солдат и офицеров, 87 представителей германской администрации разного уровня, более 2000 «немецких агентов» и «пособников врага», заложили 50 тысяч минных полей, пустили под откос 1415 воинских эшелонов противника, взорвали 335 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили 51 самолет, осуществили более 400 других диверсионных актов.

Начальник 4-го управления НКВД СССР Павел Судоплатов (1907–1996)

Вот что писал П.А. Судоплатов относительно ОМСБОН в своих мемуарах «Спецоперации: Лубянка и Кремль, 1930–1950 гг.»:

> «Первоначальной задачей бригады была разведывательно-диверсионная деятельность на важнейших коммуникациях противника, ликвидация вражеской агентуры. Однако вскоре к этим задачам прибавилась гораздо более важная. ОМСБОН был призван стать

* Получается, что в среднем за одну операцию чекисты убивали 125–126 врагов, или по 9 человек на одного бойца. То и другое — несусветное вранье. — *М.П.*

ядром разворачивающегося партизанского движения, оказывать ему всестороннюю помощь, создавать подполье в городах. За годы войны в тыл врага Четвертым управлением было заброшено 212 отрядов и групп специального назначения общей численностью около 7500 человек».

Но в другом месте он пишет:

«В тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек. Двадцать три наших офицера получили высшую правительственную награду — им присвоили звание Героя Советского Союза. Более восьми тысяч человек наградили орденами и медалями».

Так сколько чекистов забросили во вражеский тыл — 2000 оперативных групп общей численностью 15 тысяч человек или 212 отрядов численностью 7500 человек? Или 2000 групп и 212 отрядов общей численностью 22500 человек? Или эти путанные данные завышены в два-три раза?

...Известно, что только в 1943–44 годах НКВД подготовил 3 тысячи командиров партизанских отрядов и специальных диверсионных групп, которые были заброшены в немецкий тыл. Их было большинство — кадровых профессиональных чекистов, людей без чести и совести, палачей и убийц, мерзавцев и негодяев среди нескольких десятков тысяч партизан на занятой немцами территории».

(В. Батшев. Партизанщина: мифы и реалии).

«В неоднократно упоминаемом сталинском приказе № 0428 от 17 ноября 1941 года приказывается, чтобы все населенные пункты на расстоянии 40–60 км вглубь от линии фронта и на 20–30 км по левую и правую сторону от дорог, в которых находятся вражеские войска, были сожжены и разрушены. Для уничтожения населенных пунктов в означенном радиусе Сталин приказывал использовать команды разведчиков-лыжников и партизанские группы, которые должны быть переодеты в трофейную форму германского Вермахта и войск СС.

Далее приказ предупреждал, “чтобы после каждой «карательной экспедиции» оставались свидетели, которые затем смогут поведать о злодеяниях фашистов. Это возбудит ненависть к фашистским оккупантам, облегчит вербовку партизан в тылу врага”. (...)

“Формирования, занятые в этом смелом предприятии, должны состоять из мужественных бойцов, которые должны быть представлены к правительственным наградам”...

Это и было основной задачей спецотрядов НКВД: уничтожать деревни, крестьяне которых отказываются помогать советским партизанам».

(Батшев. Партизанщина: мифы и реалии)

Штаб — всему делу голова

Партизанская война, как и любая другая, требует соответствующей организации. А за организацию призван отвечать штаб.

К середине 1942 года стало ясно, что враг пришел на землю СССР надолго и организовывать партизанскую войну тоже следует основательно.

«Вопрос о создании централизованного руководства партизанским движением, который ставили все ЦК и обкомы партии оккупированных областей и республик, а также некоторые военные советы фронтов, Сталин считал правильным и своевременным...

Пономаренко (в конце декабря 1941 г. — *Авт.*) было предложено ознакомиться с материалами Главного управления формирований НКО, которое по поручению ЦК партии тоже разрабатывало вопросы партизанского движения, высказать по ним свое мнение. Эти материалы состояли из проекта приказа наркома обороны СССР, постановления ГКО «О создании партизанских армий» и сопроводительной записки, которые были направлены в Политбюро ЦК ВКП(б) 7 декабря 1941 г.

Пономаренко с предложениями не согласился, заявив, что речь идет не об организации народного партизанского движения, а о формировании армий, которые, по его мнению, следует ввести затем на оккупированные территории для партизанских действий.

Сталин заметил, что ЦК ВКП(б) отклонил эти предложения как нереальные, не соответствующие обстановке и задачам организации народной борьбы в тылу врага, и предложил Пономаренко немедленно приступить к организации Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего и возглавить его.

В декабре 1941 г. и в первой половине января 1942 г. работа по созданию Центрального и республиканских штабов партизанского движения шла полным ходом. Но 26 января 1942 г. по решению ГКО она была приостановлена. Как выяснилось впоследствии, *руководство* НКВД СССР (разрядка моя — *Авт.*) подало Сталину записку, в которой доказывало нецелесообразность создания ЦШПД. Это мотивировалось тем, что якобы стихийные, разрозненные партизанские выступления населения не могут быть охвачены руковод-

ством. Высказывалось сомнение, что партизанские диверсии могут дать оперативный эффект. Подчеркивалось, что подобные операции под силу только квалифицированным диверсантам...

Важным явилось указание НКВД СССР «Об организации деятельности в тылу противника партизанских отрядов, истребительных и диверсионных групп» от 6 декабря 1941 г. К 18 января 1942 г. на учете в 4-м управлении НКВД СССР, в функцию которого входила и организация партизанского движения, состояло 1798 партизанских отрядов (70.796 бойцов и командиров) и 1153 разведывательно-диверсионных группы (97.143 разведчика и подрывника). НКВД осуществлял и финансирование партизанской борьбы вплоть до середины 1942 г., когда эти функции были переданы Центральному штабу партизанского движения»

(Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944: Справочник, с. 10–11, 13).

Ой ли? Неужели НКВД действительно выпустило «партизанское движение» из рук и безропотно передало другому органу?

Главный «партизанский стратег» Страны Советов — Пантелеймон Пономаренко

«Представители органов государственной безопасности принимали также непосредственное участие в работе Центрального и местных штабов партизанского движения. Так, ***пять из шести фронтовых штабов партизанского движения возглавили именно чекисты*** (выделение мое. — *М.П.*). Заместители командиров партизанских формирований по разведке, как правило, были сотрудниками госбезопасности».

(Там же)

Тогда зачем вообще создавались все эти центральные и местные штабы, если руководство по-прежнему находилось фактически в руках НКВД? Попробуем разобраться.

Совершенно очевидно, что при организации партизанских действий в интересах регулярных войск невозможно было обойтись без центрального штаба — стратегического и оперативного органа руководства партизанскими силами. Он должен был дислоцироваться на территории, недосягаемой для противника, располагать средствами связи с подчиненными ему формированиями, иметь широкие возможности по обеспечению партизанских отрядов кадрами

специалистов, вооружением и техникой, средствами их доставки и т.д.

Представители высшего военного командования пришли к выводу о необходимости создания централизованного руководства партизанскими силами страны. Так, 24 мая 1942 года командующий артиллерией РККА, заместитель наркома обороны генерал-полковник Н.Н. Воронов обратился к Председателю ГКО И.В. Сталину с предложениями о создании единого центра по руководству партизанскими и диверсионными действиями. Сущность предложений Воронова сводилась к следующему:

> «Создать единый центр по руководству партизанской борьбой в виде партизанского фронта с командующим фронтом и его штабом (таким командующим стал маршал Клим Ворошилов — *М.П.*); командование партизанского фронта подчинить непосредственно Ставке ВГК; во всех фронтовых объединениях регулярных войск иметь оперативные группы по руководству партизанскими действиями.
>
> Кроме того, заместитель наркома обороны вполне обоснованно предлагал наиболее крупные партизанские формирования обеспечить радиосвязью с опергруппами фронтов, а также изменить тактику партизанских действий, от крупных отрядов перейти к действиям многочисленных мелких неуязвимых групп и отрядов» (Там же, с. 19).

Да, на бумаге гладко. Но не все так просто как кажется. Любой крупный штаб, предназначенный для руководства боевыми операциями, должен иметь в своем составе следующие управления:

— оперативное;
— разведывательное;
— боевой подготовки;
— связи;
— военно-транспортное (включая инженерную службу);
— снабжения;
— административное.

Имелись подобные структуры и в Центральном штабе партизанского движения:

> «Вначале в структуру ЦШПД входили командование, секретариат и отделы: оперативный, информационно-разведывательный, подготовки партизанских кадров, материально-технического обеспечения и общий» (Там же, с. 20).

Только кто возглавлял эти основные отделы?

«ЦШПД и фронтовые штабы создавались по принципу представительства. В состав руководства Центрального штаба партизанского движения были введены: от ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко, назначенный начальником ЦШПД, его заместителями: от НКВД СССР — нарком внутренних дел УССР В.Т. Сергиенко, от Разведуправления НКО — генерал Т.Ф. Корнеев» (Там же).

П.К. Пономаренко в компании партизанских командиров. Обратите внимание – все они офицеры в воинской форме

То есть, наряду с «комиссаром» Пономаренко главные роли в ЦШПД играли чекисты Сергиенко и Корнеев. Тут нужно учесть, что «зиц-председатель» Пономаренко совмещал сразу две подобные должности — помимо ЦШПД, он возглавлял еще и Белорусский штаб партизанского движения. Естественно, что фактически осуществлять руководство боевыми операциями он не мог, даже если бы умел. Если перебрать ближайших коллег Пантелеймона Кондратьевича по БШПД, то картина получается следующая.

Из 14 человек, занимавших в БШПД высшие руководящие должности, 10 являлись партийными чиновниками аппарата ЦК КП(б)Б разного уровня (П.К. Пономаренко, П.З. Калинин, И.П. Ганенко, И.М. Дикан, В.И. Закурдаев, И.М. Кардович, И.А. Крупеня, И.И. Рыжиков, А.С. Шавров, Г.Б. Эйдинов).

Лишь четверо руководителей БШПД к началу войны были военнослужащими. При этом А.Ф. Бардадын являлся военным комиссаром отдельного саперного батальона 229-й стрелковой дивизии Западного фронта, а до мобилизации он также подвизался на партийной работе.

И.Н. Артемьев, военинженер 1-го ранга, служивший в свое время в Разведывательном управлении Генштаба РККА, был специалистом по связи, в БШПД он отвечал за организацию радиосвязи с партизанскими отрядами и группами, а также за подготовку и направление в тыл противника радистов и радиооператоров.

Бывший старший помощник начальника оперативного отдела штаба Западного особого военного округа (позже — Западного

фронта) подполковник А.А. Прохоров связался с «партизанами» почти случайно: в апреле 1942 года командующий Западным фронтом Г.К. Жуков преобразовал группу офицеров разведотдела штаба фронта, занимавшуюся организацией партизанских действий в полосе Западного фронта, в специальное отделение. Руководить этим отделением и назначили А.А. Прохорова.

Наконец, бывший помощник начальника оперативного отдела 330-й стрелковой дивизии 10-й армии Западного фронта А.А. Архангельский получил новую должность (помощника начальника оперативного отдела Западного штаба партизанского движения) после ранения и излечения в госпитале.

Словом, не только ЦШПД, но и БШПД являлись, по сути, совещательными органами, мало влиявшими на организацию партизанского движения в тылу врага.

Но зачем Сталину потребовались все эти *вывески* под названиями ЦШПД, БШПД и прочими? Зачем, если, как и прежде партизаны фактически находились под контролем Наркомата внутренних дел?

Во-первых, события 1941 года наглядно показали, что НКВД в рамках текущего военного конфликта решает слишком много разных задач и сконцентрироваться на организации партизанской деятельности не может. Поэтому для разгрузки ведомства Берия были созданы все эти «штабы», которые напичкали сотрудниками НКВД.

Во-вторых, Сталин, объявивший войну *народной*, и пропагандировавший *народный* подъем в тылу врага, прекрасно представлял себе нелюбовь этого самого народа к чекистскому ведомству. Дабы не дискредитировать в глазах населения нарождающееся «партизанское движение», НКВД было прикрыто штабами партизанского движения словно ширмой, да еще с налетом некоторой «самостийности» — чтобы потрафить национальному самосознанию: Белорусский штаб, Украинский штаб...

УЩЕРБНОСТЬ МЕЛКИХ ГРУПП

Что касается идеи многочисленных мелких отрядов, то в этом пункте Воронов был неправ.

Как уже сказано выше, малые группы (пусть даже хорошо подготовленные) в принципе неспособны вести крупномасштабную партизанскую войну — у малых групп малые возможности. Невелика огневая мощь вооружения, невелик запас переносимых на себе боеприпасов и продовольствия. Очень скоро продовольствие будет израсходовано и пришлая группа неизбежно начнет совершать набеги на окрестные деревни с целью изъятия продуктов — потому что

толпу здоровых мужиков добровольно никто кормить не станет. Скоро кончится и боезапас, а гонять самолеты ради двух-трех десятков человек Москва не хотела, да и не могла.

Через некоторое время командир группы обнаружит, что в списке приоритетных акций грабеж деревень устойчиво занял первое место. Затем неизбежно начнется деморализация (контроль «сверху» отсутствует; задачи поставлены настолько широкие, что невыполнимы; жрать хочется все время, вдобавок хочется выпить и тянет к женщинам). Деморализация столь же неизбежно влечет дезертирство. Именно такой была судьба почти всех партизанских отрядов и групп, заброшенных на оккупированную территорию в 1941 году.

Действия малых диверсионных групп могут принести успех лишь в том случае, когда они подчинены решению конкретных узких задач, причем в этом случае их надо выводить на свою территорию после каждой очередной операции. Именно так действовала британская SAS (специальная авиадесантная служба) в Африке, атакуя конкретные вражеские аэродромы. После каждого очередного рейда (неважно, успешного или нет) группы возвращались на свою территорию.

Небольшая партизанская группа в засаде (скорее всего,постановочная фотография)

Финны во время Зимней войны (декабрь 1939 — март 1940 гг.) выводили в оперативный тыл советских частей группы численностью от 5 до 30 человек (отделение — взвод). Эти группы вели наблюдение за транспортными линиями, выявляя узкие места на трассах и сообщая разведданные по радио в штабы фронтовых частей. Нападения на одиночные автомашины и другие диверсии совершались только с целью получения разведданных, захвата документов, карт, «языков».

В момент начала активных операций финских армейских группировок, указанные группы *по сигналу из штаба* атаковали совет-

ские транспортные колонны в заранее выявленных «узких местах», создавая многокилометровые «пробки» и вызывая панику. Подчеркиваем, что все это совершалось в интересах действующей армии, при непосредственном взаимодействии с ней. Группы использовали хорошо замаскированные базы, которые постоянно меняли. А когда подходили к концу запасы продовольствия, они возвращались на свою территорию.

Но описанные действия относятся к категории разведывательно-диверсионных, имеющих мало общего с партизанским движением.

Возможности же крупного (пусть даже слабо подготовленного) партизанского отряда на порядок выше, чем у малой группы — и в плане огневой мощи, и в плане выживания (особенно если в него входят местные жители). Такой отряд может занять свободный от вражеского присутствия район и обложить данью (в смысле, «продналогом») близлежащие деревни — что сплошь и рядом практиковалось в действительности.

К примеру, все это хорошо понимал опытный террорист (имевший более 20 лет стажа) Кирилл Орловский. В июне 1942 года он сформировал и возглавил разведывательно-диверсионную группу из сотрудников НКВД, которую только в конце октября забросили на оккупированную территорию БССР.

Обосновавшись в заранее избранном районе Пинской области, он назвал ее «партизанским отрядом имени товарища Берия» (позже в литературе отряд задним числом «переименовали» в «Соколы») и тут же принялся «укрупнять» его за счет «местных ресурсов». За полгода (к маю 1943 г.) Орловский развернул свой отряд в бригаду, состоявшую из трех отрядов.

Глава 3

Анатомия «народного подъема»

Несмотря на все откровения бывших чекистов и разоблачения нынешних исследователей, легенда о «всенародной войне против оккупантов» все еще жива. Согласно ей, «ядро партизанских отрядов состояло из местных коммунистов и окруженцев». Затем к ним присоединились беглецы из концлагерей, горевшие желанием мести. Потом и население разглядело «звериную сущность фашистов» и стало толпами вливаться в ряды партизан. Вот что пишет московский автор:

«Очень скоро ряд факторов, и прежде всего жестокая оккупационная политика немцев и бесчеловечное обращение с пленными, способствовали появлению на оккупированной территории многочисленных партизанских отрядов. Ядром партизанских отрядов становились группы красноармейцев-окруженцев, во главе с каким-нибудь энергичным командиром или комиссаром. Также многие бежавшие из плена, насмотревшись на ужасы концлагерей, приходили к партизанам... Но вскоре к ним добавились и местные уроженцы... Очень скоро они познали все прелести «нового порядка», в рамках которого неарийское славянское население признавалось «недочеловеками», людьми второго сорта, и подвергалось соответствующему обращению» (Соколов Б.В., с. 28–29).

Исследователи партизанского движения допускают существенную ошибку, не вникая в мотивацию представителей тех «социальных групп», из которых состояли партизанские формирования. Известны пять основных групп, а именно:

1) Партийно-советская номенклатура районно-областного звена.

2) Сотрудники органов НКВД, формировавшие отряды на своей территории с последующим выводом в тыл противника, или забрасываемые туда с помощью авиации («организаторы»).

3) Офицеры, политработники и солдаты разбитых частей РККА, пограничных и внутренних войск НКВД («окруженцы»).

4) Военнопленные, бежавшие из сборных и концентрационных лагерей.

5) Местные жители.

Рассмотрим их по порядку.

Номенклатура

Итак, целый ряд авторов продолжает до сих пор твердить о вооруженном сопротивлении оккупантам — *народа*. Так пусть укажут нам хотя бы одну «Василису Кожину», то бишь представителя «простого народа», создавшего отряд на почве лютой ненависти к нацистам*. Я никогда о таких не слышал, организаторами и командирами советских партизан были только «правильные люди».

С одной стороны, все они являлись коммунистами или комсомольцами, сотрудниками спецслужб либо номенклатурой районного (иногда областного) уровня. С другой — большинство не имело

---

* Василиса Кожина — крепостная крестьянка из Смоленской губернии, которая в 1812 году создала отряд самообороны из односельчан, уничтожавший или захватывавший в плен мелкие подразделения отступавшей французской армии.

никакого отношения к тому народу, на чьей земле они воевали, интересы которого якобы «отстаивали».

Официальная беларуская историография подчеркивает сегодня не тот факт, что большинство партизанских командиров были «коммунистами», но их беларуское происхождение. Именно на этом основании они делают вывод, что на борьбу против оккупантов поднялся «весь беларуский народ». Но, во-первых, «партаппаратчики» — не народ, а очень маленькая часть населения. Во-вторых, наличие беларусов среди партизанских командиров объясняется другой причиной — все эти командиры до войны были руководителями *низового* уровня.

Анатолий Великий в статье «КПБ и национальный вопрос» (альманах «Деды», выпуск 3, 2010, с. 160–166) убедительно показал, что в конце 1920-х годов в БССР беларусы среди «ответственных работников» городских, уездных и окружных партийных органов составляли явное меньшинство. Зато на низовом уровне — в райкомах партии и исполкомах советов депутатов — доля беларусов была от 45 до 50 %. К началу «Великой Отечественной» ситуация оставалась практически такой же.

Через несколько дней после начала войны высшие чиновники партийно-государственного аппарата покинули республику*. Но секретари сельских и городских районных партийных комитетов такой роскоши не могли себе позволить. В Москве их никто не ждал, оставалось одно — идти в лес. Ведь немцы ликвидировали «комиссаров» наряду с евреями. Вот чем объясняется тот факт, что среди партизанских командиров были и беларусы**.

Чтобы не быть голословным, рассмотрю персоны некоторых «ответственных сотрудников Белорусского ШПД», созданного 9 сентября 1942 года.

Начальник Центрального ШПД и по совместительству начальник БШПД Пантелеймон Пономаренко (1902–1984), первый секретарь ЦК КПБ в 1938–46 годах — этнический украинец, уроженец хутора Шелковский в Краснодарском крае. Окончил в Москве институт инженеров железнодорожного транспорта (1932 г.). С 1922 года находился на комсомольской работе, с 1937 — сотрудник аппарата ЦК ВКП(б).

---

* Из Минска все республиканское руководство эвакуировалось в Могилёв уже 24 июня, на третий день войны. А оттуда оно достаточно скоро перебралось в Москву.

** Подробно командный состав беларуского партизанского движения представлен в справочнике «Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944» под редакцией доктора исторических наук Э.Г. Иоффе (Минск, 2009).

Его заместитель (с сентября 1942 года начальник БШПД) Петр Захарович Калинин (1902–1966) — беларус, «на советской и партийной работе» с 1926 года, с июня 1941 года — второй секретарь ЦК КПБ.

Первый заместитель начальника БШПД Григорий Борисович Эйдинов (1908–1977) — еврей из Баку, комсомольский работник с 15-летнего возраста. Накануне войны — третий секретарь ЦК КПБ и член бюро ЦК КПБ.

Иосиф Иванович Рыжиков (1893–1979) — из Оршанского уезда, в 1918 году был уполномоченным ЧК и Особого отдела 7-й армии. В 1937–39 гг. он нарком лесной промышленности БССР, с 1939 года — нарком промышленности стройматериалов БССР, затем первый секретарь Гродненского обкома партии.

Иван Петрович Ганенко (1903–после 1993) — украинец, родом из Елизаветграда (Кировограда). Накануне войны — заведующий отделом стройматериалов ЦК КПБ.

И так далее, сплошь чиновники партийно-советского аппарата, свыше половины из 83 членов «Белорусского штаба» — уроженцы не Беларуси, а других республик.

Одним словом, коммунисты-номенклатурщики, военнослужащие, сотрудники НКВД. «Народным представительством» среди руководства партизанского движения в БССР даже не пахнет.

Аналогично выглядела ситуация на Украине.

Начальник БШПД П.З. Калинин

Т.А. Строкач (уроженец Приморского края) — с 1942 года начальник Украинского штаба партизанского движения. С 1923 года служил в пограничных войсках. В октябре 1940 года занял пост заместителя наркома внутренних дел УССР.

В.А. Бегма (начальник Ровенского штаба партизанского движения) — с 1928 года «на комсомольской, профсоюзной и руководящей партийной работе».

С.А. Ковпак — председатель Путивльского горисполкома.

Д.И. Медведев (уроженец села Бежица Брянской области) — чекист.

В.А. Молодцов (из села Сасово Рязанской области) — чекист.

М.И. Наумов (из Пермской области) — чекист.

С.В. Руднев — выпускник Военно-политической академии, с 1929 года побывал полковым и бригадным комиссаром.

А.К. Флегонтов — майор НКВД.

А.Ф. Федоров — 1-й секретарь Черниговского обкома КП(б)У.

В общем, отыскать среди этих мужчин «Василису Кожину» не удастся. Отсюда логический вывод: «занятия партизанским делом» у персон первой группы являлись исполнением *служебных обязанностей.* Не может быть и речи о том, чтобы партработники и чекисты (до войны выражались более откровенно — сотрудники *карательных органов*) выражали интересы народа, выступали его защитниками.

«Актив», или «номенклатура низшего звена»

Непонимание того, кто организовывал советские партизанские отряды, кто ими командовал, проистекает от непонимания реальной структуры тогдашнего советского общества. Нынешний обыватель воспринимает тогдашние события через призму дня сегодняшнего — мол, люди тогда были такие же, что и нынче, только одеты похуже. Увы, хуже было абсолютно всё.

Жесткую структурированность советского общества на три основных класса отметил писатель Игорь Бунич (1937–2000): элита — прослойка — быдло:

> «Именно так понимали социализм еще древние мыслители — не чета нам: элита, стража, рабы. Стража находится между элитой и рабами. Плохой страж уходит в рабы, хороший — в элиту. «Ни то ни се» — умирает на боевом посту. Любой член элиты может утром проснуться рабом или стражем, раб имеет возможность выбиться в стражи, но в элиту никогда! Самое главное тут — правильный подбор кадров для элиты и выбор мифов для воспитания стражей и рабов. Это подчеркивал еще старик Платон!» (Бунич И. Операция «Гроза». Кровавые игры диктаторов. М., 2008, с. 30–31).

Наиболее адекватную характеристику советского общества дал его непосредственный наблюдатель и исследователь Иван Солоневич (1891–1953), бежавший в 1934 году из Беломоро-Балтийского лагеря в Финляндию.

Сразу оговорюсь, что монархические взгляды, а также «западнорусизм» Солоневича мне совершенно чужды. Тем не менее, харак-

теристика структуры авторитарного советского общества, которую дал Солоневич на страницах своей книги «Россия в концлагере» исключительно точна (я рекомендую прочесть эту книгу всем, кто полагает, что жизнь в СССР в ту пору была почти такой же, как в 1960–1980-е годы, только чуть беднее).

Основу пирамиды составляла бесправная, голодная, сажаемая и расстреливаемая рабоче-крестьянская масса. У нее на плечах размещалась маленькая кучка партийной элиты. А между этими полярными группами располагалась *прослойка*, которую Солоневич метко назвал *активом* («приводной ремень к массам» или «твердой души прохвосты») — представители низов, стремящиеся пролезть в ряды элиты, и готовые ради этой цели на все.

> «Нужно иметь в виду, что в среде «советской трудящейся массы» жить действительно очень неуютно. Де-юре эта масса правит «первой в мире республикой трудящихся», де- факто она является лишь объектом самых невероятных административных мероприятий, от которых она в течение 17 лет не может ни очухаться, ни поесть досыта. Поэтому тенденция вырваться из массы, попасть в какие-нибудь, хотя бы относительные верхи, выражена в СССР с исключительной резкостью» (Солоневич И.Л. Россия в концлагере. Минск, 2010, с. 111).

Главный путь «наверх» пролегал в области «общественно-административной активности», то есть в сфере управления. Но при этом был структурирован и сам «актив», в нем тоже существовали верхнее, среднее и низшее звенья. Низшую ступень актива составляли выходцы из простого народа, наиболее ретиво стремившиеся «из грязи в князи».

> «Советская власть платить вообще не любит. Индивидуально ценный и во многих случаях практически трудно заменимый спец как-то пропитывается, и не голодает не воруя. Актив может не голодать только за счет воровства. Он и подворовывает, конечно, в нищенских советских масштабах, так, на фунт мяса и на бутылку водки, по такой примерно схеме:
>
> Ванька сидит председателем колхоза, Стёпка в милиции, Петька, скажем, в Госспирте. Ванька раскулачит мужицкую свинью и передаст ее милиции. Выходит как будто и легально: не себе же ее взял. Милицейский Стёпка эту свинью зарежет, часть отдаст на какие-нибудь мясозаготовки, чтобы потом, в случае какого-нибудь подсиживания, легче было отписаться, часть в воздаяние услуги даст тому же Ваньке, часть в чаянии дальнейших услуг препроводит Петьке.

Петька снабдит всю компанию водкой. Водка же будет извлечена из акта, в котором будет сказано, что на подводе Марксо-Ленинско-Сталинского колхоза означенная водка была перевозима со склада в магазин, причем в силу низкого качества оси, изготовленной Россельмашем, подвода опрокинулась, и водка — поминай, как звали. Акт будет подписан председателем колхоза, старшим милицейским и заведующим Марксо-Ленинско-Сталинским отделением Госспирта. Пойди потом, разберись.

Да и разбираться-то никто не будет. Местное население будет молчать, воды в рот набравши. Ибо, ежели кто-нибудь донесет на Петьку в ГПУ, то в этом ГПУ у Петьки может быть свой товарищ или, как в этом случае говорят, «корешок». Петьку-то, может и вышлют в концлагерь, но зато и оставшиеся «корешки», и те, кто прибудет на Петькино место, постараются с возможным автором разоблачения расправиться так, чтобы уж окончательно никому повадно не было портить очередную активистскую выпивку» (Там же, с. 119–120).

«Руководитель районного звена»

Вот эти-то ваньки-стёпки-петьки и кинулись в леса при появлении немцев. Деваться им было больше некуда: в Москве ванькам и петькам рассчитывать было не на что, а на местах их ждала неминуемая гибель. Сограждане охотно «сдавали» их оккупантам. А «комиссарам» грозила гибель от рук немцев. Вот и получается, что лес становился единственным вариантом продолжения карьеры в качестве советского активиста, на сей раз активиста партизанского.

Облик знаменитого С.А. Ковпака, по свидетельствам его земляков (а не по официальной биографии) был типичным для «активиста», описанного Солоневичем:

«Сидор Артемьевич Ковпак. (...) По национальности он — неизвестная тёмная личность. Газеты называли его «украинским батькой», но он не говорил, не читал и не писал по-украински. Говорили, что он — цыган. Был безграмотен, груб, мстителен — класси-

ческий тип советского активиста. Разговорная речь — газетный партийный пропагандный язык, полный штампов, канцелярита, демагогии. (...) Кроме партбилета и особого учета в НКВД, ничего не заслужил. (Захваченный немцами адъютант генерал-полковника госбезопасности Строкача капитан А.К. Русанов на допросе прямо заявил, что Ковпак вообще неграмотен).

За несколько лет до войны возглавлял в Путивле дорожный отдел райсовета, в работе которого ничего не смыслил. Путивляне видели его больше пьяным, чем трезвым, и называли «непутевым. (...)

В конце 1939 года, на совещании работников дорожных отделов, он выступил с «критикой» и оскорбил начальство. Его уволили с работы. С горя он запил (...). Но партия не могла потерять столь ценный кадр. По требованию райкома его избрали председателем Путивльского горсовета».

Спустя какое-то время «актив» осознал, что не все так плохо, как казалось поначалу. Немцы в 1941 году с малочисленными партизанами практически не воевали (напомню, что таковых почти и не было, заброшенные группы диверсантов — не партизаны), а в 1942 году первые карательные операции начались только летом — осенью. Все это позволило «активистам» вести вполне сытую полуфеодальную жизнь (ее суть неплохо передает современное выражение «полевые командиры»). Кроме того, пришло осознание того, что война принесла с собой и неожиданные плюсы. Ваньки-стёпки-петьки в мирное время не могли пробиться в фигуры первой величины даже на местном уровне.

«Кому война — кому мать родная!» Справедливость этой поговорки еще раз подтвердила немецкая оккупация, позволившая безнадежным аутсайдерам актива и низшего партийного звена сделать в послевоенный период карьеру. Ну, кто знал до войны всех этих ванек-стёпок-петек? Да кто они такие? Война же, заставившая сбежать в Москву партийно-советскую элиту республиканского масштаба, вознесла на гребень волны «актив» районно-областного уровня. Он остался в лесах и пожал большие дивиденды на этом по окончании оккупации.

«Во время войны выделилась группа влиятельных, амбициозных работников-беларусов, действовавших на оккупированной территории: командиры и комиссары партизанских отрядов, соединений, партизанских бригад. Они считали, что проведя всю войну на оккупированной территории, получив высокие правительственные награды, имеют право и впредь определять судьбу республики.

«Партизаны» — так условно можно назвать эту группировку — заняли должности практически во всех партийных структурах — от горкомов и райкомов партии до ЦК КП(б)Б. Достаточно вспомнить несколько фамилий, чтобы понять, кто пришел к власти:

Василий Козлов (1903–1967) — с марта 1941 г. секретарь Минского ОК (обкома — *М.П.*), а с июля 1941 г. первый секретарь Минского подпольного ОК, с марта 1943 г. командир Минского партизанского соединения, в 1944–48 гг. первый секретарь Минского обкома и горкома, в 1948 — 1967 гг. председатель Президиума ВС (Верховного Совета — *М.П.*) Беларуси;

Владимир Лобанок (1907–1984) — Герой Советского Союза (1943 г.), с августа 1941 до июня 1944 гг. первый секретарь Лепельского подпольного райкома партии, с июля 1944 г. командир Лепельской партизанской бригады, с 1944 г. последовательно в аппарате ЦК КП(б)Б, председатель Полоцкого, Гомельского облисполкомов, первый секретарь Витебского, Полесского обкомов партии, с 1962 г. первый заместитель председателя, с 1974 — заместитель председателя Президиума ВС БССР;

Излюбленное занятие «актива»

Роман Мочульский (1903–1990) — Герой Советского Союза (1944 г.), во время войны уполномоченный ЦК КП(б)Б по Минской и Полесской областям, секретарь Минского подпольного обкома, один из организаторов и руководителей соединения партизанских отрядов Минской и Полесской областей, командир партизанского соединения Борисовско-Бегомльской зоны, в 1947–51 гг. заместитель председателя Президиума ВС.

Иван Климов (1903–1991) — с мая 1943 до июля 1944 года первый секретарь Вилейского подпольного обкома, в 1944–53 гг. первый секретарь Вилейского, Барановичского, Молодечненского обкомов, с 1953 г. первый заместитель, с 1962 — заместитель председателя

СМ БССР, в 1968–74 гг. — заместитель председателя Президиума ВС БССР.

Список можно продолжить, но и по этим фигурам видно, что «партизаны» прочно заняли высшие партийные и государственные должности...» (А. Великий. КПБ и национальный вопрос / «Деды», 2010, с. 178–179).

Таким образом, именно «актив» стал ядром формирующегося советского партизанского движения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «актив» этот вел в отношении населения ту же политику, что и до войны, разве что с поправкой на немецкую оккупацию.

Вскоре «актив» стал обрастать «окруженцами» и беглыми военнопленными — которым тоже некуда было податься.

Чекисты

Здесь я ограничусь цитатами. Вот сокращенный вариант статьи кандидата исторических наук Игоря Валахановича, опубликованной в «Белорусской газете» в начале 2003 года .

«Накануне войны в соответствии со специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) органы госбезопасности СССР были выделены из состава Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в отдельный наркомат — НКГБ. Подобная реорганизация была проведена и в НКВД союзных республик.

На случай возможного начала боевых действий НКГБ БССР разработал мобилизационный план 1941 г. Как и большинство предвоенных планов, он оказался более фантастическим, нежели реальным. (...) К тому же руководящие документы не предполагали действий органов госбезопасности на территории Беларуси в случае отступления частей Красной Армии и оккупации республики. Все планирование исходило из той предпосылки, что в случае агрессии советские войска будут вести только контрнаступательные и наступательные действия, причем на территории неприятеля. К чему привело подобное планирование в войсках — хорошо известно. Не лучше обстояли дела и в органах госбезопасности.

22 июня 1941 года НКГБ БССР приказал немедленно привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат, провести «изъятие контрреволюционного и шпионского элемента»/арестовать всех подозрительных. — *М.П.*/, а также мобилизовать внимание на предупреждение возможных диверсионных актов.

25 июня нарком госбезопасности СССР Меркулов особой директивой потребовал от сотрудников НКГБ, помимо выполнения прочих задач:

— организовать совместно с НКВД «решительную борьбу с парашютными десантами противника, диверсионными и бандитско-повстанческими группами, организованными контрреволюционными элементами»;

— создать в каждом органе НКГБ «крепкие, хорошо вооруженные оперативные группы с задачей быстро и решительно пресекать всякого рода антисоветские проявления»;

— территориальным органам госбезопасности строжайшим образом запрещалось покидать обслуживаемые районы без специального разрешения вышестоящих структур;

— агентура органов госбезопасности в случае отступления советских войск должна оставаться на местах, проникать в глубь расположения войск противника, вести подрывную диверсионную работу.

Но задачи, поставленные перед органами госбезопасности, не соответствовали их реальным возможностям. Располагая широкой агентурно-осведомительной сетью и укомплектованным штатом оперативных сотрудников, территориальные структуры НКГБ должны были в первую очередь заниматься созданием разведывательных резидентур на оккупированных территориях, организовывать партизанские отряды и диверсионно-террористические группы.

Только 1 июля 1941 года НКГБ СССР принял директиву № 168 о задачах органов госбезопасности в условиях военного времени. Перед НКГБ ставились задачи по подготовке штатного негласного аппарата для нелегальной работы на оккупированной территории, а также проведения диверсионно-террористической и разведывательной деятельности в тылу противника.

Запоздалость в принятии решения об организации партизанских отрядов и диверсионно-террористических групп имела крайне негативные последствия. Начало партизанской войны и зафронтовой работы органов госбезопасности в 1941 г. можно считать чистой импровизацией.

Казалось бы, НКГБ БССР должен был сыграть главную роль, ведь более 2 тысяч оперативных работников, а также штатные негласные сотрудники НКГБ и его агентурно-осведомительная сеть могли составить ядро партизанского и подпольного движения на оккупированной территории республики. Однако этого не произошло.

Все же до конца 1941 года НКГБ БССР создал для борьбы в оккупированных районах республики 15 партизанских отрядов с общим количеством бойцов 758 человек /в среднем по 51 челове-

ку. — *М.П.*/, а также 45 оперативных групп, насчитывавших 1259 человек /в среднем по 28 человек. — *М.П.*/. Это сотрудники республиканских НКГБ и НКВД, милиционеры и курсанты Могилёвской межкраевой школы НКГБ. Им поставили задачу нанесения ударов по германским войскам, их базам и складам в тылу.

Но чекистские отряды и группы формировались бессистемно, без учета специфики районов, где им предстояло действовать. В составе партизанских отрядов и опергрупп НКГБ не было ни одного бойца — уроженца или жителя той территории, на которой им предстояло вести борьбу с врагом. Отряды и опергруппы зачастую даже не имели топографических карт местности, гдс им предстояло действовать.

(*От редакции.* Невысоким был моральный дух командиров, которые проявляли растерянность и безалаберность при переходе на нелегальное положение. Вот что, к примеру, бойцы Петриковского отряда сообщали о своем командире Головкине:

«Зарекомендовал себя среди членов группы как трус и авторитетом не пользовался. Еще в Могилёве при формировании группы зам. наркома БССР по кадрам майор Коренчук в присутствии многих сотрудников назвал его трусом (...) Как рассказывали на собрании, что Головкин прятался за спиной других товарищей. По-моему, Головкин ни одного выстрела не произвел за все пребывание, а вооружен был куда больше других, даже имел автомат ППД-41»).

Основу вооружения составляли табельные пистолеты ТТ, а также небольшое количество винтовок и ручных гранат. Оперативный состав НКВД, оперативный и командный состав милиции должны были иметь на вооружении трехлинейную винтовку, пистолет (ТТ, Наган или Маузер) и две ручные гранаты. Рядовой состав вооружался трехлинейной винтовкой и двумя ручными гранатами. Но реальность была далека от нормативов. Так, заместитель начальника Осиповичской опергруппы лейтенант госбезопасности Баранов в рапорте от 7 июля 1941 г. сообщал, что из 50 бойцов группы 30 не имеют винтовок, 7 человек вообще не вооружены. Согласно рапорту командира Кричевской опергруппы заместителю наркома госбезопасности БССР Духовичу от 12 июля 1941 г., личный состав группы был вооружен в большинстве пистолетами, к которым по две обоймы патронов. Гранат не было ни одной.

Крайне остро стояла проблема с денежным и продовольственным снабжением. В докладной записке заместителя начальника УНКГБ по Барановичской области капитана госбезопасности Зайцева, возглавлявшего в июне — сентябре 1941 г. Червенский партизанский отряд НКГБ, указывалось: «На почве недоедания в отряде начались заболевания. Надежд на улучшение нашего положения в

ближайшее время не было, т.к. хлеба урожая 1940 г. у колхозников уже не было, а урожай 1941 г. еще не созрел».

Кроме того, партизанские отряды и опергруппы остро нуждались и в гражданской одежде, а в условиях предстоящего осенне-зимнего периода была нужна не просто гражданская, а зимняя одежда. Но, к примеру, в распоряжении Шкловской опергруппы имелось только три гражданских пальто на 98 человек. Отсутствие зимней одежды и продовольствия послужило основной причиной выхода из вражеского тыла через линию фронта многих чекистских групп.

Стремительное наступление войск противника, отсутствие надежной связи — все это мешало четкому руководству партизанскими отрядами и оперативными группами и координации их действий со стороны республиканского НКГБ. Зачастую случалось так, что, получив задание, чекистский отряд или группа сталкивались с иными реалиями. Имели место случаи, когда чекистские отряды и группы принимались отступающими частями РККА за вражеских диверсантов и подвергались аресту или разоружению.

(*От редакции.* Командир Дзержинской опергруппы Старинов рапортовал:

«Вся работа, проведенная нами, пошла насмарку. Отходившее части РККА меня и других отрядовцев задержали и под угрозой уничтожения как диверсантов, провели по селу и держали до тех пор, пока не выехал представитель из милиции и райкома партии, только после их вмешательства мы были освобождены»).

Генерал-майор Т.А. Строкач награждает партизана. Позади слева — комиссар 1-й Украинской партизанской дивизии генерал-майор С.В. Руднев; справа — зам. начальника Украинского ШПД полковник И.Г. Старинов, (июль 1943 г.)

Через неделю после начала войны начальник УНКГБ по Витебской области Тур под угрозой оружия и без видимых на то причин арестовал группу сотрудников НКГБ-НКВД, прибывших в

Витебск по заданию Наркоматов госбезопасности. В состав группы входили начальник УНКВД по Брестской области, его заместитель, начальник отделения НКГБ на станции Брест, сотрудник НКВД БССР. Кроме них, по приказу Тура были арестованы и помещены во внутреннюю тюрьму Управления бригадный комиссар, курсанты Ростовской школы НКГБ, милиционеры и руководящие сотрудники НКВД Литовской ССР (всего более 200 человек), присланные в город для выполнения особых заданий НКГБ и НКВД БССР.

Руководство органов госбезопасности республики требовало, чтобы в партизанские отряды направлялись только бойцы, способные «самоотверженно бороться в тылу врага». При их отборе следовало подходить «персонально, учитывая личные качества партизан, не допуская лиц, вызывающих сомнения в их боевых качествах».

(*От редакции.* Непонимание реального положения на фронте в подполье зачастую вызывало панику среди чекистов и, как следствие, — не единичные случаи паникерства, дезертирства и даже добровольной сдачи в плен.

В рапорте от 7 июля 1941 г. заместитель командира Осиповичской опергруппы Баранов сообщал: «При расположении людей по укрытиям я увидел, что люди отряда абсолютно в имеющемся налицо составе не способны вести бой (...) Непригодность людей к бою достаточно характеризуется тем, что, расположив в укрытых точках, почти естественных окопах, 35 человек, я отошел к мосту с гранатометчиками, а, вернувшись обратно к основной группе, увидел, что, несмотря на приказание лежать в укрытии, часть людей собралась в одной яме и занимается анекдотами». Ко всему прочему, среди личного состава группы имели место случаи симуляции заболеваний, а также велись разговоры о том, что «нас посылают на мясо, с пистолетами против пушек».

Командир Могилевского отряда НКГБ Прибыль докладывал, что у подчиненных проявляются нездоровые панические настроения, и предлагал исключить из отряда 49 человек.

Осенью 1941 г. командир Любанского отряда Пашун сообщал, что в ходе одной из операций в Полесской области «проявил большую трусость оперуполномоченный Слуцкого ГО НКВД — сержант госбезопасности тов. Белых, который от первого выстрела фашистов бросился бежать, не произведя ни одного выстрела из своего автомата по врагу и, удрав от отряда, вышел из окружения, увлекши за собой еще одного партизана».

Командир Березинского отряда Юрин рассказал о своем заместителе, оперуполномоченном НКГБ Романове, который вел панические разговоры о том, что «неверно сделали, послав нас в тыл к

противнику, ничего мы не сделаем». Спустя несколько дней Романов дезертировал из отряда и ушел переходить линию фронта. Всего же из отряда Юрина дезертировали 17 бойцов. Такие случаи паникерства и дезертирства имели повсеместное распространение).

Смогли организовать борьбу в тылу врага только отряды и группы, которые создавались в районах Витебской, Гомельской, Могилёвской и Полесской областей, оккупированных позже, чем западные области республики.

Так, Березинский отряд НКГБ в момент создания 26 июня 1941 года состоял из 96 бойцов. В район действий он прибыл 1 июля и сразу был разделен на 8 оперативных групп. Чекистам удалось организовать в 10 сельсоветах Березинского района истребительные группы из числа местных жителей для борьбы с вражескими десантами, а также 20 партизанских групп с общим количеством 160 человек /всего-то по 8 в группе! — *М.П.*/

Кроме создания партизанских отрядов и оперативных групп, для проведения разведывательно-диверсионной работы в тылу врага НКГБ (НКВД) БССР в начале войны было подготовлено и оставлено на оккупированной территории 1192 агента. Для осуществления диверсий в тылу врага 287 агентов были объединены в 73 диверсионно-террористические резидентуры. А толку?

Но территория БССР к сентябрю 1941 года была полностью оккупирована. Ни один партизанский отряд и ни одна опергруппа НКГБ БССР до конца 1941 года не смогли закрепиться на оккупированной территории Беларуси и были разбиты противником или вернулись в советский тыл.

Однако после того как в конце 1941 года удалось остановить немецкое наступление на Москву, чекисты «изжили» растерянность и «проявления паники» в собственных рядах. Органы НКВД — НКГБ начали «овладевать ситуацией». Вот что пишет В.И. Боярский в своем исследовании «Партизаны и армия» (2001 г.), посвященном истории партизанского движения в СССР:

«...было создано 4-е Управление НКВД, которому подчинили одноименные отделы на местах» (с. 74).

«Если исходить из того, что в течение 1941 года общее число партизан на оккупированной территории составило около 90 тысяч человек, а партизанских отрядов — до 2 тысяч, то получается, что 90 процентов партизанских отрядов, истребительных, диверсионных и разведывательных групп было подготовлено и оставлено в тылу врага или переброшено туда органами НКВД-НКГБ. Они же и руководили ими» (с. 83).

«Окруженцы»

Военнослужащие (командиры, политработники, сержантский и рядовой состав) разбитых частей («окруженцы») составляли «костяк» многих партизанских формирований. И составляли по одной причине — в абсолютном своем большинстве они не были уроженцами тех республик или областей, где произошел разгром их воинской части. Командный состав партизанских отрядов был чужим для местного населения и в плане идеологии, и в плане национальности. Являлись чужими по отношению к нему бойцы и командиры РККА.

Надо учесть, что к июню 1941 года на территории Западной Беларуси и Западной Украины, а также Бессарабии (о Прибалтике вообще промолчим) для наступательной операции против Германии и ее союзников по плану «Гроза» Сталин собрал части Красной Армии (более 3 млн. человек), основной состав которых был набран совсем в других местах. Так, кадровый состав 6-й и 42-й стрелковых дивизий РККА, находившихся в Брестской крепости, происходил из Приволжского военного округа*.

Бойцы Красной Армии, оказавшиеся в окружении (Западная Беларусь, лето 1941 года)

* Приволжский военный округ (штаб — в Куйбышеве) охватывал территорию Кировской, Куйбышевской (ныне Самарской), Оренбургской, Пензенской, Пермской, Саратовской, Ульяновской областей; Башкирской, Марийской, Мордовской, Татарской, Удмуртской и Чувашской АССР, Коми-Пермяцкого автономного округа.

С местным населением бойцы, командиры и политработники этих дивизий имели очень мало «точек соприкосновения». Обстановка для чужаков была достаточно нервной, «местные» уже досыта накушались коммунизма. Саботаж и диверсии в приграничной полосе накануне войны стали обычным делом, и немецкие диверсанты в большинстве случаев в них не виноваты.

Лишь накануне «Грозы» для завершения комплектации армий вторжения, располагавшихся вдоль границы, толпами погнали «западников». Результат: в Брестской крепости из 12 тысяч военнослужащих погибли около 2000, зато 7000 сдались в плен. Преимущественно — западные беларусы. Из Западной Украины «красные» уносили ноги вообще под аккомпанемент выстрелов украинцев.

А теперь поставьте себя на место рядового бойца или командира разбитой советской части, пригнанной весной 1941 года к границе из какой-нибудь «центрально-черноземной» области РСФСР. Что ему делать? Вокруг немцы и нейтральное (в лучшем случае), но склонное к доносительству население. Часть разгромлена, фронт неизвестно где. Домой пешком не дойдешь — и далеко, и через фронт надо где-то переходить.

Выход только один — сбиться в вооруженную группу, способную экспроприировать у селян продовольствие (что вполне по-большевистски) и скрыться в глухом лесу. Вот и вся мотивация «второй группы». Они были чужими на этой земле, поэтому применительно к данной категории партизан говорить о «народной войне» тоже не приходится.

Пленные

Бежавшие из лагерей военнопленные ничем не отличались от «окруженцев» — такие же чужаки на территории Украины, Беларуси или Летувы. Хочу напомнить в этой связи, что немцы летом 1941 года отпускали украинцев, прибалтов и беларусов по домам. Отпустили много, около 300 тысяч человек, это примерно 20 стрелковых дивизий РККА по штатам 1941 года.

Отсюда вопрос — кто мог бежать из лагерей, находившихся в УССР и БССР? Правильно — представители иных национальностей. Даже если бежал беларус или украинец, то ему до родного дома было не так уж далеко. А вот куда податься скрывшемуся от вражеских овчарок пленнику родом из центральной части РСФСР или с Поволжья? Кругом «немчура», да равнодушное население, озабоченное лишь сохранностью своего «маёнтка» и скотины, а потому

ни за какие коврижки не желающее помогать беглым красноармейцам. Фронт далеко, родное село (аул, кишлак) тоже, а кушать хочется каждый день. Дорога одна — в лес.

Пленные красноармейцы (БССР, лето 1941 г.)

Местные жители

Однако существовала еще одна многочисленная категория партизан — сами местные жители. Это ли не свидетельство «народности» советской партизанской войны? Нет, не свидетельство.

Никак не желают ангажированные властями (или мягче — руководством официальных институтов государства) историки России и Беларуси осознать ту истину, что «простой народ» (местное население) составлял в отрядах хоть и значительную, но подчиненную массу (да и то не раньше лета — осени 1943 года). Рядовой состав выполняет приказы командования — это закон. А кто командиры? Это наши первая и вторая группы.

> «Сборный партизанский отряд /около 40 человек — *М.П.*./, столь удачно уничтоженный Зуевым осенью 1942 года при нападении на деревню Гендики, судя по документам, найденным у погибших, на три четверти состоял не из беларуских крестьян, а из парашютистов /сотрудников НКВД-НКГБ — *М.П.*/ и бывших военнопленных.

Это по-своему показательно. (...) К осени 1942 года во всех отрядах установилось четкое «классовое» разделение на «панов» и «рабов». Парашютисты, местные начальники-коммунисты, а иногда и бывшие пленные были «панами», местные жители — «рабами». Мирное гражданское население отмечало огромную разницу между теми и другими»*.

К концу оккупации численность партизан в БССР (на Украине и других регионах подобной картины не наблюдалось) неуклонно росла. Как получилось, что население, которое в 1941 году готово было воевать вместе с Вермахтом, к 1944-му потянулось в лес? По Соколову очень просто — оно накушалось ужасов оккупации и прониклось ненавистью к оккупантам. На первый взгляд логично, на самом же деле «притянуто за уши». Разглядеть-то оно разглядело, но для «памяркоўных» беларусов это вовсе не повод браться за оружие. Сталин еще и не то с беларусами вытворял, однако партизанскую войну против него никто не начал.

Население было втянуто в борьбу *искусственно.*

Как происходило пополнение отрядов местными жителями? Вот два отрывка из немецких докладов:

«14 октября 1942 года командование тылового района 2-й немецкой танковой армии сообщало о действиях партизан: «Из различных областей района поступают сведения о насильном призыве в партизаны боеспособных жителей».

Штаб 221-й охранной дивизии из группы армий «Центр» 9 марта 1943 года доносил: « В районе юго-западного Меркулова (65 км северо-западнее Гомеля) отмечено от 400 до 500 плохо вооруженных партизан. 20 процентов партизан являются принудительно завербованными местными жителями» (Армстронг, с. 64).

Российские историки неправильно толкуют донесения командиров партизанских отрядов о том, что в том или ином регионе «могут быть привлечены к борьбе еще столько-то тысяч человек». Надо обратить внимание на часто встречающееся в подобных донесениях словосочетание «учтенные резервы».

Дело в том, что партизанских командиров совершенно не интересовало желание или нежелание «местных» воевать с немцами — они просто *произвели учет лиц призывного возраста* и определили число людей, подлежащих мобилизации. Повадки партизанских командиров в Беларуси не отличались от методов партизан в других

* П. Ілынскі. Тры гады пад нямецкай акупацыяй у Беларусі (Жыцьцё Полацкай акругі 1941–1944). // Журнал «Архэ», 2004, № 3, с. 237.

«временно оккупированных» районах СССР — все тот же обязательный призыв военнообязанных.

Занятно врал Сталину Пономаренко в июне 1943 года:

«Учтенные резервы партизанского движения, готовые в любую минуту взяться за оружие, составляют 215.400 человек...» (Соколов, с. 61).

Тогда почему на территории УССР и БССР призыв в ряды партизан не носил массового характера? Тому две основные причины.

Во-первых, партизаны БССР и УССР не могли отправлять мобилизованных в действующую армию, поскольку линия фронта в 1941–1943 гг. проходила далеко от мест базирования тамошних «мстителей». Только в районе Полоцкой низменности часть военнообязанных удавалось переправлять через так называемый Суражский коридор для службы в РККА.

Выдержка из отчета о работе могилёвского «Комитета содействия Красной Армии» за период с сентября 1941 по 10 марта 1943 года дает наглядное представление о том, как отнеслось к оккупации подавляющее большинство гражданского населения города Могилёва*:

«Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие “бывшие люди” и т.д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В этом числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности, много учителей, врачей, бухгалтеров, инженеров и др.

Очень многие молодые женщины и девушки начали усиленно знакомиться с немецкими офицерами и солдатами, приглашать их на свои квартиры, гулять с ними и т.д. Казалось как-то странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения...

Говоря о молодежи, нужно отметить, что очень резко бросалось в глаза отсутствие у значительной ее части патриотизма, коммунистического мировоззрения. Это замечание относится и к комсомольцам, особенно комсомолкам. Как педагог, я многих из них знал лично и внимательно наблюдал за ними» (Соколов Б.В., с. 361).

Любопытно сообщение секретаря Минского облисполкома Ивана Климова тому же Пономаренко в августе того же 1942 года:

---

* Это там, где сражался книжный герой Серпилин из «Живых и мертвых» Симонова и там, где совершали мифические подвиги бойцы, командиры и мирные жители из телевизионного «мыла» «Днепровский рубеж».

«Все чаще происходят столкновения не с немцами, а с полицейскими отрядами, отрядами самопомощи (группы самозащиты, как правило, разбегаются при появлении партизан, а украинцев оккупанты пока в дело борьбы с партизанами не включают, они стоят гарнизонами)... Воевать приходится с белорусами и русскими, хотя в значительной степени и спровоцированными, находящимися в полицейских и других отрядах» (Там же, с. 86).

Вот из-за этих причин массовый «хапун» в Беларуси и Украине отсутствовал.

Во-вторых, пополнять призывниками собственные ряды в массовом порядке партизаны тоже не могли, так как для новобранцев не было оружия, а тащить в отряд кучу лишних ртов, вооружить которых нет возможности — накладно. Небольшие партии оружия, боеприпасов и взрывчатки, направляемые через линию фронта единичными авиарейсами, потребностей не удовлетворяли. Поэтому, переписав военнообязанных, партизанские командиры «имели их в виду», но призывать не спешили.

Немецкий пропагандистский плакат

Однако по мере приближения с востока «власти советов» мировоззрение населения стало меняться, теперь оно само все чаще посматривало в сторону леса. Бежали в лес и те, кто не хотел быть угнанным на работы в Германию (хотя, как известно, многие из угнанных назад не вернулись, уехали в Канаду или США).

Но основной приток мирных жителей в отряды был вызван репрессиями немцев, только происходил этот приток по иной схеме, нежели представляла дело советская историография (российская до сих пор представляет) — «репрессии немцев — народный гнев». Все происходило, повторяю, иначе.

Дело в том, что местные жители были хоть и малообразованными людьми, но отнюдь не дураками. Нехитрую формулу партизанской войны большевиков они быстро «просекли»: «акция партизан — репрессии немцев». А потому, не дожидаясь тупой агрессивной реак-

ции немцев на очередную провокацию партизан, собрав свой нехитрый скарб, припускали «тутэйшие» мелкой рысью к ближайшему лесу, то есть к тем самым партизанам (а куда еще, одним в лесу не выжить).

Кроме того, каратели, сжигая в ходе своих карательных операций села в партизанских зонах, одновременно производили принудительную эвакуацию жителей (забегая вперед, отмечу, что немцы в большинстве случаев не уничтожали местное население вместе с населенными пунктами, хотя именно такую картину создавала в умах советских граждан послевоенная пропаганда). Тем не менее, по вполне понятным причинам, многие из эвакуируемых жителей эвакуироваться из родных мест не желали, и опять-таки бежали в близлежащие леса — к тем же партизанам.

Вот что пишет в своих воспоминаниях свидетель событий, происходивших во время войны в Полоцке и Полоцкой области:

> «Насильственная вербовка крестьян в партизанские отряды в течение лета 1942 года стала обычным явлением. Успеху этого мероприятия в значительной степени способствовали сами немцы своим консерватизмом, примитивным формализмом и суровостью, которую они применяли без всякого смысла и разбора. По немецким правилам, крестьянам запрещалось без особого на то разрешения выходить за границы своих земель. Всякое исчезновение человека из деревни на один день считалось уже большим преступлением, почти доказательством связи с партизанами. Родственные связи с другими деревнями во внимание не принимались. Отсутствие документа с немецкой печатью, который свидетельствовал личность, тоже считалось доказательством принадлежности к партизанам, парашютистам или шпионам, не обращая внимания на то, что человека давно и хорошо знали все вокруг. «Бефель ист бефель» (приказ есть приказ): не получил во время документы или потерял их — вини сам себя.
>
> Все это предельно упрощало задачу «советских». Они насильно забирали крестьянина из деревни (пусть себе и при свидетелях: свидетелям немцы не верили, да и не было кому их допрашивать), немедленно уничтожали все его документы, потом отводили под конвоем в другой район. После этого с человеком все было кончено; он не мог больше вернуться на легальное положение и вынужден был — хотел того или нет — оставаться навсегда с партизанами. Худшую трагедию трудно себе представить.
>
> А еще немцам ужасно нравилось жечь деревни. После этого отчаявшемуся человеку вообще не было чего терять. Разве это не самое

надежное средство загонять крестьян в партизанские отряды?»... (Илынский, с. 227)

Именно перечисленными обстоятельствами обусловлено большое количество «цивильного» люда, группировавшегося вокруг партизанских отрядов, и служившего для последних рабочей силой, источником пополнения и т.д. По той же причине при проведении карательных операций среди убитых партизан оказывалось много безоружных граждан, в том числе женщин и детей. Как видим, «местные» шли в отряды по причинам, привнесенным извне.

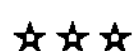
И другие...

К концу оккупации выявились еще две группы «партизанского резерва». Осознав поражение Третьего рейха, все чаще стали переходить на сторону партизан так называемые «коллаборационисты» — например, сотрудники вспомогательной полиции.

> «Любопытно, что согласно итоговому донесению..., в рядах бригады сражалось 595 бывших полицейских (напомню — стандартная бригада обычно насчитывала до 1000 бойцов — *М.П.*), которые после перехода к партизанам «активно боролись с немецко-фашистскими захватчиками» (Соколов, с. 140).

Однако советская историография тщательно «обтекала» тот факт, что значительная часть «полицаев» в недавнем прошлом являлась военнослужащими Красной Армии. Сейчас в России модно ругать украинцев, не говоря уже о прибалтах и грузинах. Вот, мол, и Хатынь сожгли не немцы, а украинцы. Между тем, командовали бойцами 118-го украинского батальона «Shuma» бывшие офицеры РККА.

За «Дружиной» полковника Красной Армии Владимира Гиль-Родионова (состоявшей из бывших советских бойцов и командиров; сам Гиль был раньше начальником штаба 229-й стрелковой дивизии) до ее перехода на советскую сторону числился целый букет военных преступлений. Но стоило «родионовцам» перейти на сторону партизан, как они в советской историографии превратились в героев — белых и пушистых.

Необходимо учитывать и тот факт, что население дружно «поперло» в партизаны, когда распространился слух о том, что «Советы» после изгнания немцев будут мстить «оккупированным»:

«В январе 1944 года к немцам перебежал командир 1346-й разведроты 253-й стрелковой дивизии капитан Игорь Капор. До этого, в декабре 43-го, он был на переподготовке при разведотделе штаба Белорусского фронта, где и познакомился с приказом о том, какая судьба ждет население Белоруссии. Суть этого плана изложил в своей речи Островский (Радослав Островский, председатель Белорусской Центральной Рады; речь произносилась 11 февраля 1944 года перед жителями Баранович, эвакуировавшихся из восточных областей Белоруссии — *М.П.*):

«Я приведу один тайный приказ НКВД, который говорит, что в занятых опять советскими войсками областях никто из населения не должен остаться на месте. Мужчины должны быть взяты в так называемые штрафные батальоны и брошены в бой, даже не переодетые, невооруженные и необученные, остальное население должно быть выселено за Урал (чем эти мероприятия отличаются от пресловутого плана «Ост»? — *М.П.*)...».

По утверждению капитана Капора, дети-сироты, равно как и дети арестованных и направленных в штрафные батальоны, должны были помещаться в специальные детские дома НКВД, где их предстояло перевоспитать в большевистском духе. Все население оккупированных территорий заведомо было под подозрением, так как долгое время находилось под влиянием нацистской пропаганды.

Тайный приказ, о котором рассказывал Капор, до сих пор не обнаружен. Но действия советских войск на освобождаемых территориях были именно такими» (Соколов Б.В., с. 220–221).

Моральное состояние многих местных жителей в партизанских отрядах могут характеризовать слова из немецкого доклада от 31 июля 1942 года:

«Иначе обстоит дело с людьми, насильно уведенными партизанами в лес (...) Перебежчики показывают, что многие из них охотно положили бы оружие, если бы, с одной стороны не боялись, что их расстреляют политические комиссары, и с другой стороны, не опасаясь того же от немцев» (Там же, с. 183).

Проще говоря, среди партизан, числившихся в списках ЦентральногоШПД, Белорусского ШПД и прочих штабов наличествовала тьма случайных людей, жертв обстоятельств, скрывавшихся в лесах и на болотах от ужасов войны, отнюдь не идейных борцов с оккупантами.

Итак, местное население бежало в леса, чтобы спасти себя от ужасов войны, вовсе не из-за большого желания воевать с германцами. Ему и здесь была уготована роль «рабочей лошади»: когда

Красная Армия погнала немцев с оккупированных земель, партизанский актив остался на местах руководить дальше, теперь уже мирной жизнью (кое-кто даже отправился в Москву на повышение). Зато «лошадок» отмобилизовали в поредевшие линейные части РККА и погнали на запад — на убой.

И это пока всё о «народном подъеме».

Глава 4

Сколько было партизан?

Отвечая на этот вопрос, И.Г. Старинов приводил следующие данные:

«Уже к осени 1941 года на оккупированную часть Ленинградской области было переброшено 18 тысяч партизан, в том числе 6 партизанских полков общей численностью до 8 тысяч человек. К зиме их осталось не более 4 тысяч.

На Украине к осени /1941 г. — *М.П.*/ сохранилось 2 партизанских полка, 883 партизанских отряда и 1700 разведывательных и диверсионных групп общей численностью в 35 тысяч человек. К июню 1942 года осталось только 30 партизанских отрядов численностью 4043 человека (обратите внимание: 31 тысяча «партизан» исчезла неведомо куда. — *М.П.*) и только в апреле 1943 года численность украинских партизан достигла 15 тысяч, а в январе 1944 года (...) численность украинских партизан не превышала 48 тысяч человек...» (Соколов, с. 107).

Общие цифры

К августу 1941 года на территории БССР — по официальным учетным данным — имелся 231 партизанский отряд общей численностью 12 тысяч человек (средний отряд — 52 человека).

«В конце лета и осенью засылка партизанских отрядов в тыл противника продолжалась, и до конца года было создано и направлено в Белоруссию 437 партизанских отрядов и групп, насчитывающих 7254 человека /обратите внимание: указанные формирования были заброшены на оккупированную территорию, т.е. никакие это не партизаны, а чекисты. — *М.П.*/. На 1 января 1942 остался 61 отряд. Таким образом, к 1 января 1942 года уцелело на Украине менее 4 % партизанских отрядов, в Белоруссии менее 10 % отрядов и на окку-

пированной территории Ленинградской области около 25 %» (Соколов, с. 108).

«К 1 января 1944 года безвозвратные потери партизан по отдельным республикам и областям (без Украины) составили:

Карело-Финская ССР — 752 убитых и 548 пропавших без вести, а всего 1300;

Ленинградская область — 2954 (убитых), 1372 (пропавших без вести), 4326 (всего);

Эстония — 19, 8, 27;

Латвия — 56, 50, 106;

Летува — 101, 4, 105;

Калининская область — 742, 141, 883;

Белоруссия — 7814 (убитых), 513 (пропавших без вести), 8327 (всего);

Смоленская область — 2618, 1822, 4400;

Орловская область — 3627, 3361, 7038;

Краснодарский край — 1077, 335, 1412;

Крымская АССР — 1076, 526, 1602;

Всего — 20.886 (убитыми), 8680 (пропавшими), 29.566 (всего).

К этому надо добавить, что в оставшиеся до конца партизанского движения 7 месяцев (1944 года — *М.П.*) советские партизаны понесли наибольшие потери. Это было связано с предпринятыми против них крупномасштабными карательными операциями с участием армейских соединений. Только в Белоруссии партизаны в эти последние месяцы потеряли 30.181 убитых, пропавших без вести и пленных, т.е. почти вчетверо больше, чем за предшествовавшие два с половиной года войны. Общие же безвозвратные потери советских партизан до конца войны, включая и тех, кто действовал на Украине, можно оценить как минимум в 100 тысяч человек» (Соколов, с. 119–120).

Между тем, по данным Центрального ШПД на 1 апреля 1943 года на всей оккупированной территории СССР числилось 110.889 партизан — в Беларуси, Украине, Смоленской и Брянской областях. Цифры эти, судя по всему, «липовые», позже мы вернемся к этому вопросу.

В то время в Эстонии действовали 46 советских партизан (!), в Латвии — 200, почти столько же в Летуве. Попытки улучшить положение в Прибалтике ни к чему не привели.

«В Прибалтике советские партизаны встречали откровенно враждебное отношение со стороны местного населения и оказались поэтому не в состоянии развернуть активные боевые действия про-

тив немцев. 12 ноября 1943 года начальник Политуправления и заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения Виктор Никифорович Малин на совещании в Москве требовал от помощников начальников штабов Эстонского и Литовского штабов (численность этих штабов была больше, нежели численность контролируемых ими партизан — *М.П.*.):

“По Литве, по Эстонии вы должны дать ответ, почему происходят провалы. А то кадры бросают, как будто большую работу провели. Людей забросили, а раз забросили, люди должны быть сохранены. Почему в других местах обеспечивается так, что послали человека, так с ним обязательно связываются. У вас получается — выбросили людей и все, считается, что выполнили работу... У вас огромные возможности к тому, чтобы расширить связь со всеми. В течение двух с лишним лет это дело у вас плохо идет”.

Пинские партизаны на марше

Представитель Эстонского партизанского штаба Тельмар посетовал: “Мы в прошлом году организовали посылку таких групп, но многие погибли. Пешком очень трудно” (Соколов, с. 114–115).

В Молдавии с начала войны до середины 1944 года числилось 2892 партизана, среди них собственно молдаван — 7 человек, украинцев — 1443, русских — 769, беларусов — 460.

«Общее же число участников советского партизанского движения, если предположить, что на остальных территориях действовало примерно столько же партизан, сколько их было на белорусской земле, можно оценить примерно в 0,5–0,6 миллиона человек только в боевых частях» (Соколов, с. 115).

А вот это напрасно: не надо предполагать «белорусский вариант» (тем более, что и он «шит белыми нитками») на всех оккупированных территориях, так как подобная методика расчетов — ненаучная фантастика.

«По авторитетному же свидетельству И.Г. Старинова, общая численность партизан на всей оккупированной территории Советского Союза не превышала 250 тысяч, а на Украине их максимальная единовременная численность достигала только 47.789 человек. Замечу, что в рядах антисоветской Украинской Повстанческой армии, действовавшей только на Правобережной Украине, причем главным образом в районах, до 1939 года входивших в состав Польши, насчитывалось вдвое больше бойцов — 90–100 тысяч. Если же учесть, что в рядах советских партизан на Украине было немало бывших красноармейцев — русских, евреев, татар и др., до начала войны к Украине не имевших никакого отношения /почему-то подобный вариант для БССР российскому автору в голову не пришел. — *М.П.*/, станет понятно, что большинство собственно украинского населения больших симпатий к советской власти не питало» (Соколов, с. 116–117).

Как я отметил выше, российский автор не видит разницы между «белорусскими партизанами» и беларусами как таковыми. Сколько же этнических беларусов было среди «советских»?

«Бурный рост партизанского движения наблюдался в Белоруссии в 1943 — 1944 годах, в первую очередь за счет перебежчиков-коллаборационистов. Ведь еще к 1 января 1943 года в Белоруссии было только 57.691 партизан, а год спустя — уже 153.478, т.е. втрое больше» (Соколов, с. 109).

«Среди партизан боевых соединений белорусов было более 201 тысячи человек, русских — более 54 тысяч, украинцев — почти 11 тысяч, евреев — более 6 тысяч, поляков — 2310. Свыше 25 тысяч партизан были коммунистами и кандидатами в члены партии, а почти 55 тысяч — комсомольцами» (Соколов, с. 109).

«С немецкой стороны численность партизан оценивалась гораздо более скромными цифрами. Э. Миддельдорф пишет: «По ориентировочным подсчетам на Восточном фронте действовало около 100 тысяч партизан, организационно сведенных в партизанские отряды, управляемые Москвой» (Соколов, с. 117).

Беларусь

Выдуманная численность советских партизан чуть ли не в миллион, если верить сводным данным по регионам, служит главным основанием для мифа о «всенародном подъеме». Писали без тени сомнения о том, что в одних только Беларуси и Украине партизан было 400 и 200 тысяч человек соответственно, потом число украинцев, подавшихся в партизаны, довели до 500 тысяч!

Но все познается в сравнении. Численность взрослых граждан в БССР составляла около 6 млн человек, на Украине — не менее 20 миллионов (остальные регионы не учитываю, а ведь это еще часть РСФСР, включая Северный Кавказ и Калмыкию, Прибалтика, Молдавия). Партизан же набралось, даже по лживой официальной статистике — менее 1 миллиона. Вот вам и «всенародный подъем»!

Итак, БССР:

> «...несложные подсчеты показывают, что из 6 млн 122,7 тыс. человек взрослого населения БССР (18 лет и старше к началу войны), в 1941–42 годы более или менее активное участие в борьбе с немцами приняли максимум 114 тысяч — не более 1,86 %» (Горела ли земля под ногами оккупантов? Альманах «Деды». Выпуск 3. 2010, с. 138).

К тому же надо учесть, что большинство из этих 114 тысяч партизан периода 1941–1942 годов беларусами не являлись.

Как уже сказано выше, официальная советская цифра о численности партизан на оккупированной территории — миф.

Первые сомнения возникают, когда выясняется, что И.Г. Старинов почему-то исчислял после войны общую численность партизан

Партизанский парад в Минске (июль 1944 г.)

на всей советской оккупированной территории лишь в 250 тысяч человек (напомню — немцы в годы войны полагали, что «мстителей» было не более 100 тысяч). Отчего такая разбежка с официальной статистикой? Оттого, что Старинов в годы войны находился «ближе к эпицентру» и его цифры более правдоподобны, нежели официальная «цифирь».

Следующее сомнение появляется, когда обращаешь внимание на события в Беларуси в конце 1943 — середине 1944 года: что-то незаметно там партизанской массы в 400 тысяч. Как известно, в Западной Беларуси (преимущественно для борьбы с польской Армией Краёвой) было сконцентрировано порядка 20 тысяч человек (из них 8 тысяч перебросили из Восточной Беларуси). В тот же период в Витебской области было сконцентрировано до 17 тысяч человек. А в Минск летом 1944 года вошли около 35 тысяч партизан. Наибольшие потери партизанские формирования понесли в тот же период — конец 1943 — середина 1944 года, и оцениваются они П.К. Пономаренко в 30 тысяч человек потерянных безвозвратно. Всего — 102 тысячи. Где же остальные?

Исследователи совершают крупную ошибку, когда оперируют цифрами, вышедшими из-под пера начальника ЦШПД — именно Пономаренко «изваял» численность беларуских партизан в 300–400 тысяч человек, и эти цифры до сих пор бездумно используют историки. Откуда и каким образом они были получены?

На мой взгляд, достаточно просто. Ключ — в докладе того же Пономаренко «главковерху» Сталину за 1943 год (многие ошибочно принимают его выкладки об «учтенных резервах» за данные по всей оккупированной территории, тогда как оин касаются в основном БССР, это видно по фразе «...первичных подпольных партийных организаций по Белоруссии — 472 с количеством коммунистов — 4395 человек»):

> «По состоянию на 1 июня 1943 года на связи у штабов партизанского движения имеется партизанских отрядов 1061 с количеством партизан 142.006 (уже можно сделать вывод о «липовости» этих цифр, так как в среднем получается почти полторы тысячи человек на отряд, а они в действительности насчитывали в среднем 100–200 человек — *М.П.*)...Учтенные резервы партизанского движения, *готовые в любую минуту взяться за оружие* (выделение мое — *М.П.*), составляют 215.400 человек» (Соколов, с. 61).

Тот, кто когда-нибудь работал в органах государственного управления и составлял всевозможные отчеты, знает, что составляются они регулярно (ежегодно, ежеквартально, ежемесячно). Понома-

ренко на следующий год должен был повторить свой отчет о количестве действующих партизан. Новые цифры, как несложно догадаться, должны были демонстрировать рост численности борцов с оккупантами.

Пономаренко, сказав в 1943 году «а», оказался в том положении, когда «слово — не воробей». Если бы он через год представил Сталину отчет с реальными, мало вдохновляющими цифрами (не показывающими сколько-нибудь заметного роста «народного гнева» на оккупированных территориях), то рисковал услышать примерно такой монолог, произнесенный с характерным кавказским акцентом:

— Товарищ Пономаренко! Вот вы год назад сообщали Политбюро о том, что «готовы взяться за оружие в любой момент 215.400 человек». А сегодня из вашего отчета видно, что «горевшие желанием вступить в ряды партизан» граждане до сих пор в эти ряды не вступили. Как это понимать?

Пантелеймон Кондратьевич — опытный номенклатурщик — прекрасно знал, что так оно и будет. Поэтому у него был только один выход — искусственно увеличивать численность граждан «добровольно влившихся в ряды борцов», исходя из своих же прошлогод-

Группа партизан в Минске после освобождения города (июль 1944 г.)

Партизаны входят в Киев, покинутый оккупантами

«Цифра в 220 тысяч участников партизанского движения, которую Хрущев огласил на XVI съезде компартии Украины (январь 1949 г.), вскоре перестала удовлетворять новых руководителей, так как в сравнении с Беларусью, где партизан насчитали вдвое больше, республика представала в невыгодном свете. Накануне 20-й годовщины Победы киевский филиал Всесоюзного института истории партии начал собирать в областях сведения об участии граждан Украины в партизанском движении и подполье. Однако сведения, полученные из областных архивов, вызвали в Киеве беспокойство. Например, в Запорожской области сумели отыскать только 337 партизан и 44 подпольщика, а также 285 лиц, помогавших им в годы войны. Директор института Иван Назаренко не смог скрыть разочарования и раздраженно написал на документе: «Неужели было так?»

В Запорожье послали сотрудника института, который «объяснил задание ЦК» местному руководству. Пересчитали... и нашли еще 192.056 участников (!) «всенародной борьбы 1941 года», многие из которых, как утверждалось позже, стали партизанами и подпольщиками. Благодаря такой алхимии была выведена новая, абсолютно фантастическая цифра: 501 тысяча украинских партизан и 100 тысяч подпольщиков!

Умножая число украинских партизан, власть одновременно стремилась не акцентировать внимание на их национальном составе, поскольку этнических украинцев среди партизан было пропорционально намного меньше, чем в республике. Украинцы, составляв-

шие 72 % населения УССР, даже на завершающем этапе войны в партизанских отрядах редко дотягивали до 50 % общей численности. Например, в соединении Николая Попудренко было 43 % русских, 41 % украинцев и 10 % беларусов. В соединениях Сидора Ковпака и Федора Ушакова украинцы своей численностью тоже уступали русским. Соответственно и крестьян, из которых на 2/3 состояло население Украины, в партизанских отрядах было не более 50 %».

Украина в советский период делилась на 25 областей. Если реальную численность украинских партизан и подпольщиков Запорожской области (напомню — 337 и 44 человека) принять за среднюю по всем областям, то общую картину иначе как скандальной не назовешь — всего 8400 партизан и 1100 подпольщиков (плюс еще 7100 лиц, помогавших им). Но на самом деле меньше, так как в ряде областей УССР советских партизан не было вообще.

Как видим, ближе всего к истине цифры И.Г. Старинова. Общая численность советских партизан на всех оккупированных территориях не превышала 200 тысяч человек. Советское партизанское движение, якобы не имевшее себе равных в Европе, на самом деле численно уступало и югославскому, и итальянскому, и французскому.

Глава 5

Исходя из своих возможностей...

Лишь 30 мая 1942 года (на 12-м месяце войны) был издан приказ о создании Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК). Это было правильное решение, несмотря на то, что возглавил штаб «партиец» — первый секретарь ЦК КПБ П.К. Пономаренко.

В начале сентябре 1942 года ЦШПД подчинили Главнокомандующему партизанским движением — маршалу Клименту Ворошилову (в 1925–1940 гг. он занимал пост наркома обороны СССР). Но если Ворошилов был *главкомом*, то кем являлся Пономаренко? Начальником штаба при главкоме? Тогда почему начальником штаба стал партийный функционер, ничего в штабной работе не смыслящий? Или же Пономаренко играл роль *комиссара*? Тогда почему главкомом сделали бывшего наркома обороны, ничего не смысливщего в партизанской войне?

Видимо, Сталин понял ненужность поста партизанского главкома и ликвидировал его. Ведь партизанская борьба подчинена дей-

ствиям на фронтах, а в данном случае получалось, что *главнокомандующий* не имел возможности осуществлять самостоятельные операции, без привязки к действиям армии. В таком случае, зачем он вообще нужен?

О ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕ ПАРТИЗАНСКИХ ДЕЙСТВИЙ

ЦШПД мог заняться развертыванием партизанского движения на системной основе. Но для решения каких основных задач?

Как уже сказано выше, главной бедой в организации партизанского движения являлось отсутствие единой стратегии действий на перспективу.

Советское командование вплоть до окончания Курской битвы (23 июля 1943 г.) понятия не имело, каким образом будут развиваться дальнейшие события: наступать придется (в случае победы под Курском) или же опять обороняться (в случае поражения). Соответственно, задачи партизан сильно различались при таких вариантах. А в результате до августа 1943 года «народные мстители» продолжали руководствоваться ущербной стратегией «все сразу» (валили телеграфные столбы, убивали «предателей», подрывали отдельные эшелоны и малозначимые мосты...).

Вопреки многочисленным сказкам, нападения на гарнизоны в перечень приоритетных задач не входили. С сильным гарнизоном (от трех взводов и более), партизаны предпочитали не связываться, атаковали их лишь тогда, когда получали категорический приказ осуществить подобную операцию. В остальных случаях партизаны атаковали только такие деревни, где присутствовал десяток-другой полицаев или немецких тыловиков. Об уничтожении таких групп немедленно сообщали в Москву как о разгромленных «гарнизонах», преувеличивая их численность в несколько раз («рекорд», речь о котором пойдет ниже — в 60 раз!).

Со второй половины 1942 года на первое место в деятельности партизан постепенно стали выходить операции по разрушению железнодорожных путей. На первый взгляд кажется, что это правильно. В самом деле, забросили в партизанские отряды две-три тысячи профессиональных подрывников (концепция Старинова) — и конец вражеским коммуникациям. Но задумывался ли кто-нибудь над тем, что подобным образом парализовать транспортные перевозки противника невозможно — не только полностью прервать, но даже приостановить на время.

Заблокировать железные дороги под силу разве что авиации — если сосредоточить весьма значительное число бомбардировщиков (несколько тысяч), обеспечить их значительным запасом авиабомб и эскадрильями истребителей сопровождения, дождаться летной погоды и в течение нескольких недель *ежедневно* вести массированные бомбежки заранее избранных целей. Но и тогда из вражеского тыла будут доставляться на фронт людские резервы, боеприпасы, продовольствие по шоссейным и проселочным дорогам — автомобильным и гужевым транспортом. А вот партизаны в принципе неспособны осуществить нечто подобное. Провал операций «Рельсовая война» и «Концерт» убедительно это показал.

Что происходит в случаях единичных подрывов железнодорожного полотна? Доставка грузов останавливается? Ни в коем случае! Полотно ремонтируют (у немцев на это уходило максимум 12 часов) и поезда движутся снова, в крайнем случае — идут в обход взорванного участка.

Полностью остановить вражеские перевозки в конкретном районе можно лишь в том случае, если ПЕРЕКРЫТЬ ВСЕ ДОРОГИ, а затем успешно отражать все атаки вражеских войск. Но это фанта-

Одна из многих пропагандистских фотографий времен войны: партизаны якобы поджидают врага в засаде

стика, так как первой же контратакой партизан загонят обратно в лес. Поэтому и наблюдалась в «партизанских районах» парадоксальная картина — район наводнен «мстителями», а немецкие поезда «катаются» относительно свободно.

Серьезно нарушить железнодорожные перевозки возможно также путем полного разрушения всех сооружений и путей на узловых станциях. Но эти ключевые пункты немцы основательно укрепляли, партизаны предпочитали держаться от них подальше.

Массированное нападение на железные дороги имеет смысл лишь в одном случае — если оно производится одновременно с наступлением своих войск на фронте, и осуществляется в оперативном тылу обороняющейся группировки противника (проведение диверсий на железных дорогах за много километров от «горячих» участков фронта и мест решающих сражений не имеет смысла).

Высшее партизанское руководство этого явно не понимало. Вот что, к примеру, писала газета «Правда» 13 августа 1942 года:

> «Танковый или пехотный полк фашистов — серьезная сила на поле сражения, но танковый или пехотный полк, следующий по железной дороге к линии фронта на платформах или вагонах, может быть уничтожен группой партизан в несколько человек. Задача партизан — уничтожить гадину, пока она не выползла из эшелона, вместе с эшелоном...» (Соколов, с. 91).

Мы видим здесь наглядный пример дилетантства, возведенный в ранг «ценного указания». Автору этого бреда представлялось очень простым делом уничтожение танкового полка, следующего по железной дороге.

На самом деле ни 40, ни 30, ни даже 20 бронированных танков одним эшелоном немцы никогда не возили. Их доставляли разными поездами, в разное время, по разным веткам. Массовая акция уже не получится. Охраняли такие поезда, равно как и пути перед ними, гораздо лучше, чем порожние составы. Отсюда результат: ни одну стратегическую перевозку противника партизаны не сорвали.

Теперь предположим, что поезд валится под откос. И что? А ничего — что танку сделается? Перевернут его тягачами и отправят следующим рейсом (к тому же для нанесения существенного ущерба подрывать поезд следует тогда, когда он движется на большой скорости, либо на участке, где дорога идет под уклон).

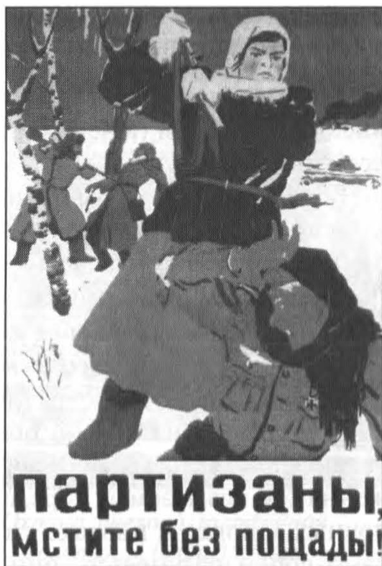
Это, кстати, совершенно не исследованная историками область — если под колесами поезда взрыв, значит — успех. А судьба груза? А результативность? Сколько вагонов сошло? Каков ущерб? Вот перед

вами фотография: «Немецкий эшелон, подорванный партизанами. 1943 год» (с. 93). Даже с удаления в 100 метров хорошо видно, что состав (6–7 вагонов) был порожним (двери вагонов открыты). С насыпи упали только два вагона. И каков же реальный ущерб от этой успешной акции?

Также почему-то считается, что если поезд завалился под откос, то весь его груз автоматически уничтожен (в кино падение поезда всегда сопровождается пиротехническими взрывами). А на деле — приедут технические службы, сгонят окрестных крестьян, подберут груз и отправят другим рейсом. Отсюда вывод — мало пустить поезд под откос, необходимо еще уничтожить его груз.

Так что же, выходит, вся «рельсовая война» была бессмысленным разрушением собственного железнодорожного хозяйства? Да. Но почему? Потому что в Москве спешили действовать, и действовать так, чтобы «виден был наглядный результат».

Совершенно справедливо И.Г. Старинов утверждал, что гораздо разумнее было бы уничтожать паровозы вместо рельсов. Но это он уже после войны стал таким умным. К тому же «ловля» паровозов на перегоне ничем не отличается от охоты за самим поездом.

Плакатная крестьянка запросто расправляется с врагами

> «Общие задачи партизанам ставились ЦК ВКП(б), Сталиным как наркомом обороны и Верховным Главнокомандующим, центральными и областными комитетами компартии, на территорию которых вторгся противник...» (Соколов, с. 72).

Вот оно как! Поэтому не стоит удивляться стратегическим ошибкам советского партизанского руководства. Ему ставили глобальные задачи, оно выполняло их как умело. Да и не было тогда в Москве крупных теоретиков партизанской войны.

> «Пономаренко представлял себе железнодорожные магистрали ниточками, какими они выглядели на карте. Чем она тоньше, тем

легче ее перерезать ножницами. В действительности для того, чтобы подорвать магистраль в самом уязвимом месте, уничтожить важный мост, вывести из строя узловую станцию, вообще добиться длительного перерыва в движении поездов, требовались усилия опытных саперов и достаточное количество взрывчатки. А того и другого партизанам всегда не хватало» (Соколов Б.В. с. 79).

Неверно! Каким образом большой или малый опыт сапера, большее или меньшее количество взрывчатки могли повлиять на ситуацию? Разве только в этом заключалась причина низкой стратегической эффективности советского партизанского движения? Об этом поговорим ниже.

Диверсии — в последнюю очередь

Львиную долю времени партизанские формирования занимались своим бытом (и чем больше было формирование, тем больше времени).

Если мы рассмотрим для примера структуру Черниговско-Волынского партизанского соединения, то увидим, что в нем было 7 отрядов. В каждом отряде — 3 роты по 2 взвода. Плюс к ним штабной и разведывательный взводы. Для диверсионной работы выделялся еще один отдельный взвод, непосредственно подчинявшийся заместителю командира отряда по диверсионной работе.

Таким образом, среди девяти взводов каждого отряда диверсионным являлся только один. Боевая деятельность остальных бойцов сводилась к налетам на деревни с целью грабежа жителей и уничтожения так называемых «предателей», к устроению засад на проселочных дорогах, к повалке столбов линий проводной связи. Ну и, само собой разумеется, они несли караульную и гарнизонную службу в своих лагерях.

В отрядах присутствовало много безоружных гражданских лиц. Но главное — отсутствовал ежедневный надзор вышестоящих штабов и партийно-административных органов. Поэтому вполне естественно, что желание рисковать жизнью в систематических боевых операциях не просматривалось. Вот и выходит, что партизаны основную часть времени существовали, но не воевали.

Диверсионная группа в 7—10 человек не могла причинить серьезного ущерба железной дороге. Установив подрывной заряд (как правило, после 23.00; немцы приноровились к этому графику и на многих участках перестали пускать поезда в ночное время), партизаны убирались восвояси, не дожидаясь результатов диверсии, по-

этому случаев, когда они после подрыва еще и обстреливали эшелон, известно очень немного.

Надо также учесть, что отряды, как правило, располагались в безлюдных труднодоступных местах. Это обстоятельство представляло собой «палку о двух концах»: до ближайших магистральных линий было далеко, иногда — несколько дней пути.

В подавляющем большинстве случаев диверсанты осуществляли диверсию не против конкретных поездов (вспомним в этой связи тезис газеты «Правда» об уничтожении танкового эшелона), а из расчета на «что-нибудь» или вообще ограничивались подрывом рельсов. При этом напрасно расходовалась взрывчатка.

Так что дело не столько в нехватке взрывчатки, сколько в бестолковом ее расходовании. На многих снимках, посвященных «рельсовой войне», хорошо видно, что заряд сделал в насыпи воронку размером с небольшой котлован. А если использовать взрывчатку для подрыва «пустых» шпал, то ее никогда не хватит. Именно по причине низкой квалификации подрывников «мстителям» требовались готовые мины. Чтобы изготовлять из взрывчатки мины самостоятельно — нужны специальные знания и тренировка под присмотром опытного инструктора (вспомните, сколько чеченцев подорвалось в процессе изготовления самодельных фугасов, и сколько таких фугасов не сработало).

Охрана эшелона: трофейная советская бронедрезина и взвод солдат

Для подрыва эшелонов партизаны использовали взрыватели трех основных типов (включая всевозможные модификации умельцев): вытяжной, нажимной и электрический. Первый применялся для диверсий на железных дорогах в начале войны. Однако, чтобы дернуть за «шнурок» (к чеке взрывателя заложенного под рельсы ящика с взрывчаткой крепился шнур (или леска) длиной 30–50 метров, рывком за который в момент наезда колес паровоза на мину приводился в действие заряд) партизанам приходилось дожидаться появления поезда. Между тем немцы стали пилить лес по обе стороны

от важнейших путей на 100 метров вглубь, а проезжавшие перед поездом дрезины обстреливали из пулеметов все подозрительные кочки и кусты.

Поэтому наибольшей популярностью пользовался стандартный нажимной взрыватель. В обычный ящик от патронов (цинковый или деревянный) набивали столько взрывчатки, что ее хватило бы для подрыва кирпичного жилого дома, а сверху монтировали нажимной взрыватель. Заложив мину под рельсы, диверсанты как можно быстрее уносили ноги. Однако следовавшие перед проходом поезда путевые группы и дозорные дрезины часто обнаруживали такие заряды (в среднем, в двух случаях из трех). Кроме того, немцы стали цеплять впереди паровоза платформу, груженную мешками с песком. Взрыв под платформой выводил из строя на короткое время полотно, но не причинял вреда самому составу.

Электрический взрыватель, для которого требовалась электрическая подрывная машинка (у нее сбоку крутили ручку, затем нажимали рычаг) при действиях на железной дороге был не очень распространен: в таком случае тоже требовалось располагаться вблизи от места закладки, а торчащие из-под рельсов провода, тянущиеся в лес, часто обнаруживали команды путевых обходчиков. Электрический взрыватель обычно применяли для подрыва мостов, зданий и других капитальных сооружений.

Что касается повалки телеграфных столбов и резки телефонных проводов, то специалисты в этом предприятии, как правило, не участвовали. Один гражданин, в годы войны проживавший на «временно оккупированной территории», рассказывал потом, как ему приходилось в течение суток сперва пилить, а потом устанавливать заново одни и те же столбы. Ночью в село приходили партизаны, забирали его с собой (так как не утруждали себя тяжелым физическим трудом) и заставляли пилить у дороги несколько столбов. Утром приезжали немцы, тоже брали мужика в охапку и заставляли столбы ставить снова.

Так вот этот гражданин рассказал о забавном эпизоде. Когда немцам надоела возня со столбами, они просто взяли и заминировали их противопехотными «шпрингенами». Казалось бы, невелика премудрость — обезвредить немецкую S-ку. Но специалистов у партизан не нашлось. Почесав затылки, потоптавшись у столба, явившаяся в очередной раз на «телеграфный промысел» группа партизан не солоно хлебавши отправилась восвояси — чтобы в следующий раз прихватить с собой минера. Такие вот диверсанты.

Куда более масштабными, зачастую с выходом всего отряда в полном составе, были мероприятия по «заготовке продовольствия». Речь идет о грабеже местного населения. Оно и понятно — ртов в отрядах, бригадах, соединениях было много, а питаться требовалось регулярно. Поначалу такие операции проводились хаотично, затем партийное руководство упорядочило «оброк» — за каждым отрядом закрепили определенную деревню или несколько деревень.

Обычно партизаны просто грабили, без каких-либо затей, и только если присутствовали командиры высшего звена, они «давили на сознательность». В книге «Партизанская война 1941–1943. Стратегия и тактика» описан случай, когда С.В. Гришин (командир партизанского полка «Тринадцать», будущий Герой Советского Союза) в ходе очередной акции по «заготовке» провианта доходчиво объяснял жителям политику текущего момента. Сергей Владимирович напомнил селянам об их обязанностях перед Родиной и ответственности за невыполнение таковых. Словом, прозрачно намекнул на «право» партизан карать тех, кто им не помогает, отдавая последнее и тем самым обрекая себя на голод. О юридическом аспекте подобных «заготовок» поговорим ниже.

Любимым «развлечением» партизан было нагрянуть всем отрядом в село, когда там, помимо сельской администрации («прихвостней оккупантов»), находились несколько полицаев. Легкая безопасная расправа с «предателями» так нравилась партизанам, что очень часто проводилась в ущерб всем другим видам боевой деятельности. Этот факт вынужден был отметить даже Центральный штаб партизанского движения:

> «Наши товарищи поставили перед собой первую задачу — это борьбу с изменниками Родины, полицейскими, бургомистрами и другой нечистью. Я не хочу сказать, что с этими предателями не надо вести борьбы, это будет неправильно, но это не главная задача. Главная задача и первоочередная — это борьба с немецкими оккупантами, а у нас получается наоборот...» (Соколов, с. 85).

Так что утверждение современного немецкого автора Миддельдорфа о том, что партизаны «в населенные пункты заходили редко» выглядит полной ерундой: чем бы они питались в случае «редких посещений»?!

Ну, а хорошо укрепленные населенные пункты партизаны никогда не атаковали по собственной инициативе, только в порядке исполнения приказа вышестоящего начальства. Они вообще стара-

лись избегать серьезных боевых столкновений. Если же отвертеться не удавалось, применялась следующая немудреная тактика.

Во-первых, собирали максимально возможное число бойцов (несколько отрядов) — Миддельдорф, говоря о «штурмовых группах», не упомянул, что они насчитывали до нескольких сотен человек.

Во-вторых, действительно происходило деление на несколько звеньев, однако никаких отвлекающих групп не существовало. Тактика была самая простая: атаковать объект с разных сторон в надежде на то, что хоть какой-нибудь группе удастся к нему прорваться. Так, при атаке моста у Вигоничей действовали две группы по 300 человек в каждой. Нападение одной группы немцы отразили, но второй удалось прорваться на мост, и, заложив заряд, подорвать его.

Попутно хочу обратить внимание читателей на численность этих двух групп: 300 человек в каждой. Во время войны в действующей армии три сотни бойцов считались батальоном, иногда даже полком!

Однако такие массированные атаки (когда партизаны нападали скопом) редко достигали успеха.

Во-первых, для защиты объектов немцы создавали систему круговой обороны: кольцо огневых точек плюс блокгаузы. Поэтому не имело особого значения то, с каких направлений атакуют партизаны и в каком количестве — вследствие грамотной организации огня противника эта «чудо-тактика» лишь ослабляла огневую мощь партизан на каждом из направлений атаки.

Во-вторых, в боевом отношении партизаны были плохо подготовлены. Дело не столько в номенклатуре вооружения (целый ряд формирований помимо минометов имел артиллерию), сколько в неумении правильно его применять, организовать бой, наладить взаимодействие между подразделениями, особенно если дело происходило в темное время суток. Некоторые партизанские командиры полагали, что темнота сама по себе дает им очевидные преимущества и, напротив, лишает таковых врага. Но дело в том, что ночной бой требует предварительной тренировки и хорошо продуманной организации боя, в противном случае темнота больше мешает атакующим, нежели тем, кто сидит в укреплениях и пользуется заранее составленными карточками огня.

Историческая и мемуарная литература пестрит рассказами о якобы имевших место героических столкновениях советских партизан с войсками противника и даже победах над ними (ни дать, ни взять — лесной Сталинград), но в немецких архивах трудно найти сведения о чем-либо подобном: партизаны в принципе не могли противостоять армейским частям.

Миддельдорф безосновательно превозносит партизанскую разведку. Потенциальные возможности перед ней открывались, несомненно, богатые, только вот как использовались они на деле?

Если брать разведывательные мероприятия, осуществлявшиеся партизанами в собственных интересах, то они, как правило, ограничивались границами того района, где действовал отряд (бригада): о происходящем в районе партизаны знали, если не все, то очень многое, но о ситуации за его пределами — практически ничего.

Этим и объясняется странный, на первый взгляд факт: несмотря на большое количество информаторов, крупные карательные операции немцев в большинстве случаев застигали партизан врасплох. Ведь воинские части для этих операций немцы перебрасывали из других районов, а взаимный обмен информацией о перемещении частей противника между отрядами разных районов отсутствовал; они слали свои донесения в ЦШПД, а уже он потом (с опозданием) пытался предупреждать об опасности те отряды, которых касалось сообщение.

Появление немецких карательных групп в местах дислокации партизанских отрядов оказывалось неожиданным, и если каратели с ходу, без проволочек, приступали к блокированию и прочесыванию, «мстителям» приходилось туго.

Что касается разведки в интересах действующей армии, то разведывательные донесения шли в Москву сплошным потоком, но толку от них было мало. Они представляли собой набор хаотических сведений обо всем, содержали массу несущественных деталей и всякого рода

Партизаны в разведке

неточностей. Выявить в них что-то действительно важное было трудно из-за груды третьестепенных деталей.

Москва (партизанские штабы) неоднократно критиковала партизанские донесения за неточность и ...была неправа. Ведь партизаны не являлись профессиональными разведчиками, они не умели систематизировать информацию, отбирать главное. Но первые толковые вопросники (составленные управлением разведки ЦШПД) появились лишь весной 1943 года. С того же времени в партизанские соединения стали направлять офицеров из штабов партизанского движения для организации разведывательной деятельности.

Явно преувеличена Миддельдорфом скрытность партизан и их осторожность. Вовсе не меняли отряды без реальной угрозы места своих стоянок. Напротив, предпочитали постоянные лагеря с хорошо оборудованными землянками, кухнями и прочими бытовыми удобствами. Даже после проведения противником карательных операций партизаны зачастую возвращались на прежние места базирования.

Плохо держали партизаны и язык за зубами — осведомителей у оккупантов было не меньше, чем у партизан. Примерную численность партизан в том или ином регионе немцы знали всегда, а СД обычно работало результативно.

Партизанская выучка

Смешно сравнение Б.В. Соколовым советских партизан с кавалерией мамлюков (мамлюки превосходили европейских кавалеристов индивидуальной выучкой, но уступали им в тактике). Дескать, индивидуально каждый партизан превосходил отдельного солдата противника, а уступали «мстители» только численному превосходству врага, якобы непрерывно «снимавшему с фронта» армейские дивизии для борьбы с партизанами. Подготовка немецкого пехотинца была настолько основательной, что от новобранца на фронте требовалось лишь пройти «крещение боем» — в отличие от красноармейца. Об уровне «подготовки» среднего советского партизана красноречиво говорят факты прямых столкновений с противником.

Например, в ноябре 1943 года, когда бригада Бронислава Каминского перебралась из Брянской области в Витебскую, ее подразделения, а также беженцы с Брянщины (всего до 30 тысяч человек), подверглись атакам партизан Витебщины. И что? А ничего. С хорошо организованной и боеспособной бригадой «мстители» ничего сделать не смогли.

В районе Новогрудка 29 апреля 1944 года произошел еще более интересный случай. Там 150 человек Новогрудского эскадрона Беларуской Краевой Обороны под командованием Бориса Рогули вступили в бой против 1500 партизан, напавших на городские казармы с целью срыва призыва молодежи в БКО. Итогом боя стало поражение ...советских партизан: они потеряли 65 человек убитыми и столько же ранеными, против 3 раненых и 4 пропавших без вести у «новогрудцев» (см. Романько О.В., с. 224).

О профессиональных качествах партизанского командования низового уровня можно судить по приказу командира оперативной группы партизанского движения при штабе 4-й ударной армии, старшего батальонного комиссара Соколова от 3 августа 1942 года:

> «Согласно указанию Центрального штаба партизанского движения, штабом партизанского движения /4-й ударной армии/ созданы курсы командиров рот для подготовки командиров партизанских подразделений, начальников штабов и командиров диверсионных групп. Для направления на курсы следует отобрать пять человек из числа /рядовых/ бойцов, наиболее надежных, политически грамотных, морально устойчивых и беззаветно преданных социалистической Родине, а также уже отличившихся в бою. Двое должны быть отобраны для должности командиров подразделений, двое для должности начальников штабов и один на должность командира диверсионной группы. Отобранные для подготовки на должность командиров штабов должны иметь *семь классов образования* (курсив мой — *М.П.*)».

Не правда ли, хорош начальник штаба соединения с семью классами!

Партизаны идут на задание тесной группой, что указывает на отсутствие тактической подготовки.
Одна пулеметная очередь и всем конец...

В итоге не приходится удивляться тому, что во время крупных карательных операций длительное сопротивление со стороны партизан отсутствовало, их спасало либо быстрое отступление в труднодоступную (заболоченную) местность, либо торопливость немецкого командования, не доводившего акции до логического завершения.

А теперь рассмотрим более подробно две крупномасштабные операции советских партизан, получившие в историографии общее название «Рельсовая война».

Глава 6

«Рельсовая война»

Операцию «Рельсовая война» проводили в период с 3 августа по 15 сентября 1943 года по инициативе П.К. Пономаренко партизаны Беларуси, Украины, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской областей РСФСР.

Операцию «Концерт» проводили партизаны Беларуси, Карелии, Ленинградской, Калининской областей, а также формирования, числившиеся «прибалтийскими», в период с 19 сентября по 1 ноября 1943 года.

Обе эти операции не дали ожидаемого результата — прервать движение вражеских эшелонов к линии фронта не удалось.

Провал «большого концерта»

Начальник Центрального ШПД П.К. Пономаренко 7 августа 1943 года доложил Сталину, что «план подрыва 213 тысяч рельсов будет выполнен до середины августа». По немецким же данным, партизаны за весь август подорвали 25 тысяч рельсов (в 8,5 раз меньше). Но главное совсем не это.

Цель «рельсовой войны» заключалась в том, чтобы во время сражения на Курской дуге и последующего контрнаступления РККА германские войска на фронте были лишены доставки из тыла подкреплений, боеприпасов, техники, продовольствия. Увы! Бесстрастная статистика свидетельствует: если в июне немецкая группа армий «Центр» получила 1822 эшелона, а в июле 2282, то в августе 2159 — на 337 больше, чем в июне, когда «рельсовой войны» еще не было!

Между тем, согласно донесениям из партизанских подразделений, уже почти не осталось рельсов, по которым могли двигаться

немецкие поезда. Вот что такое советская «система отчетности»: ее суть — всеобъемлющее вранье, не знающее границ!

«С октября 1943 года и вплоть до весны 1944 года наблюдался спад партизанских диверсий на железных дорогах. Это было вызвано тем, что большой запас взрывчатки был израсходован в ходе «рельсовой войны», развернувшейся в период Курской битвы и последующего наступления к Днепру. К тому же немцы приобрели большой опыт в охране железных дорог и стали активнее использовать для снабжения войск автомобильный транспорт, на который партизаны воздействовали в меньшей степени.

Типичный прием советской пропаганды: партизаны минируют железную дорогу в ходе операции «Концерт». Но эта операция состоялась в августе—сентябре, а здесь снег

Всего, по данным ЦШПД, скорее всего преувеличенным, партизаны за время войны уничтожили и захватили около 53 тыс. машин, что составляло менее 10 процентов всего автомобильного парка Вермахта на Восточном фронте. Такие потери не могли существенно повлиять на снабжение немецких войск» (Соколов, с. 105).

«Самое интересное, что в Москве устанавливался план, сколько партизаны должны совершить диверсий на железной дороге или нападений на вражеские гарнизоны. Например, в 1943 году, в ходе операции «Концерт», партизанам только в Беларуси предстояло подорвать 140 тысяч рельсов. Многие бригады отрапортовали о значительном перевыполнении плановых показателей.

Пономаренко докладывал Сталину: бригада Дубровского справилась с заданием на 345 %, бригада Маркова — на 315 %, бригада

имени Заслонова — на 260 %, бригада Романова — на 173 %, бригада Белоусова — на 144 %, бригада народных мстителей имени Воронянского — на 135 %, бригада Филипских — на 122 %...

Цифры радовали начальственный глаз, только вот немецкие эшелоны все шли и шли к фронту. В ходе войны ни одна оперативная перевозка Вермахта на востоке не была сорвана, ни одна крупная наступательная операция германских войск не началась с опозданием из-за действий партизан» (Кузнецов И. Партизанское движение: правда и мифы. «Белорусская деловая газета», 2005 г.).

«Старинов писал в мемуарах: «Весьма заманчивым, простым и часто вполне доступным был подрыв рельсов. Но их у противника было в излишке и, как правило, подорванные ночью рельсы противник сваривал и заменял днем, а потом изобрел 80-см съемный мост и стал по нему пропускать поезд». Кроме того, немцы снимали рельсы с ненужных им участков дорог и использовали их для замены поврежденных. А партизаны зазря тратили большое количество взрывчатки, которую с таким трудом доставляли самолетами из-за линии фронта. К тому же часто подрыв рельсов осуществлялся на ненужных немцам участках, лишь затрудняя последующее восстановление дорог для нужд Красной армии. Так, согласно собственным, явно завышенным донесениям, белорусские партизаны в июле 43-го пустили под откос 743 поезда врага, а в августе, в самый разгар «рельсовой войны» — только 467» (Соколов, с. 90).

«Старинов так суммировал итоги «рельсовой войны»: «Суммарные данные партизан о перерывах движений от всех видов диверсий на железнодорожном транспорте создавали впечатление, что при соответствии их действительности — на фронт группы армий «Центр» уже с июня 1943 года не могло поступать ни одного поезда, а войскам этой группы поступало ежедневно до 50–70 поездов. А все дело было в том, что партизаны давали данные о перерывах на перегонах между двумя промежуточными станциями. На одном направлении за одни сутки иногда было даже свыше 10 нарушений движения, но на пропускную способность влияло только одно, которое было самым длительным. Остальные влияния на пропускную способность не имели, но наносили урон противнику в подвижном составе, перевозимых людях и грузах» (Соколов, с. 93).

Причины провала

В чем же причина неудачи?

«...сам по себе подрыв рельсов как основной метод диверсий большой эффективности не имел. (...) Например, всех запасов

Немецкий состав шел порожняком, разрушен только один вагон

взрывчатки и мин, находившихся в распоряжении Украинского штаба партизанского движения в начале 1943 года хватило бы лишь на то, чтобы вывести из строя 2 процента от общего числа рельс на украинских железных дорогах, что для немцев было булавочным уколом. Дефицитны на оккупированных территориях были только паровозы. Выведя из строя хотя бы часть их, а также стратегически важные мосты, партизаны нанесли бы гораздо больший ущерб германским коммуникациям (Соколов, с. 105) .

И.Г. Старинов ссылался на недостаточную материальную подготовку акции:

«В год, по оценке Старинова, партизанам требовалось 50 тысяч тонн грузов, главным образом взрывчатки, и 2 тысячи диверсантов-инструкторов высокого класса, чтобы эффективно парализовать вражеские коммуникации. Однако советская сторона не располагала необходимым количеством самолетов, чтобы осуществить эти дополнительные перевозки. Старинов пишет: «Верховный, утвердив план рельсовой войны, не распорядился о принятии мер к ее материальному обеспечению. Своевременно просимое количество самолетов не было выделено» (Соколов, с. 94).

Поговорим о действительных причинах провала, поскольку приведенная выше критика ничего не объясняет.

Как могут приписки сами по себе инициировать срыв задачи? Приписки означают всего лишь невыполнение (либо выполнение в неполном объеме) поставленной задачи, но не являются причиной неудач.

Как я уже отмечал, операции по закупориванию транспортных магистралей противника осуществляются обычно в интересах дей-

ствующей армии — в период проведения последней крупных наступательных акций. Отсюда следует первый вопрос — с какой целью (или в чьих интересах) проводились «Рельсовая война» и «Концерт»? В связи с планами Ставки ВГК осуществить наступление под Курском, Смоленском и в Левобережной Украине. Эти постулаты вызывают серьезные сомнения, судя по всему, они «притянуты за уши» уже в послевоенный период.

Но допустим, что официальная версия — правда. Что же получается — операция под Курском началась в июле, а столь масштабная акция как «Рельсовая война» планируется всего за месяц (в июне) до ее начала?

Скорее всего, операция проводилась с бухты-барахты. Ожидалось наступление немцев под Курском и, чтобы показать Ставке великую пользу от возглавляемого им «участка работы», Пономаренко выступил с инициативой «рельсовой войны». Очевидно, что инициатива эта базировалась на стратегических выкладках прежнего заместителя Пантелеймона Кондратьевича по диверсионной работе — И.Г. Старинова, который уже давно предлагал нечто подобное.

Соответственно, вместо планомерной подготовки акции большевики действовали в своей обычной манере: поступило предложение, его рассмотрели и одобрили. Приняв решение, немедленно изваяли постановление — приступить к делу как можно скорее. А раз уж скорее, то ни о каком выборе конкретных объектов, районов главных ударов, рекомендуемой тактике речь не шла (их спешно определяли в самом ЦШПД).

Вспомним, с чего начинал работу французский отдел британской SOE — со справочника: выбирал конкретные промышленные районы и предприятия для развертывания диверсионной деятельности неподалеку от них. Пономаренко, выступившему с инициативой проведения широкомасштабной акции со своим штабом, следовало бы провести аналогичную подготовительную работу. Однако Пантелеймон Кондратьевич не аналитик и не профессиональный штабист, он всего лишь политрук. «Гениальный стратег» Сталин идею рельсовой войны одобрил, Пономаренко решение «верховного» до сведения подчиненных довел, те взяли под козырек и кинулись исполнять, можно сказать, что «бегом».

Далее ЦШПД следовал по накатанному руслу: есть у партизан взрывчатка, нет ее, готовы отряды или нет, проведена разведка или нет — вот вам фундаментальный приказ с фундаментальным заданием в тысячах километро/рельсов (в мирное время — в миллионах тонн, или кубометров, в надоях или настригах). В понимании По-

номаренко, если «километраж» будет выполнен, эффект будет обязательно. На деле же выходило примерно так...

> «По сведениям диспетчерского бюро станции Минск, в июле 1943 года на участке железной дороги Минск-Борисов партизаны подорвали 34 эшелона.
>
> По данным же только четырех партизанских бригад, действовавших в этом районе (1-й Минской, «Пламя», «Разгром» и «За Советскую Беларусь»), ими на этом же участке было подорвано более 70 эшелонов. «Если к этому прибавить эшелоны бригад имени Щорса, «Смерть фашизму», имени Флегонтова, — говорилось в письме одного из минских партизанских руководителей, направленном в Центральный штаб партизанского движения, — то увеличение достигнет 5, если не 6 раз. Это происходит потому, что работа подрывных групп недостаточно контролируется, а партийные и комсомольские организации не взялись еще за борьбу против очковтирательства...» (Кузнецов И. Партизанское движение: правда и мифы).

Но и реальные подрывы (34 зафиксированных) проанализированы исследователями не полностью. Если учесть, что на участке железной дороги Минск — Борисов действовали 7 бригад, не считая отдельных отрядов, то 34 подрыва (всего 5 на бригаду за месяц, плюс столько же проваленных акций) говорят либо о низкой интенсивности действий бригад, либо о том, что какие-то бригады действовали более эффективно, а какие-то не действовали вообще*. Но это еще не все с борисовским перегоном.

Дело в том, что 34 подрыва в месяц для одного сравнительно короткого отрезка железной дороги на самом деле очень много (практически по эшелону в день). Представьте себе, например, линию Москва — Санкт-Петербург. Если бы на ней каждый день взрывался один товарный или пассажирский состав, то ремонтники не успевали бы стаскивать с путей вагоны, не говоря уже о ремонте рельс. Это был бы хаос. Так отчего подобный хаос не наблюдался на перегоне Минск — Борисов?

Оттого, что сводка диспетчерского бюро немцев в Минске сообщает о фактах *подрыва* эшелонов, но не фактах их *крушения*. Напомню для сравнения: подрыв террористами пассажирского поезда «Невский экспресс» 27 ноября 2009 года в 40 км от станции Бологое был осуществлен неудачно. Из-за отсутствия опыта новоявленный

---

* По статистике результативность минных закладок советских партизан не превышала 50 %; если 34 подрыва были успешными, то еще столько же зарядов противник обнаружил и обезвредил.

«диверсант» не учел скорость экспресса и время прохождения радиосигнала до заряда, в результате взрыв произошел в конце состава, и привел к сходу только трех концевых вагонов. Примерно такие же «умельцы» состояли в рядах партизан. Результативность устраиваемых ими взрывов была такой же половинчатой, как и результативность самих закладок, особенно при использовании мин с нажимным взрывателем.

Впереди поездов с важными грузами всегда следовали дрезины, и если экипаж дрезины не обнаруживал заряд визуально, то взрыв происходил под ее колесами. Факт такого подрыва фиксировался диспетчерской станцией, но он не означал крушения воинского эшелона.

За исключением 2–3 вагонов эшелон не пострадал

К середине 1943 года немецкая служба тыла практически свела на нет эффективность партизанских мин с нажимными взрывателями, пуская впереди паровоза платформы, набитые песком (одну, две или даже три). Взрыв под такой платформой приводил к крушению платформы и, в самом лучшем для партизан случае, к плавному сходу с рельсов паровоза (если машинист не успевал вовремя затормозить) и первых вагонов, но не крушению всего состава. Последствия такого взрыва устранялись быстро, состав вскоре продолжал движение, факт диверсии фиксировался диспетчерами, а практический результат?

Даже взрыв заряда взрывчатки под колесами паровоза далеко не всегда приводил к катастрофическому падению под откос — требовалось, как минимум, наличие откоса. При установке заряда в расчете на максимальную эффективность требовалось соблюсти хотя бы одно из двух условий: заряд надо установить либо в таком месте, где состав имеет приличную скорость, либо там, где он следует под уклон. В противном случае с рельсов сходили только несколько вагонов. Излишне говорить о том, что партизаны не занимались подсчетом сошедших с путей вагонов — в Москву докладывали о под-

рыве эшелона в целом. Немцы очень быстро поняли, что к чему и стали пускать эшелоны на низкой скорости, что сводило на нет все усилия партизанских подрывников — на такой скорости эффективность подрывных зарядов была минимальной.

Среди подорвавшихся на партизанских минах составов значительную часть составлял «порожняк», двигавшийся в противоположном фронту направлении, на который вообще не имело смысла расходовать взрывчатку. Пустые деревянные коробки вагонов легко ремонтировать, а древесины в Беларуси всегда хватало.

Даже крушение состава было всего лишь *половиной дела*, требовалось еще *уничтожить груз*, а именно этого, как правило, и не происходило, так как партизаны после закладки заряда стремились как можно быстрее исчезнуть. Немцы подбирали груз и отправляли его на фронт следующим рейсом. Задним умом был прав Старинов — следовало выводить из строя локомотивы. Но для этого пришлось бы персонально охотиться именно за паровозами, в ущерб валу и километражу рельсов, планы на которые спускала Москва.

Попутно отметим, что железнодорожный транспорт, являвшийся объектом партизанских диверсий, в массе своей представлял собой захваченный железнодорожный парк. Поэтому, говоря об ущербе, нанесенном партизанами *Германии*, следует добавлять: ущерб наносился имуществу, ранее состоявшему на балансе Наркомата железных дорог СССР.

Главной причиной низкой эффективности «рельсовой войны» явились не приписки, а нежелание партизан рисковать своими головами. Ведь что такое пресловутые приписки? Всего лишь отчет о выполнении задания, которое на самом деле выполнено не было, или исполнено ненадлежащим образом. И это не явилось секретом для «шишек» из ЦШПД. Почуяв неладное, они отправили в отряды если не легион, то целую когорту проверяющих. Итогом «инспекций» стал ряд любопытных документов. Вот, например, с каким «рвением» работали некоторые партизанские отряды на Брянщине в канун проведения «Рельсовой войны»:

> «В июле 1943 года, например, Матвеев подверг суровой критике ряд отрядов, преждевременно прекративших операцию по проведению взрывов на железнодорожных коммуникациях немцев, начатую в ночь на 22 июня 1943 года. Обвинив две бригады в подаче ложных рапортов об участии в операции, он грозил суровым наказанием в случае повторения чего-либо подобного:
>
> “Я должен предупредить всех командиров и комиссаров этих бригад, что они будут освобождены от своих должностей и отданы

под суд военного трибунала, если не станут выполнять моих приказов во время операции, намеченной на 28 июля.

Разъясните всем командирам бригад и отрядов, что мы обязаны вести диверсии на железных дорогах, чтобы помешать врагу вывозить оборудование из наших городов и доставлять резервы на фронт"» (Армстронг, с. 120).

Выдержка из отчета инструктора Витебского областного комитета партии:

«Довожу до сведения, что 27 августа 1943 года состоялось заседание штаба бригады Фалалеева, на котором были заслушаны отчеты командиров отрядов Семенова и Думина о проведении их отрядами в текущем месяце боевых операций и выполнении приказа № 0042. На собрании было установлено, что отряд Семенова в текущем месяце не уничтожил ни одного немца и не произвел ни одного взрыва на железной дороге. Семенов объяснил такое бездействие плохим оснащением своего отряда и тем, что диверсионные группы находятся в процессе подготовки» (Армстронг, с. 187).

При подготовке к операции «Багратион» ШПД БССР отправил Сергею Гришину, командиру партизанского полка «Тринадцать», инструкцию о проведении взрывов железнодорожных путей на линии Орша — Борисов (начиная с ночи 19/20 июня 1944 г.):

«Пользуясь затишьем на советско-германском фронте, противник усилил переброску войск и военной техники по железным дорогам. Для срыва переброски противником войск настоящим приказываю вам направить все имеющиеся в вашем распоряжении силы на массированное разрушение железнодорожных путей при проведении операции «Рельсовая война» и уничтожить 1000 участков пути на линии Орша — Борисов. Вы должны приступить к проведению этой операции немедленно и хранить ее в тайне. Первая атака должна быть проведена в ночь с 19 на 20 июня. Последующие атаки должны способствовать полному прекращению переброски противником войск. Дальнейших директив не будет» (Армстронг, с. 408).

О том, удалось ли подчиненным Гришина выполнить этот приказ, можно судить по отрывку из доклада командования группы армий «Центр». В ночь с 19 на 20 июня немцы отметили массированные атаки на железные дороги в районах Лунинец, Орша, Молодечно, железнодорожных линий Могилев — Орша и Орша — Борисов, зафиксировали около 9400 взрывов. Однако «...взрывы на линии Борисов — Орша (зона ответственности полка С.В. Гриши-

на — *М.П.*) удалось по большей части предотвратить» (Там же, с. 407–408).

Партизанские командиры, получив «ценные указания» и общий «километраж», но при этом ничего конкретного вдобавок, творчески подошли к решению поставленных задач и «оптимизировали» процесс — естественно, в сторону собственной безопасности (никто из них расшибать себе голову на охраняемых участках железной дороги ради выполнения очередного социалистического плана не стремился). Надо вам 140 тысяч километров рельсов — будут 140 тысяч: партизанские группы в первую очередь подрывали окольные, подъездные и даже тупиковые (запасные) участки железнодорожного полотна, которые оккупантами зачастую не использовались вовсе.

Все вышесказанное не означает, что операции на основных трассах и перегонах вообще не проводились. Проводились, и довольно активно, но — в пределах разумного. В Москву же, как водится, отправляли победные реляции, не соответствовавшие реальному положению дел. А эшелоны противника все шли и шли к фронту.

Системная ошибка в анализе

Анализируя данные этих «соцсоревнований» исследователи, на мой взгляд, совершают системную ошибку: они не пытаются представить себе весь этот процесс от начала и до конца в подробностях, без чего не понять подлинные причины провала «рельсовой войны». Дело ведь не в том, что отряд такой-то приписал себе лишних 20–100 %, а бригада такая-то вместо 10 мостов разрушила только два. Даже если представить, что все отряды и соединения приписали половину от исходных 215 тысяч рельсов (именно столько числится за партизанами всех республик и областей по итогам «Рельсовой войны»), то все равно это очень много.

Китайцы в 1940 году в ходе «битвы 100 полков» разрушили 500 км железнодорожных путей и 1500 км шоссейных, так японцы разгребали это едва ли не полгода, прервав в северо-западных районах Китая все активные наступательные операции. Отчего же так не произошло на Восточном фронте в 1943-м? Ну, хотя бы потому, что китайцы свои 500 километров взорвали практически одновременно во всем районе операции, а не суммировали по совокупности диверсий, и на относительно коротком участке фронта, а не собирали по всем регионам в кучу, чтобы потом доложить общий «километраж» в Чунцин.

Советский же «километраж», докладываемый в Москву, на момент поступления и подачи информации был «фуфлом» не на 10, 20 или 30 процентов, а на 90 или даже на все 100! Почему? Да потому, что немцы к тому времени уже отремонтировали разрушенные пути!

Представьте себе картину. Партизанская диверсионная группа на N-ском участке железной дороги разрушает полотно. Понятно, что с рулеткой протяженность разрушенного пути никто не измеряет, а округляют в большую сторону, причем в несколько раз — взорвали 10 метров, сообщили, что 50 (кто проверит?).

Далее группа мелкой рысью припускает к месту сбора, чтобы позже отправиться в отряд. Но кто сказал, что все это время произведенные партизанами разрушения будут пребывать в состоянии развала? Если диверсия была произведена на используемом участке магистрали, то немцы к ремонту приступили сразу же после обнаружения разрушения — партизанская группа еще и до отряда не успела добраться.

Итак, группа прибыла в отряд с докладом — а немцы разрушенный участок дороги уже отремонтировали (обычно укладывались в 12 часов). Командир партизанского отряда заносит в общую сводку данные о проведенной операции и количестве метров (километров) разрушенного пути. А тем временем по этому *недавно разрушенному* участку дороги уже следуют эшелоны. В результате, к тому моменту, когда сводка поступает в ЦШПД, она констатирует (в сильно приукрашенном виде) факты произведенных в определенный период времени *в прошлом* разрушений на участках железнодорожных магистралей, где *сейчас*, в настоящий момент, этих разрушений уже нет. О сиюминутной пользе подобных акций для действующей армии говорить сложно: остается разве что радоваться, что в такой-то день такого-то месяца партизаны «наделали шкоды гадам».

Однако разрушения железнодорожного полотна — это только часть общей картины «партизанской войны». Поэтому коснемся весьма интересного вопроса — эффективности усилий многих тысяч людей, сидевших в лесах и время от времени выходивших оттуда для совершения «подвигов».

Глава 7

О результатах партизанских действий

Основой для создания мифа об огромном ущербе, который партизаны якобы причинили оккупантам, послужили некоторые неправильно понятые тексты. Вот, например, фельдмаршал Фридрих фон Бок, командующий группой армий «Центр», 7 декабря 1941 года записал в своем дневнике:

> «Разрушением и уничтожением всех построек у железных и автомобильных дорог русские сумели создать для нашего фронта невыносимые условия — вследствие этого мы лишились самого необходимого подвоза. Боеприпасы, горючее, провиант и зимнее обмундирование не доходили до фронта» (Соколов Б.В., с. 29).

Российские историки записали эти разрушения на счет диверсий партизан. На самом деле их произвели части Красной Армии еще в период своего отступления, никакого отношения к деятельности партизан они не имели.

И еще. Фразы в немецких документах типа «озабоченность», «кризис» и т.п. вовсе не означают, что Рейх оказывался на волосок от гибели.

Во-первых, такие литературные обороты показывают образованность немецких офицеров и чиновников; во-вторых, они свидетельствуют о ситуации в конкретном районе в конкретное время (уже через день в том же районе положение могло быть совершенно иным). Например, ситуацию в полосе 8-й полевой армии в районе реки Бзура в сентябре 1939 года немецкие штабисты оценивали как «кризис», но разве можно на этом основании делать вывод о том, что поляки в тот момент выигрывали войну? В битве на Бзуре они потерпели сокрушительное поражение.

К примеру, когда немцы говорили о «нетерпимости положения» в тылу группы армий «Центр», то в первую очередь подразумевали сам факт, что «мстители» занимали неконтролируемые территории и создавали там партизанские зоны, но вовсе не огромный ущерб от их действий.

Приписки — наша сила!

Провести серьезный анализ эффективности действий советских партизан по данным штабов партизанского движения не представляется возможным, поскольку указанные ими цифры являются дезинформацией. Судите сами.

«Если верить официальным советским источникам, то за период с июня 1941 по июнь 1944 года белорусскими народными мстителями было убито, ранено и взято в плен более 500 тыс. оккупантов и коллаборационистов, подорвано 11.128 вражеских эшелонов, выведено из строя 18.700 автомашин, 1355 танков и бронетранспортеров, уничтожено 305 самолетов и т.д.

Даже, если эти цифры *несколько* (выделение мое — *М.П.*) преувеличены, они не оставляют сомнения в том, что советское партизанское движение стало на определенном этапе действительно массовым и всенародным» (Романько О.В., с. 119).

Цифры эти не оставляют сомнения в том, что состряпавшие их «математики» всех остальных считали идиотами. Каким образом беларуские партизаны могли уничтожить, ранить и пленить полмиллиона врагов, если ВСЯ группировка рейха на территории БССР составляла в 1942 году около 160 тысяч, а к весне 1944 года увеличилась лишь вдвое (с учетом войск группы армий «Центр», отступивших с территории РСФСР). Выходит, «народные мстители» истребили как минимум 3 (три!) комплекта войск противника на центральном направлении? Почему же, в таком случае, Красная Армия не заняла беспрепятственно Беларусь еще в январе — феврале 1944 года? И с кем она воевала в ходе операции «Багратион»?

Минирование ненужного моста

Кто сейчас поверит в то, что партизаны уничтожили во второй половине 1941 года почти половину бронетехники от всей имевшейся тогда в «панцерваффен»? Откуда эта бронетехника взялась в глубоком тылу противника в таком количестве? Интересно было бы также узнать, какими средствами партизаны уничтожили три полные эскадры Люфтваффе?? Неужели зенитными ракетами? Так ведь не было тогда зенитных ракет вообще. И зенитной артиллерии у партизан тоже не было.

Впрочем, что там Беларусь!

«Партизаны Карело-Финской ССР» /напомню: это малочисленные диверсионные группы — *М.П.*/ умудрились только безвозвратно изничтожить 13.407 супостатов (см. БСЭ, том 19, М., 1975, с. 234), а

их коллеги в Латвии общая численность засланных туда 13 групп составляла максимум 200 человек. — *М.П./* умудрились намолотить 30.000 врагов!» /по 150 на одного партизана! — *М.П./*

Не отстали по результатам боевой деятельности от беларуских партизан партизаны украинские — 464.682 врага убитыми и ранеными, а по уничтоженной бронетехнике вообще всех переплюнули — 1566 единиц! (там же). Учитесь, товарищи, вот как надо!

27.026 убитых и раненых оккупантов и их пособников числится на счету «молдавских партизан». При общей численности советских партизан в Молдавии в 2892 человека, выходит по 9 «фашистов» на одного «мстителя»!

Партизаны Ленинградской области уничтожили 104.242 оккупанта и их «холуев», а уж бронетехники — как во всей танковой группе Клейста в 1941 году — 280 единиц. Непонятно только, почему в таком случае блокада Ленинграда не ликвидировалась сама собой. Чуть меньше истребили врагов их соседи, «мстители» Калининской области (ныне Тверской) — 91.130 человек убитыми и ранеными.

Смоленское партизанское движение существовало до лета 1942 года. Но «герои-смоляне» сумели убить и ранить 112.680 врагов (6 расчетных дивизий Вермахта по штатам 1942 года), да еще бронетехники набили 537 единиц. Теперь вам понятно, почему немцы не взяли Москву?

Партизаны Орловщины уничтожили и ранили 154.275 человек, а также вывели из строя 331 единицу бронетехники. Жаль только, что командование 9-й армии фельдмаршала Вальтера фон Моделя, действовавшей в их полосе, об этом не знало, а то бросилось бы наутек.

Скромно, очень скромно заявили о себе партизаны Крыма — всего-навсего 30.000 убитых и раненых врагов, преждевременно возмечтавших «оттянуться» на берегах Тавриды.

Ну, а партизаны Краснодарского края, прежде чем они тихо исчезли, успели убить и ранить 15.586 оккупантов и их прихлебателей.

Борис Соколов пишет:

«Всего же советские партизаны на Украине, если верить отчету Украинского штаба партизанского движения, вывели из строя несколько сот тысяч солдат и офицеров противника, 5 тысяч эшелонов, 2300 мостов, 1500 бронемашин и танков, 211 самолетов, 13 тысяч автомобилей и много другой техники. Несомненно, эти данные столь же недостоверны, как и данные по Белоруссии.

Замечу также, что к 1 декабря 1942 года, когда Украинский штаб поддерживал связь только с 57 отрядами в 7823 человека, число уни-

чтоженных партизанами на Украине за 17 месяцев боевых действий немецких солдат и офицеров определялось в 42.088 человек (в том числе 6 генералов), «предателей и полицаев» они истребили 3731 человек, а также уничтожили 49 штабов, 24 самолета и 202 танка и бронемашины. Каким образом за последующие 17 месяцев немецкие потери в людях и технике достигли в этом регионе величины в 5–10 раз большей, остается загадкой» (Соколов Б.В., с. 113).

«Столь же фантастичны цифры и по другим регионам. В Ленинградской области до марта 1944 года партизаны будто бы уничтожили 104.242 немецких солдата и офицера, вывели из строя 1050 паровозов и 18643 железнодорожных платформ, вагонов и цистерн. На Украине партизаны якобы уничтожили 310.000 немцев, вывели из строя 4060 паровозов, 39700 товарных вагонов, взорвали 810 танков и броневиков, 324 орудия и 108 самолетов.

За 26 месяцев партизанской войны в Крыму, по заявлениям партизан, ими было убито 18910 вражеских офицеров и солдат (плюс свыше 11 тысяч раненых — *Ред.*).

В общем, набирается, самое малое (так как в одних случаях указаны только убитые, а в других — убитые и раненые) 1 миллион 27 тысяч солдат и офицеров противника (включая войска союзников Германии и так называемых «предателей»). Если учесть, что реально воевало на всей оккупированной территории не более 200 тысяч партизан, на каждого «мстителя» приходится не менее 6 убитых и раненых врагов. Сказать, что это выдумка, значит, выразиться слишком мягко. Известно, что на фронте соотношение потерь в живой силе от начала и до конца войны было в пользу немцев. В первый период (до битвы на Курской дуге) примерно 1 : 10, во второй период примерно 1 : 4. Так это на фронте! А здесь партизаны, которые и воевать толком не умели, и тяжелого вооружения у них не было, и авиация их не поддерживала.

Одним словом, дикое вранье.

«Поэма» о самой успешной операции

Наглядное представление о механизме завышения потерь противника в десятки раз дает весьма любопытная история. Она упоминается во всех сборниках материалов о действиях органов НКВД СССР во время войны, вошла также во многие монографии о Великой Отечественной войне.

Суть в следующем. Сводный партизанский отряд Управления НКВД по Москве и Московской области с 19 по 24 ноября 1941 года

провел операцию по разгрому штаба 12-го армейского корпуса Вермахта в городе Угодский Завод.

Немцев в городе было до 4 тысяч, партизан — менее 300 человек. Несмотря на огромную разницу в силах (1 : 13,3), партизаны разгромили штаб (захватив в нем важные документы), уничтожили около 600 немецких солдат и офицеров, сожгли авторемонтную базу, 80 грузовых автомобилей и 23 легковых, два больших склада с горючим, склад продовольствия и конюшню, взорвали склад боеприпасов, подорвали два танка и одну бронемашину. Столь блестящих результатов они добились за 1 час и 10 минут боя, в ходе которого потеряли всего лишь 18 человек убитыми и 9 ранеными (еще один чекист попал в плен и позже был повешен). Соотношение потерь 1 : 21 в пользу партизан!

Выходит, что это самая крупная и удачная партизанская атака на вражеский гарнизон в годы войны (не будем в данном случае придираться к тому, что чекисты — вовсе не партизаны). Не случайно газета «Правда» опубликовала 30 ноября 1941 года ликующее сообщение Совинформбюро об Угодско-Заводской операции подмосковных партизан.

Но в 1960 году сотрудники отдела Истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС И. Старинов (тот самый — Илья Григорьевич) и А. Скотников провели изучение отечественных и трофейных документов, имеющих отношение к данной операции. Они же вместе с третьим сотрудником

Партизаны обстреливают населенный пункт

отдела (им был Н. Прокопюк) посетили Угодский Завод, где беседовали с местными жителями. С момента операции прошло тогда менее 19 лет, многие свидетели были еще живы и здоровы.

И вот какая дивная картина открылась им.

Во-первых, штаб 12-го армейского корпуса никогда не размещался в Угодском Заводе. С 24 октября по 24 декабря 1941 года он дислоцировался в Тарутино. А в Угодском Заводе находились подразделения службы тыла 263-й пехотной дивизии 12-го корпуса. Только тыловики. И никаких штабов!

Во-вторых, противник обнаружил чекистов еще на подходе к городу и первым открыл огонь. В результате лишь трем штурмовым группам из десяти удалось пробиться к зданиям бывшего райисполкома и школы-семилетки. Эти здания, а также местный скотный двор (отнюдь не конюшню) они обстреляли, забросали гранатами и подожгли. Остальные семь групп не продвинулись дальше городской окраины.

В-третьих, потери немцев убитыми и ранеными составили девять человек, включая чинов «вспомогательной полиции», т.е. бывших советских граждан!

В-четвертых, сведения об уничтоженных вражеской технике (танки, автомобили) и имуществе (авторемонтная база, склады) абсолютно не соответствуют действительности. Немцы не потеряли ни одной машины, о складах вообще речи нет!

В-пятых, целью операции вовсе не являлся «разгром» несуществующего штаба корпуса. Георгий Жуков, в тот момент — командующий Западным фронтом, послал в Угодский Завод 300 срочно мобилизованных чекистов лишь для того, чтобы они вывели оттуда его родственников*! Девятнадцать из них заплатили своими жизнями за спасение родни этого «невероятно скромного человека» (по выражению писателя Владимира Карпова, посвятившего ряд книг воспеванию бывшего унтера, которого пропагандисты 60-х и 70-х годов изображали «подлинным архитектором Победы» — вместо Сталина).

Именно так советские начальники разных уровней, военные и гражданские, решали свои личные дела — ценой жизней подчиненных им рядовых «ванек» (в смысле — «пешек»). Но нам интересен другой аспект. Во сколько раз были завышены в отчетах начальников потери противника? Как минимум, в 60 раз! Вот вам и весь нехитрый «механизм»!

* См.: Боярский В.И. Партизаны и армия, с. 221–233.

Сказки о «разгромленных гарнизонах»

Весьма любопытным чтивом являются сводки о боевой деятельности партизан. Взять хотя бы «Хронику боевой деятельности партизанских формирований на территории Себежского района Псковской области» (Спириденков В.А. Лесные солдаты, с. 290–330).

Если верить ей, то 1 августа 1941 года группа Сергунина из отряда С.Д. Пенкина установила на шоссе Себеж — Невель 12 мин, «почти на каждой из которых подорвалась немецкая машина».

Сам отряд Пенкина тем временем тоже не дремал. На том же шоссе в августе он из засад перебил «гранатами, огнем из винтовок и пулеметов много немецких солдат». А конкретно? Сильно сомневаюсь в способности этого отряда разгромить, пусть даже из засады, колонну немецких войск.

Для сравнения: 15 октября 1941 года отряд спецназначения А. Тимофеева вел бой в районе деревни Ходюки Идрицкого района. Итог — «отряд спецназа карателями почти полностью уничтожен».

> «Старинов особо отмечал в мемуарах: ...Бои партизан с частями Вермахта в его тылу для партизан сопряжены с большими потерями, чем бои на фронте. В своем тылу враг в ходе боя может наращивать усилия, бесперебойно обеспечивая боеприпасами. У партизанских полков, которые были созданы для борьбы с частями врага в его тылу, этих условий не было. Поэтому 2 украинских и 6 ленинградских партизанских полков, вступив в боевое столкновение с оккупантами, несмотря на героизм личного состава, были разгромлены.
>
> В открытых боях, по его оценке, партизаны несли до девяти десятых потерь. В свою очередь, почти девять десятых потерь, согласно отчетам Центрального штаба партизанского движения, немцы понесли от скрытых действий партизан, т.е. от диверсий, а не в открытых боях с ними. Правда, может быть, в этой пропорции отразилось и то обстоятельство, что количество уничтоженных будто бы в результате диверсий эшелонов было особенно легко приписывать» (Соколов Б.В., с. 132–133).

В сводках партизан постоянно упоминаются «разгромленные гарнизоны» то одной деревни, то другой. Настораживает полное отсутствие сведений о потерях противника. Ведь если гарнизон разгромлен, кто мешал посчитать трупы врагов? Разгадка кроется в донесении партизан 3-й бригады А.М. Гаврилова за июнь 1943 года:

> «Разгромлен гарнизон в деревне Рудня. *В отсутствие личного состава гарнизона* сожжены укрепления семи огневых точек, склад бочек с бензином, мост через реку Чернея».

То есть «разгром гарнизона» — это не уничтожение подразделения противника (которого в этой деревне не было вовсе), а уничтожение каких-то строений и сооружений (хорошо еще, если они имели хоть какое-то отношение к оккупантам).

А вот донесение из отряда В. Карговского из 6-й бригады В.Г. Семина за начало октября 1942 года:

> «Разгром немецкого гарнизона станции Нащекино Идрицкого района. Уничтожен гарнизон, сожжены станционные постройки, разрушено путевое хозяйство».

Оказывается, в понимании партизанских командиров «гарнизон» — это сам населенный пункт, но не вражеская воинская часть.

Зато, если в деревне действительно располагался отряд противника, все оборачивалось по-другому. Так, 29 октября 1942 года 1-я бригада Ф.Т. Бойдина попыталась атаковать гарнизон немцев в деревне Долосцы Идрицкого сельского совета. Уже к середине боя у партизан «закончились боеприпасы, а их потери только убитыми составили 60 человек». В конце ноября 1942-го, на сей раз при содействии 3-й бригады А.М. Гаврилова, «бойдинцы» повторили попытку — и снова неудачно, с большими потерями. Та же история приключилась с 4-й бригадой В.М. Лисовского при налете на деревню Стеймаки. «Партизаны взять гарнизон не смогли, понеся очень большие потери».

Читать сводки 4-й бригады В.М. Лисовского, равно как и 5-й бригады В.И. Марго, из-за содержащихся в них сказок очень интересно, но апофеоз вранья — это сводка за начало февраля 1943 года о проведении операции «Троянский конь»:

> «В результате которой хитростью практически без боя захвачен сильно укрепленный гарнизон деревни Прихабы, состоявший из 500 (!) солдат и офицеров. Гарнизон пленен (!!). Полицейские казнены, а немецкие солдаты и офицеры *отпущены* (!!!). Взяты большие трофеи».

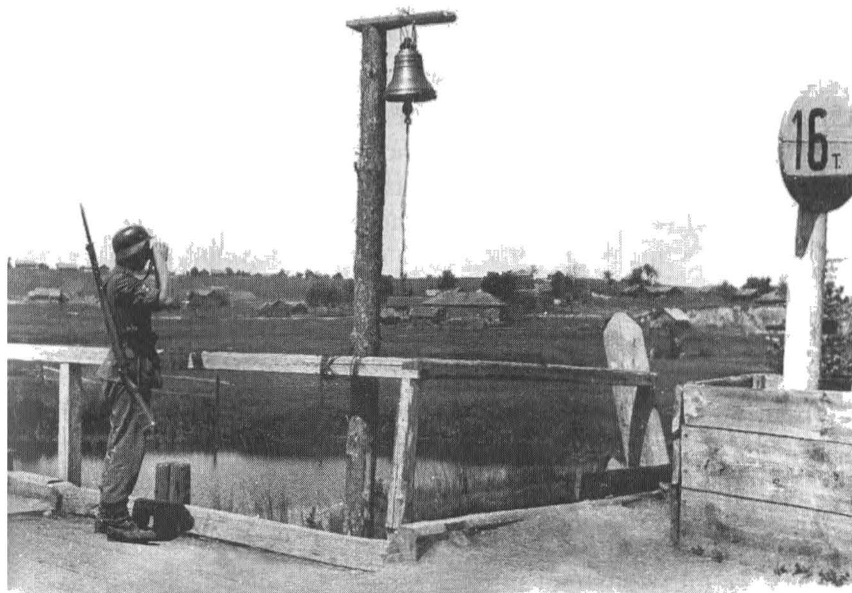
Вот ведь как: взял в плен целый батальон немцев, а проверить «фуфло» не получится, потому что «отпустил». Любопытно было бы узнать, как это чекисты-особисты не пристрелили товарища Лисовского на месте за то, что он просто так отпустил на волю целый батальон немчуры? Может быть, они ему поклялись в войне далее не участвовать и немедленно выехать в «фатерлянд»?! Весьма примечательно и то, что об обстоятельствах поистине эпической операции «Троянский конь» российские историки стесняются упоминать.

Зато в мае 1943 года В.М. Лисовский был снят с командования 4-й бригадой, его сменил Ф.Т. Бойдин.

Вот отрывок из доклада представителя Центрального ШПД Сергея Сикорского (1907–1960) начальнику штаба Пономаренко в августе 1942 года:

«При наличии такого большого количества партизанских отрядов на территории Белоруссии, плюс к тому несчетное количество засланных диверсионных групп, и зная точное расположение мелких незначительных немецких гарнизонов, как то: Дретунь — 200 человек, станция Оболь — 70, станция Язвино — 40 человек, Езерища — около 100 человек и т.д. Правда, все они находятся в устроенных там укрытиях — дзотах, домах, обгородились проволокой, заграждениями, но это нас не должно страшить, мы должны повести решительную борьбу с немецкими оккупантами, то есть нападать на эти гарнизоны и уничтожать их.

А наши командиры болеют одной плохой и нездоровой болезнью. Это боязнь, что при нападении на гарнизоны партизанские отряды будут нести больше потерь. В частности, это относится к командирам бригад т.т. Короткину и Фалалееву. Характерный случай произошел в бригаде т. Короткина. Когда 22 июля при столкновении с немцами

Мост возле Чаус, охраняемый немцами (май 1944)

был убит один партизан, то целый день, начиная от руководства и кончая партизанами, были разговоры о нем. Если и нападут, то уж после этого будут отдыхать месяц и разговаривать полтора (бригада Дьячкова, разгром станции Бычиха)» (Армстронг, с. 85).

«Очень часто то, что цифры неприятельских потерь, приводимые в партизанских донесениях, абсолютно фантастичны, видно невооруженным глазом. Так, 11 сентября 1943 года по приказу подпольного Могилёвского обкома одновременно атаковали 10 немецких гарнизонов в Белыничском районе. Вот что докладывали партизанские командиры о бое с самым крупным гарнизоном, расположенным в райцентре:

В Белыничах после 3,5-часового ожесточенного боя, доходившего до рукопашных схваток, гарнизон противника (состоявший из батальона РОА и 60 полицейских. — *Б.С.*) разгромлен. Главную тяжесть боя приняли на себя батальоны 208-го полка, во взаимодействии с ними участвовали 600-й и 760-й партизанские отряды и отряд майора Шестакова. В итоге боя убито свыше 200 и до 200 ранено солдат и офицеров противника. Взяты трофеи: ручных пулеметов — 2, минометов 50-мм — 2, винтовок — 68, автоматов — 4, наганов и пистолетов — 8, ручных гранат — 25... Взята документация Белыничской комендатуры. Свои потери: 3 убитых, 30 раненых» (Соколов Б.В., с. 120–121).

Словом, «фэнтэзи» в стиле «combat» для детей среднего школьного возраста. Нигде и никогда не было такого, чтобы при штурме укрепленного опорного пункта противника соотношение потерь составило 1 : 12 в пользу атакующих! И быть не могло. Чтобы понять этот элементарный факт, достаточно сравнить те потери, которые несли боевики-террористы на Кавказе с потерями федеральных и местных антитеррористических подразделений. Как правило, наблюдалась пропорция 1 : 1 или 1 : 2 в пользу федералов, не более того.

Так в чем эффективность?

Несмотря на приведенные им самим цифры реальных потерь сторон, Борис Соколов в своей книге «Фронт за линией фронта» сделал вывод о том, что боевая деятельность советских партизан была самой эффективной в мире. Он даже поставил советских партизан на первое место в неофициальной таблице «чемпионата партизанских движений в мире».

Чем же он мотивировал свой вывод? Самое смешное, что ничем — конкретного анализа в его книге нет. Борис Вадимович опе-

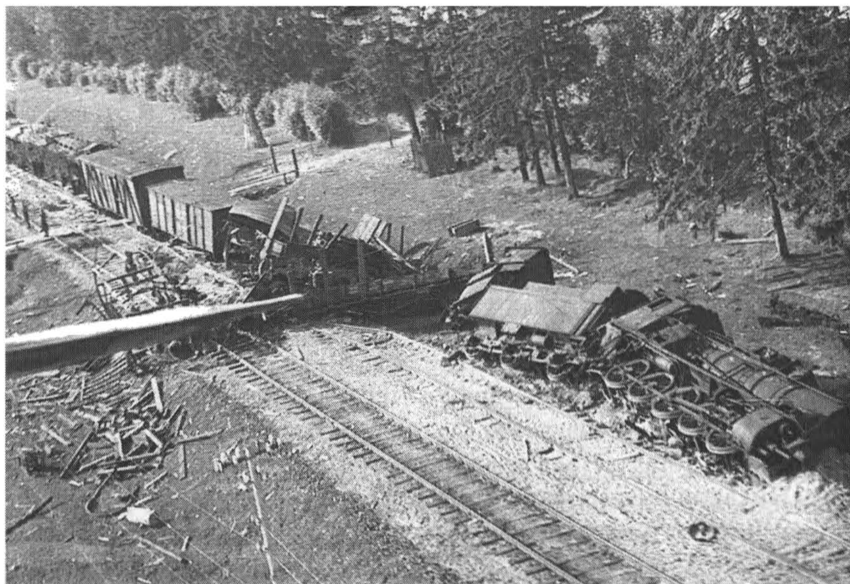
рирует, в основном, свидетельствами немецкой стороны, которые трактует крайне тенденциозно. К ним он добавил несколько терактов, от которых проку на самом деле было мало, чтобы не сказать хуже. Конкретно:

— Подрыв в ноябре 1941 года в Харькове дома № 17 по улице Дзержинского, где размещался штаб 58-й дивизии Вермахта. Однако партизаны к этой акции не имели абсолютно никакого отношения. Диверсию устроили армейские минеры с помощью радиоуправляемого фугаса.

— Убийства Н.И. Кузнецовым в городе Львове главного судьи Украины Функа, имперского советника рейхскомиссариата «Украина» Галя и его секретаря Винтера, а также вице-губернатора Галиции Бауэра. Однако это были действия чекиста-террориста, жертвами которого стали представители гражданской администрации. Никакой пользы фронту эти убийства не принесли.

— Убийство генерального комиссара рейхскомиссариата «Белоруссия» Вильгельма Кубе в Минске. Что изменилось в результате этого убийства? Фронт группы армий «Центр» рухнул или Вермахт массово побежал сдаваться? Немецкие эшелоны остановились?

> «Старинов в мемуарах признавал: « В минувшей войне было несколько нападений на штабы и гарнизоны, когда партизаны несли тяжелые потери, но в сводках потери немцев были преувеличены ***в сотни раз и более (выделение мое — М.П.)***, а потери партизан скрыты» (Там же, с. 121).
>
> «Не лучше обстояло дело и с учетом партизанами немецких потерь в боевой технике. После войны Пономаренко утверждал: «На основании донесений партизан и документов противника можно сделать вывод, что партизаны во время войны на всей оккупированной территории путем обстрела, диверсий и нападений на аэродромы противника уничтожили 790 самолетов. Число уничтоженных партизанами и подпольными организациями самолетов в результате диверсий на железнодорожном транспорте и погибших при крушениях /т. е. при перевозке. — *М.П.*/ близко к 350 самолетам. Таким образом, всего уничтожено партизанами и подпольными организациями 1140 самолетов противника» (Соколов, с. 121).
>
> «В начале марта /1943 г. — *М.П.*/ в бригаду Соколова прибыли уполномоченные от НКВД, а потом прилетели самолеты с боеприпасами, продовольствием, рацией и двумя радистками. Позднее самолеты стали регулярно прилетать раз в неделю. В апреле в бригаду были парашютированы 5 советских офицеров с инструкциями по дальнейшему развитию бригады и ее действий. Под их руководством

Где здесь эффективность диверсии? Разрушен только один вагон, а паровоз упал набок, его поднимут и снова поставят на рельсы

на юго-западной опушке леса, недалеко от сожженной деревни Баранки, партизаны превратили участок поля в импровизированный аэродром. В бригаде начинает проводиться регулярная военная подготовка. 500 человек, входящих в отряд, распределили по специализированным группам-отрядам.

(...) Самой крупной операцией за этот период надо считать попытку Соколова овладеть местечком Яновичи. Несмотря на то, что операция эта была подготовлена тщательно, а гарнизон местечка незначителен, попытка окончилась полной неудачей для партизан. Весть о готовящемся нападении дошла до жителей, которые тут же оповестили немцев. Потери Соколова составили 69 убитых и около 100 раненых и взятых в плен.

Да, а сколько немцев уничтожили "партизаны"? (...) Вот что пишет Судоплатов:

"Подразделения 4-го управления (то есть, заброшенные в немецкий тыл "оперативные группы товарищей" — *В.Б.*) и ОМСБОН (тоже заброшенные в тыл немцам якобы "партизаны" — *В.Б.*) уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников».

Значит, 47.500 чекистов уничтожили 157 тысяч немцев (соотношение 1 : 3,3), а 142.500 партизан уничтожили 143 тысячи немцев

(соотношение 1 : 1). Ведь по Пономаренко 190 тысяч партизан уничтожили 300 тысяч немцев. Если из 300 вычесть 157, получим 143. Вот так арифметика разоблачает ложь пропаганды, советские мифы, бред мемуаристов с Лубянки». (В.С. Батшев. Партизанщина: мифы и реалии).

«Выдающуюся эффективность» советского партизанского движения эти липовые цифры и спорные факты никак не доказывают. Добавим, что взаимосвязь между операциями партизан и боевыми действиями на фронтах отсутствовала:

> «...командование Красной армии было недовольно уровнем координации действий различных отрядов. По оценкам немцев, отсутствие координации советское руководство считало главной помехой для успешных действий в войне с противником. С целью устранения этого недостатка в районы действий партизан направлялись более компетентные руководители для создания объединенного командования, которое должно было способствовать координации действий разбросанных партизанских отрядов, а также обеспечить более тесное взаимодействие с войсками Красной армии. Таким образом, командование Красной армии рассчитывало более эффективно использовать партизанские отряды для поддержки своих операций» (Армстронг, с. 115–116).

А вот какова была реакция партизан (весьма характерная, к слову) на попытку «армейцев» подвязать их к своим акциям:

> «Автор дневника отметил, что 18 мая 1942 года командир отряда прибыл в штаб дивизии в Кирове (по всей видимости, штаб 330-й дивизии) для получения инструкций. Командование дивизии предложило отряду попытаться прорваться через позиции немцев. Но, как пишет автор, «мы на это не согласились». После этого на командном пункте появился полковой комиссар и приказал партизанам захватить лесничество, где находился передовой пост немцев численностью до 40 человек. Этим можно было создать проход через линию фронта на занятую партизанами территорию в тылу у немцев. Отряд приступил к выполнению задания, но вскоре обнаружил, что пост находится между двумя занятыми немцами деревнями, откуда по флангам партизан могли быть нанесены удары. Поэтому командир партизан отказался от выполнения и этого задания» (Армстронг, с. 116).

В упомянутом выше отчете начальника тыла группы немецких армий «Центр» отмечается, что:

— в период с мая по октябрь 1942 года партизаны совершили 260 успешных подрывов (еще 301 был предотвращен) и 540 нападений на часовых;

— в период с ноября 1942 по апрель 1943 года совершили 236 успешных подрывов (еще 222 предотвращено) и 553 нападения на часовых;

— всего в период с мая 1942 по апрель 1943 года совершено 496 успешных подрывов (523 предотвращены) и 1093 нападения на часовых (Армстронг, с. 126, табл. 2).

Несмотря на все потуги «настоящих партизан» и заброшенных в немецкий тыл диверсионных групп, в конце 1942 года тыловое командование группы армий «Центр» доложило о том, что непрерывность движения по главным линиям коммуникации удалось сохранить.

> «Лишь в одном случае отмечалось, что такое нападение вызвало существенные перебои в системе снабжения немцев. Это произошло в результате разрушения находившегося около Вигоничей железнодорожного моста через Десну, взорванного партизанами в ночь на 7 марта 1943 года. Нападение вызвало временное прекращение движения на одном из главных путей снабжения 2-й танковой армии немцев. Несколько дней все эшелоны приходилось направлять в обход по линии Смоленск — Рославль. Командование тыла 2-й танковой армии считало это «крупным успехом» партизан» (Армстронг, с. 127).
>
> «Трудно определить причины низкой эффективности партизанских действий по разрушению немецких линий коммуникаций летом и осенью 1941 года, но, по всей видимости, этому способствовал ряд факторов:
>
> 1) враждебное отношение населения вынуждало партизан действовать осторожно, избегая риска быть выданными противнику;
>
> 2) не имевшие боевого опыта партизаны были плохо организованы, не существовало централизованного руководства их действиями из советского тыла;
>
> 3) много времени уделялось оказанию давления на местное население с целью убедить его в том, что война еще не проиграна, и показать, что вовсе не немцы, а партизаны являются законной властью;
>
> 4) попытки усилить партизанское движение путем сбора бывших красноармейцев, обучения новобранцев и совершенствования организации в целом отвлекали партизан от выполнения задач по разрушению немецких линий коммуникаций;

5) действиям партизан, разумеется, мешали принимаемые немцами контрмеры.

В одном из немецких донесений говорилось:

«Попыткам партизан сплотиться удалось помешать... Удалось рассеять несколько крупных скоплений партизан в районах к югу от Лепеля и к северу от Старой дороги... При преследовании часть партизан была уничтожена, часть — лишилась своих командиров. В результате партизаны ограничили свои действия грабежами окрестных деревень... Несколько попыток диверсий были вовремя замечены и успешно предотвращены»...

Нет свидетельств того, что партизаны Полоцкой низменности хоть в чем-то оказывали поддержку советскому наступлению; ...партизаны, похоже, бездействовали и стремились лишь реорганизовать свои силы» (Армстронг, с. 167–168, 170).

Стоило немцам с конца 1943 года перейти к крупным карательным операциям с привлечением большого числа армейских подразделений, как все советское партизанское движение «посыпалось».

«...немцы, воспользовавшись затишьем на фронте, бросили против партизан несколько пехотных полков Вермахта, подкрепленных частями СС и полиции, а также тремя полками бригады Русской Освободительной Народной армии Б. Каминского... В апреле 1944-го начали широкомасштабную карательную операцию «Праздник весны» и в начале июня практически ликвидировали Полоцко-Лепельскую партизанскую зону. Часть партизан смогла прорваться в Минскую и Вилейскую области, но многие погибли.

По данным штаба 3-й немецкой танковой армии, только в период с 11 апреля по 15 мая 1944 года потери партизан (...) составили 14.288 человек убитыми и пленными. Немцы полагали, что партизаны потеряли четыре пятых своего состава. Белорусский штаб партизанского движения определял свои потери гораздо скромнее — в 7000 убитых и пропавших без вести, утверждая, что немцы понесли еще большие потери — до 8300 убитых и до 12900 раненых. Учитывая колоссальное неравенство в вооружении, данные о немецких потерях кажутся сильно преувеличенными. Пономаренко признавал, что противнику удалось очистить от партизан прифронтовую полосу от Полоцка до Орши» (Армстронг, с. 125–126).

«В ходе одной из таких операций, «Коттбус», согласно донесению Готтберга от 26 июня 1943 года, было убито в бою 6084 партизана, а еще 3709 — расстреляно после пленения. Кроме того, 599 пленных было оставлено в живых. Немцы также захватили 4997 мужчин и 1056 женщин в качестве «рабочей силы» (...) Немецкие же потери были сравнительно небольшие. (...) Было убито 5 немецких

офицеров, включая 1 командира батальона и 112 солдат, ранено 11 офицеров (в том числе 2 командира полка) и 374 солдата, а еще 3 рядовых пропали без вести. Потери среди «иностранцев», под которыми, очевидно, подразумевались русские «добровольцы», Готтберг определил в 40 убитых, 152 раненых и 4 пропавших без вести...» (Там же, с. 127).

«Под руководством Готтберга с 3 июля по 30 августа 1943 года была проведена еще одна крупная карательная операция, под кодовым названием «Герман», на этот раз против советских и польских партизан Барановичской области. В итоговом донесении Готтберг утверждал, что в бою было убито 4280 человек, в том числе 6 командиров и 2 комиссара «банд», а захвачено в плен — 654, включая 1 командира польских повстанцев. Немецкие потери составили 40 убитых и 112 раненых, в том числе 9 офицеров, а 3 солдата пропали без вести. Потери коллаборационистских формирований были меньше — 6 убитых, 43 раненых и 1 пропавший без вести».

Вот и сравните: в операции «Коттбус» 164 убитых и без вести пропавших немцев, 6084 убитых партизана. Пропорция 1 : 37 в пользу немцев! А в операции «Герман» соотношение убитых и пропавших без вести 4280 и 50 человек. Пропорция — 1 : 85 опять-таки в пользу немцев.

Как видим, вопреки сказкам партизанских командиров, вопреки отчетам штабов партизанского движения, «мстители» теряли в десятки раз больше людей, чем враг.

Много шума из ничего

Так сколько военнослужащих Германии и союзных ей стран погибли в результате действий советских партизан? Точно это не установлено.

В предыдущих главах мы пришли к выводу, что общая численность советских партизан за все время войны составила около 200 тысяч человек (по мнению немцев — примерно 100 тысяч, по мнению И.Г. Старинова — 250 тысяч). Заявления о том, что якобы в одной только Украине было свыше 400 тысяч партизан — просто выдумка партийных «товарищей». И, как показано выше на ряде примеров, соотношение потерь на всех этапах войны было в пользу противника (включая в это понятие не только Вермахт, СС, СД и другие формирования немцев, но также войска их союзников и «восточных добровольцев»).

По данным, которые привел немецкий историк Бернд Бонвеч, общая сумма потерь этих категорий военнослужащих в результате

партизанских действий составила за всё время войны 30–35 тысяч человек*. Так что «товарищ Пономаренко П.К.» врал по-крупному: завысил реальные потери противника более чем в 30 раз!

А вот численность гражданского населения, уничтоженного партизанами, превышает эту цифру (в зависимости от региона) в пять-семь-десять раз! Это служащие вспомогательной полиции (пресловутые «полицаи»), сотрудники местной администрации, «предатели» (например, семьи полицейских, учителей, священников, сельских старост), обычные жители деревень и местечек, убийство которых партизаны выдавали за уничтожение «гарнизонов».

Партизаны подожгли небольшой деревянный мост возле деревни, где нет оккупантов. В Москву пошли донесения сразу от нескольких отрядов: «уничтожен важный мост, что серьезно затруднило немецкие перевозки в N-ском районе».

☆☆☆

Главной причиной низкой эффективности, помимо отсутствия реальной поддержки со стороны местного населения, явилось отсутствие у московского руководства правильной стратегии партизанской войны на оккупированной территории.

Технари-диверсанты убедили партийных функционеров, возглавлявших штабы партизанского движения, в том, что партизанская война — это возможность нанесения ущерба противнику хаотичными действиями на коммуникациях. Но никто из большевистских «партайгеноссе» не подумал о том, что в середине XX века в принципе невозможно пресечь транспортные перевозки противника.

Даже если заблокировать ВСЕ железные дороги противника (что мало реально), то останутся шоссейные и проселочные дороги. Даже если ликвидировать весь транспорт вообще (что абсолютно нереально) — останутся ноги солдат, копыта лошадей, гусеницы

---

* См. Б. Бонвеч. За кулисами «рельсовой войны». Журнал «Родина», 2003, № 7, с. 76. Доктор исторических наук Бернд Бонвеч (Bernd Bonwetsch) — основатель и первый директор Германского исторического института в Москве. Институт работает с 2005 г.

танков. Как известно, в 1805 году в течение месяца (с конца августа по конец сентября) Бонапарт пешим порядком перебросил всю свою Великую армию из Булонского лагеря к театру предстоящих боевых действий на берега Дуная (600 км от Булони; средний темп марша — 30 км в день). А летом 1812 года Наполеон, форсировав Неман к концу июня, в Москве был уже в середине сентября — через три месяца без всяких железных дорог, но с боями.

Действия партизан на коммуникациях были малоэффективными потому, что в ЦШПД и других штабах отсутствовало правильное понимание сущности, главных целей и методов партизанской борьбы.

Там не знали, и знать не хотели, что партизанская война хотя и является *партизанской*, тем не менее остается *войной*. А какие цели преследует любая война? Одни и те же — разгром противника и захват территории. Разница лишь в способе действия: если не можешь ударить противника, находясь с ним лицом к лицу (классическая война), тогда прячешься под кустом и ждешь, когда враг повернется к тебе спиной, и лишь тогда атакуешь — это и есть партизанская война. То есть, ты ведешь бой с противником (а не с принадлежащими ему столбами и железными дорогами), но только там и тогда, где и когда это выгодно тебе, а не ему, и тем самым сводишь на нет его превосходство в силах.

Как следовало поступить советским партизанам? Осуществить концентрацию сил в труднодоступных районах, что и было сделано. Но вот дальше требовалось этими силами занимать (или стараться занимать) важные в экономическом и стратегическом отношении районы. В борьбе за эти районы можно было применять и транспортную блокаду, и уничтожение железнодорожных магистралей — для того, чтобы пресечь перевозки в район (из района).

Если же партизанские формирования не могут вести такую войну с противником, тогда выход один — ждать и накапливать силы (как поступили французы). Локальные операции должны преследовать локальные же цели, а не распылять драгоценные силы и средства. И только в нужный момент — выступить всей своей массой.

Коммунисты вместо этого призвали народ (в смысле — засевший в лесах и деревнях «актив») к мелкому вредительству, на которое противник отвечал репрессиями против населения, а то и карательными операциями.

Последние, будучи поначалу незначительными, впоследствии приобрели такие масштабы, что привели к ликвидации партизанского движения в тех регионах, где они проводились. И к тому моменту, когда советским войскам потребовался вспомогательный

удар партизан в спину врагу, этот удар не последовал — часть партизанских соединений была уничтожена, часть заблокирована, часть ушла в глубь оккупированной территории либо на территорию, контролируемую советскими войсками.

Словом, все происходило типично по-советски: множество шума, много жертв, но очень мало пользы.

Глава 8

Почему немцы не смогли уничтожить партизан

Ни единого командования, ни спецвойск

Почему не были полностью уничтожены партизанские формирования в Беларуси, в Брянской, Орловской и Ленинградской областях?

Немецкое тыловое командование совершило принципиальную ошибку, ограничившись пассивной обороной узловых населенных пунктов и важнейших магистралей. Между тем антипартизанская война предполагает сочетание обороны населенных пунктов и коммуникаций силами гарнизонов с действиями крупных маневренных отрядов. Но опорные пункты немцы создали, а для создания таких отрядов людей у них уже не было. Мелкие же операции силами рот или батальонов эффекта не давали — разгром партизан в конкретной деревне (поселке) или конкретном лесу ничего не давал в оперативном смысле, поскольку эту деревню (поселок, лес) требовалось взять под контроль, а людей для этого не хватало. Как только немцы уходили, туда вновь возвращались партизаны.

Но соответствует ли действительности тезис многих российских историков о том, что у немецкого командования вообще не было наличных сил для борьбы с партизанами? (Подразумевается при этом, что партизаны «загнали немцев в угол и схватили за горло»).

Как показали события в районе Дорогобужа, для полного разгрома партизан в масштабе области требовалась группировка численностью от 30 до 50 тысяч человек. Если бы немцы повсюду имели возможность выставлять против «мстителей» такие силы, история советского партизанского движения сложилась бы совершенно иначе — ее просто не было бы.

Для гарантированного разгрома партизан в каждом конкретном регионе оккупированной части СССР немцам достаточно было соз-

дать одну такую группировку, а потом перебрасывать ее из одной области в другую. Например, на разгром партизан в районе Дорогобужа ушла, по сути, одна неделя (с 24 по 30 мая 1942 года), на «зачистку» — еще две.

За год можно было полностью ликвидировать все советское «лесное сопротивление» — это ведь не Польша, где оккупантов ненавидело 95 % населения. Забитые и деморализованные советские «граждане» приняли бы фюрера точно так же, как они приняли Сталина.

Так почему подобная группировка не была создана? Негде было взять войска? Вовсе нет. В одной только Норвегии, где партизан к концу войны насчитывалось около 40 тысяч, находилась немецкая группировка в 200 тысяч штыков, а к концу войны даже 300 тысяч. Набрать в странах Европы 50 тысяч бойцов для формирования специального антипартизанского соединения можно было без особого труда. Хватило бы добровольцев-антикоммунистов из Франции и Бельгии, Нидерландов и Норвегии, Испании, Словакии и ряда других стран.

Отчего же это не было сделано?

Во-первых, отсутствовало ясное понимание сути проблемы. Соответственно, немцы вплоть до конца оккупации ни на одном из театров военных действий так и не создали единое специализированное командование, которое занималось бы исключительно борьбой с партизанами. А если бы они додумались до этой, в общем, не хитрой идеи, то сформировали бы для каждого ТВД и специальные антипартизанские группы войск (от 20 до 50 тысяч человек), вместо того, чтобы каждый раз «стаскивать» в кучу разношерстные военные и вспомогательные подразделения.

Во-вторых, советские партизаны, как уже сказано, вредили Вермахту в гораздо меньшем объеме, чем утверждала советская пропаганда (и как продолжает расписывать нынешняя пропаганда российская).

Высшее руководство Рейха на кого только ни возлагало борьбу с «народными мстителями»:

— на тыловые командования групп армий (но у тех едва хватало охранных войск для прикрытия коммуникаций, чрезвычайно растянутых в условиях СССР);

— на полевые комендатуры (у которых нужных сил не было в принципе);

— на гражданскую администрацию новых областей (которая не имела в своем распоряжении ни специальных, ни армейских частей;

а к созданию специальных полицейских формирований из местного населения немцы приступили слишком поздно);

— на рейхсфюрера СС (однако дивизии войск СС находились на фронтах, тогда как отдельные части направлений и рейхскомиссариатов не составляли единого целого).

Об этом серьезнейшем просчете военно-политического руководства нацистской Германии никто из историков не сказал ни слова. Потому и действовали против партизан сначала разношерстные подразделения, откуда только ни набранные и кому только ни подчинявшиеся, а позже армейские части, быстро возвращавшиеся на передовую, вне зависимости от стадии завершенности операции против партизан.

Немецкие солдаты конвоируют плененных партизан

Если бы власти Третьего рейха разделили созданные ими Рейхскомиссариаты на более мелкие административные единицы и в каждой из них создали самостоятельные, хорошо вооруженные отряды самообороны из местных жителей, партизанам пришлось бы туго. Однако эта разумная мысль так и не возникла в «арийских» мозгах имперских администраторов. Вот почему тыловые службы группы армий «Центр» сделали ставку на оборону — создали сеть опорных пунктов, прикрывавших важнейшие магистральные пути и линии снабжения.

А до идеи центрального антипартизанского командования с подчиненной ему, во-первых, специальной группой войск и, во-вторых, отрядами самообороны местных жителей во всех «гебитах» немцы так и не додумались.

Скажу в дополнение, что американцы, изучив опыт Второй мировой войны, такой вывод сделали. Есть у них и центральное антипартизанское командование, и специальные антипартизанские войска, и учебно-тренировочные центры для обучения личного состава этих войск.

«Охотники»: хорошо, да мало

Для активных операций «в лесу и в поле» — с целью помощи гарнизонам опорных пунктов — начиная с лета 1942 года германское военное командование стало создавать мелкие мобильные подразделения специального назначения, так называемые «охотничьи отряды» (Jagdkommando).

Из немецкого наставления «Боевые действия против партизан»

3. Использование против партизан ягдкоманд

86. Структура ягдкоманд дает им возможность активно бороться против партизан даже самыми небольшими силами. Ягдкоманды наиболее подходят также для проведения разведки боем. Их необходимо создавать как ударные отряды при всех частях и штабах, занятых борьбой с партизанами, и использовать при каждой благоприятной возможности. Необходимо, чтобы одно из подразделений постоянно выполняло роль ягдкоманды.

Ягдкоманды должны постоянно беспокоить партизан, нарушать их снабжение и препятствовать организации новых отрядов. Они обеспечивают охранение наших войск, которые в силу возложенных на них задач (охрана и т. д.) должны оставаться на месте.

87. Главное в тактике ягдкоманд заключается в том, чтобы, подражая партизанам и приспосабливаясь к местным условиям, скрытно подойти как можно ближе к противнику, внезапно его атаковать и уничтожить.

88. Наиболее благоприятными для действий ягдкоманд являются районы:

— через которые партизаны совершают переходы;

— где они добывают продовольствие;

— через которые они проходят, направляясь на диверсии.

Районы, в которых партизаны имеют хорошо укрепленные лагери, для действий ягдкоманд неблагоприятны.

89. Численность ягдкоманды не должна быть меньше взвода или больше роты.

Чтобы выполнять стоящие перед ними задачи, ягдкоманды должны быть соответствующим образом оснащены. (...) Ягдкоманды необходимо вооружать большим количеством автоматов, автоматических карабинов, ручных пулеметов, легких гранатометов, ручных гранат. Ягдкоманды должны быть в состоянии в течение длительного времени вести боевые действия без пополнения своих запасов продовольствия и боеприпасов.

90. В ягдкоманды следует отбирать бесстрашных и хорошо подготовленных солдат. Каждой ягдкоманде придается несколько саперов, кавалеристов, связистов и переводчиков. В ягдкомандах целесообразно использовать местных жителей, но, разумеется, только хорошо проверенных и надежных. Все солдаты ягдкоманд (даже те, кто непосредственно не участвует в боевых действиях) должны постоянно заниматься боевой подготовкой, чтобы всегда быть в состоянии боевой готовности.

91. Командир ягдкоманды должен быть изобретательным, находчивым офицером. Непременным условием успешного применения ловких тактических приемов является хорошее знание тактики партизан и местных условий. Поэтому ягдкоманды следует всегда использовать в знакомом им районе. (...)

Хороший «охотничий» инстинкт у каждого солдата ягдкоманды, и особенно у ее командира,– следующее важное условие успеха.

Бойцы ягдкоманды уточняют маршрут

Если ягдкоманда хочет иметь сведения о партизанах, то здесь она должна рассчитывать только на себя, особенно когда она действует вдали от других частей.

92. Ягдкоманда действует следующим образом: переходы она совершает большей частью ночью, а в дневное время находится в скрытом месте. И на марше и на привалах ягдкоманда должна обеспечивать непосредственное охранение. Разведка начинается по достижении места боя. О действиях и передвижениях партизан ягдкоманда судит по оставляемым ими следам. Чтобы избежать предательства, не следует вступать в контакт с населением. (...).

Немецкий пулеметный расчет в засаде зимой

☆☆☆

Однако эти небольшие группы не могли контролировать обширные районы, поэтому ограничивались действиями в районах, прилегавших к опорным тыловым пунктам. Организовать «охотничьи команды» в крупное соединение (хотя бы в бригаду), верховное командование Вермахта и руководство СС не додумалось. К счастью для партизан!

И все же, несмотря на все свои ошибки, к лету 1944 года немцы вместе с союзниками и пресловутыми «коллаборационистами» разгромили значительную часть партизанских формирований, а остальные загнали в труднодоступные места, откуда те не смели высовываться. Если бы не операция «Багратион», то до конца года им тоже пришел бы конец.

ЧАСТЬ II

ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАХ

Вопреки сказкам советской пропаганды, никогда не существовало партизанского ***фронта*** в тылу врага на оккупированных территориях СССР от Карело-Финской ССР до побережья Черного моря. Известны несколько отдельных регионов, где в разное время действовали крупные партизанские соединения. Укажу их в географическом порядке, с севера на юг и с запада на восток:

Первый регион — территория Ленинградской, Псковской и Новгородской областей.

Второй — наиболее массовый в смысле численности партизан — территория БССР с осени 1942 до лета 1944 года.

Третий регион (где партизанская борьба длилась от начала оккупации до ухода оккупантов) — зона Брянских лесов (Брянская и Орловская области РСФСР).

Четвертый — район Дорогобужа и Ельни в Смоленской области. Активная борьба с оккупантами продолжалась здесь с января по конец мая 1942 года, около пяти месяцев.

Пятый — район Приднепровья на Украине, где партизанское движение было ликвидировано противником очень быстро, уже после первых акций.

На остальной территории Украины советского партизанского движения фактически не было. Исключение — засылаемые с советской территории «кочующие» отряды (вроде соединений С.А. Ковпака или А.Ф. Федорова), и территория горного Крыма, где скрывались остатки разбитых советских частей вкупе с советско-партийной номенклатурой и пресловутыми «активистами».

Шестой и седьмой — регион нижнего течения Волги (Калмыкия) и Северный Кавказ. Здесь партизанское движение развалилось, толком не начавшись.

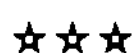
Это всё.

В Карелии и Заполярье никакого партизанского «движения» никогда не было. Штабу партизанского движения Карело-Финской ССР подчинялись несколько отрядов и разведывательно-дивер-

сионных групп, сформированных наполовину из бойцов и командиров пограничных войск, а наполовину из членов бригад содействия пограничникам*. Они *выходили* на вражескую территорию через линию фронта, а после выполнения задания *возвращались* в свой прифронтовой тыл.

Более того, главным занятием этих групп являлось уничтожение финских деревень, имевших несчастье находиться в прифронтовой зоне. Современные финские историки доказали это документально. Так называемые «советские партизаны» Карелии — военные преступники в чистом виде**.

Не существовало во время войны советского партизанского движения на территории прибалтийских государств. Партизанское движение там разгорелось позже — против органов советской власти, против коллективизации, против карателей-чекистов.

Действия разведывательно-диверсионных групп РККА в глубоком тылу врага, как уже сказано в первой части книги, представляли собой одну из форм боевых действий подразделений регулярной армии, а не партизанских формирований.

Действия специальных групп НКВД и НКГБ — это разведывательные, диверсионные и террористические действия советских спецслужб на территории, контролируемой противником, но опять-таки не партизанское движение.

Даже деятельность подпольных организаций в городах оккупированной части СССР, имевшая некоторое сходство с действиями партизан, все же не была составной частью партизанской войны — подпольщики сами по себе, партизаны — сами по себе: одни в лесу, другие в городе. Эта тема сама по себе интересна, но требует отдельного анализа.

В августе 1941 года, после потери Прибалтики, Беларуси, Западной Украины и Молдавии стало ясно, что «временно оккупированные» территории в ближайшей перспективе не представляется воз-

---

* См.: Боярский В.И. Партизаны и армия, с. 115–120.

** Вообще, история так называемых «партизан Карелии» ужасна. Они действовали в суровых природных условиях, полностью лишенные какой-либо поддержки со стороны немногочисленного местного населения. Отрядами командовали вчерашние сотрудники «трудовых лагерей», среди членов «бригад содействия» было немало уголовников, обязавшихся «кровью искупить свои преступления». Нравы были соответствующие. Раненых товарищей, утративших возможность передвигаться, убивали на месте. Об этом есть поистине страшная книга воспоминаний Дмитрия Гусарова «За чертой милосердия», изданная в Петрозаводске.

можным вернуть. Вот тогда и началась лихорадочная деятельность по развертыванию «партизанского» движения.

В принципе, указания о ведении партизанских действий подразделениями РККА, оказавшимися в тылу противника, и об организации таких действий советской администрацией оккупированных областей отдавались с первых дней войны. Но тогда эти указания подразумевали временный характер подобных действий (мол, скоро вернется Красная Армия или же окруженные части в скором времени соединятся с наступающими на запад советскими войсками, и партизанские действия можно будет свернуть за ненадобностью).

С августа же 1941 года советская верхушка приступила к организации масштабных партизанских действий, тем более, что площадь «временно оккупированных» территорий продолжала непрерывно увеличиваться.

Глава 1

Смоленская область

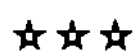
Откуда взялись партизаны?

Напомню определения, приведенные во 2-м томе «Военного энциклопедического словаря», подготовленного в Институте военной истории Минобороны Российской федерации (издание 2001 года):

> «Партизан (франц. partisan) — лицо, добровольно сражающееся в составе организованных вооруженных формирований на территории, занятой противником.
>
> Партизанское движение — вооруженная борьба народных масс за свободу и независимость своей страны, ведущаяся на территории, оккупированной или контролируемой противником (...). Основной силой в этой борьбе выступают партизаны, действующие в составе организованных вооруженных формирований и опирающиеся на поддержку местного населения» (с. 274).

Ученые не отождествляют собственно партизан (т.е. добровольцев из числа гражданских лиц) с военнослужащими регулярных войск, действующими в тылу противника. Поэтому неправильно называть партизанами воинские подразделения Красной Армии и специальные группы органов НКВД — НКГБ, действовавшие на территории, оккупированной противником.

Между тем, боевые действия партизанского типа на территории Калининской, Смоленской, Брянской и Орловской областей вели, в основном, части РККА, оказавшиеся в окружении или специально туда отправленные. К ним надо добавить местное население, мобилизованное на военную службу, а также спецгруппы чекистов. Поэтому наш анализ действий этих псевдо-партизан будет предельно кратким.

Еще 6 июля 1941 года, на 15-й день войны, бюро Смоленского обкома партии приняло решение о создании в области партизанских отрядов. Секретарей обкома назначили кураторами: Ф.И. Крылова — по Глинковскому, Красненскому, Монастырщенскому, Починковскому и Стодолищенскому районам; З.Ф. Слайковского — по двум Демидовским районам; В.И. Иванова — по Смоленскому, Духовщинскому, Кардымовскому, Руднянскому и Ярцевскому районам; С.Л. Деньгина — по группе Северных районов; Г.И. Пайтерова — по Ершическому, Рославльскому, Хиславическому и Шумячскому районам.

А в конце июля — начале августа советское военное командование вывело пешим порядком через линию фронта в тыл к немцам несколько подразделений 214-й воздушно-десантной бригады — в Починковский район, где бывшим парашютистам надлежало вести партизанскую войну.

Таким образом, ядро будущих партизанских отрядов создавалось еще летом и осенью 1941 года, однако после оккупации Смоленщины массовые партизанские действия в указанном районе развернулись далеко не сразу. Вот о чем свидетельствуют немецкие источники того периода:

> «Действия партизан состоят исключительно из набегов на деревни для обеспечения себя продовольствием, зимней одеждой и строительством жилья на зиму. Нападений на транспортные средства вооруженных сил и часовых не отмечается. Отмечено несколько случаев диверсий, выразившихся в нарушении линий телефонной связи. Вместе с тем было установлено, что партизаны стремятся терроризировать русских, сотрудничающих с /немецкими/ войсками, то есть членов местной вспомогательной полиции, старост и председателей колхозов. Партизаны принимают бой лишь тогда, когда подвергаются атакам или не имеют возможности избежать столкновения» (Армстронг, с. 34—35).

Вывод однозначен:

«...партизанское движение в районе Ельни и Дорогобужа в последние месяцы 1941 года можно назвать лишь зарождающимся. Здесь (...) имели место мелкие стычки, но партизанских действий, которые наносили бы крупный урон оккупантам, отмечено не было. Действия партизан не препятствовали и практически не влияли на продолжавшееся немецкое наступление» (Армстронг, с. 35).

Почему так? Да потому, что руководство партизан на местах явно выжидало, чем закончится наступление Вермахта на Москву. Если бы немцы заняли в октябре или ноябре столицу СССР (как они планировали), то никакого партизанского движения в регионе не было бы и в помине.

В лесных районах вокруг Ельни и Дорогобужа, после разгрома советских войск под Вязьмой в ходе оборонительной операции Западного и Резервного фронтов (с 2 по 13 октября 1941 года), оказалось в окружении много бойцов и командиров РККА. Достаточно сказать, что на фронте протяженностью 340 км — от Осташкова до Ельни — потерпели поражение и попали в окружении войска шести советских армий (!) — 16-й, 19-й, 20-й, 22-й, 29-й и 30-й. В тех же районах скрывались работники местной администрации и органов НКВД. Постепенно они пришли в себя после шока поражения и начали формировать партизанские отряды — сначала небольшие, а затем крупные.

«С середины января до конца марта 1942 года происходил бурный рост партизанского движения, в котором на смену небольшим группам, численностью от пяти до тридцати человек, пришли крупные и хорошо организованные формирования, чья общая численность достигла 10.000 человек.

Как этого удалось добиться? Рост партизанского движения происходил в основном за счет большого количества оказавшихся в окружении после боев 1941 года красноармейцев. Большинство их пряталось в деревнях, некоторые, сбиваясь в мелкие группы, занимались мародерством. Эти люди быстро оказались мобилизованы находившимися на месте или доставленными сюда организаторами партизанского движения» (Армстронг, с. 11).

Первоначально упор делался на повторный призыв красноармейцев-окруженцев (по факту — дезертиров), поэтому в начале 1942 года 75 % численности партизанских отрядов составили именно бывшие красноармейцы. Не удивительно, что партизанские соединения приобрели структуру воинских частей, основной единицей которых являлся полк.

Затем взялись за местное население, которое до Зимнего наступления Красной армии под Москвой (с 5 декабря 1941 по 7 января 1942 года) приходилось гнать под ружье палкой, но после советского контрнаступления дело пошло веселей ввиду ожидавшегося вскоре возвращения советской власти.

На всех уровнях управления партизанами, начиная с самых низовых, находились кадровые офицеры и комиссары РККА, либо сотрудники НКВД.

Комкор Павел Белов (1897–1962)

Однако централизованное управление отрядами было налажено только в январе 1942 года, когда в район Вязьмы вышел 1-й гвардейский кавалерийский корпус П.А. Белова (1897–1962) /до ноября 1941 года корпус назывался просто 1-м кавалерийским, без титула «гвардейский» — *М.П.*/ и быстро прибрал к рукам власть в регионе.

Белов приказал в феврале 1942 года осуществить массовый призыв местных «мобилизационных ресурсов» младших возрастов (1923–24 годов рождения). Иными словами, численность «людей с оружием» в немецком тылу возросла благодаря обычной советской «обязаловке», никакого «всенародного подъема» в помине не было.

Современные российские авторы заслугу в деле сковывания немецких войск в районе Вязьма — Дорогобуж связывают именно с Беловым, а всю совокупность вооруженной массы в тылу немцев туманно называют «группой Белова» (без разбора — где партизаны как таковые, где бывшие парашютисты, а где– кавалерийский корпус):

«Признавая значительные недостатки в применении группы Белова, Оперативный отдел штаба фронта (Западного — *Авт.*) в то же время констатировал:

"Несмотря на неоднократные попытки немецкого командования ликвидировать эту группу войск, нарушивших нормальную работу их тылов в продолжение длительного времени, корпус сумел прочно приковать к себе немецкие войска, находившиеся в районе Вязьма, Дорогобуж, Спас-Демянск. Противник вынужден был февраль и март затратить на то, чтобы не допустить расширения территории, занятой войсками группы Белова. По этой же причине немецкое командование ряд соединений, предназначенных для усиления пе-

редовых позиций фронта, вынуждено было держать в своем глубоком тылу исключительно для борьбы с группой Белова и разраставшимся партизанским движением. В этом смысле оперативное значение действий группы Белова в феврале-марте — велико» (Абатуров В.В. 1941. На Западном направлении, с. 341–342).

Но в действительности действия именно партизан (в отличие от гвардейцев-кавалеристов) отличались пассивностью:

> «Военные действия партизан в первую очередь сводились к обороне контролируемого ими района. С этой целью прилагались огромные усилия к строительству полевых фортификационных сооружений» (Армстронг, с. 15–16).

Поясню: они «героически обороняли» те районы, которые еще никто не атаковал. И только тогда, когда Красная Армия перешла под Москвой в контрнаступление, а фронт оказался в считанных километрах от Ржева и Вязьмы, партизаны Дорогобужа и Ельни резко активизировали свои усилия.

Партизанские «успехи»

Большая часть территории Смоленщины (и ряд районов Московской области) были оккупированы только на карте — у немцев не хватало войск для фактического контроля всех населенных пунктов на занятой территории. Линия фронта существовала, однако в своем тылу Вермахт и охранные службы контролировали лишь города, крупные села и важнейшие магистрали, на остальной территории царило безвластие. Именно там создавались все партизанские зоны (ибо противник изначально их не контролировал) и там же происходило постепенное накопление партизанской массы.

Зимой 1941–1942 гг. в полосе группы армий «Центр» в целом, 4-й полевой и 4-й танковой армий в частности, сложилась критическая ситуация для германского командования. По линии фронта ему приходилось отражать удары превосходящих сил Западного и Калининского фронтов, а сил для укрепления гарнизонов в тылу просто не было. Район же Дорогобужа и Ельни в феврале — марте 1942 года прямо-таки наводнили партизаны — свыше 10 тысяч человек по современным оценкам. А немцы в 1942-м думали, что их там 30 тысяч, то есть столько же, сколько насчитывала в период зимнего наступления вся 33-я армия М.Г. Ефремова (1897–1942). В то же время немецкие гарнизоны в городах и крупных селах состояли из охранных рот, от силы — батальонов.

Однако ни партизанское руководство (то есть комкор Павел Белов и штаб его корпуса), ни советское фронтовое командование не сумели толком использовать благоприятную для себя ситуацию.

Отряды партизан насчитывали людей больше, чем советские стрелковые полки той поры, не уступая им в вооружении. Партизаны, помимо собранного по лесам стрелкового оружия, имели артиллерию, минометы и даже легкие танки (запчасти к ним перебрасывали по воздуху). Командный состав этих отрядов полностью состоял из офицеров РККА. Половина рядового состава тоже прошла службу в армии — это вчерашние окруженцы и дезертиры. Другая половина была призвана по мобилизации — как в Красную Армию. Так что местные партизанские соединения мало отличались от регулярных частей. Тем не менее, сделать что-либо с крупными подразделениями немцев они не могли.

Московские «спецы» настойчиво советовали Белову активизировать действия в направлении Вязьмы. Они не понимали, что после провала зимнего наступления советских войск на данном направлении, стабилизации и укрепления немецкого фронта к весне 1942 года, положение советских партизан, располагавшихся в его оперативном тылу, с каждым днем становилось все более опасным. Несмотря на это, содержание «ценных указаний» не менялось: отвлекайте на себя фронтовые части противника, парализуйте движение на транспортных магистралях!

Как отмечено выше, действия партизан в районе Ельни и Дорогобужа осенью 1941 года командование тыловых частей немцев характеризовало следующим образом:

> «Действия партизан состоят исключительно из набегов на деревни для обеспечения себя продовольствием»...

В начале 1942 года ситуация несколько изменилась. Вот что сказано в верноподданническом письме «дорогому товарищу Сталину от партизан и жителей» одного из оккупированных районов Смоленской области:

> «...Теперь на земле нашего района и части соседних районов больше не осталось фашистских оккупантов. Тысячи их были уничтожены. В одном только марте мы убили 1300 и ранили более 1000 фашистских варваров. Одновременно с уничтожением гитлеровских оккупантов мы безжалостно мстим их холуям и предателям нашей Родины» (Армстронг, с. 56).

Но соответствовала ли реальная эффективность партизанской деятельности заявленной?

По данным штабов партизанских движений Московской, Смоленской и Тульской областей (где партизаны Дорогобужа и Ельни составляли основную часть) «народные мстители» убили или ранили 121.439 фашистов и «их пособников», совершили 1363 крушения поездов (это больше чем в Ленинградской или Орловской областях, где организованное партизанское движение имело гораздо более длительный характер), уничтожили или повредили 616 танков и бронемашин, 4388 автомобилей, 228 километров линий связи, 618 мостов, а кроме того вывели из строя или захватили 920 паровозов и 13.778 вагонов (Большая Советская Энциклопедия, том 19, М., 1975, с. 234).

Дневник боевых действий Отдельного партизанского полка под командованием майора В.В. Жабо от 28 мая 1942 года содержит сведения о том, что помимо, ведения полком «тяжелых боев с крупными силами противника при содействии авиации и 40 танков, брошенными германскими командирами на ликвидацию партизанского края», в боях за деревни «Лепехи, Петрищево, Шумилово, Бельдюгено, Синютно, Свинцово, Преображенское, Полуовчинки, Луги, Субботники, Каменка, село Желание и станцию Угра партизаны подбили и уничтожили 15 танков противника». К слову, тот же

Пропагандистское фото: юные партизаны Смоленщины, 1942 год

полк В.В. Жабо 1 апреля 1942 года в боях за деревни Денисково и Вознесение якобы истребил 137 «фашистов».

Необходимо учесть, что дорогобужские партизаны до своего разгрома в июне 1942 года активно действовали всего лишь 5 месяцев (с января по май). Поверить в то, что за столь краткий период партизаны, избегавшие серьезных столкновений с сильным противником, смогли «намолотить» такую груду вражеских трупов и разбитой техники, может только идиот.

Действительность была куда прозаичнее. В ходе операции «Ганновер», положившей конец организованному сопротивлению партизан Дорогобужа и Ельни, немцы потеряли с конца мая до середины июня 1942 года убитыми 468 человек (в том числе около 200 бывших советских военнопленных, входивших в состав спецгруппы Абвера «Граукопф»), более 1300 ранеными и до 200 пропавшими без вести. Всего до 670 погибших и 1300 раненых, никаких танков и бронемашин.

Несложно прикинуть, что если в ходе интенсивных «боевых контактов» партизан с немцами потери последних убитыми за три недели составили менее 700 человек, то в предыдущий «вялотекущий» период эти потери были намного меньше. Вот и выходит, что вся героическая деятельность «дорогобужцев» (с учетом карательной операции «Мюнхен», проведенной 221-й пехотной дивизией Вермахта в районе Ельни) обошлась противнику максимум в тысячу человек убитыми и две — две с половиной тысячи раненых. Эта цифра (3,5 тыс. чел.) в 35 раз меньше официально заявленной (121,5 тыс.)!

Неутешительные итоги партизанской борьбы на данном географическом направлении косвенно признало и советское командование:

> «Советское Верховное командование понимало, что партизанское движение в этом районе практически перестало существовать» (Армстронг, с. 81–82).

Высшая точка движения — разгром

Партизаны Смоленщины не сидели в землянках, потому что к зиме 1941–1942 гг. никто лесных баз не подготовил, а сделать это зимой проблематично. Никто не готовил укрытий и весной. Вместо этого партизаны засели в деревнях и селах, окружили их траншеями и огневыми точками, и ждали прихода частей Красной Армии. Но дождались... немцев.

Начальник тыла 4-й полевой армии генерал фон Унрух докладывал о том, что «район к востоку от Смоленска и вокруг Дорогобужа

наводнен крупными силами партизан». Поэтому в марте 1942 года германское командование решило привлечь для очистки района Ельни и Дорогобужа более крупные силы.

Первые попытки немцев очистить тыл силами небольших соединений («...усиленная рота жандармерии; четыре роты по 80 человек каждая от 27-го танкового полка; одна рота строительных частей совместно с одним зенитным орудием выделенные авиабазой...») ни к чему не привели — партизан в районе насчитывалось раз в 10—12 больше.

Первую масштабную операцию («Мюнхен») командование Вермахта провело в марте 1942 года — с целью очищения района Ельни и разблокирования дорог. Особый корпус начальника тыла группы армий «Центр» (221-я пехотная, 10-я и 11-я танковые дивизии) первоначально должен был нанести удар от станции Починок в направлении Ельни — для очистки от партизан прилегающих районов. Затем, соединившись с войсками, наступавшими на Дорогобуж от железной дороги Смоленск — Вязьма, двусторонним охватом планировалось уничтожить партизан в треугольнике между Смоленском, Ельней и Дорогобужем. Однако ввиду тяжелого положения на центральном участке фронта и невозможности выделения дополнительных сил вторую часть операции отменили, ограничившись ударом по Ельне 221-й пехотной дивизии.

К 28 марта (операция началась 19-го) была взята под контроль дорога Починок — Балтунино — Ельня. В апреле были очищены подступы к Ельне. Вот тогда и нужно было спохватиться руководству партизанскими силами, начать отход на юг — в Брянские леса. Но эта операция не встревожила не только комкора Белова, но и руководство Западного фронта в лице Г.К. Жукова, которому подчинялся после окружения 1-й гвардейский кавкорпус Белова.

Для полной ликвидации партизанской зоны требовалась более масштабная операция. Она последовала в конце мая 1942 года.

С учетом близости фронта и его стабилизации германское командование решило задействовать два армейских корпуса 4-й полевой армии Вермахта, а также содействующие части (общая численность от 30 до 45 тысяч человек, численность же партизан определялась около 20 тысяч человек).

План операции предусматривал нанесение с севера, востока и юга концентрических ударов по восточной части партизанской зоны, а после этого сплошное прочесывание территории в сторону Дорогобужа, и далее на запад.

За сутки до начала операции в глубь партизанского сектора в районе Ельня — Дорогобуж, с задачей захвата или уничтожения штаба генерала Белова, была выведена пешим порядком спецгруппа Абвера, состоявшая из русских националистов (до 300 человек под командованием полковника Сахарова), переодетых в советскую военную форму. Группа получила наименование «Graukopf» («Старик»). Несмотря на то, что основную задачу (захват штаба Белова) выполнить не удалось из-за дезертирства двух бывших советских офицеров, выдавших план партизанам, действия группы «Граукопф», а также роты фон Рентелена (тоже состоявшей из бывших красноармейцев), осуществлявшей сходную задачу в полосе немецкой 5-й танковой армии, были признаны успешными:

> «Командующий генерал на совещании 26 мая 1942 года заявил, что соединение "Граукопф", несмотря на то, что ему не удалось достичь главной цели, то есть уничтожить штаб Белова, добилось успехов, имеющих большое значение для всей операции "Ганновер".
>
> Он отметил, что само появление белогвардейского отряда в советском тылу внесло неразбериху, поскольку (...) красные не знали, откуда появилось это подразделение и как ему удалось пересечь линию фронта. В дальнейшем, поскольку телефонная связь была нарушена, комиссары и политруки убиты, несколько сот солдат противника были взяты в плен, а захваченное у противника оружие уничтожено. Подразделение внесло вклад своим участием в нескольких сражениях с вызванными по рации или телефону отрядами противника, понесшими крупные потери, в результате чего возникла настоящая паника (...) красные в неразберихе стреляли друг в друга (по утверждениям пленных)» (Армстронг, с. 67).

Собственно наступление немцев началось на следующий день, 24 марта, и к концу июня завершилось полным разгромом партизан.

> «Характеризуя боевые действия, все немецкие донесения подчеркивают одно и то же: советские силы сначала оказывали упорное сопротивление, но после того как первоначальное сопротивление было сломлено, советские подразделения ожидал быстрый крах. Так, например, немецкая дивизия, атаковавшая на участке фронта, занятого партизанским полком под командованием Шабо (правильно — Жабо — *М.П.*), докладывала, что полк упорно оборонялся на созданных им укрепленных позициях, но не смог перенести оборону вглубь. То же самое произошло, когда генерал Белов выдвинул другие части, как партизанские, так и регулярные, навстречу наступающим немецким войскам. Аналогичным образом был разгромлен 1-й партизанский полк.

В донесении 4-й армии о первом этапе операции "Ганновер" отмечается, что если советские силы и оказывали в ряде пунктов упорное сопротивление, то, как правило, партизанские и регулярные части удавалось разгромить за несколько дней» (Армстронг, с. 70).

Немцы насчитали 5093 трупа «красных», еще 5630 они взяли в плен. Таким образом, общие потери красноармейцев-партизан составили 10.723 человека. Еще 2000 — 3000 человек скрылись в лесах в районе Дорогобужа. Потери Вермахта и содействующих частей составили, как уже отмечено выше, 468 человек убитыми (включая 200 человек из группы «Граукопф»), 1524 ранеными или пропавшими без вести. Общие потери — 1992 человека (см. Армстронг, с. 71–72).

Избежавшие окружения партизаны утратили боеспособность и были озабочены лишь проблемой выживания (примечательно, что местные жители помогали немцам в «наведении порядка» и ликвидации остатков партизанского движения в области). Комкору Белову с остатками соединений удалось вырваться из кольца, после чего его и ряд других командиров вывезли через линию фронта самолетом. Оставшиеся партизанские группы ушли в район Брянска. Последующие попытки советского командования возродить партизанское движение в крае провалились, так как население оккупированной зоны их не поддержало.

А это не пропаганда: русские полицейские с немецким офицером (пригород Смоленска, 1942)

«В результате одна из находившихся в этом районе немецких армий смогла доложить, что в период с 1 октября 1942 года по 18 января 1943 года в тылу армии практически не было партизан» (Армстронг, с. 74).

Причины поражения

Создание партизанской зоны в оперативном тылу вражеских войск имело смысл при проведении зимнего наступления, однако тактические выгоды из сложившейся ситуации командование Красной Армии в должной мере не использовало — в первую очередь потому, что не позволил противник.

По мере свертывания наступления советских войск (к весне 1942 года) нахождение партизан в деревнях в тылу крупных формирований Вермахта стало опасным, следовало начать отвод партизанских отрядов в район брянских лесов. Почему этого не было сделано? Белов не мог издать соответствующий приказ без распоряжения Жукова. А Жуков не распорядился по двум причинам:

1) Партизанская зона в тылу противника радовала глаз накануне сражений за Ржев и Сычевку. Командующий Западным фронтом рассчитывал на помощь партизан, однако не учел возможности немцев нанести удар по дорогобужской зоне в оперативный промежуток времени.

2) Командующий Западным фронтом все равно не мог, даже если бы захотел, осуществить отвод партизан — подобное решение принимал Госкомитет обороны.

Стратегические «ляпы» дополнили «ляпы» тактические:

1) Партизанские отряды не создали в весенний период лесных баз, а по-прежнему оставались в наскоро укрепленных деревнях.

2) Ни разведка партизан, ни разведорганы Западного фронта не сумели вскрыть факт концентрации дивизий 4-й полевой армии Вермахта против партизанской зоны.

3) Несмотря на присутствие среди партизан большого количества сотрудников НКВД, при появлении группы «Граукопф», состоявшей из реальных, а не мнимых диверсантов, среди них началась паника (успехи церберов в фуражках с синими околышами в борьбе против реальных врагов всегда выглядели очень скромно по сравнению с «прессованием» собственных граждан).

4) В самом начале немецкого наступления, вместо того, чтобы приказать отрядам рассыпаться на мелкие группы и спешно выходить из зоны, Белов распорядился выдвигать их навстречу частям

противника. На что он рассчитывал? Неужели на то, что партизаны разобьют регулярные войска? Вероятно, командующий кавкорпусом опасался, что при делении на мелкие группы основная масса принудительно мобилизованных людей разбежится по домам. Но это все равно произошло.

Вместо создания небольших отрядов (численностью до роты), рассредоточенных на большой территории, в укрепленных лагерях в лесных массивах, советское командование формировало партизанские батальоны и полки, которые размещало в деревнях, на территории, которую противник фактически не контролировал. Однако с главной задачей — блокированием транспортных коммуникаций в тылу группы армий «Центр» — партизаны не справились. Немцы как возили технику, боеприпасы, продовольствие и резервы по местным дорогам, так и продолжали возить вплоть до середины 1943 года.

Расстрел пленных партизан

Вывод из всего этого только один — полный провал.

Глава 2

Брянско-Орловский регион

Армейский «костяк» партизанских формирований

Созданию крупных партизанских формирований в Брянских лесах в наибольшей мере способствовало то обстоятельство, что здесь в ходе немецкой наступательной операции против Западного фронта осенью 1941 года образовались два «котла» — в районах Трубчевска и Хвастовичей. Здесь бродили целые толпы «окруженцев», сформировать из которых отряды было несложно — при наличии организаторов.

Заняв территорию Брянской области и ликвидировав оба «котла», боевые части Вермахта ушли дальше на восток, а решением задач обеспечения безопасности в регионе занялись тыловые под-

разделения. Последние не имели возможности ни полностью контролировать все районы, ни очистить леса от тысяч красноармейцев из разбитых советских подразделений.

Оставалось только организовать этих «бесхозных» бойцов, на что и сориентировали «московские товарищи» имевшиеся в области партизанские группы. Они появились здесь в октябре — ноябре 1941 года, насчитывали по 6–8 человек, состояли в основном из партийно-советских «аппаратчиков» районного уровня. Кроме того, «организаторов» сбрасывали с самолетов на парашютах.

> «Большинство первых отрядов представляли собой группы красноармейцев, оказавшихся в окружении или отрезанных от своих частей в ходе боев под Смоленском, Вязьмой и Брянском. Партизан, взятый в плен под Рославлем в августе 1941 года, сообщил на допросе, что остатки двух стрелковых дивизий Красной Армии были объединены в три партизанские группы, в каждой из которых насчитывалось от 50 до 60 человек (...)
>
> Другой разновидностью партизанских отрядов (на начальном этапе в 1941 году) были так называемые диверсионные группы и истребительные батальоны, которые, по всей вероятности, и являлись в то время основными силами партизан» (Армстронг, с. 98).

Ясное представление о том, из кого состояли партизанские формирования Брянской и Орловской областей в 1942 году, дают немецкие архивные документы:

> «По оценкам штаба XXIV корпуса немцев, в марте 1942 года к северу от Брянска насчитывалось до 10.000 партизан, «треть из которых составляли регулярные войска». Согласно немецким донесениям, действовавший в районе Лавшина партизанский отряд численностью от 1500 до 2000 человек целиком состоял из красноармейцев.
>
> В апреле 1942 года 339-я дивизия на основании захваченных партизанских документов сообщала, что в районе Бытоша (...) в составе партизан были: уцелевшие во время боев в окружении офицеры и солдаты Красной армии; сбежавшие из лагерей военнопленные; сотрудники партийных органов и НКВД; комсомольцы; руководители и специалисты, присланные из армейских штабов. (...)
>
> Формирования создавались (присланными из-за линии фронта организаторами — *М.П.*) из:
>
> а) военнослужащих Красной армии, отрезанных от своих частей в ходе боев в окружении;
>
> б) людей из различных партизанских групп;

в) годных к службе в армии мужчин в возрасте 18 лет и старше, мобилизованных в деревнях...

...Партизан, захваченный в плен в районе Дятькова в августе 1942 года (...) описывая находящиеся в этом районе боевые формирования, выделял отряд Орлова, чья численность тогда составляла 700 человек, и отряд Калуги, при этом он сообщал, что две эти группы состояли из красноармейцев 16-й и 10-й армий.

Дополнительная информация о количестве красноармейцев, входивших в состав партизанских отрядов, была получена на допросах другого захваченного в плен партизана, бывшего лейтенанта Красной армии, выпущенного из немецкого лагеря для военнопленных и поселившегося в Рогнединском районе, а затем призванного в партизаны. Он сообщил, что в мае 1942 года в этот район прибыл батальон из состава советской 10-й армии для выполнения следующих задач:

1. Призыв на службу всех находящихся в этом районе красноармейцев, уцелевших в ходе боев в окружении или отпущенных из лагерей для военнопленных.

2. Мобилизация мужчин, родившихся в период с 1923 по 1925 год.

3. Организация партизанских групп. Сначала из красноармейцев и призывников создавались равные по размеру батальону подразделения численностью до 300 человек, а затем их направляли на усиление партизанских групп» (Армстронг, с. 103–105).

В Брянской области, как и в Смоленской, производился массовый принудительный призыв населения в партизанские отряды. Только некоторая часть городской молодежи, наиболее распропагандированная в советский период, поддерживала партизан. Именно наивный городской «молодняк» пополнял партизанские отряды «на добровольных началах».

По мере увеличения численности отрядов — в связи с мобилизацией местных жителей — изменялась их организация. К началу 1943 года все мелкие подразделения свели в отряды (роты) и бригады (батальоны), была также создана партийно-советская структура для руководства ими. С этой целью Брянскую область разделили на Северную, Южную и Западную зоны.

Еще в начале января 1942 года части Красной Армии вышли в район города Киров (до 1936 года поселок Песочня). С этого момента в полосе немецкой обороны между 4-й полевой и 2-й танковой армиями образовалась брешь («ворота»), через которую партизаны северной части области стали получать подкрепления и бое-

припасы с «большой земли». Отряды Северной зоны (от Брянска до Кирова) напрямую подчинялись командованию войск, действовавших в районе Кирова.

> «...успешное советское контрнаступление приблизило фронт к базам партизан, позволив им установить связь с частями Красной Армии. В результате партизанское движение претерпело кардинальные изменения: оно было реорганизовано по военному образцу и осуществляемый за ним контроль стал более строгим как извне, так и изнутри. Это было особо заметно в северных районах, где освобождение советскими войсками Кирова и прорыв немецкой линии фронта создали возможность для более тесного взаимодействия партизанских групп с Красной Армией. Партизанские отряды, организованные НКВД и партийными работниками, оказались в прямом подчинении одной из советских дивизий и получали подкрепление людьми и оружием.
>
> (...) Когда немцы попытались захватить Киров и ликвидировать брешь между 2-й танковой и 4-й армиями, партизаны оказывали поддержку войскам Красной Армии, не только разрушая линии коммуникаций в тылу, но и обороняя отдельные участки фронта» (Армстронг, с. 89).

Руководство деятельностью партизан Западной зоны (район селений Клетня — Мамаевка) осуществлял штаб Западного фронта.

Д.В. Емлютин – типичный советский начальник-самодур. Вот таким и вешали на грудь звезды героев

Партизанскими отрядами в Южной зоне (от Брянска до реки Неруза), включавшей Орловщину, руководил штаб Брянского фронта в Ельце и находившийся там же Орловский областной комитет партии. Обком назначил А.П. Матвеева начальником Орловского штаба партизанского движения (позже этот штаб переименовали в штаб партизанского движения Брянского фронта).

Непосредственно «в лесу» партизанами Южной зоны командовал сотрудник НКВД Д.В. Емлютин, которому подчинялись от 30 до 40 отрядов, а позже все здешние бригады. Комиссаром при нем был секретарь одного из орловских райкомов партии А.Д. Бондаренко. Штаб Емлютина находился в Смелиже и назывался Объединенным

штабом партизанских отрядов западных районов Орловской области.

Емлютин руководил партизанами Брянской области до лета 1943 года, когда его отозвали на «большую землю», а штаб реорганизовали:

> «На отношения, существовавшие между Ельцом (где располагался партизанский штаб Центрального фронта — *М.П.*) и командованием партизан в брянских лесах проливает свет ряд документов, захваченных немцами в 1943 году. В этих же документах указывается, что летом 1943 года (...) Емлютина сменил подполковник Горшков. Сам штаб получил название Южная оперативная группа. Причины освобождения от должности Емлютина, который отправился в июне в Москву и не вернулся, не совсем ясны». (Армстронг, с. 119).

Свет на причины снятия Емлютина с должности проливают показания капитана Русакова, который на допросе у немцев вот как характеризовал этого деятеля:

> «Подполковник Емлютин, бывший начальник райотдела НКВД в Курской области. Население Курской и Орловской областей хорошо знает партизан Емлютина. Это банда насильников, грабителей, мародеров, терроризирующих местных жителей, сам Емлютин — садист, живущий только убийствами» (Соколов Б.В., с. 102).

Боевые действия партизан

Основной формой деятельности брянско-орловских партизан поначалу являлись налеты на деревни с целью добычи продовольствия путем ограбления населения, а также убийства должностных лиц, назначенных оккупационными властями. С воинскими частями, даже тыловыми, партизаны долгое время старались не связываться, так как любое столкновение с ними обычно заканчивалось поражением и рассеиванием «мстителей».

> «Немцы не испытывали особых трудностей в очистке от партизан считавшихся важными населенных пунктов, но после ухода из них войск партизаны вскоре возвращались туда и расправлялись с теми, кто сотрудничал с немцами или проявлял враждебное отношение к советскому режиму» (Армстронг, с. 89).

Вот она — главная, но официально не декларируемая роль партизанских формирований — постоянно напоминать местному населению о советской власти.

Отметим, что органы управления были жизненно необходимы местному населению. Создать аналогичные собственные органы партизаны не могли по вполне понятным причинам. Но партизан меньше всего волновало выживание местных жителей, они слепо и рьяно исполняли указания своих командиров, а те — указания Москвы. Суть таковых была проста: «Безжалостно уничтожать предателей Родины!».

Сталин еще во время операции «Тайфун» требовал заброски в немецкий тыл как можно большего числа диверсионных групп, состоявших из «пламенных» комсомольцев (вроде известной Зои Космодемьянской) — жечь деревенские избы, конюшни, амбары, чтобы немцам негде было размещать солдат, лошадей и имущество*. Вопрос о том, куда после этого деваться семьям местных жителей (зимой!) Сталина и его подручных абсолютно не интересовал.

В этой связи отметим любопытную деталь:

> «Даже в феврале 1943 года отмечалась антипатия крестьян к партизанам. Одно из немецких донесений описывает эти настроения следующим образом: «Нигде... гражданские лица не принимают участия в актах саботажа и не поддерживают такие /акты/. Сельское население, как и прежде, отвергает партизан»... (Армстронг, с. 146).

Собственно боевая деятельность партизан Брянщины и Орловщины в основном сводилась к мелким диверсиям. Это повалка столбов телеграфной связи, подрывы на автомобильных дорогах, засады против отдельных автомобилей, небольших автоколонн, а иногда и поездов. Диверсий такого рода совершалось довольно много, но они имели хаотичный характер и не причинили существенного ущерба войскам Вермахта.

Партизаны заполняли неконтролируемые противником пространства, где создавали партизанские зоны. Однако это не приводило к последующим атакам на гарнизоны противника в населенных пунктах или на железнодорожные станции, а сводилось к удержанию пресловутых «зон» — как правило, до появления сколько-нибудь значительных сил немцев.

> «В мае 1942 года в директиве немецкого тылового командования перечислялись следующие цели партизан:
>
> 1) разрушение /путей. — *М.П.*/ сообщения армии...
>
> 2) борьба с отрядами вспомогательной полиции и сельским населением, работающим на германскую армию.

---

* «Тайфун» — кодовое название немецкого плана операции по захвату Москвы в ноябре — декабре 1941 г.

3) запугивание населения путем проведения враждебной пропаганды...» (Армстронг, с. 125).

Как уже сказано, действия партизан разделялись на две условные категории:

1) «Прессование» местного населения;

2) Действия на коммуникациях противника.

Первая категория нашла свое воплощение в регулярных нападениях партизан на деревни: «мстители» отнимали у населения продукты и скот, убивали людей, сотрудничавших с немецкими властями либо «враждебно (по мнению партизан) относившихся к советской власти». Тем самым они решали сразу несколько целей. Во-первых, обеспечивали себя продовольствием. Во-вторых, удерживали местных жителей от сотрудничества с оккупационным режимом. В-третьих, препятствовали использованию немцами местных ресурсов и рабочей силы.

Операции на коммуникациях подразделялись на четыре типа:

1) Действия диверсионных групп (8—10 человек). Они перезали телефонные провода, валили телеграфные столбы, закладывали мины на шоссейных и железных дорогах. Для подрыва железных дорог чаще всего использовались ящики из-под патронов, набитые взрывчаткой и снабженные нажимным либо электрическим взрывателем. В большинстве случаев, заложив мины, партизаны ретировались подальше от места закладки, но иногда несколько групп по обе стороны дороги ожидали подрыва поезда (автомобиля — если дело происходило на шоссе) и открывали огонь из стрелкового оружия.

Иногда практиковались так называемые «цепные взрывы» — когда железнодорожные пути минировалось на большом протяжении:

> «Немцы обратили внимание на эту "совершенно новую тактику" в феврале 1943 года. В донесении об этом отмечалось, что 18 февраля 1943 года отряд численностью до 150 человек скрытно выдвинулся к линии железной дороги Унеча — Клетня и установил 72 взрывных устройства под железнодорожным полотном. В донесении утверждалось, что во время этой операции одновременно действовали 70 групп подрывников...
>
> В тылу 2-й танковой армии немцев (...) атака на железнодорожную линию Брянск — Льгов в районе Дерюгина 13 октября 1942 года стала темой специального донесения, где говорилось, что, пока отряд общей численностью в 350 человек атаковал силы охраны, ди-

Железнодорожный мост через Десну у Вигоничей, который подорвали партизаны

версанты-подрывники, действовавшие на участке протяженностью в 2,4 километра, успели взорвать железнодорожное полотно в 178 местах. Допросы захваченных в плен партизан позволили выяснить, что специалисты-подрывники прошли трехмесячную подготовку в Туле и были доставлены семью транспортными самолетами. В донесении подчеркивалось, что предыдущие разрушения железной дороги в результате взрывов мин... удавалось устранить за сравнительно короткое время. (...) Судя по немногим упоминаниям цепных взрывов в последующих донесениях, можно предположить, что они не играли важной роли в общей массе попыток партизан нарушить систему снабжения немецких войск» (Армстронг, с. 130–131).

Хотя немцы и опасались, что им не хватит запасных рельсов для ремонта разрушенных путей, главным результатом «цепных взрывов» стало быстрое расходование дефицитной взрывчатки.

2) Массированные атаки (как правило, на хорошо охраняемые мосты) очень больших групп — в несколько сотен человек. Такие атаки партизаны производили в тех случаях, когда получали категорический приказ «сверху» взорвать тот или иной мост, а подобраться к нему малой группой не представлялось возможным из-за наличия сильной охраны. Но они редко достигали успеха.

3) Нападения на населенные пункты, расположенные на основных магистралях. Операции такого типа советские историки упоминали вскользь, так как они сопровождались уничтожением деревень (поселков, станций) вместе с жителями, а не только местных полицейских.

4) Нападения на транспортные средства и воинские эшелоны из засад. Партизаны практиковали их довольно часто, но редко достигали существенных успехов. Самый крупный пришелся на 9 марта 1942 года в районе Журиничей, в 20 км восточнее Брянска, когда в результате атаки 500 партизан на подорвавшийся ремонтный поезд были убиты и ранены 3 немецких офицера и 224 солдата. Такие нападения оказывали в первую очередь психологическое давление на противника.

В целом, результативность партизанских диверсий оставалась сравнительно невысокой, так как немецкая охрана постоянно находила взрывные устройства до того, как они успевали сработать.

По докладам немецкого тылового командования, с мая по октябрь 1942 года партизаны осуществили 260 успешных взрывов, а также 540 нападений на часовых, но 301 взрыв удалось предотвратить. С ноября 1942 по апрель 1943 года успешных подрывов было 236, а предотвращенных — 222 (нападений на часовых зафиксировано 553). С апреля по июнь 1943 года партизаны произвели 496 успешных подрывов, но еще 523 оккупанты предотвратили (нападений на часовых было 1093). Всего за 14 месяцев — 992 успешных подрыва (в среднем, 71 в месяц), тогда как 1046 диверсий немцам удалось предотвратить*.

Казалось бы, что при такой интенсивности диверсий вражеским войскам приходилось буквально «разрываться» между фронтом и тылом. Однако в реальности этого не происходило: наличных сил тыловых командований Вермахта вполне хватало для обороны занятых ими населенных пунктов и охраны важнейших путей сообщения.

Немецкий танк, якобы подбитый брянскими партизанами в феврале 1942 г. На фото явно не февраль, видимо, танк немцы просто бросили из-за поломки

За все время оккупации на территории Брянской области (а это 34,9 тыс. кв. км — на 6 тыс. кв. км больше такой страны как Албания) лишь однажды подрыв вызвал существенные перебои в системе снабжения немцев. Это произошло 7 марта 1943 года, когда отряд Ромашина (до 600 человек) успешно атаковал и подорвал мост через Десну у Вигоничей.

> «Нападение вызвало временное прекращение движения на одном из главных путей снабжения 2-й танковой армии немцев. Несколько дней все эшелоны приходилось направлять в обход по линии Смоленск — Рославль. Командование тыла 2-й танковой армии считало это "крупным успехом" партизан» (Армстронг, с. 127).

* См.: Армстронг, с. 126, табл. 2.

Партизанам Брянщины и Орловщины, несмотря на все диверсии, не удалось перерезать транспортные коммуникации группы армий «Центр». Поэтому вывод очевиден: действия партизанских формирований не доставляли германскому военному командованию чрезмерных проблем в плане материального ущерба. Другое дело — моральное воздействие. Известный немецкий генерал-танкист Гейнц Гудериан отметил в своих мемуарах:

> «По мере того, как война принимала затяжной характер (...) партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат».

Таков же вывод известного в России исследователя партизанского движения полковника органов госбезопасности Вячеслава Боярского:

> «Наиболее эффективным видом воздействия на противника оказалось не военное, а морально-психологическое» (Боярский В.И., с. 250).

Операции немцев против партизан

До лета 1942 года никаких крупных операций против партизан немцы не проводили вообще.

Первой относительно крупной антипартизанской операцией немцев стала «Птичье пение» (Vogelsang) в июне 1942 года. Однако сил для нее было привлечено недостаточно (5500 человек), тогда как партизан севернее Брянска насчитывалось свыше 4 тысяч. Поэтому операция свелась к вытеснению «мстителей» из зоны Дятьково — Ивот — Стар.

Партизаны разрозненными группами ушли в южном и западном направлениях. Они потеряли около 1700 человек (1193 убитыми, 498 пленными). Кроме того, в районе операции немцы арестовали 2249 мужчин в возрасте от 16 до 50 лет, а 12530 местных жителей эвакуировали из этого района. Потери немцев составили 58 убитых и 130 раненых (соотношение потерь 1 : 9 в пользу немцев).

В западной части Брянской области безуспешной оказалась операция Klette I, проведенная в октябре 1942 года в районе Клетни. Здесь полторы тысячи немцев пытались окружить четыре тысячи (!) партизан. К тому же не была соблюдена секретность, и партизаны ускользнули из кольца, потеряв всего 43 человека убитыми и 2 пленными.

Вслед за первой операцией последовала вторая (Klette II), однако в ходе ее (с 15 января по 9 февраля 1943 г.) партизан удалось рассеять, но не уничтожить. Из 3500–4500 человек были убиты 441, 126 попали в плен, 178 дезертировали.

С 19 мая по 19 июня 1943 года в этой же зоне проводилась операция «Соседская помощь» (Nachbarhilfe). На этот раз сюда бросили две дивизии, которые рассеяли партизанские отряды на «мелкие и очень мелкие группы». Было убито 571 человек, 369 взято в плен; эвакуированы 16.900 местных жителей. Немцам удалось практически полностью уничтожить отряд «За Родину», ядро которого составляли бывшие «оперативники» из Ямпольского райотдела внутренних дел.

Тем не менее, усилиями советского командования, готовившего летнее наступление и перебрасывавшего подкрепления по воздуху, деятельность партизан в Мамаевском лесу была восстановлена, хотя и в меньшем объеме, чем прежде.

Операция «Вольный стрелок» (Freischuetz) длилась всего 10 дней, с 21 по 30 мая 1943 года. В ней участвовали две дивизии и одна оперативная группа в несколько тысяч человек. Однако дивизии очень скоро потребовались на фронте, поэтому немцы спешно «прошерстили» район, хватая и стреляя кого надо и кого не надо (из заявленных 420 пленных более 300 составили женщины и дети, среди 1459 убитых женщины и дети составили около 300 человек; было эвакуировано 2392 местных жителя). После окончания операции, по немецкой оценке, в районе все еще оставалось около 1500 партизан.

В южной части Брянской области две первые операции против парти-

Схваченный партизан

зан — «Треугольник» (Dreireck) и «Четырехугольник» (Vierreck) проводились в середине сентября 1942 года и, несмотря на большие потери «мстителей» (2244 убитых и пленных), не привели к полной их ликвидации. Часть партизан, переправившись через реку Навля, ускользнула в южном направлении и позже вернулась на прежние места базирования.

В ходе крупной операции «Цыганский барон» (Zigeunerbaron) с 16 мая по 6 июня 1943 года пять пехотных и одна танковая дивизии нанесли партизанам серьезные потери, хотя и не смогли уничтожить их полностью (1548 партизан погибли, 1568 были взяты в плен — всего 3116 человек). Было уничтожено 2930 землянок и огневых точек; трофеи, помимо стрелкового оружия, включали 21 орудие и 3 танка; эвакуировано 15.812 местных жителей.

Однако было уже поздно: в июле — августе 1943 года немцы оставили Брянскую область и отступили на запад.

Русские против русских

Уже в конце 1941 года немцы стали формировать на местах из советских граждан или военнопленных вспомогательные военизированные отряды полиции.

> «К 1943 году в тылу 2-й танковой армии немцев насчитывалось 30 так называемых "восточных батальонов" (Ostbatailone) и 12 батальонов местной самообороны. Кроме этого, в восточной части области были созданы отряды вспомогательной полиции численностью в несколько тысяч человек. Эти подразделения коллаборационистов составляли примерно половину сил немцев, осуществлявших охрану в тыловых районах» (Армстронг, с. 94–95).

Нам уже ясно, что этих сил было, во-первых, недостаточно для полного уничтожения партизан, а во-вторых, борьба с партизанами составляла лишь одну из многих задач, решаемых военизированной полицией.

Однако были исключения, подтверждающие наш тезис о важнейшей роли специальных формирований в антипартизанской борьбе. Так, весьма смекалистым оказался бывший учитель физики Константин Воскобойников (1895–1942), которого немцы назначили бургомистром поселка Локоть (административного центра Брасовского района Орловской области) — в Южной зоне брянских партизан. Он обратился к командованию 2-й танковой армии Вермахта с просьбой разрешить ему создать отряд самообороны в 200 человек для защиты поселка и окрестных деревень от грабежей пар-

тизан. Командование согласилось. Бургомистр лично возглавил подразделение, состоявшее из добровольцев, и основательно прижал партизан, но 8 февраля 1942 года погиб в одной из стычек.

Новым бургомистром Локотя, и, как вскоре выяснилось, еще более деятельным, стал заместитель Воскобойникова, бывший инженер-химик Бронислав Каминский (1899—1944), отбывший три года в советских лагерях и освободившийся за пару месяцев до начала войны. Понятно, что его отношение к советской власти не имело ничего общего с любовью или благодарностью. Каминский сформировал несколько отрядов самообороны, с которыми начал решительные действия против партизан и вскоре очистил от них значительную территорию.

Убедившись в том, что местное самоуправление способно своими силами обеспечить безопасность тыловых районов, командующий 2-й танковой армией генерал Шмидт приказом от 19 июля 1942 года преобразовал Локотский район в округ. В его состав вошли 6 районов Орловской области (Брасовский, Дмитровский, Комаричский, Навлинский, Севский, Суземский) и два района Курской области (Дмитриевский и Михайловский). Население округа насчитывало 581 тысячу человек. Целая страна!

Бронислав Каминский

К концу 1942 года антипартизанская бригада Каминского состояла из 14 стрелковых батальонов, 4-х дивизионов (броневого, артиллерийского, зенитного, тылового), медицинской и комендантской рот. Одних только минометов в бригаде насчитывалось более 100 единиц (калибра 50 и 82 мм), имелись 8 танков, 2 танкетки, 3 бронеавтомобиля. Оружие и техника были трофейные советские. В крупных деревнях округа дислоцировались около 30 рот бригады, в нескольких поселках размещались батальоны.

Командование 2-й танковой армии поставило перед бригадой Каминского следующие задачи: охранять от партизан выращенный урожай и скот, транспортные колонны с продовольствием, обеспечивать сбор натуральных налогов в деревнях. На практике все это означало непрерывную борьбу с партизанами, крайне нуждавшимися в продовольствии.

Против партизан Каминский действовал весьма успешно. Его бойцы сожгли 12 деревень и поселков, примыкающих к лесным массивам, жители которых снабжали партизан продуктами. Это Алтухово, Гаврилова Гута, Добровольский, Игрицкое, Кокоревка, Конушино, Красная Слобода, Смиличи, Требушка, Черпь, Чухра, Шушуево. Населению, потерявшему свои дома и хозяйственные постройки, пришлось переселиться в другие деревни — подальше от леса.

К 1 августа 1943 года численность бригады достигла 12 тысяч (!) хорошо вооруженных бойцов. То есть, у Каминского было больше людей, чем во всех партизанских соединениях Брянской области вместе взятых, поэтому вполне можно вести речь о гражданской войне местного значения*.

Выводы

1) Партизанские соединения Брянской области возникли на базе окруженных советских частей и партийно-советской номенклатуры низшего звена, ни о каком «общенародном подъеме» речи быть не может.

Немецкий пропагандистский плакат

2) Пополнение партизанских отрядов осуществлялось путем призыва местных жителей на действительную военную службу, по факту — принудительно. Несомненно, имело место и добровольное участие какой-то части граждан, но их было мало.

3) Основными задачами партизан являлись две: диверсии на вражеских путях сообщения и постоянное давление на местное население, дабы исключить поддержку им оккупационного режима.

* В 1944 г. бригада Каминского вошла в 29-ю (1-ю русскую) гренадерскую дивизию СС, еще позже включенную в состав РОА — Российской освободительной армии генерала Андрея Власова.

4) Как и повсюду на оккупированных территориях СССР, «мстителям» не удалось сколько-нибудь серьезно нарушить работу коммуникаций противника.

Вместе с тем брянские партизаны тактически действовали более гибко, в отличие от дорогобужцев, поскольку над ними не стояли армейские штабы.

Не было бы счастья, да несчастье помогло: за все время оккупации региона советскому командованию не удалось толком наладить централизованное руководство партизанами (последние подчинялись то партийным органам, то НКВД, то командованию отдельных армий, а под конец — собственному штабу партизанского движения). Поэтому в критических ситуациях партизанские командиры действовали «своим умом», что оказалось благом для них.

«Изменник советской родины»

5) В области шла настоящая гражданская война — общая численность партизанских соединений в разные периоды времени составляла от 10 до 20 тысяч человек, тогда как под командованием одного только Б. Каминского в 1943 году состояло около 12 тысяч человек, почти все — добровольцы.

6) Местному населению по большому счету было все равно, кто победит, лишь бы скорее кончилась война. Пока побеждали немцы, «общественное мнение» склонялось в сторону Берлина; покатился фронт на запад — начали преобладать «московские» настроения.

7) Все антипартизанские операции германское командование проводило в большой спешке (только операция «Цыганский барон» длилась три недели), так как войска, привлекавшиеся для операций в тылу, постоянно требовались на фронте, куда их очень быстро возвращали, не успев завершить начатое дело.

8) Действия партизанских отрядов, в свою очередь, отличались большим количеством, но малой результативностью. Так, число успешных диверсий на железных дорогах в июле 1942 года составило 57, в августе — 55, в сентябре — 62, в октябре — 49, в ноябре — 57,

в декабре — 72 (Армстронг, с. 141). А эшелоны противника продолжали идти на фронт до последнего дня оккупации.

Действия брянских партизан не влияли на положение войск противника на фронте, зато били по местному населению, на головы которых валились все эти «Треугольники» и «Цыганские бароны». Однако высшему руководству СССР было наплевать на судьбу оккупированных граждан: «чем хуже для них — тем лучше для нас!»

Надо отметить любопытный факт. По данным статистического исследования «Россия и СССР в войнах XX века» (Москва, 2001, с. 231, таблица 116) потери мирного населения, «преднамеренно истребленного на временно оккупированной территории» РСФСР составляют 1 миллион 800 тысяч человек. Однако потери гражданского населения в ходе проводимых на территории РСФСР карательных операций нацистов (таковых было проведено относительно немного) составляют в каждой из них от нескольких сотен человек до трех тысяч (в самом худшем случае). Да и оккупация на территории РСФСР длилась недолго по сравнению с БССР.

При подобных масштабах 1,8 миллиона человек никак не получается! Это обстоятельство можно объяснить следующим образом: советская статистика включила в приведенную цифру значительную долю потерь, понесенных советскими войсками на фронтах. Видимо, статистики не учли тот факт, что не все бойцы РККА (особенно из числа так называемых «оккупированных») включались в списки личного состава частей. Как известно теперь, «оккупированные» в списках бойцов не значились (либо числились в рабочих и строительных подразделениях), но на убой их гнали толпами. Каким же образом числить человека, который погиб (из числа жителей N-ского пункта выбыл), а в число мобилизованных граждан не попал? Только в качестве «погибшего мирного жителя»!

Глава 3

Северо-Западный регион

Партизаны, о которых идет здесь речь, в советской историографии известны под наименованием «ленинградских партизан» или «партизан Ленинградской области».

Партизанское движение в Ленинградской области, при всем его сходстве с беларуским (в принципах организации, целях, задачах, тактике) имело в то же время ряд особенностей.

Начнем с того, что широкомасштабное партизанское движение на территории самой Ленинградской области продолжалось недолго. Это был тот период потерь 70–90 % партизанских формирований, о котором говорил в своем докладе И.Г. Старинов. Дело в том, что спешно сформированные в 1941 году в районе Ленинграда отряды разместили в тылу врага практически на одной линии — от Гдова на востоке до Чудово на западе. А главной задачей им поставили нарушение коммуникаций противника севернее рокадной магистрали Нарва — Гатчина — Тосно.

Фактически, отряды бросили на убой. Ведь район от Гатчины на севере до Луги на юге являлся оперативным тылом группы армий «Север», действовать там (причем непродолжительное время, постоянно маневрируя и с выходом на свою территорию) могли только мобильные, хорошо подготовленные группы диверсантов. А здешние партизанские отряды были поначалу многочисленными (батальоны и даже полки) и малоподвижными (имели склонность к «обжитым местам»).

Об уровне их специальной подготовки вообще не приходится говорить. Дело не в нехватке времени или «невнимании к советам профессионалов». Просто знание подрывного дела здесь было ни к чему: требовалось владеть навыками «малой войны» и выживания в прифронтовой полосе, а где ж такому в СССР могли научить?

Соотношение сил

Начальник охраны тыла группы армий «Север» генерал-лейтенант Рокк имел в своем распоряжении три охранные дивизии — 207, 281 и 285 (первые две в тылу 18-й полевой армии). Кроме того, в тылу 18-й армии действовали 4 полевые и 15 местных комендатур (комендант района генерал-лейтенант Кнут имел в распоряжении несколько охранных батальонов). Тыловой район 16-й армии (комендант генерал-лейтенант Шпейман) имел 2 полевые и 11 местных комендатур и несколько охранных батальонов. Кроме того в тылу группы армий «Север» находились 4 полицейских полка и 6 батальонов СС, подчиненных командованию СС и полиции «Остланд» и «Россия-Север», действовала айнзатцгруппа «А» бригаденфюрера СС генерал-майора полиции Шталлекера.

Поэтому в скором времени деятельность ленинградских партизанских отрядов была пресечена. Понеся тяжелейшие потери, они частично вернулись на свою территорию, а частично перешли в другой район — в полосу между Лугой и железной дорогой Нарва — Гат-

чина. Здесь до 1944 года действовали четыре партизанские бригады. Три из них (6-я, 9-я и 12-я) базировались в глухом районе восточнее Гдова, откуда совершали набеги на участки Гдов — Сланцы и Нарва — Кингисепп. Еще одна бригада (11-я) располагалась в заболоченном районе озера Вялье между железнодорожными участками Луга — Ленинград и Батецкая — Ленинград. Вот, собственно, и все «партизанское движение Ленинградской области».

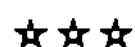
Остальное якобы «ленинградское движение» имело место южнее — в Псковской и Новгородской областях.

Относительно крупный район базирования партизан в 1941 году находился в районе станции Плюсса, но самые крупные формирования дислоцировались южнее озера Ильмень. 1-я Особая ленинградская бригада Никифорова располагалась в зоне Старая Русса — Пола — Лычково; 3-я ленинградская бригада Иванова дислоцировалась западнее Демянска. Впрочем, к ноябрю 1942 года ввиду изменения линии фронта и выхода советских войск к Старой Руссе и Холму 1-я и 3-я бригады перешли к западу: 1-я — южнее Порхова, а 3-я — севернее.

2-я ленинградская бригада Васильева организовала «партизанский край» в районе между Дном и Холмом (в 1944 году 2-я бригада ушла в район Гдова, а ее зону заняли вновь сформированные 9-я и 13-я бригады).

Еще южнее располагались те партизанские силы, которые сегодня называют «партизанами Калининской области» (ныне — Тверская область), хотя в действительности они имели к этой области малое касательство. Партизанские зоны здесь простирались от Опочки и Себежа на западе до Великих Лук и Невеля на востоке (позже в связи с выдвижением фронта к Великим Лукам часть соединений переместилась в район Острова).

Некоторая часть занимаемых территорий относилась к Псковщине и Новгородчине, однако большая ее часть входила перед войной в состав Витебской области БССР. Собственно, на лесные массивы этой области и опирались «калининцы». Выделение этих формирований в «отдельное (от беларуских партизан) производство» произошло по той причине, что с конца 1941 года они организационно подчинялись сначала командованию Калининского фронта, а с 1942 года — Калининскому штабу партизанского движения.

В качестве «лирического отступления» хочу заметить, что значительная часть Псковской, Новгородской и Калининской областей

(Калинином в 1931 году назвали древний город Тверь) — это территория расселения балтийского племени кривичей. В советской (ныне российской) историографии их упорно называют «славянами». На самом деле кривичи входят в число предков беларусов, и с финно-угорско-тюркским этносом нынешних россиян не имеют ничего общего. Напомню, что Псков и Тверь до их захвата Московией представляли собой государства кривичей.

В этой связи смешно выглядит следующий пассаж в предисловии В.А. Спириденкова к его книге «Лесные солдаты. Партизанская война на северо-западе СССР. 1941–1944»:

> «До войны русская земля жила по законам мирного времени и обычаям, установленным испокон веков. Всегда была в нашем народе способность к сближению не только с соседом, но и с инородцем. Неожиданно для врагов и их пособников эта земля взорвалась и стала гореть под ногами оккупантов, превратилась в партизанский край. Незлобливый, работящий, добрый сердцем народ, не склонный к громким словам и демонстративным поступкам, крайним проявлениям эмоций, вдруг вскипел так, что начал ставить на колени подразделения и части хваленой прусской военщины» (Спириденков В.А., с. 5).

Ленинградские партизаны на марше. 1943 г.

Далее Спириденков совершенно правильно утверждает, что за созданием партизанского движения на северо-западе СССР стояли «партийные руководители на местах, сотрудники НКВД–НКГБ, а

также общевойсковые командиры и политработники» (с. 22–23). При чем здесь «вскипевший вдруг русский народ»?!

Действия партизан

Нет смысла подробно описывать перипетии борьбы в этом регионе. Она мало отличалась от того, что происходило в Брянской области и БССР. Задачи были такие же: прервать коммуникации, атаковать вражеские гарнизоны.

Что касается эффективности этих действий, то партизаны не смогли оказать существенную помощь войскам Ленинградского, Волховского и Калининского фронтов в ходе многочисленных наступательных операций, предпринимавшихся советским командованием на северо-западном направлении.

В Полновском районе стояли вражеские гарнизоны (в Полне до 400 человек, в районе станции Ям — столько же). И хотя это самое «сердце» партизанской зоны, так они и стояли там до прихода Красной Армии в 1944 году.

Не сумели «ленинградцы» перерезать вражеские транспортные артерии. Часто приводимый в качестве примера эффективности партизанской разведки эпизод с переброской летом 1943 года 223-й пехотной дивизии Вермахта из-под Ленинграда по маршруту Новоржев — Идрица — Люблин — Мозырь — Полтава на самом деле яркий пример бессилия советских партизан в борьбе с вражеским транспортом.

Судите сами. С 25 по 30 мая 1943 года от станции Дно до станции Чихачево проследовали 224 вагона с войсками. 6 июня было установлено сосредоточение юго-западнее Новоржева немецкой дивизии неустановленной нумерации (вскоре в этом районе партизаны нашли солдатскую книжку рядового из 425-го пехотного полка 223-й пехотной дивизии). 11 июля 1943 года пленный солдат 344-го полка подтвердил факт переброски 223-й дивизии с мгинского направления под Новоржев.

С 16 по 19 июля происходило перемещение дивизии «неустановленной нумерации» от станции Локна к городу Опочка, а с 1 по 4 августа фиксировалось прибытие дивизии «неустановленной нумерации» в район поселка Идрица (позже удалось выяснить, что это все та же 223-я дивизия). 11 августа дивизия из Идрицы ушла и 15 августа появилась под Полтавой (Спириденков, с. 84).

Вот и задумайтесь: в течение 11 недель (с 25 мая по 4 августа 1943 года) немецкая дивизия перемещалась по железным дорогам через

несколько партизанских зон, а партизаны не только не смогли, но даже не пытались как-то помешать этому перемещению.

Самой громкой акцией партизан Северо-Запада на вражеских коммуникациях, помимо участия в «Рельсовой войне» и «Концерте», считается операция по подрыву двух железнодорожных и одного шоссейного мостов через реку Неведрянка в районе деревни Савкино (операция «Савкинский мост»).

Поступил категорический приказ командования Калининского ШПД о подрыве мостов, а для руководства операцией прибыли уполномоченные ЦШПД подполковник А.И. Штрахов и майор И.И. Веселов. Поэтому калининским партизанам волей-неволей пришлось спланировать штурм укрепленного узла в районе мостов (без «стимула» от ЦШПД они никогда не взялись бы за такое предприятие).

Немецкий солдат в плену у партизан. Жить ему осталось недолго

Для решения задачи, которую вполне могла решить авиация за один налет, собрали 22 (!) отряда из шести калининских бригад (Ф.Т. Бойдина, С.Д. Буторина, Н.М. Вараксова, А.М. Гаврилова, В.Г. Семина и Н.В. Шаповалова) плюс один отряд из бригады имени К.К. Рокоссовского Белорусского ШПД. Общее число бойцов — свыше 3 тысяч человек, при одном 45-мм орудии. Часть этих сил должна была осуществлять вспомогательные акции — подрывать мосты по соседству, устроить заслоны на дорогах и т.п. Одновременно с атакой мостов планировалось уничтожение вражеских гарнизонов в селах Савкино и Могильно (их численность неизвестна). Непосредственно савкинские мосты обороняла охранная рота лейтенанта Альфонса (70 человек, 11 ручных и 4 станковых пулемета, 4 ротных миномета, 40 автоматов).

Судя по мемуарам советских авторов, серьезных сил немцев в Савкино, Могильно и Нащекино не оказалось, а вот позиции роты охраны лейтенанта Альфонса партизаны штурмовали всю ночь 31 марта 1943 года, до того момента, пока удалось подорвать оба железнодорожных моста. «Мстители» понесли тяжелые потери от пу-

леметного и минометного огня. Помимо рядовых бойцов погибли: уполномоченный Калининского ШПД майор И.И. Веселов, его ординарец И. Беляев, командиры взводов В. Антропов, Н. Березкин, А. Болотов, П. Кулешов, политрук Максименко. А толку? Через 15 дней немцы восстановили оба моста и движение на этом участке в полном объеме.

Существование партизан в районе от Луги до Невеля на протяжении двух с лишним лет было вызвано отсутствием у немцев сил для удаления этой «занозы». Войск не хватало на фронте. К примеру, с 7 января по 27 апреля 1942 года 16-я полевая армия Вермахта вела бои в Демянском котле, куда она попала из-за отказа фюрера отвести 16-ю армию за реку Ловать.

В «котле», помимо частей дивизии СС «Мертвая голова», находились еще пять армейских дивизий. Примерно в тот же период в сражении в районе Холма участвовали полицейские полки СС — те самые, которым полагалось бороться с партизанами. Отметим также, что хотя указанные наступательные операции советских войск происходили под самым носом у «ленинградцев» и «калининцев», действенной помощи от партизан Красная Армия так и не дождалась.

Как известно, 14 июля 1943 года был издан секретный приказ № 0042 начальника ЦШПД П.К. Пономаренко «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага». Это означало подготовку всех партизанских сил к крупномасштабной операции по массовому уничтожению рельс, чтобы поставить противника в катастрофическое положение.

На рассматриваемом нами направлении началом операции определили первые числа августа (в отличие от Брянской области, где партизаны вышли на рельсы уже 22 июля). Почему действия «ленинградцев» и «калининцев» оказались приурочены именно к началу августа — непонятно: ведь еще 22-го июля перешли в наступление на мгинском направлении Ленинградский и Волховский фронты.

«В июле 1943 года для калининских партизан самолетами из-за линии фронта было заброшено 9565 кг тротила, 24.000 детонаторов, 10.000 метров огнепроводного шнура, 2515 метров пенькового тлеющего шнура и тысячи килограммов других боеприпасов. Впоследствии, в ходе самой операции, дополнительно было доставлено еще 5000 килограммов тротила, 10500 детонаторов и 2000 метров огнепроводного шнура. На первый взгляд это очень большое количество средств минирования. Но если учесть то, что все это было распре-

делено между 12 бригадами, то увидим, что каждая из них в отдельности получила весьма немного» (Спириденков, с. 248).

К операции приступили в ночь с 3 на 4 августа.

«За одну ночь:

5-я Калининская бригада на отрезке железной дороги Себеж — Посинь вывела из строя 2200 рельсов;

7-я Калининская бригада на участке железной дороги Рига — Москва протяженностью в 6 километров взорвала практически все рельсы;

Белорусская бригада И.К. Захарова разрушила железнодорожное полотно на дороге Мариуполь — Ленинград между Идрицей и Дриссой, взорвав 830 рельсов;

Бригада Ф.Т. Бойдина на участке железной дороги Зилупе — Себеж уничтожила 667 рельсов;

Бригада В.М. Лисовского взорвала 1620 рельсов» (Спириденков, там же)...

Немцы бросили на ликвидацию последствий массированной атаки партизан все наличные силы. В Идрицкий и Себежский районы отправили три восстановительных поезда, четыре железнодорожных батальона и 465 рабочих-путейцев, мобилизовали население деревень, прилегавших к железной дороге. Ремонт путей шел за счет рельсов второй колеи маневровых станционных путей, частичного завоза из Латвии, а также автогенной сварки разорванных рельсов на месте их подрыва. Несмотря на огромные разрушения, уже через трое (!) суток движение поездов было восстановлено. Все же немецкому командованию в те дни пришлось перебрасывать на фронт одну пехотную и две моторизованные дивизии не по железной дороге, а походным порядком.

Подрывать рельсы вместо эшелонов конечно проще и безопаснее. Но в результате противник не терял военных грузов, а диверсии не влияли на моральное состояние войск, перевозимых поездами. Кроме того, подрыв рельса 200-граммовой тротиловой шашкой к его разрушению не приводил, а только выбивал кусок длиной 25—35 сантиметров. Немцы опиливали такой рельс и сваривали его термитом или автогеном. Кроме того, они изготавливали стальные мостики П-образной формы длиной 80 сантиметров, которые накладывали на поврежденные рельсы, пропуская по ним поезда.

Повышенная активность партизан на железных дорогах привела к печальным последствиям для них самих.

Беспроблемное существование партизан впервые было серьезно потревожено в декабре 1942 года в ходе проведения карательных экспедиций «Нюрнберг», «Шнеехазе» («Снежный заяц») и «Зимнее волшебство», в ходе которых наносились удары по Россонской и Освейско-Себежской партизанским зонам. План экспедиций представил новому командующему группой армий «Север» Кюхлеру лично обергруппенфюрер СС Бах-Зелевски.

Это был период, когда немцы полагали, что фронтальный удар ограниченными силами, с последующим проникновением в глубь партизанской зоны приводит к полному разгрому противника. А поскольку на совещаниях по координации действий немецких гарнизонов в период проведения акций присутствовал капитан полиции Карл Миллер (советский разведчик из бригады НКВД М.С. Прудникова «Неуловимые»), не удивительно, что операция «Нюрнберг» разгромом партизан не завершилась.

В ней участвовали пять полицейских полков СС, 14 отдельных батальонов и несколько местных гарнизонов, общей численностью менее 20 тысяч человек. Приличная концентрация войск принесла лишь тактический успех — часть партизанских отрядов удалось окружить в треугольнике Полоцк — Витебск — Невель. Но ядро партизанских сил, хотя и с большими потерями, вырвалось из кольца в январе 1943 года. Как всегда, пострадало мирное население.

Поскольку в ходе операции «Нюрнберг» уничтожить партизан не удалось, решено было вслед за ней провести операцию «Шнеехазе».

В рамках ее планировалось очистить от партизан треугольник Невель — Полоцк — Себеж (несколько севернее от места предыдущей акции) путем расчленения партизанской зоны на четыре части и уничтожения окруженных отрядов. Кроме того, планировалось восстановить нормальное движение по железной дороге Полоцк — Идрица и автомобильному шоссе Полоцк — Себеж. Однако на этот раз немцы привлекли слишком мало сил. Это подразделения 601-го полка 201-й охранной дивизии, 2-го велосипедного полка 8-й легкой пехотной дивизии, 409-го отдельного горно-егерского полка и 481-го отдельного гренадерского артиллерийского полка. Привлекались также сводные отряды полиции из гарнизонов Идрицы, Невеля, Нищи, Опочки, Освеи, Полоцка, Рудни, Себежа, Стеймаков, Суток и других населенных пунктов. Общая численность группировки, наступавшей на партизанскую зону с запада, составила до 5 тысяч человек.

В конце января группировка карателей со стороны Себежа, Невеля, Идрицы и Дретуни повела наступление в направлении Россон, расчищая дороги и восстанавливая разрушенные мосты. Отмечу, что мосты были взорваны внутри партизанской зоны, где немцев не было, видимо, для затруднения продвижения противника, но в Калининский ШПД партизаны доложили о подрыве «стратегических мостов». Немцы две недели продвигались в глубь зоны по плану, занимая деревни одну за другой.

Партизанские донесения рисуют драматическую картину ожесточенных сражений партизан с превосходящими силами врага, упорные многочасовые бои, неоднократное «отбрасывание карателей» и т.п. В таком же духе эти события освещаются в послевоенных исследованиях и мемуарах. Но все это выдумки. Наглядное представление о реальности дает фрагмент из боевого приказа командующего объединенной партизанской группировки А.В. Романова 9 февраля 1943 года на совещании командиров бригад в штабе по координации действий:

> «Противник бросил против нас крупные силы и, ***не встречая должного сопротивления***, продвигается на запад. Отдельные коман-

Пленные партизаны. Их судьба очевидна

диры, вместо того, чтобы вести бои с противником, ***уходят, не принимая боя***. Дальше уходить некуда. Учтите, товарищи, что над нами нависла угроза ликвидации партизанского края, потери всех баз и разгрома партизанских бригад. Кроме этого, мы бросаем население, которое нас вспоило и вскормило, на произвол судьбы, и хуже всего, кто-то распространяет слухи, что немцы ничего не будут делать населению» (Спириденков, с. 222–223).

Вот так «героически» защищали партизаны россонскую зону от карателей. Сказки о том, что в середине февраля 1943 года партизаны «остановили продвижение противника, а затем перешли в наступление, освобождая потерянные ранее населенные пункты» так сказками и остались. Просто немцы все что планировали — выполнили, те пункты, которые собирались занять — заняли, хотели проникнуть в глубь партизанской зоны — проникли. Однако тут же выяснилось вот что:

а) наличных сил недостаточно для полного уничтожения партизан;

б) армейские подразделения, привлеченные к операции, надо вернуть на фронт, поэтому использовать их для контроля занятой территории невозможно;

в) собственных сил (подразделений охранной дивизии, полицейских полков и др.) для закрепления на занятой территории недостаточно.

Но, поскольку операция кончилась, все войска группировки вернулись в места своей дислокации. Германское командование занялось «осмыслением полученного опыта».

Партизанские командиры тем временем стали строчить геройские рапорты начальству. Общая схема их одна и та же: факт потери подконтрольного населенного пункта объяснялся «превосходящими силами противника», с которым партизаны якобы вели «многочасовые бои», так что захват каждой деревни давался карателям «большой кровью».

Вот пример с деревней Павлово, которую «героически защищали» отряды 1-й бригады Ф.Т. Бойдина, 3-й бригады А.М. Гаврилова, 5-й бригады В.И. Марго и отряд автоматчиков В.П. Самсона. Враг якобы овладел деревней «после 7-часового боя», потеряв 160 солдат убитыми и ранеными (общее число врагов, убитых в районе Павлово партизаны определили в 300 человек), были уничтожены 20 конных повозок и 1 танк. Потери партизан убитыми — 40 человек

(о раненых не говорится). Соотношение потерь — 1 : 7,5 в пользу партизан. Понятно, что это просто фантастика.

Когда же каратели начали возвращаться в места своей постоянной дислокации, в Центр пошли доклады об «освобождении N-ского населенного пункта», с намеком на то, что сделано это было с боем. К примеру, 12 февраля 1943 года «белорусские партизаны совместно с 3-й Ленинградской бригадой А.М. Гаврилова освободили поселок Россоны». На самом деле первого противника в тот день на том направлении (обоз 601-го пехотного полка) «гавриловцы» встретили под вечер уже за Россонами, на дороге в Альбрехтово.

Еще продолжалась операция «Шнеехазе», а немцы запланировали новую — «Зимнее волшебство». 4 февраля 1943 года обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн издал приказ о создании двух боевых групп для уничтожения партизан на стыке границ БССР, Латвийской ССР и РСФСР. Командиром 1-й группы был назначен начальник СС и полиции Латвии бригаденфюрер СС генерал-майор полиции Вальтер Шредер. Командиром 2-й — начальник шутцполиции штандартенфюрер СС полковник полиции Макс Кнехт. Группа Кнехта включала, помимо штабной группы, четыре латышских полицейских батальона, взвод из состава батареи ПВО, 10-й моторизованный взвод фельджандармерии и сигнальный взвод. Общая численность группы — 2,5 тысячи человек.

В состав боевой группы Ф. Еккельна входили пять полицейских полков СС, около десяти полицейских батальонов, части местных гарнизонов и подразделения полиции (латыши, летувисы, русские, беларусы), а также подразделения добровольческого легиона «Норвегия»*.

Общая численность группировки составила более 15 тысяч человек, что дало конкретные результаты. Главной целью операции являлось уничтожение Себежской партизанской зоны, а также очистка 30-километровой полосы вдоль границы с Латвией и тылов группировки «Север». С середины февраля передовые отряды карателей выдвигались на исходные позиции, а в 20-х числах началось общее наступление. К 10 марта они полностью вытеснили партизан из Освейского, Дриссенского и большей части Россонского районов.

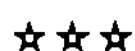
---

* Сформирован в августе 1941 года, насчитывал к марту 1942 около 1200 человек в составе батальонов «Викен» и «Викинг»; с 1942 года до конца войны легион возглавлял штурмбанфюрер СС Артур Квист. К началу 1943 года понес серьезные потери в боях с Красной Армией в районах Константиновки и Красного Бора; в марте 1943 года фактически был распущен, так как оставшихся в живых добровольцев отправили в Норвегию.

Но еще 15 февраля перешел в наступление под Демянском Северо-Западный фронт Красной Армии, а 4-го марта его войска начали наступление в районе Старой Руссы. Это, наряду с весенней распутицей, вынудило немцев свернуть операцию и отвести части на исходные позиции. Само собой, что «мстители» тут же отрапортовали об освобождении от оккупантов Освейского района и других территорий. Как всегда, пострадало мирное население «партизанской зоны»:

> «В ходе экспедиции ими (карателями — *М.П.*) было убито и сожжено живьем вместе с домами более 15 тысяч мирных жителей, 2,5 тысячи угнаны на каторгу в Германию, более тысячи детей направлены в лагерь смерти Саласпилс в Латвии» (Спириденков, с. 236).

Цифровые данные о жертвах среди населения завышены вдвое, но сам факт массовых репрессий действительно имел место.

В октябре 1943 года в результате советского наступления (3-я ударная армия Калининского фронта на Невельском направлении) части группы армий «Север» отошли западнее, на оборонительную линию «Пантера» (в Идрицком и Себежском районах), многие подразделения Вермахта оказались вблизи от партизанских зон. Используя это обстоятельство, обергруппенфюрер Бах-Зелевски спланировал операцию «Генрих» по окончательному уничтожению Россонско-Освейской партизанской зоны. Ряд последующих операций привел к полной ликвидации партизанского движения южнее реки Сороть.

В ходе операции «Генрих» немцы овладели шоссе Полоцк — Клястицы — Себеж — Опочка и раскололи партизанский край. Некоторые бригады, выходя из окружения, соединились с войсками РККА. Партизанские отряды западнее шоссе ушли в глубину оккупированной территории, а вот отряды, оказавшиеся к востоку от шоссе, были уничтожены.

В конце декабря 1943 года в рамках операции «Рождественская» части Ф. Еккельна окружили партизанские соединения в районе Дретуни, после чего приступили к прочесыванию в Идрицком, Освейском и Россонском районах.

> «Немцы, уничтожив главные силы партизан, отобрав у них контроль за территорией края и частично вытеснив их за линию фронта, прекратили экспедицию, сохранив лишь блокаду края и патрулирование его небольшими карательными группами. Но оставалась еще

часть Себежского и Идрицкого районов, которая в декабре 1943 года полностью от партизан очищена не была...

...Выведенная в тыл (советский — *М.П.*), партизанская армия очень пригодилась бы через полмесяца для нанесения ударов по немецким тылам, когда 14 января 1944 года наши войска перешли в наступление, стремясь взломать немецкую оборону на рубеже Старицы, Жеглово, Свибло, Байкино, Чайки в Идрицком районе» (Спириденков, с. 271).

В феврале 1944 года Идрицкий и Себежский районы стали прифронтовыми. Стремясь полностью очистить тылы своей армейской группировки, немцы 10 марта 1944 года начали операцию «Весеннее патрулирование». Не принимая боя, партизаны уходили в самые глухие лесные места и болота, туда же бежало население. В апреле 1944 года операция «Весенний праздник» практически покончила с организованным сопротивлением партизан:

«К июню 1944 года разгром партизан был практически закончен. По немецким данным, их здесь было убито или взято в плен более 14 тысяч. По донесениям командиров партизанских соединений, потери составили 7 тысяч убитых и пропавших без вести. Точные цифры потерь уже никто никогда не узнает» (Спириденков, с. 281).

Уцелевшие отряды подали признаки жизни лишь с выходом в Опочский, Освейский, Идрицкий, Себежский и Красногородский районы советских войск.

Глава 4

Украина

Без поддержки народа

Партизанской войны на Украине у большевиков (коммунистов) не получилось, да и получиться не могло. Слишком велико было недовольство ими среди основной массы населения.

Начнем с Западной Украины — Волыни и Галиции. Она находилась под властью коммунистов всего полтора года, но за этот срок успела «накушаться» чистками и репрессиями «выше крыши».

«По самым минимальным оценкам, более 400 тысяч жителей присоединенных территорий были высланы в Сибирь и Казахстан просто по решению местных «административных органов» (Соло-

нин М. «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война». М., 2007, с. 449).

Помимо массового выселения, «социально чуждый элемент» столь же массово уничтожали в многочисленных тюрьмах и концлагерях, которыми «советские» густо усеяли территорию Западной Украины. Людей казнили десятками тысяч, не щадя ни женщин, ни детей. Украинские исследователи непрерывно находят все новые и новые коллективные захоронения жертв коммунистического террора периода 1939—1941 года, притом даже в таких местах, как бывшие церкви и монастыри. Они подсчитали, что за 21 месяц (с 18 сентября 1939 по 22 июня 1941 года сталинские палачи убили на «воссоединенных землях» не менее 60 тысяч человек — в среднем, 3 тысячи в месяц, 100 человек в день!

Об одобрении крестьянами коллективизации хозяйств и говорить не приходится — если эту затею прокляли в Подмосковье и Поволжье, то неужели могли восславить на Волыни или в Закарпатье?

Украинское население на Правобережной Украине было сплошь униатским. Следовательно, и в религиозном плане у него не было точек соприкосновения с пришлыми россиянами и украинцами-восточниками. А уж «младшими братьями» в «семье равных народов» западные украинцы тем более себя не считали.

Украинские националисты начали вооруженную борьбу против Советов еще осенью 1939 года, вскоре после вторжения сюда Красной Армии.

> «Герой Советского Союза Ф.Ф. Архипенко (в те дни — молодой летчик 17-го ИАП) вспоминает, как «весной 1941 года по заданию комиссара в одной из деревень под Ковелем мне довелось прочитать доклад, посвященный дню Красной Армии... Во время доклада под окнами раздалось несколько выстрелов... Атмосфера вокруг была довольно напряженной, и пришла мысль, что неплохо бы быстрее уехать отсюда, пока жив...» (Солонин, с. 451).

Так что Вермахт пришел на благодатную землю — как и в Прибалтике, как и в Западной Беларуси, здесь вслед отступающим частям Красной Армии гремели выстрелы местных жителей*.

---

* Во Львове советские части подверглись обстрелу из окон и чердаков домов в первые же дни войны, когда там еще не было никаких «бандеровских националистов». На этот важный факт исследователи «львовского холокоста» намеренно не обращают внимания. А он указывает на то, что «холокост» местным евреям вполне могли устроить под горячую руку местные жители. Ведь советская власть в западных областях УССР и БССР имела ярко выраженное «еврейское лицо». — *М.П.*

Не являлось союзником большевиков и население центральных районов Украины, выморенное страшным голодом 1932–1933 годов.

«Пожар мятежа бушевал на Украине. Причем не только в западных ее областях. Так, в описании боевых действий 32-й танковой дивизии читаем: "...к вечеру 6.07.41 дивизия подошла к Староконстантинову, но в город войти не удалось, так как в городе паника и беспорядки"... Староконстантинов находится в Проскуровской (ныне Хмельницкой) области. Это "старая советская" часть Украины. Но даже там "беспорядки" оказались такой силы, что командир танковой (!) дивизии не рискнул войти в город.

При этом в самом областном центре, как докладывал начальник Управления политпропаганды Юго-Западного фронта Михайлов, "после панического отъезда из города районных и областных руководителей была взорвана электростанция и разрушен водопровод. Отошедшие в Проскуров наши части остались без света и воды"...» (Солонин, с. 453–454).

Тюрьма НКВД № 1 в Львове после бегства большевиков. Родственники опознают тела казненных «врагов народа». Какой мощнейший заряд ненависти они получили!

Марк Солонин прав — летом 1941 года РККА воевала на враждебной ей территории Украины. И только в восточной части республики — «промышленной зоне» — дело обстояло несколько иначе. Сельское население и здесь было в основном украинским, но городское — русским и еврейским. Поэтому, опираясь на горожан, партийно-советское руководство летом 1941 года занялось подбором руководящих кадров для партизанских соединений*.

* Это тот самый Юго-Восток Украины, который сегодня пытается «прихватить» себе Россия во главе со своим Путлером.

На территории Центральной Украины практически нет лесов (исключая Припятский район), где могли базироваться партизаны. А вот в районе «излучины Днепра» такой лесной массив имелся (точнее, это излучина его притока — реки Самара, в районе Новомосковск — Павлоград). Вдобавок здесь проходят дороги, связывающие Днепропетровск с Запорожьем, Никополем, ДнепроГЭС, Новомосковском, Сталино, Харьковом. Московские стратеги решили развернуть партизанские отряды для действий на указанных магистралях. Это решение оказалось трагической ошибкой дилетантов — лесной массив у реки Самары был мышеловкой.

Дело в том, что он ограничен с востока рекой Самара, с запада — железной дорогой Новомосковск — Павлоград, и оттуда невозможно скрытно уйти никуда. Этот «лесной оазис» со всех сторон окружен открытым пространством, да еще и заперт с востока рекой, на противоположном берегу которой тоже открытое пространство. Пребывание отрядов в лесном массиве имело смысл лишь в том случае, если бы они ограничились разведкой, либо проводили боевые операции в других районах — по принципу «не пакости там, где живешь». Но партизаны принялись действовать именно «по месту жительства». Поначалу им даже сопутствовал успех — ввиду отсутствия вооруженных сил противника.

Так, Новомосковский отряд 2 ноября 1941 года атаковал село Вольное, располагавшееся на окраине лесной зоны. А 10 декабря 1941 года более 200 «мстителей» атаковали лагерь советских военнопленных в районе села Знаменка и освободили около двух сотен человек. Однако этот успех оказался последним. Повторная атака партизан 21 декабря на село Вольное была отбита с большими для них потерями. В тот же день в район Новомосковска прибыл 1-й батальон 190-го пехотного полка Вермахта. Через четыре дня операция завершилась полным уничтожением партизанского отряда (242 партизана погибли, 160 попали в плен).

Еще раньше, в октябре — ноябре 1941 года, части 444-й пехотной дивизии Вермахта ликвидировали Никопольский партизанский отряд.

> «В ходе медленной, но проводимой с особой тщательностью операции немцы в течение следующей недели окружили партизан и практически полностью их уничтожили. Двести пятьдесят человек погибли или были взяты в плен непосредственно в болотах, а сто человек задержаны между Никополем и Кривым Рогом после того, как

им на время удалось ускользнуть от немцев на лодках под покровом ночи. К 26 октября район Никополя был полностью очищен от партизан; в ходе проведения операции немцы потеряли убитыми 27 солдат; один офицер и 31 солдат были ранены...»

«Судя по донесениям подразделений СД, действовавшие к востоку от Никополя партизанские группы (...) состояли в основном из военнослужащих Красной Армии, набранных в Москве и направленных для партизанских действий в этот район... Командирами партизан были партийные работники, также, по всей видимости, набранные в Москве. Основным заданием этих групп было, очевидно, проведение диверсий. Когда они добирались до болот, у этих групп даже не было проводников из местных жителей» (Армстронг, с. 283).

Слева — С. А. Ковпак (1887–1967)

На этом организованному партизанскому движению в Украине пришел конец — все последующие группы и отряды перебрасывались через линию фронта с советской территории, фактически они представляли собой разведывательно-диверсионные подразделения, а не партизанские отряды.

А как же Ковпак, Федоров и прочие?

Здесь мы переходим к интересному вопросу о том, как советские авторы в послевоенный период навели «тень на плетень». Повторяю еще раз: советского партизанского движения на территории Украины не было (если иметь в виду основную территорию республики). За исключением «излучины Днепра» (или Самары), почти все «украинские» партизаны (среди которых далеко не все были украинцами) базировались в припятских лесах и болотах. Но этот пограничный между БССР и УССР малонаселенный регион (с мизерным присутствием оккупантов) можно равно считать и украинским, и беларуским.

Изучение боевой деятельности советских украинских партизанских формирований дает любопытную картину. Оказывается, они были «кочевыми» или «блуждающими». К примеру, возьмем Путивльский отряд во главе с председателем Путивльского гориспол-

кома Сидором Ковпаком. Путь этого отряда из Сумской области пролегал сначала в Курскую, а позже — в Орловскую область РСФСР. Именно там он превратился в достаточно крупное соединение Сумской области УССР и уже *оттуда* в 1942–1943 гг. совершил рейд по Гомельской, Пинской, Волынской, Ровенской, Житомирской, Киевской областям и в Закарпатье. Будучи разбитым, соединение Ковпака отступило опять-таки в Припятские леса.

Весьма примечательно то, что указанный маршрут (Орловская область — Гомельская область — Припятские леса — Волынь — Галиция — снова Волынь — снова Припятские леса) повторяли все крупные «украинские» формирования. Например, соединение А.Ф. Федорова, первого секретаря Черниговского обкома компартии Украины, называлось «Черниговско-Волынским». Но посмотрите на карту: где Чернигов, а где Волынь? От Чернигова до Луцка по прямой линии более 420 км. Их разделяют три области — Ровенская, Житомирская и Киевская!

Отряды только назывались украинскими. Возглавляемые представителями партийно-советской номенклатуры Украины, они формировались в Брянской, Орловской и Смоленской областях, состояли в основном из «окруженцев» и местного «партийно-комсомольского актива». Там же они и базировались. Затем совершался марш к месту постоянной дислокации — в Припятские леса (где имелась возможность укрыться, практически отсутствовали немцы), после чего совершали набеги на Галицию и Волынь.

Но почему партизаны не пытались проводить операции в других областях? А потому, что в других областях нет обширных лесов, где

Партизаны соединения Ковпака в походе

можно укрыться. Из Брянских лесов «украинские» соединения переходили в леса Припятские, а на территории собственно украинской от Припяти можно пройти только на Волынь и в Закарпатье — снова из одних лесов в другие. Как видим, указанный маршрут диктовался соображениями собственной безопасности, отнюдь не стратегической целесообразностью.

На Волыни и в Закарпатье советские партизанские отряды надолго не задерживались, их быстро «выдавливали» оттуда, так как Волынь и Галицию контролировали отряды украинских националистов, с которыми имелась договоренность «о ненападении». Да и поддержкой местного населения «советские» не пользовались.

Соединение Ковпака после выхода в Закарпатье было заблокировано крупными силами Вермахта, разбито и рассеяно. Партизаны в панике бросили тело комиссара Сумского соединения С.В. Руднева (по сути, являвшегося главой большинства операций), в кармане одежды которого немцы нашли не отправленную в Москву радиограмму о положении соединения:

> «Срочно!
>
> Строкачу и Коротченко. Находимся здесь уже сутки. Положение угрожающее. Нас бомбят немецкие бомбардировщики. Мы уничтожили орудия и пулеметы /т.е. уничтожили собственное тяжелое вооружение, чтобы оно не досталось врагу — *М.П.*). Против нас действуют 4, 13, 12 и 26-й полки СС; 102-й Кавказский батальон, венгры и подразделения неизвестной принадлежности. Просим начать бомбардировку Делятина, Надворной, Коломии, Львова и аэродрома.
>
> 1 августа 1943 г. 15.00
>
> Руднев» (там же, с. 422).

Не партизаны, а террористы

Только отряду «Победители» кадрового сотрудника НКВД Дмитрия Медведева удалось продержаться на территории Ровенской и Львовской областей с июня 1942 по март 1944 года*. Но о нем — особый разговор.

Официально задачи его отряда были обычными — «разжигание народной борьбы», разведка и диверсии. Однако летом 1942 года

---

* Д.Н. Медведев (1898–1954) с 1920 по 1939 и в 1941–46 служил в органах ВЧК, ГПУ, НКВД. С августа 1941 по январь 1942 года, в звании полковника, командовал «партизанским отрядом чекистов», действовавшим на «маршруте» Смоленская область — Орловская область — Могилевская область.

вдогонку отряду Медведева послали еще одну группу. Она состояла из сотрудников органов НКВД и бывших милицейских оперативников из Львовской области. Это Николай Гнидюк, Николай Приходько, Николай Струтинский, Борис Сухенко, Михаил Шевчук и ряд других «товарищей». Возглавлял группу сотрудник Наркомата внутренних дел СССР Николай Васильевич Грачев, ныне известный как Николай Иванович Кузнецов (1911–1944). По воспоминаниям ветеранов, специфика действий группы была исключительно террористической, поэтому главный акцент в ее подготовке делался на стрельбу (некоторые члены группы, как вспоминал Н. Гнидюк, поначалу стреляли плохо, и «Грачев» лично осуществлял их подготовку).

Дмитрий Медведев, командир отряда чекистов «Победители»

Каковы же были задачи «товарища Грачева»? Гнидюк сообщает, что «Грачев» имел особое задание, он наведывался в Ровно в мундире немецкого офицера. По свидетельству других ветеранов отряда Медведева, к Грачеву-Кузнецову приводили пленных немцев, чтобы он практиковался с ними в немецком языке. Значит, разведка? Вовсе нет, Кузнецов добывал сведения от случая к случаю, а его агентура играла роль местных осведомителей партизан, не более того. «Пауль Зиберт» (Кузнецов) терся среди немецких офицеров, но мало что мог узнать от них — «великосветский шпионаж» редко дает что-либо конкретное. И к чему тогда участие в силовых акциях на шоссе Киев — Ровно? А затем начались убийства чинов немецкой администрации в Галиции. Разведчику террор абсолютно ни к чему.

Среди ряда историков популярна версия о том, что основной задачей Кузнецова являлось провоцирование немецких оккупационных властей на репрессии против мирного украинского населения. Например, вот что пишет В. Батшев:

> «Разведчик-террорист отряда Н.И. Кузнецов совершил несколько покушений на немецких чиновников. В ответ немцы расстреливали ни в чем не повинных людей, тем самым "выполняя" приказ Сталина об "ожесточении населения против немцев". Мерзко, не правда ли?

Однажды террорист убил прибывшего в служебную командировку на Украину имперского советника финансов Геля. На месте убийства Кузнецов "потерял" бумажник, якобы принадлежавший одному из эмиссаров Бандеры.

"Мы начали с того, — рассказывает Медведев, — что положили в бумажник десятка полтора рейхсмарок, столько же американских долларов, купюру в пять фунтов стерлингов, советские деньги". И дальше: "Что же касается директивы (в бумажнике этом, попавшем в руки Медведева от пленного или убитого бандеровца, была директива о борьбе против партизан), то ее заменили другой, написанной тем же почерком и гласившей:

"Дорогой друже! Мы очень удивились, что ты до сих пор не выполнил нашего поручения. Немцы войну проиграли. Это ясно теперь всем. Нам надо срочно переориентироваться, а мы скомпрометированы связью с гитлеровцами. Батько не сомневается, что задание будет тобой выполнено в самое ближайшее время. Эта акция послужит сигналом для дальнейших акций против швабов".

Медведев пишет: "В Ровно, по подозрению в убийстве Геля, арестовано и расстреляно 38 виднейших украинско-немецких националистов. Был арестован редактор газеты "Волынь". Аресты не ограничились только Ровно".

*Николай Кузнецов,
он же Пауль Зиберт*

О провокации против бандеровцев Медведев пишет потому, что уверен — к ним у его читателей не будет сочувствия. Почему же не будет? Бандеровцы проповедовали "третий путь" и любили "нэньку Украйну" не меньше других. И как могут быть националисты "украинско-немецкими"?

О провокациях, которыми он натравливал немцев на население, Медведев молчит. Достаточно и того, что признал — провокацией, как методом борьбы, партизанское руководство широко пользовалось.

> Медведев — старый чекист, он работал в ЧК с 1920 года. В 1938 году был арестован и осужден как "перегибщик". Каким же палачом надо было быть, чтобы в годы «Большого террора» попасть в "перегибщики"! В 1941 году после начала войны по представлению начальника 4-го (партизанского) управления НКВД Судоплатова его освободили из заключения вместе с другими перегибщиками и отправили на фронт — в партизаны.
>
> А теперь вглядитесь в лицо Грачева-Кузнецова — убийцы 6000 (шести тысяч) украинских, русских, белорусских, еврейских своих сограждан. Именно убийцы — потому что после его террористических актов были расстреляны как заложники 6 тысяч человек.
>
> Знал ли террорист Кузнецов о том, что последует после его выстрелов? Разумеется. Ведь он исполнял сталинский приказ № 0428 о том, что "народ надо ожесточить против немцев". Они и ожесточали. Это руководители и исполнители сталинской воли, верные слуги режима — чекисты» (Батшев В.С. Партизанщина).

Этот вариант близок к истине, но в целом ситуация видится мне несколько иначе. В мае 1942 года британские спецслужбы забросили на парашютах в Чехию группу чешских солдат-эмигрантов, которые 27 мая тяжело ранили рейхспротектора «Богемии — Моравии» Рейнхарда Гейдриха. Он скончался через неделю — 4 июня. Эта акция англичан очень понравилась Сталину. И вот по его инициативе в «чекистский» отряд Д.Н. Медведева посылается группа, основной задачей которой является убийство гауляйтера Украины Эриха Коха (другие должностные лица оккупационной администрации служили для «Грачева» закуской). Тогда же было принято решение о ликвидации комиссара Беларуси Вильгельма Кубе, для чего и туда отправили несколько оперативных «чекистских» групп.

То, что за убийство высокого чина немцы возьмут множество заложников и расправятся с ними, «великого друга простых людей» Сталина абсолютно не беспокоило. Это английские капиталисты-эксплуататоры, ненавидящие трудящихся, акций типа чешской более не осуществляли, так как узнали, что нацисты в отместку за Гейдриха расстреляли всех мужчин в городе Лидице.

Несколько слов о Крыме

Остается рассказать еще о Крыме, хотя он стал «украинским» только в 1954 году, как недавно выяснилось — на 60 лет.

Здесь все обстояло достаточно просто. Партизаны Крыма это в основном военнослужащие, работники местного партийно-госу-

дарственного аппарата и представители русскоязычного городского населения (все тот же партийно-комсомольский «актив»).

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн (1887–1973), командовавший немецкой 11-й полевой армией в Крыму, показал себя в борьбе с ними наилучшим образом. Быстро сориентировавшись в местных условиях, он определил свои выгоды: население Крыма в массе своей было тогда татарским (об этом предпочитают не распространяться в России) и враждебно настроенным по отношению к советской власти. Позволив татарам сформировать отряды самообороны, и придав их маневренным антипартизанским группам немецких и румынских войск, Манштейн обезопасил себя с этой стороны и продолжал осаду Севастополя.

Боец татарской роты самообороны в Крыму (1943 г.)

«Для борьбы с партизанами татары при содействии немцев создали отряды самообороны по 70–100 человек, в которых в качестве инструкторов находились немецкие унтер-офицеры. Уже к концу января 1942 года было сформировано 14 татарских рот самообороны во главе с немецкими офицерами численностью 1632 человека, а около 9 тыс. татар-добровольцев были направлены во вспомогательные части 11-й армии...

Начальник II партизанского района Крыма И.В. Генов 31 января 1942 года с тревогой докладывал в Москву: «Местное татарское население успешно вооружается... немцами, цель — борьба с партизанами... Надо полагать, что в ближайшие дни они начнут практиковаться в борьбе с нами. Мы готовы к этому... хотя понимаем, что вооруженные татары куда опаснее... немцев и румын» (Армстронг, с. 235–236).

В общем, «героические действия» партизан Крыма, это сказка. Они (действия) сводились, в основном, к выживанию партизан среди враждебно настроенного местного населения любым способом, вплоть до каннибализма!

Глава 5

Северный Кавказ и Калмыкия

Политическая ситуация на Северном Кавказе

Ситуация с развертыванием (точнее — с попыткой развертывания) советского партизанского движения на Северном Кавказе и в Калмыкии показательна с точки зрения тех проблем, с которыми столкнулись его организаторы.

Если выражаться проще, здесь местное население только и ждало, когда советскую власть спихнут к черту.

> «...недоверие к гражданскому населению в Красной Армии было столь велико, что во избежание «распространения заразы пораженчества» был выпущен приказ: «Красной Армии категорически запрещается вступать в контакт с местным населением». А когда в начале октября 1942 года шло наступление немцев на город Орджоникидзе, местному гарнизону было приказано «передавать в военный трибунал всех паникеров и распространяющих ложные слухи лиц; расстреливать дезертиров, шпионов, мародеров и подлецов на месте» (Армстронг, с. 213–214).

Именно на Северном Кавказе политика немцев достигла наибольшего успеха. Выяснилось со всей очевидностью, что усилия большевиков полностью подавить здесь антисоветские национальные движения пошли прахом — население встретило германских оккупантов с распростертыми объятиями, ни о какой поддержке партизан не могло быть и речи.

> «Накануне войны вспыхнуло крупное восстание в Чечено-Ингушской АССР, продлившееся и после начала войны. Хотя республика и не была оккупирована немцами, в отдельных ее частях положение было нестабильным, и эти районы, по существу, вышли из-под советского контроля — факт, во многом стоивший чеченцам их формальной автономии, а многим из них жизни» (Армстронг, с. 210).

Позже Сталин, воспользовавшись указанным обстоятельством, привел в действие план по ликвидации малых автономий (республик и областей). Калмыцкую АССР ликвидировали «за измену» калмыков 27 декабря 1943 года; Чечено-Ингушскую АССР — за «измену» чеченцев — 11 февраля 1944 года. Заодно ликвидировали Карачаево-Черкесскую и Кабардино-Балкарскую ССР. Всех людей

этих национальностей по приказу Сталина вывезли с Кавказа в безлюдные районы Казахстана и Средней Азии, где значительная их часть погибла*.

Немцы контролировали территорию Северного Кавказа около шести месяцев, с августа 1942 по январь 1943 года. Если бы больше, то их пребывание в этом регионе повлекло бы самые печальные последствия для Москвы:

> «Если немецкие попытки подстрекательства к восстаниям в районах, расположенных южнее линии фронта на Кавказе, не увенчались успехом, то сотрудничество с противником местного населения в оккупированных районах Кавказа осуществлялось в значительно больших масштабах, чем где-либо еще на оккупированной территории» (Армстронг, с. 214).

Немцы в свое время причислили малые народы Кавказа к разновидности арийцев (хотя это грубая историческая ошибка: «кавказоидов» в свое время вытеснили на задворки Европы — Кавказ и Пиренеи — именно «арийцы» в ходе своего переселения с севера на юг). Регион Кавказа они планировали использовать в качестве исходного для последующего продвижения на Ближний Восток и в Индию, поэтому было решено создать здесь прочную базу германского присутствия. Соответственно с местным населением на Кавказе «работали» не головорезы Гиммлера, а думающие специалисты из ведомства Розенберга**.

Они выдвинули лозунг: «При немцах вы сможете жить так, как вам будет угодно» и принялись проводить в жизнь политику предоставления северокавказским регионам реальной автономии — в отличие от Украины и Беларуси. Розенберга поддерживал бывший посол в СССР Фридрих-Вернер фон Шуленбург (1875—1944), возглавлявший тогда так называемую «русскую комиссию». Он и его ближайшие советники Герварт, Пфлайдерер и генерал Кюстринг предложили следующий вариант:

---

* Через несколько месяцев после XX съезда партии (октябрь 1956 г.), в 1957 году, Н.С. Хрущев заставил сталинистов из высшего руководства КПСС принять постановление о возвращении калмыков, балкарцев, карачаевцев, черкесов, ингушей и чеченцев на родину и восстановлении их автономии. Не случайно в Элисте (столице Калмыкии) и Грозном (столице Чечни) центральные улицы названы в честь Хрущева.

** Альфред Розенберг (1893—1946) в 1921—32 гг. был главным редактором газеты «Фолькишер беобахтер» («Народный наблюдатель»), центрального органа партии германских нацистов. Автор знаменитой книги «Миф XX века» (1930). В 1933—41 гг. возглавлял внешнеполитический отдел партии. С ноября 1941 по март 1945 министр по делам восточных территорий. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

«На Кавказе должны быть созданы независимые государства... Эти государства будут пользоваться независимостью в той же мере, что и Словакия... Несколько государств будут объединены в Кавказскую федерацию, чьим исполнительным органом станет Совет Федерации, в котором представитель Германии будет обладать правом вето» (Армстронг, с. 216).

Настоящие партизаны Северного Кавказа вовсе не выглядели такими «джигитами», как на этой пропагандистской фотографии

Той же точки зрения придерживался ведущий специалист германских спецслужб по сотрудничеству с коллаборационистами Теодор Оберлендер:

«Без сотрудничества с местным населением Кавказ удержать не удастся, а если и удастся, то лишь с огромными потерями» (Армстронг, с. 217).

Германское военное командование действовало в духе этих принципов. Так, в немецких войсках, направлявшихся на Кавказ, распространялись указания следующего содержания:

«Входящие на Кавказ войска должны:

1. Обращаться с населением Кавказа дружески, за исключением случаев проявления антигерманских настроений.

2. Не чинить препятствий стремлению горских народов избавиться от колхозной системы.

3. Разрешать открытие храмов всех религиозных конфессий и не препятствовать проведению религиозных служб и отправлению обрядов.

4. Уважать частную собственность и оплачивать реквизируемые вещи и имущество.

5. Завоевывать доверие населения образцовым поведением...

6. Давать объяснения всем строгим мерам военного характера по отношению к населению.

7. С особым уважением относиться к чести кавказских женщин» (Армстронг, с. 218).

Аналогичные наставления получили и румынские части, входившие в состав 17-й полевой армии Вермахта:

«Германский рейх считает народы Кавказа, включая калмыков, кубанских, терских и донских казаков, своими друзьями. Поведение немецких и союзных войск должно быть соответствующим этому отношению. Все штабы, войска и органы должны быть поставлены в известность о необходимости проявления доброжелательного отношения к населению...» (Там же).

В зоне действий группы армий «А» немецкая администрация проводила мероприятия, не имевшие аналогов на других оккупированных территориях СССР — в течение года до 40 % обрабатываемой земли планировалось передать из колхозов в сельхозкооперативы, в горных районах весь колхозный скот передавался частным хозяевам.

Кроме того немцы поощряли создание в аулах отрядов самообороны, которые они вооружали трофейным советским оружием — винтовками, автоматами, ручными и станковыми пулеметами.

Как отмечали в своих сводках оккупационные власти, мусульманская часть местного населения проявляла повышенное стремление к сотрудничеству с германскими властями, христианская же часть (кабардинцы, осетины, черкесы) — занимала в основном позицию благожелательного нейтралитета.

Крах советских партизан на Кавказе

В такой обстановке попытки советского руководства развернуть на Северном Кавказе широкое партизанское движение вполне закономерно потерпели полный провал.

Эти попытки осуществлялись по двум основным вариантам:

а) Выводом через линию фронта специальных диверсионных групп с последующим возвращением их на свою территорию. Такая форма действий практиковалась, в частности, в Калмыкии, которая с лета 1942 по начало 1943 года представляла собой фактически «бесхозную» территорию*.

б) Путем организации местных истребительных батальонов и небольших партизанских отрядов, разбросанных по всему Северному Кавказу.

Эти отряды и батальоны практически все быстро распались, а их бойцы в массе своей дезертировали.

---

* Площадь Калмыцкой АССР составляла 76 тыс. кв. км (в два с половиной раза больше Бельгии). Это огромное степное пространство между Волгой, Каспийским морем, Ставропольским краем, Ростовской и Сталинградской областями. — *Прим. ред.*

«На Кавказе, как и в более северных регионах, ядром партизанского движения стали официально созданные истребительные батальоны. Как и в других местах, большинство из них оказались малоэффективными и в конечном итоге распались. На Кавказе этот процесс знаменовал собой конец партизанского движения, которое так никогда и не достигло следующей фазы, когда отряды увеличивались в размерах, усиливали свой престиж и получали поддержку местного населения» (Армстронг, с. 271).

Д. Армстронг описывает в качестве примера судьбу партизанского соединения некоего В.А. Егорова (в советских источниках — Егорин), одного из сотрудников городского отдела НКВД из Новороссийска.

Одной из задач (всего лишь «одной из...») этого соединения являлось, ни много ни мало, «нарушение поставок из Новороссийска в действующую немецкую армию». На деле же активность партизан Егорова (Егорина) свелась к тривиальной борьбе за выживание. Этот факт еще раз показывает, как плохо советские штабы понимали суть партизанской войны: посылали отряды в тыл противника с заданиями космического масштаба, не думая о том, как обеспечить партизан хотя бы продуктами питания.

В результате соединение Егорова, состоявшее из нескольких небольших отрядов, организовывалось и реорганизовывалось до тех пор, пока окончательно не развалилось. Занимались его бойцы в основном налетами на местные села и станицы с целью «изъятия» продовольствия, а в перерывы между грабежами иногда закладывали мины на автомобильных дорогах. Не имея никакой поддержки среди местного населения, «мстители» в принципе не могли развернуть партизанское движение, что и констатировали штабы немецкой группы «А».

«Активность местного населения по вступлению в партизанские отряды, создаваемые до начала немецкой оккупации и во время ее, была на удивление низкой. В ряде районов партизанские группы так и не были организованы; многие из созданных групп распались, так и не начав партизанских действий.

В регионе, где географические условия давали возможность скрываться от советских властей, а политическая атмосфера определялась национальными чаяниями горских народов, особым укладом жизни казаков и повсеместным, поразительно устойчивым проявлением пораженческих настроений, к моменту появления немцев в августе 1942 года существовали сильные антисоветские настроения, как среди славян, так и среди неславянских народностей.

В результате находившееся в зачаточном состоянии партизанское движение не получало запасов продовольствия и подкрепления людьми. Большинство партизанских отрядов, которым надлежало увеличить свою численность до размеров рот, насчитывали всего от 30 до 75 человек, отобранных еще при формировании отрядов, и перспективы увеличения их численности были крайне туманными» (Армстронг, с. 267—268).

«В ряде случаев дисциплина в отрядах была настолько слабой, что партизаны просто превращались в мародеров без всякой «политической ориентации». В одном случае, например, группа из шести человек «специализировалась» в краже лошадей, коров и телят, чье мясо затем они продавали по высоким ценам» (Армстронг, с. 254).

Верхне-Баканский партизанский отряд состоял из местных комсомольцев и коммунистов, возглавлял его бывший секретарь парткома цементного завода, комиссаром был секретарь местного райкома партии, подразделениями командовали офицеры из местного НКВД и военкомата. Каковы же были успехи этого формирования, укомплектованного сознательными советскими гражданами?

«Свидетельств активной деятельности этого отряда до ноября 1942 года не обнаружено» (Армстронг, с. 233).

В сентябре 1942 года полностью развалился партизанский отряд из города Микоян-Шахар (180 человек) — после месяца бесцельных блужданий по горам Кабардино-Балкарии.

Вот еще один пример заранее организованного партизанского отряда:

«Организация отряда была поручена секретарю райкома Сергею Гриненко, ранее служившему в ВЧК, а потом в административно-партийном аппарате.

Отлично понимая, что среди казачьего населения, ненавидевшего со времен гражданской войны все советское, нельзя рассчитывать на поддержку, Гриненко, отобрав около 100 человек, начал энергично организовывать секретные базы для партизан в огромном Колосовском лесу. Ни одного казака, даже коммуниста, в свой отряд он не принимал.

Через несколько дней после прихода в лес все партизаны приняли присягу и подписали торжественно обязательство бороться с врагом, не щадя своей жизни. Текст присяги партизана выглядел так:

"Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического советского народа, клянусь, что скорее умру в жестоком бою

с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство коварного фашизма. Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей".

После занятия области немцами в отряд стали приходить бойцы и командиры, попавшие в окружение. Энкаведисты опрашивали их и передавали в трибунал, имевшийся в отряде. В большинстве случаев трибунал приговаривал переданных ему бойцов и командиров к расстрелу.

Отделение немецких егерей в горах Кавказа

Многие из них, не выдержав враждебного отношения партизан, пытались бежать, но эти попытки были сопряжены с большим риском: пойманных расстреливали. Только за первые два месяца (сентябрь и октябрь 1942 г.) расстреляли более 50 человек, попавших к нему в отряд и пытавшихся уйти.

В сентябре 1942 отряд напал на станицу Махошевскую, известную еще до войны своими антисоветскими настроениями и встретившую немцев как союзников и освободителей.

Гриненко расстрелял на площади старосту, бывшего коммуниста, выбранного старостой исключительно за свою, всем известную, честность и искренность. Затем расстреляли захваченные полицейских и жителей, которые открыто выражали свои антисоветские настроения. Затем комиссары отряда выступили с речами, предложив

молодым идти в партизаны. Все те, кто категорически отказался, были отобраны и тут же, на станичной площади, расстреляны. Захватив имевшиеся на складе запасы продовольствия, партизаны погрузили их на подводы и ушли в лес... (В. Батшев. Партизанщина: мифы и реалии).

А вот как действовал отряд «Анапа-I» из соединения Егорова:

«Со своей новой базы на реке Темная Гостагайка (...) партизаны этого отряда до ноября (1942 г. — *М.П.*) смогли провести всего две операции — взорвали мост в станице Анапской и дважды в районе станицы Натухаевской закладывали мины на горной дороге, редко использовавшейся немцами» (Там же, с. 235).

Конец был примерно один и тот же:

«Тем временем Егоров реорганизовал оставшиеся у него силы — порядка 260 человек из первоначально находившихся в этом районе 500 партизан. Он приказал уклоняться от столкновений с немцами и их союзниками и проводить рейды небольшими группами. (...) Пока Егоров был способен контролировать подчиненные ему силы, уровень дезертирства был относительно низким; когда же группы отделялись, у их членов сразу возникал соблазн вернуться к «мирной гражданской жизни» (Там же, с. 239).

Каковы же результаты всех этих предприятий?

«Нет свидетельств того, что партизанам когда-либо удавалось создавать серьезные помехи немецким приготовлениям к боевым действиям или их операциям. (...)

Утверждения советских источников о достижениях партизан выглядят фантастичными и явно вызывают сомнения. Согласно одному из них, партизанский отряд из Краснодара численностью 60 человек (якобы один из лучших) за период с августа 1942 года по февраль 1943 года причинил немцам следующий ущерб: было взорвано 16 локомотивов и 392 железнодорожных вагона с войсками или с оружием и боеприпасами; уничтожено более 40 танков и бронемашин, 36 тяжелых орудий, более 100 легких орудий и минометов; 113 автомашин и грузовиков, более 100 мотоциклов с колясками, взорвано 34 моста...более 8000 фашистов были убиты или тяжело ранены (Игнатов Н. с. 275).

Уничтожение одним отрядом того, что составляет целую немецкую дивизию, явно является преувеличением, противоречащим однообразным немецким донесениям о крайне низкой эффективности действий партизан» (Армстронг, с. 269).

Детально рассмотрев действия советских партизан на Северном Кавказе, американские исследователи сделали следующие выводы:

«Советское партизанское движение провалилось не только в Карачае, но и во всем Ставропольском крае. Согласно подписанному Сусловым отчету..., датированному 28 декабря 1943 года, из 59 районов края партизанские отряды создали только 40 районов. В этих 40 отрядах числилось 2011 человек...

Из 834 человек, ушедших в горы, 235 человек дезертировали еще до прихода немцев. К концу августа, лишившись продовольственных баз, перешли за перевал, погибли в боях и пропали без вести 294 человека, в горах остались действовать лишь 205 человек. До 22 ноября 1942 года действовало только 3 отряда... Остальные 11 отрядов распались в основном в конце августа, а отдельные — в середине сентября.

Личный состав оказался плохо подготовленным к партизанской борьбе в горных условиях, «комплектовался поспешно и без проверки каждого в отдельности, часть людей, принятых в отряды, оказались нестойкими, отдельные — предателями. Предатели и трусы оказались даже среди командного состава партизанских отрядов». Командир Зеленчукского партизанского отряда Л. при первом же выстреле впал в панику и призвал прекратить сопротивление, после чего отряд благополучно разбежался по лесам.

А комиссар Черкесского городского партизанского отряда П. на второй же день после занятия немецкими войсками Архызского ущелья бросил отряд на произвол судьбы и ушел за перевал. Комиссар Изобильненского отряда В. также оказался изменником и перешел на службу к немцам. Отряд был полностью разгромлен, командир отряда Чвикалов погиб. Комиссар Молотовского (Красногвардейского) отряда П. «добровольно перешел к немцам и стал работать агентом гестапо по борьбе с партизанами, оставшимися в тылу у немцев коммунистами. Перешел к немцам Кочкаров, работавший в качестве заместителя сводного штаба по разведке. Он активно помогал гестапо в разгроме партизанского движения в горах» (Армстронг, с. 228–230).

Иными словами — полный крах!

«Партизаны» Калмыкии

Как уже сказано выше, Калмыцкая АССР — это огромная степь между Волгой, Каспийским морем, Ставропольским краем, Ростовской и Сталинградской областями. С лета 1942 по начало 1943 года она представляла собой фактически «бесхозную» территорию.

Здесь советское командование использовало тактику заброски на формально оккупированную территорию специальных диверсионных групп с последующим возвращением их на свои базы. Например, в ноябре — декабре 1942 года была проведена операция по проникновению нескольких сотен «партизан-диверсантов» (по немецким оценкам от 400 до 800 человек) из района Астрахани в сектор между реками Кума и Маныч и далее к западу.

> «Эти группы, по всей видимости, были хорошо подготовлены и вооружены, а также разбиты на роты и взводы, имевшие политруков. Учитывая то, что оборонялся этот сектор лишь небольшим количеством немецких войск (которые были сильно рассредоточены), отрядами коллаборационистов и несколькими подразделениями двух казачьих частей (из соединения «атамана Панвица» — *М.П.*), вряд ли стоит удивляться, что партизанам легко удалось проникнуть в этот район и, по существу, беспрепятственно передвигаться по территории в сотни квадратных километров» (Армстронг, с. 248–249).

Применение именно такого метода вызывает недоумение. Ведь в регионе практически отсутствовала линия фронта, поэтому не было нужды в «просачивании» мелкими группами, тем более что они не имели конкретных целей, что хорошо видно по их последующим действиям. Все ограничилось декларацией «железных» задач, которые отряды все равно не могли решать, так как в регионе отсутствовали опорные пункты противника и транспортные магистрали, а совершать дальние рейды в направлении Ставрополя они физически не могли. На практике вся «партизанская борьба» свелась к банальному грабежу калмыцких селений и угону скота.

Советские отряды имели плохо подготовленный командный состав, как правило, присланный из Центральной России. Вот отрывки из дневника (найденного американцами среди трофейных германских документов) «начальника разведки» одного из отрядов:

> «27 ноября 1942 года. Мы находимся в поселке Улан-Туг. Я реквизировал теленка, двадцать кур и кое-что еще. Мы расстреляли семерых предателей Родины, среди них младший лейтенант Филиппов, лейтенант Монахов и сержант Рыбалко. Так им и надо! Мы поступим так с каждым, кто поднимет руку на свою Родину. В конце концов, я же старший офицер, заместитель командира отряда и начальник разведки. Я буду сражаться до последнего вздоха...
>
> 29 ноября 1942 года. День был неудачным. Мы пошли из Улан-Туга в поселок Плавенский за водой...На обратном пути мы попали

на наши мины, которые сами установили (десять мин). Два человека погибли, еще двое были тяжело ранены...

7 декабря 1942 года. В нашем отряде нет порядка. Командир отряда Васильев ведет себя не так, как ему следует. Он отстранил меня от должности заместителя командира отряда и начальника разведки и назначил командиром одного из подразделений... Это понижение...

14 декабря 1942 года. Я отправился в Коровинский колхоз, чтобы раздобыть для себя лошадь. Там я присоединился к другому отряду для участия в операции против калмыков...

19 декабря 1942 года. Я вернулся в отряд Васильева. Он грозился расстрелять меня. Мы продолжаем движение.

20 декабря 1942 года. Немцы обнаружили нас. Наши припасы на исходе. Нас окружили, но нам с боями удалось прорваться.

21 декабря 1942 года. Нас преследуют. Стычки происходят снова и снова. Я убил немецкого офицера и полицая. Забрал у убитого немца золотое кольцо и кое-какие вещи. Мы уничтожили около пятидесяти немцев и казаков...» (Там же, с. 250–251).

Непонятно также, кому конкретно подчинялся тот или иной отряд в регионе, и какие органы контролировали партизанские действия: то ли НКВД Калмыцкой АССР, то ли местный обком партии.

Но самое главное — события на территории Калмыцкой АССР имели явные признаки гражданской войны. С одной стороны, местное население враждебно относилось к советской власти и благожелательно встретило оккупационные войска. Подразделения, противостоявшие здесь партизанам, были представлены, кроме немногочисленных немецких частей, двумя казачьими полками под командованием немецких офицеров.

Другая сторона проблемы — отношение советских партизан к местному населению. Отмечаю это в связи с тем, что за последнее время довелось немало слышать бредовых измышлений о «тесной дружбе народов СССР в годы Отечественной войны, в огромной степени способствовавшей нашей победе». Но это сейчас ветераны стали такими политически подкованными. А во время войны отношение партизан (которые на этой земле все поголовно были пришлыми) к местному населению являлось крайне враждебным. Понятие «калмык» было для них синонимом слова «враг», что и отметил историк А. Даллин, который нашел и опубликовал выдержки из дневника «начальника разведки».

Если же еще учесть тот факт, что калмыцкое население редко имело собственные формирования самообороны, можно смело го-

ворить о военных преступлениях партизан против безоружных граждан, формально, по крайней мере, одного с ними государства. Вся их вина состояла в том, что они сильно не любили советскую власть (а кто ее любил в национальных республиках, краях и областях?).

И вот еще что любопытно. Хотя Калмыцкую АССР ликвидируют «за предательство» лишь в 1943-м году, уже в 1942 году в советских штабах существовало мнение о калмыках как о врагах. Вот и недавно прибывший из Центральной России «начальник разведки» изначально был настроен враждебно против калмыков.

Казаки на немецкой службе (Калмыкия, январь 1943 г.)

Вывод американских историков относительно Калмыцкого региона в частности и всего Северного Кавказа в целом таков:

«Партизанское движение в Калмыцкую АССР полностью было привнесено извне. Его организация была упорядочена лишь в последние месяцы немецкой оккупации, но его вклад в военные операции Красной Армии был ничтожным. Кое-каких успехов партизаны добились в качестве «длинной руки» советского режима, уничтожая коллаборационистов и спасая от угона немцами скот. (...) К тому же здесь, как и везде на Северном Кавказе, отсутствие поддержки местного населения было одной из главных помех для успешного ведения партизанской войны». (Армстронг, с. 251–252).

Выводы

Итак, мы можем отметить следующие факты:

1) Ядром партизанских формирований на первом этапе (лето 1941 — лето 1942 гг.) выступали остатки разбитых советских войск, либо переброшенные через линию фронта специальные группы.

На последующих этапах осуществлялся призыв в партизанские отряды местного населения на основе положения о «почетной обязанности» каждого советского гражданина призывного возраста за-

щищать «советскую социалистическую Родину». Желание или нежелание граждан, проживавших на оккупированных врагом территориях, идти в партизаны и тем самым превращать свои семьи в заложников абсолютно не принималось во внимание. Отсюда массовое дезертирство из отрядов. Число добровольцев из местного населения среди партизан было незначительным.

2) Командные посты во всех партизанских формированиях занимали бывшие партийно-советские и комсомольские «аппаратчики», сотрудники НКВД (в т.ч. органов милиции), кадровые офицеры РККА, пограничных или внутренних войск все того же НКВД.

3) Уровень специальной подготовки командиров и рядовых бойцов партизанских отрядов оставлял желать много лучшего (чаще всего такая подготовка просто отсутствовала).

4) Партизаны стремились максимально снизить риск потерь, поэтому в большинстве случаев ограничивались имитацией боевой деятельности.

5) Реально, главной задачей партизанских формирований стало запугивание гражданского населения оккупированных территорий с целью противодействия его (населения) сотрудничества с оккупационными властями. Партизаны повсеместно осуществляли акции, провоцировавшие оккупационный режим на репрессии против гражданского населения. Не останавливались они и перед массовыми убийствами своих сограждан.

6) Официальные данные о потерях гражданского населения от рук карателей не соответствуют действительности. Завышая величину этой категории жертв, советские статистические органы тем самым скрывали террор со стороны партизан, а также занижали потери действующей армии.

7) Долгое время отсутствовало централизованное управление партизанами; «Центр» зачастую не мог разобраться, кому конкретно (штабу партизанского движения, командованию фронтов или органам НКВД) подчиняется тот или иной отряд.

8) Германское командование, благодаря своей агентуре, показаниям пленных и дезертиров располагало достаточной информацией об организации, дислокации и боевых возможностях партизанских формирований в регионах. При надлежащей подготовке ему не составляло большого труда громить даже многотысячные соединения «мстителей». Но отсутствие специального командования для ведения систематической антипартизанской борьбы и недостаток наличных сил не позволили немцам полностью уничтожить партизанское движение, хотя в 1944 году они были близки к этому.

9) Гражданское население оккупированных территорий не поддерживало реально ни ту, ни другую сторону.

Почему? Во-первых, СССР представлял собой прежнюю Российскую империю, только под новым названием. А в этой империи даже представители «титульной нации» — русские (в основной массе крестьяне) были настолько замордованы правящим режимом, что не возражали против смены правящего режима — лишь бы жить стало лучше. Оккупированное население ожидало исхода борьбы, чтобы потом стать на сторону победителя. Реальную оппозицию оккупантам составляли только представители партийно-советско-комсомольской номенклатуры, что и понятно — у большинства из них не было иного выхода.

10) Действия советских партизан постоянно сопровождались совершением военных преступлений. Об этом — четвертая часть книги.

ЧАСТЬ III

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ

Партызаны... Партызаны —
Беларускія сыны...
Некалі пытаўся ў маці:
— Партызаны. Хто яны?
— А, што гэтыя, што тыя,
Было, дзетка, ўсё адно.
Хоць ты ў пролубку. На дно.

Праклінали тых і гэтых.
Няма розніцы... Вайна.
А што ў кніжках ды газэтах —
Болей выдумкі. Мана.

Фрыцы ў вёсцы, курашчупы:
"Матка, яйка... дай, гіб мір.
Ахтунг! Ахтунг! Партызанен."
Злыбядоты крутавір.

Гэтыя ж ваўкамі зь лесу,
Як зладзеі, па начы.
Здалі Кіеў, Менск, Адэсу.
Мыш пад венікам. Маўчы.

Брэх сабак. Раве карова.
Як дажыцьма да вясны?
Нехта лезе ў хлеў праз дровы...
Беларускі сыны...

"Адкрывай, мамаша, дзьверы,
Дасыпайце свае сны.
Партызаны мы, ня зьверы,
Беларускія сыны.

Па дарозе нам папала,
Паўзьлі моўчкі праз агонь.
Кладзі ў торбу хлеб і сала.
Гнала мабыць самагон?

Што?.. Няма?..
Куда схавала?
А ў гляку хіба
не ён?

Я шапчу нібы замову:
“Вы чужыя ці свае?
Не бярыце хоць карову,
Мы ж загінем
без яе”.

Жылі ў страху і адчаі,
Са сваёй бядой адны.
Немцы днём,
ну, а начамі...
Беларускія сыны.

(Алесь Марочкин. «Беларускія сыны».
Из сборника «Калодзеж у жыце», Минск, 2013, с. 49).

Глава 1

Миф о всенародной поддержке

Три этапа партизанского движения

Партизанское движение в Беларуси можно условно разделить на три этапа.

Первый этап

Он охватывает период с июня 1941 по декабрь 1942 года.

Партийно-советские руководящие органы в июне — июле 1941 пытались формировать так называемые «истребительные батальоны». Была издана директива № 4 ЦК КПБ и Совнаркома БССР о формировании таковых «на каждом заводе, каждом предприятии транспорта, в каждом совхозе и колхозе» под руководством штабов, создаваемых при исполкомах советов областного, районного и сельского уровней. Но из затеи с «истребителями-партизанами», возглавляемыми местной номенклатурой, ничего не вышло.

В 1941 и 1942 годах лишь очень немногие жители деревень и поселков пошли в партизаны. Немецкая оккупационная администрация дала крестьянам возможность вернуться к единоличным хозяйствам. А селяне хорошо помнили «политику партии на селе»: раскулачивание, насильственную коллективизацию, работу в колхозах за «палочки», закон «о трех колосках», отправку в лагеря за малейшее проявление недовольства, за выдуманное «вредительство»...

Немецкая политика «на деревне» в этом плане являла разительный контраст с большевистской: сдал твердо фиксированный продналог, вся остальная продукция — твоя.

И все было бы прекрасно (для крестьян), если бы не диверсанты и партизаны. Ведь они могли существовать только за счет грабежа сельского населения. И те чекисты-диверсанты, которых летом 1941 года посылало командование на оккупированную территорию, и бродившие в лесах группы красноармейцев из разбитых частей, все они грабили сельских жителей. Ведь иного источника пропитания и материального снабжения у них просто не было. Но, к счастью для партизан, чекистских групп было еще мало, а красноармейцы стремились «пристроиться» к женщинам, оставшимся без мужчин (шли в «примаки»).

Как уже показано в предыдущем изложении, помимо красноармейцев в лесах укрылись представители партийно-советской номенклатуры районного масштаба. Вторые «организовывали» первых в партизанские отряды. Первые полгода войны их было совсем немного. Иван Титков, бывший командир партизанской бригады «Железняк» засвидетельствовал в своих воспоминаниях, что в декабре 1941 года общее число партизан в лесах Бегомльского района составляло всего-навсего 122 человека. Примерно такая же картина наблюдалась в других районах Беларуси: кое-где больше, но, как правило, меньше: по официальным данным, к январю 1942 года на территории БССР насчитывалось 12 тысяч партизан, в среднем на район 62 «мстителя»*. Надежды Москвы и «лично товарища Сталина» на всенародное сопротивление оккупантам явно не сбылись.

За 1942 год численность партизан (по официальным данным) выросла едва ли не в пять раз: с 12 до 56 тысяч (достигнув среднего показателя 289 человек на район). Основным источником роста явились воинские подразделения, которые забрасывались воздушным путем или выводились пешим порядком через линию фронта — специально для развертывания партизанской войны на оккупированной территории. Именно так, к примеру, появилась партизанская бригада «Железняк» на территории Бегомльского района.

В апреле 1942 года на территории Владимирской области РСФСР были созданы специальные курсы, где готовили диверсантов и организаторов партизанских действий. Через эти курсы прошли 3000

---

* В Барановичской области к июню 1941 года было 26 районов; в Белостокской — 23; в Брестской — 18; в Вилейской — 22; в Витебской — 20; в Гомельской — 15; в Могилевской — 21; в Минской — 21; в Полесской — 17; в Пинской — 11. Всего — 194 района.

человек. Из них создали 14 партизанских отрядов и 92 организаторские группы. Все они были переброшены на территорию оккупированной Беларуси.

Еще раньше, летом 1941 года, в пригороде Москвы по приказу «народного комиссара» Л.П. Берии сформировали Особую мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. Она состояла из нескольких батальонов, имевших в своем составе специалистов по части диверсионных и террористических действий. Но в то время немцы вели широкомасштабное наступление на Москву, большевистское руководство бросило на оборону столицы все наличные силы (вспомним использование курсантов военных училищ в качестве обычных стрелков). Поэтому было не дло того, чтобы отправлять бойцов ОМСБОН в глубокий тыл противника.

Пленные красноармейцы (август 1941. Жлобинский район Гомельской обл.)

А вот после того как удалось остановить немецкое наступление, командование бригады начало формировать группы по 30–40 человек и переправлять их «на ту сторону»*. Группы были хорошо вооружены. В каждой из них имелись два-три человека, подготовленных на роль командира партизанского отряда.

Группы дислоцировались в заранее определенных районах и решали следущие задачи:

Во-первых, организовывали партизанское движение путем вовлечения в него «окруженцев» (к тому времени успевших обосноваться по деревням) и местного населения.

Во-вторых, вели разведку и осуществляли диверсии на коммуникациях противника.

В-третьих, на них возложили «особую задачу» — расправу с теми, кто пошел на работу к немцам, чтобы прокормить свои семьи. А это были мелкие служащие, учителя, инженерно-технические специа-

* Считается, что «оборонительный этап» московской операции завершился 5 декабря 1941 г.

листы, железнодорожники, врачи и другие категории граждан, вплоть до работников сферы культуры.

Одну из таких групп с неограниченными полномочиями (она называлась «Местные») возглавил матерый террорист Станислав Ваупшасов. Он со своими подчиненными перешел линию фронта в марте 1942 года. Обосновавшись в Минской области, чекисты искали по деревням затаившихся коммунистов и комсомольцев, а также вчерашних красноармейцев, и уводили с собой в лес. В случаях неподчинения расстреливали на месте. Кроме того, чекисты Ваупшасова наводили ужас на селян, беспощадно уничтожая «предателей». Заодно отбирали у людей продукты, обувь, теплую одежду. Такие методы позволили ему развернуть свою группу в отряд.

Сам Ваупшасов (свою подлинную фамилию он скрывал под псевдонимом Градов) в первой половине 20-х годов совершил десятки убийств и диверсий в Западной Беларуси. Вот он и подбирал себе людей похожих на него самого. Главным требованием к новобранцам была готовность убивать, грабить, жечь.

Второй этап

Январь — декабрь 1943 года. За это время количество партизан на территории Беларуси увеличилось, по официальным данным, с 56 до 153 тысяч человек (уже 789 в среднем на район)*. Рост происходил благодаря двум причинам. Во-первых, продолжалась переброска через линию фронта на оккупированную территорию мелких групп и целых воинских подразделений. Во-вторых, весной — летом 1943 года немцы провели ряд карательных операций против партизан, от которых пострадало и сельское население. Часть селян спаслась бегством к партизанам.

Советские историки, идеологи, пропагандисты любили говорить и писать о том, что к концу 1943 года партизаны контролировали 108 тысяч квадратных километров территории БССР (пресловутые «партизанские зоны»), что составляло 58,4 % площади республики**. Если это действительно так, то возникает законный вопрос: почему же в этих зонах продолжали гореть деревни и гибнуть люди? Более того, массовое уничтожение деревень оккупантами началось именно в 1943 году.

---

* По подсчетам независимых историков, реальная численность партизан на территории БССР в декабре 1943 г. не превышала 70 тысяч человек (в среднем, 361 на район).

** На самом деле меньше, т.к. эти авторы не желают учитывать те беларуские земли, которые Сталин в 1944 — 1946 гг. подарил Польше и Летуве. Между тем площадь одной только Белостокской области БССР была 20,9 кв. км, а население 1 млн 369 тыс. чел.

Третий этап

Январь — июль 1944 года. Количество партизан достигло 374 тысяч человек (в среднем 1928 на район). Увеличение в 2,44 раза за какие-то полгода! Откуда такой бурный рост? За счет населения сделать это уже было невозможно. В деревнях резко преобладали женщины, дети с подростками и старики. Так за счет кого такая прибавка?

Ответ простой. Красная Армия наконец-то доползла от Москвы, Сталинграда и Северного Кавказа до границ Беларуси. Готовилась операция «Багратион». Через линию фронта в немецкий тыл массово переправлялись регулярные воинские части. Называть их партизанами — большая ошибка.

Члены группы ОМСБОН «Неуловимые». В центре — М. Прудников (1942 г.)

Кто шел в партизаны?

Если верить сказкам советской пропаганды, а также заявлениям чиновников идеологических учреждений суверенной Республики Беларусь, то выходит, что беларуский народ проявил в годы оккупации «массовый патриотизм», так как именно он дал наибольшую численность советских партизан.

Но есть и другое мнение.

> «Коллаборационистов среди военнопленных и жителей оккупированных территорий, замечу, было гораздо больше, чем партизан и подпольщиков. Только в Вермахте, в военных и полицейских формированиях СС и СД служило, по разным оценкам, от 1 до 1,5 миллиона бывших советских граждан. Кроме того, по несколько сот тысяч человек состояло, соответственно, в местной вспомогательной полиции и крестьянских отрядах самообороны, с одной стороны, и работало старостами, бургомистрами и членами местных управ, а также врачами и учителями в открытых немцами школах и больницах, с другой стороны» (Соколов Б.В., с. 118).

О степени «любви простых беларусов к партизанам» свидетельствовал и П.К. Пономаренко в своем докладе от 27 января 1943 года:

«В 1941–42 годах в деревнях, расположенных вблизи райцентров, были случаи, когда сами жители помогали полиции в борьбе с партизанами.

Так, в деревне Клины Климовичского района... в ноябре 1942 года мужское население вооружилось и устроило засаду на группу тов. Солдатенко, в результате: 4 партизана было убито, 3 ранено.

В деревне Кокойск Климовичского района население до 1943 года было враждебно настроено к партизанам и оказывало содействие полиции» (Там же, с. 149).

Сразу возникает вопрос: почему в Беларуси партизан было больше, чем в любом другом регионе СССР? Пусть не 374 тысячи, но хотя бы 153. В качестве объяснения «партийные историки» предлагали общественности сказки о мобилизующей и организующей роли «родной» коммунистической партии:

«ЦК КП(б)Б принял директивы 30.06. 1941 «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом» и 1.07.1941 «О развертывании партизанской войны в тылу врага». (...) Для организации подполья и партизанского движения ЦК и обкомы КП(б)Б оставили на местах 1215 коммунистов, создавали областные и районные партийные комитеты, центры, тройки и другие органы. Всего в 1941 году на оккупированную территорию Беларуси направлено около 8 тысяч коммунистов»*.

(Отмечу, что этот пассаж — пример того, как коммунисты всегда старались делать «умное лицо». Подавляющее большинство из названных восьми тысяч — местные партийно-советские кадры /номенклатура районного звена/, которые не успели удрать вместе с отступавшими войсками. — *М.П.*)

«В 1942 году ЦК КП(б)Б направил на территорию оккупированной Беларуси 14 партизанских отрядов и 92 организаторские группы (2600 человек), подготовленные на специальных курсах. Кадры для партизанского движения готовили также в специальных школах: подрывников в спецшколе на базе оперативно-учебного центра Западного фронта; радистов, подрывников, связных-разведчиков в спецшколах Центрального штаба партизанского движения. В 1942 году ими подготовлено и направлено в тыл врага /на территорию БССР — *М.П.*/ 175 диверсионных групп (2077 человек)**.

Как видим, эти 12677 человек (8000 + 2600 + 2077) — организаторы, командиры, комиссары, «чекисты-особисты» и «узкие спе-

---

* Энцыклапедыя гісторыі Беларусі (ЭГБ). Том 5. Мінск, 1999, с. 413.
** ЭГБ, том 5, с. 413.

циалисты» (подрывники, радисты, врачи). Но численность партизан в Беларуси к концу 1942 года достигла (по официальным данным) 53 тысяч, отсюда вопрос: остальные 40 тысяч (если принять на веру озвученную цифру), они кто?

Вот что пишет действительный член Академии военных наук России, доктор исторических наук, полковник органов госбезопасности Вячеслав Боярский, много лет занимающийся изучением советского партизанского движения:

> «Существенной особенностью партизанской борьбы в западных регионах СССР в первый год войны было то, что здесь важным резервом развития партизанского движения являлись командиры и рядовые бойцы РККА и погранвойск, оказавшиеся во вражеском тылу вследствие разгрома либо окружения их частей немецкими войсками».

> «Можно выделить четыре периода организации партизанской борьбы в годы Отечественной войны. Первый период длился от начала войны до момента создания Центрального штаба партизанского движения 30 мая 1942 года. (...) Компартия в этот промежуток времени осуществляла в основном политическое руководство партизанами. Оперативное планирование боевой деятельности партизан отсутствовало. Основная роль в организации партизанских формирований принадлежала органам НКГБ-НКВД. Существенной особенностью данного периода было то, что важным резервом для развития партизанского движения явились

«Иди, сын, в партизаны!»
Постановочная фотография

десятки тысяч командиров и бойцов Красной Армии, оказавшиеся во вражеском тылу в силу вынужденных обстоятельств»*.

Обратите внимание: свыше 12 тысяч «партийцев» — организаторов, начальников и контролеров; ***десятки тысяч*** «окруженцев» — бойцов, командиров, политруков армии и пограничных войск, в том числе пленных, сумевших бежать из лагерей.

Где же народ? Народ до последней возможности сидел по домам. Поэтому абсолютно справедлив вывод Валентина Акудовича:

> «Несмотря на мощный всеобъемлющий нажим беларуский народ (подчеркнем еще раз — народ, а не определенная политизированная группка населения) не принял партизанщину. Именно так — не принял»**.

В любом случае общая численность партизан на территории Беларуси была серьезно преувеличена (в два с половиной или даже в три раза) «заинтересованными лицами» из Центрального (П.К. Пономаренко) и Белорусского (П.З. Калинин) штабов партизанского движения.

Во многих книгах и справочниках, статьях в журналах и на интернетсайтах встречается тезис о том, что партизанское движение на территории Беларуси с первых дней войны имело массовый общенародный характер. Но разве 12 тысяч партизан, имевшихся к концу 1941 года, это массовое общенародное движение?

Если и наблюдалось в первый год войны какое-то действительно массовое движение, так это сдача Красной Армии в плен. С 22 июня по 31 декабря 1941 года в плену у немцев оказались 3.335.000 человек! Вот это массовость! Упомянутые 12 тысяч партизан просто ничтожная кучка (0,35 %) по сравнению с огромной массой пленных бойцов и командиров РККА!

Почему крестьяне пошли в партизаны

Однако в 1943—1944 гг. численность партизан в Беларуси в самом деле непрерывно увеличивалась. И в эти 18-19 месяцев среди партизан было уже достаточно много сельских жителей.

Отчего же крестьяне, которые летом 1941 года встречали немцев хлебом-солью, вдруг тысячами бросились в леса? Разглядели, наконец, истинныйоблик новых хозяев? Так ведь прежние хозяева были не лучше.

---

* Боярский В.И. Партизаны и армия, с. 109, 250.

** Акудовіч В. Код адсутнасці: Асновы беларускай ментальнасці. Мінск, 2007, с. 64.

Причина в ином — беларуский народ являл собой *стадо*, намного более послушное приказам хозяина, нежели остальные советские народы. Суть дела заключалась в том, какой хозяин *сильнее сегодня*. Если бы фюрер летом — осенью 1941 года приказал начать формирование в БССР национальных воинских частей, он набрал бы здесь армию больше финской. И не потому, что беларусы очень сильно любили немцев и столь же сильно ненавидели коммунистов. Просто немцы тогда были сильнее (это первый фактор).

П. Ильинский следующим образом описывает настроение крестьян в окрестностях Полоцка (с приходом немцев в 1941 г. — *М.П.*):

> «Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым. Ближайшее будущее никто иначе просто не мог себе представить. Все ждали также с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию (большевики не успели произвести мобилизацию полностью); сотни заявлений о приеме добровольцев посылались в ортскомендатуру, которая не успела даже хорошенько осмотреться на месте».

Оставалось лишь отдать *приказ* (второй фактор), простой и четкий, и беларусы пошли бы «воевать» за немцев. Но фюрер приказ не отдал, а через два года выяснилось, что сильнее уже прежние хозяева. Тут же произошел «переворот в мозгах». То есть большее число партизан по сравнению с другими оккупированными краями не есть признак огромного патриотического порыва, а всего лишь признак большего послушания. «Куда пастух покажет — туда пойдут стада» — лишь бы пастух был самым сильным и уверенно отдавал четкие команды.

Но как же так вышло, что некогда сильный европейский народ был низведен до уровня «немых согласных»? А оттого и вышло, что к 1941 году ничего европейского в нашем народе не осталось.

Борис Соколов отмечает, что в оккупированных странах Европы рейх создал марионеточные правительства, а в оккупированных «национальных республиках» СССР — нет:

> «Если на Балканах немцы и итальянцы рискнули поддерживать союзные им государственные образования... и переложить на них значительную часть борьбы с партизанами..., то на оккупированных советских территориях никаких государственно-политических образований, лояльных Германии, так и не было создано. Это обстоя-

тельство существенно затруднило борьбу с советскими партизанами» (Соколов Б.В., с. 40).

Но при этом он не задался вопросом, отчего в Хорватии обнаружились «социальные слои», способные организовать свое автономное государство, а в Беларуси — нет? Оттого, что для подобного мероприятия требуется наличие среди населения *интеллектуального слоя*, обладающего широким кругозором, способностью к аналитическому мышлению и выработке рациональных решений. Но именно этот слой московско-петербургские колонизаторы планомерно и неустанно «выкорчевывали» в течение двух столетий на территории бывшего Великого Княжества Литовского, превращенного в колонию России. Надо признать, что они добились огромных успехов в этом деле.

Вот весьма характерная заметка из газеты «Наша Ніва» за 1912 год (№ 39/4):

> «Много раз приходилось мне беседовать с селянами и одним выборщиком, который был избран из повета в губернские выборщики: чего они хотели бы от Думы, чтобы поправить свою жизнь. Мои собеседники, поскребя в затылке (видать, им трудно было ответить мне), не сразу мне вот что сказали:
>
> «Нужно для мужика позволить пасти скотину в казенных местах бесплатно, без билета собирать ягоды и грибы, и чтобы снять с водки акциз, а то очень дорогая».
>
> — А что же нужно для тех людей, которые далеко живут от леса, не собирают грибов или ягод и не пасут скотину? — спросил я у них.
>
> — Таго ня ведаемо, — ответили они мне.
>
> Мне показалось, что со мной говорят не взрослые люди, а малые дети. Защемило мое сердце тяжкой болью. Не удивительно, что наши беларусы и другие думские депутаты гроши брали и ничего не делали. Не удивительно, что они, будучи в Таврическом дворце, переходили на ту сторону, где им корыстней было и куда их разными обещаниями манили» (Цит. по статье «Беларусы 100 лет назад» в газете «Секретные исследования», № 13 (222), с. 15).

Автор статьи, Вадим Ростов, сделал такой вывод по поводу сказанного:

> «Потому что дед Михась увидел (защемившим сердцем почувствовал) не малых детей, а зловещих МАРГИНАЛОВ, которые и ввели XX век в бездну тоталитаризма, когда дарованные общественной реформой гражданские свободы не вызывали у масс желания быть Гражданином страны и управлять ею как собственным хозяй-

ством — а делегировались «Железной Руке» в лице популистов-параноиков. Так мы вошли в столетие маргинальных толп и их кровавых вождей Ленина, Троцкого, Муссолини, Гитлера, Сталина, Мао, Пол Пота» (Там же).

А вот что отметил в своем докладе оберштурмбанфюрер СС Штраух 10 апреля 1943 года на совещании высших чинов СД и СС в Минске:

> «Мы старались привлечь в полицию и администрацию белорусов, но вы не можете представить себе трудностей, которые связаны с их воспитанием, а надежной интеллигенцией здесь мы не располагаем» (Соколов Б.В., с. 190).

Опрос, проведенный на территории Северо-Западного края Российской империи (бывшего ВКЛ) накануне Первой мировой войны показал картину, прискорбную для национального сознания и отрадную для российского имперского. Большинство граждан не смогли идентифицировать свою национальную принадлежность. Так, сельские жители (87 % населения края) на вопрос к какому роду-племени они относятся, ответили, что они «тутэйшие» (то есть «местные»).

Беларуские крестьянки общаются с немецким солдатом (1943 г.)

Размышления по этому поводу побудили Янку Купалу, истинного пророка Беларуси, написать в 1922 году трагикомедию «Тутэйшие». Ее центральным персонажем является Никита Обносок (Мікіта Зносак), олицетворяющий традиционную житейскую «философию» беларусов — «рабіце што хаціце, только нас не чапайце» (делайте что хотите, только нас не трогайте).

После развала царской империи («тюрьмы народов», по определению В.И. Ленина) положение стало понемногу меняться в лучшую сторону, появилась и мало-помалу увеличивалась в своей численности новая интеллектуальная элита, пусть зараженная бациллой коммунизма. Но это продолжалось недолго, лет 10–12. Сталин очень скоро принялся выкорчевывать эти «сорняки», опасные для

новой русской монархии и изрядно в том преуспел. За какие-то 10 лет (1930–1939 гг.) органы ГПУ — НКВД на три четверти выбили научно-техническую и гуманитарную интеллигенцию БССР (отметим попутно, что кадры чекистов в те же 1930–1939 годы на 90% состояли из русских, евреев и латышей).

В Западной Беларуси аналогичные слои населения чекисты принялись «корчевать» буквально с первых дней «освобождения». Процесс очень быстро набрал размах. Счет арестованным и казненным шел на десятки тысяч, депортированным — на сотни тысяч. А летом 1941 года заключенных десятков тюрем и лагерей в западной части страны чекисты убивали массовым порядком (как свидетельствуют очевидцы, расстреливали из пулеметов, забрасывали гранатами, давили автомобилями) — лишь бы «враги народа» не попали в «лапы оккупантов».

Вот так Беларусь снова осталась без интеллектуальной прослойки, способной вдохнуть в остальных граждан опасную для Кремля национальную идею. Последствия той бойни ощущаются до сих пор. После 1991 года, когда независимость свалилась на беларусов «словно мешок картошки на голову человека в погребе» (выражение А.Е. Тараса), невежественная инертная *масса* не пошла за интеллигентами-националистами. Они хотели *население* превратить в *нацию*, но само население желало только чарку, шкварку и чтобы «ніхто не чапаў».

В 1941–1944 годах поведение населения БССР напоминало движение стаи тропических рыбок, реагирующей на любое резкое движение: побеждает фюрер — и «тутэйшие» вроде как за него всей душой; попер Сталин на запад — «тутэйшие» враз за советскую власть, если только немец не видит.

Два с лишним десятилетия кровавого террора выработали у народа отменное чутье. В 1943 году стал распространяться слух, что Сталин собирается отомстить оккупированным. И народ ринулся в леса, надеясь почетным званием «партизана» или хотя бы «связного» спасти себя от монаршего гнева.

Что ж, «товарищ Сталин» решил вопрос с «оккупированными» (включая «партизан», «связных» и «учтенный резерв») в присущей ему манере. Большевики, как только вошли на территорию БССР, сразу стали выгребать местные «мобилизационные ресурсы» и пачками бросать на убой. Только по официальным данным за 10 месяцев (с июля 1944 по апрель 1945 года) на Берлинском направлении и в Восточной Пруссии погибли 250 тысяч беларусов — по 25 тысяч в месяц.

Итак, главной причиной «поддержки» партизан местными жителями являлся страх. Большевики еще в начале 20-х годов усвоили главные принципы, согласно которым любое враждебно настроенное по отношению к советской власти село можно научить «любить» эту власть. «Возбуждение народной любви» занимало у «красных» всего...сутки. Как такое возможно? Очень просто. Вот пара примеров из практики подавления Тамбовского восстания 1921 года:

> «26 июня, при занятии с. Туголуново, особо организованной политпятеркой были взяты заложники и населению предложено немедленно выдать бандитов и оружие. По истечении двухчасового срока на глазах населения было расстреляно пять заложников. Расстрел произвел на население сильнейшее впечатление, крестьянство приступило немедленно к выдаче бандитов и оружия. За 2 дня, 26 и 27 июня, явилось добровольно бандитов без оружия — 231, с оружием — 8, дезертиров — 99, выдано населением бандитов — 68, дезертиров — 88. При содействии населения была устроена засада, в которую попал и был убит известный бандитский главарь Богуславский» (Соколов Б.В. Тухачевский. М., 2008, с. 171–172).
>
> «27 июня, по занятии дер. Остроуховка Васильевской волости, организованной пятеркой объявлено населению о сдаче оружия и выдаче бандитов, взято 30 заложников. В 19 часов за неисполнение приказа о сдаче оружия расстреляно 10 заложников. Расстрел произвел на граждан ошеломляющее впечатление. Все крестьяне в один голос заявили, что пойдут всем селом и представят все оружие: немедленно было выдано 5 бандитов. Операция продолжается. Крестьяне проявляют усердие в поисках оружия и бандитов».
>
> Попробуй тут не проявить! Сразу или тебя самого, или кого-нибудь из близких к стенке поставят...
>
> И цель была достигнута. Через 8 лет насильственная коллективизация и «год великого перелома», добивший НЭП, прошли куда спокойнее, без восстаний масштаба антоновского...» (Там же, с. 172, 180).

Но то, что Тамбовщина изучала в 1921 году всего несколько месяцев, Беларусь (наследница ВКЛ) проходила на протяжении последних 300 лет, и кровавые уроки усвоила на уровне подсознания. Например, будущий «партизанский край» — Полоцкий повет — в войну 1653–1667 гг. потерял безвозвратно 72 % населения (133.679 человек) и 70 % хозяйств (16.277 «дымов») — то есть практически обезлюдел*. А ведь были еще и шведы, и петровские стервятники,

* Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 2, с. 199–200.

и «Отечественная война 1812 года», и расправы с повстанцами, Первая мировая, Гражданская, Советско-польская война...

Осознанная необходимость выживания — такова причина непротивления беларуского народа партизанам. А вот если бы немцы не позже осени 1942 года создали в Беларуси национальные вооруженные силы — специально для защиты сельского населения от партизан, не видать бы «мстителям» никакой поддержки.

О «ЛЮБВИ» БЕЛАРУСОВ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

К июню 1941 года горожане и образованные слои Западной Беларуси успели «по полной программе» познакомится с такими «преимуществами» советской власти как массовые аресты, казни, ссылки, депортации, конфискация имущества и денег, запреты свободного высказывания мнений, свободного трудоустройства и много-много прочего в том же духе.

Справка.

С сентября 1939 по 19 июня 1941 года из Западной Беларуси в Сибирь, на Север, в Казахстан было депортировано:

— военнослужащих польской армии — 46 тысяч;

— граждан (мужчин), обвиненных органами советской власти — 250 тысяч;

— членов семей польских военнослужащих, семей обвиненных, людей «под подозрением» — 990 тысяч.

— за тот же период было расстреляно 135 тысяч человек.

Всего — 1 млн 421 тысяча!

19 июня 1941 года, всего за три дня до нападения Германии на СССР, из Беларуси на Восток была отправлена партия беларусов в 22 тысячи человек. Это около 300 битком набитых товарных вагонов.

(Газета «Народная воля» от 4.08.1998 г.)

В результате они возненавидели советскую власть всей душой. Жители западных областей БССР летом 1941 года осуществляли акты саботажа, диверсий и террора, направленные против партийно-советских функционеров, сотрудников репрессивных органов, отступавших частей Красной Армии.

Однако в новейших российских фильмах о войне доблестным красноармейцам и чекистам на территории Западной Беларуси вредят исключительно *поляки.* Общая картина создается такая: с одной стороны — славные красные бойцы с каким-нибудь красавцем-по-

литруком Безруковым во главе, с другой — враждебное им польское население. А где же беларусы?

Многие сельские жители «крэсов» действительно с радостью встречали войска Красной Армии. Они наивно думали, что с этого момента начнется у них такая же «райская жизнь», как в БССР. Что ж, эта дурь прошла очень быстро. В качестве примера приведу слова одного из коммунистов Западной Беларуси:

> «Дурные были польские суды — вместо присуждения длительных тюремных сроков им надо было высылать нас на несколько недель на работу в Советы, мы бы радикально излечились» (Бешанов В. Красный блицкриг. Москва, 2006, с. 167–168).

Очень скоро местные крестьяне просто обалдели от посыпавшихся на их голову «благодатей»:

> «...Съездил в Минск и мой отец. Вернулся расстроенный. Увидел совсем не то, о чем читал в подпольных книжках, которым верил... А теперь он не мог понять, как это — колхозники работают целый год за «палочки», а кормятся со своего огорода. Его вера в правдивость советской пропаганды пошатнулась...
>
> А комиссар все ездил к нам. Начал агитировать отца стать инициатором организации колхоза. Но отец уже кое-что знал о колхозной жизни. Никак не мог понять, зачем надо объединяться с голодранцем и лодырем, имеющим 10 гектаров земли, но живущим гораздо хуже отца, у которого вместе с лугом было всего 7 гектаров... Не мог понять, почему надо отдать свою корову в колхоз, а потом брать оттуда какой-то литр молока для детей...
>
> С приходом зимы началось раскулачивание. Комбед, который создали из «бедняков» (точнее говоря, из лодырей, потому что в него вошли даже те, у кого было по 10 гектаров земли, но хлеба до нового всегда не хватало), под зиму пошел раскулачивать пана в Качановщине. Фактически это был арендатор, а не пан, арендовавший у князя Радзивилла фольварк (имение) в 40 гектаров...
>
> «Пану» оставили одну корову и одну комнату в его доме...Так за один день было разрушено хорошее хозяйство, которое давало заработок нашим сельчанам, — туда летом ходили на сенокос и на жатву. Панское сено они косили за каждую третью или четвертую копну себе. После в колхозе косили за одиннадцатую... Жницам пан платил по два злотых в день и рассчитывался за работу сразу. За два злотых тогда можно было купить пуд зерна, а то и больше. В каком это колхозе колхозница получала на трудодень 16 килограмм зерна?
>
> ...Селяне огорчились. Они не понимали такой политики Советов. А в деревню зачастили агитаторы. Читали лекции о счастливой

и зажиточной жизни в колхозах... Когда после часового доклада лектор предлагал записываться в колхоз, мужчины старались незаметно «пойти покурить»...

Сельчан обложили такими поставками, которые им при поляках даже не снились. Пищали, но выполняли. Все были при хлебе и молоке. А соседние дроздовцы поспешили создать колхоз первыми в районе и работали уже за «палочки», и молоко носили по литру с колхозной фермы.

...Кстати, ту поделенную рожь на панском поле нашим крестьянам жать не пришлось. Поле отдали колхозникам из Дроздов. Но засеять его осенью они не смогли и превратили в выгон для скотины!

От вывезенных в Сибирь стали приходить письма со слезными просьбами прислать хотя бы черных сухарей и сушеной картошки, которой у нас никто и сушить не умел. Тогда мы поняли: вот и пришла к нам та «счастливая и зажиточная» колхозная жизнь, которая раньше не могла нам присниться и в самом кошмарном сне». (Тарас А.Е. Анатомия ненависти. Минск, 2008, с. 656–659).

Ожидать в такой обстановке ухода населения в партизаны было бы глупостью. Летом 1941 года местное население встречало части Вермахта с цветами, так же, как двумя годами раньше — части РККА.

Правда, Пономаренко 22 ноября 1943 года доложил Сталину:

«...мы обладаем на территории Западной Белоруссии крупным превосходством сил (перед отрядами польской АК — *М.П.*). Там имеется 185 отрядов советских партизан, имеющих в своем составе 23.855 партизан» (Соколов Б.В., с. 397).

Без малого 24 тысячи на всю Западную Беларусь (в среднем, 120 человек в отряде)! Прямо скажем — не густо. Но главное не это. Главное то, что местных жителей в здешних отрядах почти не было. Советские отряды были либо заброшены в Западную Беларусь из-за линии фронта, либо состояли из окруженцев и партактива (многим рядовым функционерам и «активистам» в 1941 году пришлось «хавацца ў лесе»). Организованное массовое партизанское движение в здешних краях представляли отряды Армии Краёвой.

Кроме того, более 8 тысяч из этих 24 прибыли в западные области Беларуси из восточных областей лишь осенью 1943 года*.

Население восточной части БССР тоже не бросилось в леса при появлении немцев. Зачем? Это население существовало в условиях

---

* Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944: Справочник. Минск, 2009, с. 32.

оккупации уже 150 лет и привыкло ко всяким оккупантам, занимая позицию выжидания.

Эстрадный юморист Михаил Задорнов, которого россияне горячо любят за его хамские характеристики всех других наций, однажды сказал, что если руководство страны прикажет, то беларусы завтра же уйдут в леса. Должен разочаровать этого завравшегося «певца» славянского триединства — в лес уйдет только номенклатура, да и то не вся.

Старшее поколение беларусов терпело беды и страдания, сжав зубы. Недовольство изредка прорывалось наружу разве что в виде частушек:

Устань Ільич, і падзівіся,
Як калхозы разжыліся:
Пуня — ракам,
Хата — бокам,
І кабыла з адным вокам!

В отличие от «западников», беларусы центральных и восточных областей воспринимали «власть советов» уже как данность. Поэтому им было присуще любопытное разделение стереотипов: репрессии немцев — это зверства оккупантов, репрессии советских органов — произвол своих властей.

Но и здесь такая характеристика применима не ко всей массе населения, а в основном к молодому поколению (от 25 лет и моложе). Оно и понятно, ничего другого эти ребята в своей жизни не видели и не знали. Именно вчерашние комсомольцы в 1943–1944 гг. добровольно вступали в партизанские отряды.

Глава 2

Партизанские руководители

Советское партизанское движение на Беларуси было инспирировано извне. Его кураторами, организаторами и начальниками являлись не беларусы.

Немецкий исследователь Марк Бартушка в своей книге «Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг.» пишет:

> «Советские партизаны действовали также и за пределами территории СССР. Около 25 тысяч их сражалось в Польше и Чехословацкой Республике, где они поддерживали коммунистическое подполье»...

Надо отметить, что, во-первых, Бартушка в данном случае безосновательно называет партизанами военнослужащих РККА и НКВД, заброшенных в Польшу и Чехословакию с помощью авиации. Как мы уже выяснили в первой части книги, это диверсанты и терористы, никакие не партизаны. Во-вторых, поляки, чехи и словаки этих советских «помощников» не считали польскими, чешскими или словацкими партизанами. Они называли их «советскими».

Поэтому и у нас есть основания для того, чтобы не считать советских партизан беларускими. Более того, именно они являлись злейшими врагами местного населения, речь о чем пойдет ниже, а также в четвертой части книги.

Начальники из «пришлых»

В качестве примера здесь названы 19 известных командиров партизанских соединений, бригад, отдельных отрядов. Среди них нет беларусов. Почти все они оказались на территории оккупированной Беларуси по одному и тому же сценарию. А те подразделения, которыми они командовали, трудно назвать «партизанскими».

Банов Иван (1916–1982) — русский, уроженец станицы Тацинской Ростовской области. Кадровый офицер, в 1938 году окончил пехотное училище в г. Орджоникидзе. Осенью 1939 года участвовал в «освободительном походе», т.е. во вторжении в Западную Беларусь. С июня 1941 года — на фронте. В 1942 году его отозвали из действующей армии, обучили на специальных курсах и в августе направили на оккупированную территорию БССР — организовывать партизанское движение. «Работал» в Барановичской, Пинской и Брестской областях.

Барыкин Емельян Игнатович (1902–1951), уроженец деревни Тросна Брянской области, русский. Служил в железнодорожном полку РККА в Гомеле. После демобилизации окончил курсы помощников начальников станций в Курске. С 1937 года — на партийной работе, его назначили секретарем парткома Беларуской железной дороги. С марта 1941 года он секретарь Гомельского горкома партии. Когда началась война, стал комиссаром партизанского отряда «Большевик». Как видим, и в этом случае ничем беларуским «не пахнет». Выходца из России назначили руководителем в 1937 году, когда беларуских руководителей и специалистов расстреливали по 100 человек в день и больше! А освободившиеся места замещали кадрами из России. Это была одна из многих форм русификации.

Бринский Антон Петрович (1906–1981) — уроженец села Андреевка Хмельницкой области УССР, украинец. В 1926 году окончил советско-партийную школу, работал секретарем райкома комсомола, затем возглавлял Каменец-Подольский райисполком. С 1928 года служил в Красной Армии. С октября 1941 — командир разведывательно-диверсионных отрядов, действовавших на линии Борисов — Орша, в районах Барановичского и Лунинецкого железнодорожных узлов.

В октябре 1942 года его направили в западные области Украины, там же он в 1943 года стал командиром партизанского соединения особого назначения (это означает, что отряд действовал против формирований ОУН). Бринский со своими головорезами совершил множество военных преступлений, но об этом — в последней части книги.

Булат Борис Адамович (1912–1982) — русский, уроженец города Тулы. Окончил Военную школу имени ВЦИК РСФСР. В 1940 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и был направлен на службу в БВО. Когда началась война, Б.А. Булат находился под Белостоком. На пятый день войны он попал в плен. Через какое-то время ему и еще двоим пленным удалось сбежать. Во время войны и особенно после войны советским идеологам и пропагандистам очень хотелось показать, что в оккупированной Беларуси с первых дней войны стихийно возникали партизанские отряды, что партизанское движение начиналось «снизу». И вот эту троицу (Булата с двумя попутчиками) громко назвали «партизанским отрядом».

Трудно сказать, как они выжили. Не могли ведь они, ослабевшие от голода и без оружия нападать на немецкие склады, обозы, полевые кухни, чтобы добыть продукты. Но группа выжила. Когда в 1942 году на территорию Беларуси для организации партизанского движения стали забрасывать сотни спецгрупп и отрядов НКВД и НКГБ СССР, Булата заметили. Его как кадрового офицера, да еще с академическим образованием, назначили командиром только что созданной партизанской бригады «Вперёд». Бригада действовала на территории Минской и Барановичской областей. В 1944 году Булат был ранен и отправлен самолетом на лечение в Москву. После выздоровления кадрового офицера на фронт не послали. Ведь он представлял собой очередной «ценный кадр» на руководящую должность в БССР. Как только Минск был освобожден от оккупации, Булата назначили заместителем председателя Минского городского совета.

Вот так в отрядах военнослужащих и чекистов, забрасываемых на оккупированную территорию, готовили кадры для послевоенной Беларуси. Командиры, комиссары и начальники штабов партизанских бригад и отрядов летом 1944 года стали первыми и лучшими кандидатурами на руководящие посты всех уровней власти. По официальным сведениям, на территории БССР действовали 1256 партизанских отрядов, частично объединенных в 213 бригад и полков. Умножим 1469 (1256 + 213) на 3 и получим 4407 кандидатур.

А если добавить к ним секретарей партийных и комсомольских организаций? Сколько же это получится? И вот эти партизанские начальники, которые все три года оккупации разговаривали с местным населением исключительно при помощи пистолетов ТТ, автоматов ППШ и кулаков, после освобождения превратились здесь в «советское начальство». Это — неопровержимый факт.

Бумажков Тихон Пименович (1909–1942) — русский, уроженец города Дальнереченск Приморского края. Судьба занесла его в БССР, окончил химико-технологический техникум в Минске. Потом два года служил в армии, работал директором завода, председателем Петриковского райисполкома. В 1939 году его назначили («избрали», как лицемерно писали советские газеты) первым секретарем Октябрьского райкома партии (центром района была деревня Карпиловка) в Полесской области.

Т. Бумажков. В пропагандистских целях его в 1941 году сделали «первым партизаном — Героем Советского Союза», хотя никаких подвигов он не совершил

В начале августа был направлен на Юго-Западный фронт начальником политотдела кавалерийской группы, где и погиб 23 сентября в Полтавской области при попытке выхода из окружения.

Бумажкову советская пропаганда приписывает сказочные подвиги. Вот что говорит об этом солидный, казалось бы, источник:

«В начале Великой Отечественной войны возглавил борьбу трудящихся Октябрьского района против немецко-фашистских захватчиков. 26 июня 1941 г. вместе с Ф.И. Павловским создал партизанский отряд «Красный Октябрь», который вместе с частями Красной армии сдерживал наступление гитлеровцев на

реке Птичь. 18 июля 1941 г. разгромил штаб немецкой дивизии в деревне Воземля Октябрьского района, уничтожил около 80 вражеских солдат и офицеров, захватил пленных, 55 броне- и автомашин, 27 мотоциклов, 45 лошадей с повозками и грузами, оперативные документы немецекого штаба» (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, том 2, с. 125).

Как мы знаем, «деревенские трудящиеся» в 1941 году не поднимались на борьбу с захватчиками. Бумажков мог возглавить только местных коммунистов да комсомольцев вкупе с милиционерами и сотрудниками райотдела НКВД. И действительно, статья в той же энциклопедии, но в 1-м томе (с. 95), сообщает, что Бумажков и заместитель председателя райисполкома Павловский сформировали ...истребительный батальон в количестве 100 человек.

В июле в Октябрьском районе появились остатки стрелкового полка РККА во главе с подполковником Л.В. Курмышевым (250 бойцов и командиров). Вместе с местными «истребителями» красноармейцы попытались организовать оборону на реке Птичь. Далее сообщается, что они 15 июля уничтожили на переправе через реку 15 немецких танков (при полном отсутствии артиллерии!), а 18 июля — использовав огневую поддержку бронепоезда — разгромили штаб дивизии в деревне Воземля, где захватили пленных и трофеи. Вскоре после этого подвига истребительный батальон переименовали в партизанский отряд «Красный Октябрь».

Наконец, в третьей статье (ЭГБ, том 2, с. 347) читаем, что по железнодорожной ветке Бобруйск — Рабкор прибыл бронепоезд № 52 (командир — лейтенант Колокольцев), подошел к деревне Воземля и внезапно открыл огонь по «штабу немецкой дивизии» и огневым точкам врага. После артобстрела сводный отряд красноармейцев и «партизан» (в смысле — «истребителей»), которым командовал почему-то не офицер, а инструктор райкома партии С.В. Махонько, атаковал и разбил противника, захватил пленных и трофеи!

Вообще-то географическая карта показывает, что от переправы на Птичи до деревни Воземля как минимум 35 км. Непонятно, как успели добраться туда солдаты и «истребители», притом с оружием и боеприпасами! Скорее всего, они уже 15 июля драпанули в эту сторону с Птичи.

Ваупшасов Станислав Алексеевич (1899–1976) — летувис, уроженец деревни Грузджаяй в Шауляйском районе Летувы. В 1918 году он добровольцем вступил в Красную Армию, воевал на фронтах Гражданской войны. С 1920 по 1925 год командовал отрядом «красных партизан» в Западной Беларуси, то есть, группой диверсантов

С. Ваупшасов

и террористов, заброшенных с советской территории. Совершил много убийств не только служащих польской полиции, но и гражданских лиц.

После того как Сталин приказал прекратить тайную войну против Польши ввиду провала плана всеобщего восстания «угнетенных трудящихся», был отозван в Москву, где продолжил службу в органах ОГПУ — НКВД. В 1936–1939 гг. являлся «советником» в Испании, учил наивных испанских республиканцев тому как надо истреблять всех «несогласных». С сентября 1941 по февраль 1942 года командовал одним из батальонов ОМСБОН, воевал на подступах к Москве.

Наконец, в марте 1942 года его снова отправили в Беларусь — командиром спецгруппы НКГБ СССР «Местные». Группа действовала в Минской области до конца оккупации БССР.

После войны заслуженный террорист, диверсант, палач своего и испанского народа Ваупшасов продолжил службу в органах МГБ-КГБ. Только в 1958 году он вышел на пенсию, занялся сочинением лживых книжек, в которых он описывал «подвиги», совершенные им и его подельниками.

Воронянский Василий Трофимович (1901–1943) сам «тоже не местный», хотя одна из минских улиц названа в его честь. В.Т. Воронянский родился в деревне Диканька Полтавской области, той самой, что упоминается в книге Николая Васильевича Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Он украинец.

В. Воронянский

В Красной Армии Воронянский служил с 1919 года. Накануне войны командовал батальоном связи. С группой солдат попал в окружение. Они пытались догнать фронт, но фронт катился вперед значительно быстрее тех, кто шел лесом. Пришлось скрываться. Как они выжили, неизвестно, но уверенно можно предположить, что за счет селян. Других вариантов просто не было.

Когда в 1942 году в Беларусь стали забрасывать «чекистов-организаторов», на основе группы Воронянского в феврале 1942 года был создан партизанский отряд «Мститель», а его самого назначили командиром. Только вот кому они мстили?

Галушкин Борис Лаврентьевич (1919–1944) — командир спецотряда НКГБ СССР, действовавшего на территории Минской и Витебской областей. Галушкин — уроженец города Шахты Ростовской области, русский. С 1937 по 1941 год учился в Московском институте физкультуры и спорта. Воевал на Ленинградском фронте. Но в 1942 году отправлен на оккупированную территорию Беларуси для выполнения специального задания. Его спецотряд назывался «Помощь». Какие он выполнял специальные задания на нашей земле, какую и кому оказывал «помощь», можно только догадываться. Погиб 19 июня 1944 года при попытке выхода из блокады в районе озера Палик.

Гришин Сергей Владимирович (1917–1994) — русский, из деревни Фомино Дорогобужского района Смоленской области. Окончил педучилище, работал учителем. В 1939 году был призван в армию, окончил курсы танкистов, в июне 1941 года в звании лейтенанта командовал танковым взводом. Воинская часть, где служил Гришин, была разбита на Смоленщине. В сентябре 1941 года он объединил вокруг себя группу еще 12 таких же окруженцев и назвал эту группу партизанским отрядом «Тринадцать». В июне 1942 года отряд С.В. Гришина, получивший значительное пополнение из-за линии фронта, стали называть «полком».

Командир партизанского полка «Тринадцать» С.В. Гришин

В апреле 1943 года по приказу ЦШПД отряд перешел на территорию БССР, где он действовал по июль 1944 года. Здесь отряд превратился в соединение. Как видим, и этот «руководитель партизанской борьбы на Беларуси» не был беларусом.

Данукалов Алексей Федорович (1916–1944). Уроженец села Ново-расляевка Саратовской области, украинец. Его родители — бедные казаки-переселенцы. В 1936 году окончил в Балашове техникум механизации сельского хозяйства. Был направлен в Омск на долж-

ность начальника мастерских МТС. В 1937 году призван в Красную Армию, служил помощником политрука. В марте 1940 года направлен на курсы в Иркутское военно-политическое училище. После учебы назначен политруком полка в Забайкальском военном округе.

А. Данукалов

Когда началась война, дивизию, в которой служил Данукалов, перебросили на Западный фронт.

Участвовал в боях под Оршей, под Смоленском попал в окружение. Объединил несколько групп солдат и создал из них в августе 1941 года партизанский отряд «Родина», который действовал в Смоленской области. В марте 1942 года командование Западного фронта переправило отряд Данукалова в Лиозненский район Витебской области. Уже в апреле этот отряд переименовали в бригаду «Алексей». Вот так политрук Данукалов сделался «беларуским» партизаном и получил звание подполковника. Вот так «росла численность» беларуских партизан.

Данукалов погиб 27 июня 1944 года в районе Лепеля при попытке выхода из блокады.

Ливенцев Виктор Ильич (1918–2009) — русский, уроженец деревни Давыдовка Воронежской области, по профессии учитель. В 1938 году призван в Красную Армию, служил в БВО. В 1941 году окончил Гродненское военно-политическое училище. Участник Великой Отечественной войны с первого дня. Попал в окружение в районе Бобруйска. Создал из окруженцев партизанский отряд, который в 1943 году был преобразован в 1-ю Бобруйскую партизанскую бригаду. Когда в июле 1944 года оккупантов выбили из БССР, беларусов в массовом порядке мобилизовали и отправили на фронт. А вот для кадрового 26-летнего офицера В.И. Ливенцева нашлось более важное дело.

Срочно требовались кадры для повторной русификации Беларуси. Надо было срочно ликвидировать то наследие, которое оставил здесь «палач» беларуского народа Вильгельм Кубе. Главное его преступление заключалось в том, что он способствовал беларусизации Беларуси. За время оккупации удалось многое сделать. Обучение в школах велось на беларуском языке, люди разговаривали по-беларуски, выпускались беларуские газеты и журналы... Для мос-

ковских оккупантов, вернувшихся на смену немецким, такое положение было недопустимым. Поэтому после освобождения почти все руководящие должности в республике сверху донизу заняли партизанские командиры и комиссары, беларусов среди которых было немного. Что касается Ливенцева, то он с 1944 года был 2-м секретарем ЦК ЛКСМБ.

Лунин Борис Николаевич (1918–1994) — русский, уроженец станции Щурки Саратовской области. В РККА с 1939 года. На фронте с июля 1941. В августе попал в плен. Содержался в лагере Дрозды недалеко от Минска. В марте 1942 года ему удалось бежать оттуда. Из таких же беглых, как он сам, Лунин организовал небольшой партизанский отряд «Штурм». В декабре 1942 на базе отряда создана партизанская бригада «Штурмовая». Ее командиром был назначен Б.Н. Лунин. Бригада действовала в Минской и Вилейской областях.

1 января 1944 года Б.Н. Лунину присвоили звание Героя Советского Союза. Он не вернулся на родину в Саратовскую область. Ведь и он был ценным кадром на руководящую должность в послевоенной БССР. Его назначили помощником министра автомобильного транспорта БССР.

Спустя какое-то время он переехал на постоянное жительство в Краснодарский край. Это не помогло. 22 июля 1957 года Лунин был осужден военным трибуналом БВО по ст. 180 и ст. 214 ч. 2 УК БССР на 7 лет лишения свободы. В тексте приговора сказано:

> «Лунин как командир партизанской бригады и его подчиненный Белик как начальник особого отдела этой бригады при особо отягчающих обстоятельствах... злоупотребляли своим служебным положением и из-за личной заинтересованности незаконно расстреливали и убивали многих советских людей, а Белик, в том числе, и несовершеннолетних детей. Действия Лунина и Белика вызвали возмущение партизан и местного населения».

Интересно, что следствие было начато сразу после освобождения Минска по заявлению подпольщиков в МГБ. Но Сталин, узнав об этом, сказал: «Подумаешь, кого-то партизаны расстреляли. На то они и партизаны». Дело остановили.

После смерти Сталина его возобновили и довели до конца. Кроме того суд обратился с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о лишении Лунина Б.М. звания Героя Советского Союза и всех наград в связи с осуждением за военные преступления. Соответствующий указ Президиума Верховного Совета был издан 26 ноября 1957 года.

Сразу скажу, что это — редчайший случай. Почти каждого партизанского командира можно было бы привлечь к судебной ответственности за преступления, совершенные против гражданского населения на оккупированной территории. Ведь не случайно жители так назывемых «партизанских зон» чувствовали себя в большей опасности, чем под немцами. Именно потому, когда Беларуская Народная Самопомощь, а потом Беларуская Центральная Рада формировали подразделения Беларуской самообороны (БСА) и Беларуской Краевой обороны (БКА), самое значительное пополнение они получили за счет жителей партизанских зон. Люди хотели спастись от партизанского «беспредела».

Неклюдов Валентин Леонидович (1910–1979), русский, уроженец города Омска. В 1931 году окончил Новосибирский коммунистический университет (на самом деле это громкое название носила двухлетняя партийно-советская школа). С 1933 года служил в органах НКВД. В конце июня 1941 года капитана Неклюдова зачислили в ОМСБОН. После специальной подготовки он возглавил отряд, который в феврале 1942 года через линию фронта был переправлен на территорию Беларуси для разведывательно-диверсионных и террористических действий. (Отряд формировался в Москве, первым его командиром был старший лейтенант Горячев. Но комиссар Неклюдов сделал на него донос, а потом занял его место).

Неклюдов, уже в звании майора, стал комиссаром отряда «Боевой», а с июля 1942 года — его командиром. Отряд совершал рейды по Витебской области и в Летуве. После освобождения Беларуси в 1944 году этого ценного кадра на фронт не послали, а назначили в органы госбезопасности БССР. Действительно, не беларусам же доверять «безопасность» БССР!

Озмитель Федор Федорович (1918–1944) — русский, родом из села Линовицк, что находится в Актюбинском районе Тургайской области Казахстана. Служил в НКВД, в составе ОМСБОН участвовал в обороне Москвы. С февраля по сентябрь 1942 года командовал отрядом особого назначения, действовавшим внутри треугольника Витебк — Смоленск — Орша. В мае 1943 года старшего лейтенанта НКВД Ф. Озмителя назначили командиром партизанского отряда «Гром».

Погиб 15 июня 1944 в районе озера Палик при попытке выхода из заблокированного немцами района.

Охотин Родион Артемьевич (1907–1972) — еще один «беларуский» партизан. Вообще-то он мариец, уроженец республики Марий Эл. Кто только не партизанил в наших краях! Перед войной

старший лейтенант Охотин служил в БВО неподалеку от Полоцка. Когда началась война, попал в окружение. Из окруженцев он создал партизанский отряд.

Есть публикации, в которых сказано, что отряд нанес врагу большие потери. Какие это потери? Читаем: «партизанский отряд Охотина уничтожил 672 шпиона и предателя». Что это за люди? Нетрудно догадаться: семьи полицейских, в том числе дети, семьи старост и вообще те, кто посмел работать «на немцев». Это еще одно доказательство, что главной мишенью для советских партизан являлось гражданское население.

Вообще говоря, если последовательно применять людоедский принцип большевиков — уничтожать каждого, кто работал на немцев вместо того, чтобы умирать от голода, то надо было уничтожить все население Чехословакии, Франции, Нидерландов, Бельгии, Дании, Норвегии. Достаточно вспомнить один из любимых тезисов советских историков и пропагандистов: «На Вермахт работала промышленность всех захваченных Германией стран Европы!» Да как они смели?! Надо было всем без исключения покончить с собой.

Но европейцам большевики таких упреков почему-то не предъявляли. А только своим собственным «оккупированным», которых «непобедимая Красная Армия» бросила в 1941 году на произвол судьбы. Напомню тем, кто успел забыть: уже в августе 1941 года немцы вошли в Смоленск. Для оккупации всей БССР им потребовалось менее двух месяцев: неделя — на западную часть республики, включая Минск, полтора месяца — на восточную часть.

Прудников Михаил Сидорович (1913–1995) — русский, уроженец села Ново-Покровка Кемеровской области РСФСР. С 1931 года (с 18 лет) служил в пограничных войсках, органах ОГПУ — НКВД. В 1941 году командовал батальоном ОМСБОН, а в марте 1942 года его забросили в район Полоцка. Здесь он командовал спецотрядом НКВД «Неуловимые», который постепенно вырос в бригаду. После войны до выхода на пенсию служил в органах МГБ-КГБ.

Титков Иван Филиппович (1912–1982), командир партизанской бригады «Железняк», действовавшей в Бегомльском районе. Титков — уроженец де-

И. Титков

ревни Слобода Тульской области, русский. В 1936 году окончил Тамбовское военно-инженерное училище. В июне 1942 года капитан Титков отозван с фронта и направлен в распоряжение Штаба партизанского движения Западного фронта. Окончил курсы партизанской войны в Борисове и переправлен через линию фронта на территорию Беларуси. Так что называть его беларуским партизаном не приходится. После войны Титков служил в органах МГБ-КГБ, проживал в Москве.

Флегонтов Алексей Канидеевич (1888–1943), уроженец Читинской области, казак. Участник гражданской войны, командовал 1-й Амурской дивизией. После падения Дальневосточной республики командовал партизанскими отрядами Приморья. В первые месяцы Великой Отечественной войны командовал партизанским отрядоам в Подмосковье. В 1942 году А.К. Флегонтов предложил создать кавалерийский отряд НКВД СССР, который в августе переправили на окккупированную територию БССР в качестве «партизанского».

Вот как описал этот отряд другой партизанский командир, Ливенцев: «без малого полтораста конников в армейской форме, с положенными знаками различия — рейдовый кавалерийский отряд». В отряде было 127 кавалеристов.

На основе отряда Флегонтова сформировали партизанскую бригаду «За Родину». Она совершала рейды в Червеньском, Пуховичском, Осиповичском, Бобруйском, Малоритском, Двинском районах Беларуси. Какой кровавый след оставила за собой эта бригада, еще предстоит выяснить.

Ну, а кто такой Заслонов?

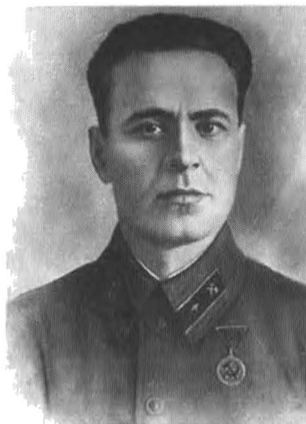
Заслонов Константин Сергеевич (1909–1942) — уроженец города Осташков Тверской области, русский. Его отец Сергей Гаврилович был родом из Невеля Псковской области, мать Анна — из Осташкова. В 1924 году К.С. Заслонов окончил школу в Невеле. В 1927 году поступил в профтехшколу железнодорожного транспорта в Великих Луках, которую окончил в 1930 году. Получил назначение в депо железнодорожного вокзала Витебска. Здесь он в 1933 году женился на дочке хозяйки, у которой был квартирантом.

С 1937 года работал начальником паровозного депо железнодорожной станции Рославль Смоленской области, с 1939 года — начальником депо станции Орша. Когда немцы подходили к Орше, Заслонов эвакуировался в Москву, где работал в одном из московских депо. Но в сентябре 1941 года в Москве сформировали специальный отряд из железнодорожников и чекистов — 41 человек. Командиром отряда назначили Заслонова. В октябре через линию

фронта отряд переправили в Беларусь. В ноябре 1941 года Заслонов поступил на работу в оршанское депо начальником русских паровозных бригад и немедленно создал здесь подпольную группу.

Подпольная группа действовала всего три месяца. Но за это время, если верить официальным сказкам, она осуществила около сотни крушений поездов, взорвала 93 паровоза, вывела из строя сотни вагонов и цистерн. И все это — с помощью самодельных мин, замаскированных под куски угля. Надо добавить, что Заслонов привел с собой в Оршу всего 7 человек из 41. Остальные погибли, умерли от болезней, или отстали из-за болезней.

Чтобы совершить столько диверсий, как группа Заслонова за три месяца, надо было каждую ночь устраивать 4–6 диверсий (!), что абсолютно нереально. Во-первых, и железнодорожное депо и его персонал находились под пристальным наблюдением немецких спецслужб. Вопреки популярным фильмам о советских героях-подпольщиках должен отметить, что эти службы работали хорошо. Дураков там не было. Во-вторых, подпольная группа Заслонова была малочисленной. В-третьих, самодельные угольные мины неизбежно были маломощными и ненадежными. Поэтому нет сомнений в том, что невероятные подвиги группы Заслонова — это миф, сочиненный партийными пропагандистами, журналистами, писателями, кинематографистами.

К. Заслонов

Напомню еще одну деталь. Группа Заслонова якобы действовала по ночам, когда происходили налеты советской авиации на станцию Орша. В такое может поверить только ребенок. Воздушная бомбежка — ужаснейшая вещь. Во время бомбардировки любой человек забывает обо всем, только бы найти место, чтобы укрыться. А вот для подпольщиков группы Заслонова взрывы авиабомб были подобны праздничному салюту. Не зная страха, они бросались в самый ад, с угольными минами, рассованными по карманам. А утром после бессонной ночи, непонятно каким чудом избежав гибели или ранения, подпольщики непринужденно являлись на работу и готовили паровозы для отправки эшелонов на фронт. Скорее всего, и в этом случае цифру «совершенных диверсий» надо разделить как минимум на 10: не 93 паровоза, а 9–10.

Добавлю, что после каждой диверсии служба безопасности (СД), тайная полиция (гестапо) и полевая военная контрразведка (ГФП) энергично искали виновных. Не удивительно, что уже в начале марта 1942 года из-за угрозы ареста подпольщики бежали в лес, где создали партизанский отряд. А 14 ноября 1942 года К.С. Заслонов погиб. 7 марта 1943 года ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

После войны о нем были написаны романы, повести, пьесы. А в 1949 году на экраны СССР вышел художественный фильм «Константин Заслонов», главную роль в котором сыграл популярный актер Владимир Дружников (1922–1994). Это весьма примечательный факт. Советские люди вплоть до 1991 года знали историю Великой Отечественной войны в основном по художественным произведениям. Фантазии писателей, журналистов, кинорежиссеров они воспринимали как реальные события.

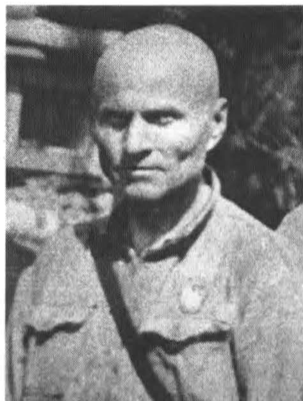
Верные псы Сталина

Встречались среди партизанских командиров и беларусы, хотя они составляли явное меньшинство. Это были денационализированные «советские люди», верные слуги Москвы. Поэтому после освобождения БССР от оккупантов им тоже достались руководящие должности, правда, не первого, а второго или третьего «уровня». Рассмотрим для примера четырех из этой «обоймы» — К. Орловского, В. Коржа, Ф. Маркова, А. Рабцевича.

Орловский Кирилл Прокофьевич (1895–1968). Он уроженец деревни Мышковичи Могилёвской области. В 1918 году вступил в ВЧК, после служил в ОГПУ и НКВД. Кирилл Орловский — это профессиональный террорист, диверсант, хладнокровный убийца. С 1920 по 1925 год он «партизанил» в Западной Беларуси: взрывал мосты, захватывал железнодорожные станции, местечки, помещичьи усадьбы, грабил пассажирские поезда, банки, почтовые отделения. И все это сопровождалось непрерывными убийствами.

Чтобы читатели не подумали, что это клевета на дважды героя — Советского Союза и Социалистического Труда, председателя передового колхоза «Рассвет» К.П. Орловского, приведу выдержку из автобиографии, которую он сам написал 10 февраля 1941 года: «За один только 1924 год по моей инициативе и лично мной было убито больше 100 человек жандармов и помещиков». Но ведь в 1924 году СССР и Польша между собой не воевали, тремя годами раньше они подписали Рижский мирный договор!

В январе 1937 года Орловского направили в Испанию, чтобы «помочь испанцам». Какой была эта «помощь», он сообщил в донесении в Москву от 23 июля 1937 года: подрывы товарных и пассажирских поездов, автомашин, зданий, электролиний и многое другое в том же духе. Все это сопровождалось убийством людей. 6 июля 1944 года Орловский написал заявление Сталину. Вот фрагмент из него:

К. Орловский

«...с 1918 по 1943 год мне посчастливилось 8 лет работать в тылу врагов СССР в качестве командира партизанских отрядов и диверсионных групп, нелегально переходить линию фронта и государственную границу свыше 70 раз, выполнять правительственные задания, убивать сотни отъявленных врагов Советского Союза как в военное, так и в мирное время».

Видите как: «посчастливилось убивать сотнями»!

В 1940–1942 годах К.П. Орловский выполнял «специальное задание»: обучал неопытных диверсантов китайской Красной Армии, которая под руководством Мао Цзедуна и Чжу Дэ воевала с японцами.

В октябре 1942 года Орловского во главе разведывательно-диверсионной группы (10 человек) забросили на территорию Барановичской области. Постепенно он развернул группу в отряд имени Л.П. Берии (после 1953 года отряд «задним числом» стали называть «Соколы»). Отряд насчитывал 75 человек. Но 17 февраля 1943 года матерому диверсанту не повезло: во время боя в Машуковском лесу, где Орловский устроил засаду «на Кубе» (он так думал) взрыв толовой шашки оторвал ему правую руку и пальцы на левой руке.

Утратив возможность заниматься любимым делом — уничтожением «врагов советской власти» — К.П. Орловский в 1944 году, сразу после освобождения БССР от оккупантов, добровольно возглавил колхоз «Рассвет» в Кировском районе Могилевской области. При помощи областного и республиканского партийного руководства он постепенно сделал его «витриной» советского коллективного хозяйства. Понятно, что расцвет «Рассвета» был искусственным.

Корж Василий Захарович (1899–1967) — родом из деревни Хоростов, что в Солигорском районе. В 1922–1925 гг. молодой Корж командовал отрядом так называемых «красных партизан» в Запад-

ной Беларуси, т.е. группой диверсантов и террористов, заброшенных в Польшу из БССР. С 1925 по 1931 он организовывал колхозы в Слуцком и Старобинском районах. Что такое коллективизация и какими методами ее осуществляли большевики, сегодня общеизвестно. После этого «ценного кадра» Василия, доказавшего свою преданность делу «родной коммунистической партии», приняли на службу в органы ГПУ — НКВД. А с 1936 по 1939 год он, как и Орловский, злодействовал в Испании.

В. Корж

В 1940 году возглавил сектор Пинского обкома КПБ. Не приходится удивляться тому, что этот матерый террорист и диверсант уже в июне 1941 года занялся формированием «партизанского отряда», состоявшего из сотрудников органов НКВД и партийно-комсомольских «активистов». Корж в это время действовал под псевдонимом Комаров. Отряд оставил после себя кровавый след и недобрую память среди сельских жителей ряда районов Полесской и Минской областей.

В ноябре 1942 года «московские товарищи» назначили В.З. Коржа командиром Пинского партизанского соединения. В связи с этим он получил звание генерал-майора РККА. После войны «ценный кадр» стал заместителем министра лесного хозяйства БССР. Вряд ли он что-то понимал в лесном хозяйстве, но для большевиков профессионализм не имел никакого значения. Главным было иное — верность делу партии и беспощадное отношение к «врагам народа»!

Марков Федор Григорьевич (1914–1978) родился в деревне Кочанишки Поставского района. Учился в учительской гимназии в Свенцянах. В 1934 году вступил в КПЗБ. В 1936 году был арестован польской полицией за антигосударственную деятельность. Тюремный срок отбывал в лагере «Береза Картузская», потом в Виленской тюрьме. Но в сентябре 1939 года РККА вошла в Вильню и все политзаключенные вышли на свободу.

Немцев через несколько дней сменили «советские». Большевики назначили 25-летнего Ф. Маркова председателем Свенцянского горсовета, потом заместителем председателя Вилейского облисполкома. После 22 июня 1941 года бежал на восток вместе с отступавшими частями Красной Армии.

Под Брянском его мобилизовали и отправили в школу НКВД на курсы диверсантов. Уже в сентябре 1941 года Ф.Г. Маркова во главе спецгруппы переправили через линию фронта в Поставский район. С мая 1942 года он командовал партизанским отрядом имени А.В. Суворова, в ноябре того же года стал командиром партизанской бригады имени К.В. Ворошилова. За отрядом и бригадой тянется длинный шлейф преступлений, совершенных против гражданского населения, а также в отношении польских партизан.

После освобождения БССР в 1944 году «правильного коммуниста» Ф. Маркова назначили заместителем председателя Вилейского, затем Молодечненского облисполкома.

Рабцевич Александр Маркович (1898–1961) — из деревни Буда-Лозовая Кировского района Могилёвской области. Участник Гражданской войны и Советско-польской войны 1920 года. Как и Орловский с Ваупшасовым, в 1921–1924 гг. Рабцевич командовал отрядом «красных партизан» в Западной Беларуси. Иначе говоря, он занимался диверсионно-террористической деятельностью, что являлось грубейшим нарушением условий советско-польского мирного договора, подписанного в Риге в марте 1921 года.

А. Рабцевич

Окончил школу командного состава РККА. В 1936–1939 гг. воевал в Испании, применяя там свои навыки в области диверсий и террора. В 1941–1942 гг. командовал ротой в составе ОМСБОН. В июле 1942 года его назначили командиром спецотряда НКГБ БССР «Храбрецы» и отправили на оккупированную территорию БССР. Отряд имел постоянную базу в районе деревни Рожанов в Октябрьском районе Полесской области (ныне в Гомельской области), откуда он совершал рейды в различных направлениях.

После окончания войны А.М. Рабцевич служил в органах МГБ БССР вплоть до выхода на пенсию в 1952 году по состоянию здоровья.

Глава 3

Партизаны в роли провокаторов репрессий

Спрятавшись в беларуских лесах, «красные» вскоре обнаружили, что не так страшен черт, как его малюют: до ближайшего немца — три дня на телеге, можно жить если и не припеваючи, то вполне сносно. Но это было совсем не то, что требовалось Москве и «лично товарищу Сталину».

Сталин и его подручные хотели, чтобы «земля горела под ногами оккупантов», чтобы весь народ, «от мала до велика», поднялся на борьбу с врагами большевиков и созданного ими государства. Однако народ категорически не хотел «подниматься». Немцы в 1941—1942 годах зверствовали мало, им было важно, чтобы крестьяне работали, исправно платили налог сельхозпродуктами. Ведь надо было кормить войска Вермахта, полицейские формирования, оккупационную администрацию.

В Москве решили: если немцы не устраивают массовых расправ с населением в оккупированной Беларуси, то надо их к этому принудить. Уже в 1942 году партизаны стали разворачивать «активные действия». Против кого эти действия были направлены? Выяснить задачи партизан нетрудно, они их особо не скрывали:

1. Расправы с той частью населения, которая «сотрудничала» с немцами (устроилась на работу, чтобы кормить семью) или относилась к ним лояльно.

2. Организация провокаций, чтобы подтолкнуть немцев на проведение репрессий против гражданского населения.

3. С помощью репрессий немцев (и своих собственных) заставить сельское население массово бежать в леса, тем самым пополняя ряды партизан.

4. Переключить внимание мирового сообщества с преступлений советского режима против своего населения на преступления нацистских оккупантов (заменить Катынь на Хатынь).

5. В 1943 году в число важнейших задач вошла борьба против партизан Армии Краёвой.

Очень простой план

Как же решали партизаны поставленные им задачи?

На основании даже беглого анализа можно сделать вывод, что для развертывания партизанского движения на оккупированной

территории в Москве был разработан план — очень простой, но бесчеловечный. Его суть — провоцирование немцев на масштабные репрессии против сельского населения на оккупированной территории.

Вероятно, по приказу из Кремля этот план разработали в Центральном штабе партизанского движения. Был составлен список деревень, обреченных на уничтожение. Ведь деревни горели не хаотично. Они более или менее равномерно распределены по районам восточных и центральных областей Беларуси. Требовалось запугать всех «тутэйшых».

Как это происходило? Неподалеку от деревни, которой партизаны вынесли приговор, устраивалась засада. При этом партизаны одевались по-крестьянски. Потом поджидали подходящий «объект» — одиночную машину, мотоциклиста, малочисленную группу солдат. Когда на дороге появлялась долгожданная мишень, партизаны бросали в ее сторону гранату, или стреляли, а потом на глазах у немцев бежали в сторону деревни, где их след исчезал. Немцы были уверены, что ее жители заодно с партизанами. Вскоре они оцепляли деревню и уничтожали, нередко вместе с людьми. Именно такой результат был нужен партизанам.

На первый взгляд кажется, что немцы подобно глупым рыбам глотали наживку, забрасываемую московскими удочками. Однако это не так.

Беспощадные экзекуции гражданского населения в ответ на убийства своих солдат немцы широко использовали еще во время франко-прусской войны 1870–1871 годов. Столь известный человек как Фридрих Энгельс в своих «Заметках о войне» гневно осуждал практику расстрела прусскими военными всех мужчин любой французской деревни, возле которой был убит из засады хотя бы один немец. Но пруссаки не обращали никакого внимания на протесты так называемой «прогрессивной общественности» и полностью разгромили Францию.

То же самое они делали в годы Первой мировой войны повсюду, где находились их войска — в Бельгии и Франции на западе Европы, в Беларуси и Украине — на востоке континента. Чего ради им было менять отработанный механизм расправ?!

Однако распределение уничтоженных беларуских деревень по годам свидетельствует не в пользу партизан. Вот как это выглядит по годам оккупации:

— 1941 год — уничтожено 276 деревень (3 %)

— 1942 год — уничтожено 1472 деревни (16 %)

— 1943 год — уничтожено 5796 деревень (63 %)
— 1944 год — уничтожено 1656 деревень (18 %)
ВСЕГО: 9200 деревень (100 %)

Итак, 1941 год показывает нам, что немцы вообще не планировали уничтожать беларуские деревни и беларусов. Сгорели лишь те 276 деревень, которые оказались в зоне боев, артиллерийских обстрелов, воздушных бомбардировок.

Немногочисленные группы чекистов и партийных функционеров (вроде Миная Шмырева) пока еще ограничивались конфискацией продуктов, самогона, теплой одежды, а также расправами с так называемыми «предателями».

Секретный приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 Сталин подписал только 17 ноября 1941 года. До немногочисленных партизанских (или чекистских) групп он дошел с большим опозданием, до некоторых не дошел вообще. Вот что требовал этот приказ:

> «Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать захватчиков из всех населенных пунктов на холод, в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставитьь мерзнуть под открытым небом.
>
> ...Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными зарядами».

Текст показывает, что судьба гражданского населения во всех этих «населенных пунктах» Сталина абсолютно не интересовала.

1942 год стал более суровым. Именно тогда на территорию оккупированной БССР были заброшены десятки террористических групп НКВД, таких, как группы Ваупшасова, Орловского, Прудникова. Они получили самые широкие полномочия, в том числе выносить по своему усмотрению смертные приговоры. Именно они организовали в отряды банды красноармейцев и партработников, путавшиеся по лесам, засевшие в глухих деревнях, и приступили к систематическим действиям.

Вот пример. Группа советских диверсантов под командованием Федора Маркова 20 мая 1942 года совершила теракт в Поставском районе. Диверсанты из засады обстреляли легковую машину, в ре-

зультате погибли двое немецких офицеров. В ответ немцы объявили заложниками 200 жителей деревень Шудовцы и Лынтупы, ближайших к месту засады. Немцы пообещали отпустить заложников, если будут выданы преступники, убившие немецких офицеров. Но ведь Ф.Г. Марков и устроил засаду для того, чтобы спровоцировать немцев на репрессии против населения. Немцы ждали выдачи преступников, а террористы в это время пили самогон, обмывали «успех». В итоге немцы расстреляли всех 200 человек.

За убийство двоих немцев, ставшее причиной гибели 200 беларуских крестьян, Ф.Г. Марков получил награду. А его группу преобразовали в партизанский отряд имени А.В. Суворова. В ноябре 1942 на базе отряда была создана партизанская бригада имени К.В. Ворошилова, командиром которой стал Марков.

А вот отрывки из исследования В.С. Батшева «Партизанщина»:

> «Летом 1942 года в Круглянском районе /Могилёвской обл. — М.П./ появились советские офицеры. В военной форме они приходили в деревни, заходили к крестьянам, числившимся ранее деревенскими коммунистами, о чем-то говорили, некоторых уводили с собой. В первых числах июля 1942 года, в деревне Овсиша состоялось собрание партизанского актива. Собрание проводили упомянутые офицеры, они же были и докладчиками:
>
> — Нас мало, но мы должны расширить партизанское движение, — говорили офицеры, — для этого нам нужно вовлечь в него не только оставшихся местных коммунистов и военнопленных, но и все население. Мы должны признать, что до сих пор местное население держится нейтрально: ни за советскую власть, ни за

В отместку за действия чекистов, притворявшихся партизанами, немцы расстреляли всех мужчин в беларуской деревне

немцев. Это предательство родины и дела товарища Сталина. Этому нужно положить конец. Нашей первоочередной задачей является уничтожение верхушки установившегося благодушествующего, обывательского порядка. Всех старшин и членов товариществ, всю их опору из деревенского актива мы должны беспощадно уничтожить. Этого от нас требует Родина и товарищ Сталин.

Вскоре в Глубокое днем приехали эти офицеры. Они разыскали дом Павла Жаринова и вошли во двор. Вызвали хозяина, зачитали приговор: "Именем СССР..." и тут же убили его. Это было так неожиданно, что крестьяне не успели сообразить, в чем дело, а офицеры скрылись.

Павел Жаринов с приходом немцев занялся организацией прихода и открытием церкви. За труды на этом поприще его избрали церковным старостой. У Жаринова было три сына: старший — инженер, работал в Москве, средний служил в Красной Армии в звании капитана, а младший был дома. Старшие сыновья перед войной присылали отцу одежду и деньги. Видимо это и послужило причиной расправы, так как вскоре явившиеся партизаны забрали в доме Жариновых все, что понравилось, увели младшего сына и в лесу его убили. Тогда же партизанский штаб издал приказ, запрещавший всякое движение между деревнями. За нарушение — расстрел.

В том же июле, в Глубоком, снова появились два офицера с двумя партизанами. На этот раз они искали старосту. Однако староста был настороже. Его предупредили, и он успел убежать в лес, где спрятался в глубокой промоине на берегу реки. Домой он вернулся только ночью, и в ту же ночь, вся семья, в четыре человека, взяли узелки с хлебом и солью, помолились, присели на лавку по русскому обычаю и пошли из села, куда глаза глядят.

В начале октября, ночью, в Глубокое явились шесть человек партизан во главе с офицерами, направились к хате члена правления общества Ивана Россохова. Разбудили всю семью, уселись за стол и зачитали приговор: "Именем СССР... за активное участие в разделе колхоза, к высшей мере". Вывели Рассохова за село и у школы убили. Из крайних дворов слышали только, как Рассохов просил не убивать, пожалеть детей»...

«О провоцировании немецких репрессий советскими партизанами, а также о репрессиях самих партизан свидетельствует очевидец событий Р. Менский (район села Глубокое Могилёвской области):

«...коммунистические провокаторы приступили к делу. Провокаторы выслеживали одного или двух немцев, зверски убивали их, замораживали, придавая издевательскую форму трупу (например, в виде отдающего честь по эсэсовски, вытянутой вперед рукой, ладонью наружу и т. п.), и ставили этот труп на перекрестке дорог. Об-

наружив его, немцы вызывали карательный отряд и начинали расправу с ближайшими селами: расстреливали, сжигали людей в их хатах, уводили скот, опустошали окрестности. Весть о случившемся молниеносно разносилась по районам с помощью тех же советских организаторов и агентов.

Каждый подобный случай сеял в народе ужас и панику. Все, способные уйти, уходили в леса. Тут к ним и являлись организаторы провокации, ругали немцев и уверяли, что товарищ Сталин знает о беде советских людей и не оставит без помощи. В доказательство этого, ночью с самолетов партизанам сбрасывали небольшое количество медикаментов и множество листовок с победными сводками и сталинскими воззваниями, полными намеков на новую жизнь после победы.

В селах, не охваченных репрессиями немцев, сначала проводилась вербовка одиночек, а потом всеобщая мобилизация. Уклоняющихся от вербовки или мобилизации убивали. Дома оставаться женщинам и старикам было страшно, а мужчинам невозможно. Немцы таких считали или партизанами или пособниками партизан, а советские агенты называли их фашистами и пособниками немцев. И расправы с той и другой стороны, в таких случаях, не отличались мягкостью.

Так создавались многочисленные отряды — имени "25 годовщины Красного Октября", "Дедушка" и др».

С точки зрения партизан-чекистов и их московских начальников подобные действия являлись «героической борьбой» против оккупантов. С точки зрения оккупантов они (действия) еще не выходили за рамки мелкого вредительства. С позиций дня нынешнего действия партизан были провокационными. Их реальная цель заключалась в провоцировании немцев на репрессии против гражданского населения, любые другие объяснения — ложь или пустословие.

К концу 1942 года численность партизан в Беларуси достигла 12 тысяч. Это дало определенный результат: в течение года было сожжено 16 % от общего числа уничтоженных деревень — 1472. Правда, среди этих населенных пунктов значительную часть составили еврейские селения и местечки. Сколько именно, точно сегодня сказать сегодня не может*. Вполне возможно, что две трети.

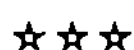
---

* До революции еврейских деревень ни в Северо-Западном (Беларусь), ни в Юго-Западном (Украина) краях не было. Царские власти запрещали евреям заниматься земледелием (на приусадебное хозяйство запрет не распространялся). Советская же власть множество еврейских местечек переклассифицировала в «деревни». Кроме того, большевики поощряли освоение «беднейшей частью» еврейского населения городов необрабатываемых земель, где создавались еврейские деревни. Нацисты планомерно уничтожали то и другое.

1943 год стал трагическим для беларусов. В оккупированную Беларусь через линию фронта массово переправляли воинские подразделения, специально подготовленные для диверсий и партизанской войны. К концу 1943 года число таких «партизан» достигло своего пика — 153 тысячи по официальным данным, 70 тысяч по данным независимых исследователей. Результат налицо: в 1943 году были уничтожены 5796 деревень и местечек (!), без малого две трети от общего числа сожженных за все время войны и оккупации.

1944 год — год освобождения. В последние 6–7 месяцев оккупации было уничтожено 1656 деревень! Так ведь и численность партизан в 1944 году возросла вдвое — с 70 до 143 тысяч (таковы реальные, а не «дутые» цифры).

Причина такого роста в том, что для действий на коммуникациях в ходе операции «Багратион» в Беларусь дополнительно забросили не менее 20 тысяч диверсантов (!). Плюс к ним местные мужики, толпами побежавшие в лес в страхе перед карателями, неважно, немецкими или советскими. Плюс те, кто ушел к партизанам специально для «отмазки» перед следователями НКВД. Они понимали, что эти церберы очень многим будут задавать один и тот же вопрос: «чем ты, сволочь, занимался три года под немцами?»

Советская пропаганда убеждала советских граждан в том, что германские нацисты ставили своей целью полное уничтожение в СССР не только коммунистов, но и всех представителей «неполноценных рас». То и другое — ложь. Например, вот что пишет Владислав Гриневич о коммунистах, якобы предназначенных к «поголовному уничтожению»:

> «...почти четверть прежних членов КПУ — 142.134 человека — остались на захваченной врагом территории, а большинство из них — 113.890 человек (80,12 %) — спокойно пережили немецкую оккупацию. В одном только пролетарском Ворошиловграде (ныне Донецк) по состоянию на 15 апреля 1943 года легально, после регистрации в гестапо, проживали 750 коммунистов и 350 комсомольцев». /Гриневич В. Миф войны и война мифов. Альманах «Деды», выпуск 3, Минск, 2010, с. 104./

Всевозможные сказочники, особенно в России, уверяют всех (нас — особенно) в том, что за время войны погиб каждый четвертый беларус. И делают из этого «железобетонный вывод»: немцы изначально планировали истребить беларуский народ! Осуществить

этот злодейский план им не дали воины героической Красной Армии, поголовно состоявшей из русских людей (сегодня московские демагоги не упоминают ни беларусов с украинцами, ни грузин с азербайджанцами, ни казахов с узбеками, а уж тем более евреев: воевал и спасал всех исключительно великий русский народ).

После войны советские органы стали проводить в жизнь сочиненную в Москве сказку о преступном плане руководства Рейха по уничтожению народов на оккупированной территории СССР. Именно в этом убеждала народ советская пропаганда.

Немецкая полиция безопасности сжигает беларускую деревню

«На том же судебном заседании (процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в БССР. — *М.П.*) кое-кто из преступников пытался оправдываться: дескать, если бы партизаны не убили Кубе, то мы не убили бы за несколько дней 2000 минчан. На это обвинитель задал резонный вопрос:

— Ну, а операция «Волшебная флейта», во время которой было арестовано 52 тыс. минчан и большинство из них уничтожено... Ведь вы ее проводили до убийства Кубе! А план доктора Ветцеля, начальника отдела колонизации первого главного политического управления по делам оккупированных восточных областей, составленный еще до войны и который вы начали осуществлять с первого дня войны?

Ответом было молчание» (Дамаскин И.А. 100 великих операций спецслужб, с. 326).

На самом деле операция «Волшебная флейта» — это массовый «хапун» в Минске с целью вывоза населения на работы в Рейх. После убийства Кубе в Минске расстреляли не 2000, а 300 горожан*.

«План доктора Ветцеля» на самом деле не план, а замечания и предложения по генеральному плану «Ост» 1/214, которые Альфред Ветцель направил своему руководству 27 апреля 1942 года, вовсе не «до войны». Там нет ничего нового по сравнению с планом «Ост» — все то же самое: выселение, отселение, расселение и онемечивание.

Подсудимые молчали потому, что ничего не знали о «плане Ветцеля». Во-первых потому, что не было такого плана и, во-вторых, этот гражданский чиновник служил в другом ведомстве. Офицеры СД и СС внутреннюю документацию Министерства восточных территорий не читали и читать не могли. Им хватало приказов своих начальников.

Позже появилась басня о том, будто бы план «Ост» предусматривал физическое уничтожение оккупированных народов, и что немцы приступили к его осуществлению сразу же после начала оккупации. Дескать, именно этим объясняются многочисленные жертвы среди мирного населения. Выдумка не лишена оснований, но только по отношению к евреям и цыганам. Эти категории населения немцы действительно уничтожали в массовом порядке. Но не беларусов. Так зачем понадобилась выдумка?

О, резон был прямой: требовалось скрыть ответственность представителей советской власти (чекистов и партизан), которые напрямую повинны в массовой гибели людей.

> «В Белоруссии уничтожено более 9200 деревень, более чем в 600 из них убиты или сожжены почти все жители, спаслись единицы» (А.М. Адамович. Хатынская повесть // Повести о войне. М., 1975, с. 15.)

Первую часть этого абзаца (как доказательство зверств нацистов) приводят многие авторы, а вот вторую часть (не все деревни уничтожались вместе с жителями) упоминают редко. Оно и понятно — внимательный читатель тут же задаст вопрос: почему из девяти с лишним тысяч деревень с жителями уничтожили только 628 (6,82 %), а не все?

А потому, что уничтоженные деревни либо находились в партизанских зонах, либо на границе с этими зонами. Уничтожение их в основном ставило целью лишить партизан опорных и продоволь-

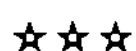
---

* См.: Усачев В. Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе. Минск, 2013, с. 290.

ственных баз (точно так же поступали в американцы во Вьетнаме; местное население в этом случае подлежало принудительной эвакуации), а также являлось наказанием за действия «мстителей» в данном районе.

Иными словами, в ходе своих антипартизанских операций немцы уничтожали деревни главным образом для того, чтобы лишить партизан баз снабжения и мобилизационных ресурсов. Как ни смотри, выходит, что уничтожение деревень провоцировали в своей массе именно партизаны. В фильме «Беларусь пад нямецкай акупацыяй. 1941—1944» специально отмечено: как бы ни пытались партийные историки доказывать обратное, факт остается фактом: где не было партизан, там не было и карательных операций, там не горели деревни.

Широко известна история с расстрелом населения в деревне Борки Малоритского района Брестской области (погибли 705 человек, из них 203 мужчин, 372 женщины и 130 детей). За что их убили? В докладе руководившего расправой в Борках обер-лейтенанта Мюллера (ЦГАОР СССР, фонд 7021, опись 148, единица хранения 1, листы 225—227) фигурирует термин «экзекуция» — наказание. За что же наказали население деревни Борки? Известно за что — за действия партизан соединения Брестской зоны.

Само собой разумеется, что партизанские планы и списки уничтожения беларуских деревень руками немцев сегодня нельзя взять в руки. Это крайне опасный «компромат» на советскую власть и КПСС, который в дребезги разрушает все мифы о партизанском движении. Потому такие планы, если они существовали на бумаге, давно уничтожены. Вспомните, как партийные органы уничтожали свои архивы после поражения путча ГКЧП в августе 1991 года?!

Надо еще иметь в виду, что очень многие преступные планы и приказы большевиков во все времена советской власти существовали только в устной форме. Они ведь прекрасно понимали, что творят. Но вот факт: в партизанских отчётах, отсылаемых в штабы, была специальная графа: «сожжено домов столько-то».

Подытожив сказанное, мы приходим к выводу, что планы уничтожения беларуских деревень в партизанских штабах составлялись. Ведь если существовали Директива Совнаркома от 20 июля 1941 года и Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября 1941 года, то не могли не разрабатываться планы по выполнению этих указаний «лично товарища Сталина». Вся советская си-

стема управления была плановой. Достаточно вспомнить, что Москва всегда четко указывала республикам и областям количество людей, подлежащих арестам в качестве «врагов народа», «шпионов». «кулаков» и т.д., в том числе всегда выделялась отдельной строкой цифра «первой категории» — то есть, число людей заранее обреченных на смертную казнь. Почему же во время войны что-то должно было меняться?!

Учтем и тот факт, что почти все архивы Второй мировой войны находятся в России. Огромное количество документов засекречено на 75 лет или навечно. Значить, есть что скрывать. Доктор исторических наук Юлия Кантор сказала, что сейчас в российских архивах находятся 2,5 миллиона засекреченных документов времен Второй мировой войны! В год рассекречивают 10 тысяч (23 июля 2011 г. Передача канала RTVI «Цена победы»). Чтобы разгрести все, понадобится 250 лет!

Директива Совнаркома от 20 июля 1941 года и приказ ставки ВГК от 17 ноября 1941 года превратили всех жителей оккупированных территорий в мишени для сталинских диверсантов. Даже такой «разрушитель» как И.Г. Старинов написал: «Если бы требования Сталина были выполнены, то во время оккупации вымерло бы почти всё население оккупированных территорий». Марк Солонин отметил: «Этим приказом было списано всё население в оккупированных областях».

Минай Шмырёв

Существует такой документ — «Партизанская присяга». Один из пунктов присяги гласит:

> «Я клянусь, что скорей погибну в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и беларуский народ в рабство кровавому фашизму».

Сказано сильно, но это пустые слова. На самом деле, ничего не делалось для защиты населения. Яркий пример — действия небольшого партизанского отряда, создателем и командиром которого был Минай Филиппович Шмырев (1891–1964). Он родился в деревне Пунище (ныне в Витебском районе). Служил в царской армии, участник Первой мировой войны, награжден тремя Георгиевскими крестами.

С 1918 по 1920 год воевал в рядах Красной Армии. С 1921 по 1923 год Минай Шмырёв командовал отрядом ЧОН, боровшимся с «бан-

дитизмом» в Витебской губернии, которую В.И. Ленин весной 1919 года отдал Российской Федерации*. Слово бандитизм я взял в кавычки потому, что так называемые «бандиты» — это те беларусы, которые первыми поняли, что несет нам большевистская советская власть. Они боролись с ней, как могли. Они — патриоты нашего Отечества. А Минай Шмырев организовывал и лично возглавлял карательные операции против своих земляков, жестоко расправлялся с ними, убивал. И вот этот бывший каратель, когда началась война с Германией, поклялся, что скорее погибнет «в жестоком бою с врагами, чем отдаст себя, свою семью и беларуский народ в рабство кровавому фашизму». Присягу он не выполнил, так как погубил и семью, и немало беларусов.

Минай Шмырев

Этот убежденный палач врагов советской власти одним из первых, уже в июле 1941 года, создал партизанский отряд. В отряд вошли партийные активисты и служащие кордонной фабрики, директором которой перед войной был М.Ф. Шмырев**. Поэтому с формированием у него проблем не было, все эти люди прямо от него зависели. Да и было их только 25 человек.

Отряд «батьки Миная» нападал на небольшие группы вражеских военнослужащих, разрушал небольшие деревянные мосты. Одним словом, занимался мелким вредительством. Но своими необдуманными действиями Минай Шмырёв создавал смертельную опасность для гражданского населения. Понятно, что местные жители ненавидели партизан, искали управу на них у немцев. Об этом откровенно говорится в «Дневнике отряда Батьки Миная» за июль 1941 — февраль 1942 года».

Вот запись от 21 июля 1941 года:

> «Провокаторы, узнав о партизанах, донесли об этом в Сураж немцам».

---

* ЧОН (части особого назначения) — отряды, которые создавали с апреля 1919 г. губернские, районные и городские комитеты партии большевиков для «борьбы с контрреволюцией». Они состояли только из членов партии (включая кандидатов) и комсомольцев. Бойцы ЧОН отличались особой жестокостью. В 1925 г. отряды ЧОН были превращены во внутренние войска ГПУ — советскую жандармерию.

** Кордонная фабрика (от франц. «corde» — шнур) выпускала веревки, шнуры и бечевки.

Вот еще одна запись от 20 августа 1941 года:

«Провокаторы помогают немцам искать стоянки партизан».

А как надо поступать с провокаторами? Ясное дело — уничтожать. Это по-советски. И Минай Шмырёв присвоил себе право определять, кто провокатор, а кто нет, право расправляться с ними. «Провокатором» мог оказаться любой человек из любой деревни. Это тот, к кому немцы или полицаи случайно зашли в дом и никого там не убили, не ограбили; это те люди, у которых немцы что-нибудь спросили на улице; это те селяне, которые исправно сдавали налоги оккупационной администрации, и многие другие, показавшиеся «подозрительными».

Опять подкреплю это примерами из дневника отряда:

10 августа 1941 года расстреляли «провокатора» Карабулина из деревни Мелыни.

23 августа 1941 г. партизаны совершили налет в Сураже на дом «провокатора» Фоменкова, бросили несколько гранат, разрушили часть дома.

25 августа 1941 года схватили и расстреляли «провокатора» Фадея Балыкова.

13 сентября 1941 года ворвались в Сураж и уничтожали там «провокаторов».

22 сентября 1941 года расстреляли бывшего председателя колхоза Морозова из деревни Смоловка...

Можно продолжать цитирование. Но хватит и этих примеров, чтобы поставить вопрос: «Против кого воевали партизаны?» Ответ очевиден — против гражданского населения.

Партизаны иногда обстреливали небольшие группы немцев, разрушали какие-то незначительные объекты. Все это делалось во исполнение бредового по своей сути указания высшего партийного руководства — «уничтожать всё, что может пригодиться врагу!» Расчеты московских партийных начальников были примерно такие же, как в случае с Зоей Космодемьянской: если все коммунисты, комсомольцы, вчерашние стахановцы и прочие советские «активисты» дружно начнут совершать диверсии во вражеском тылу, то земля «запылает» под ногами оккупантов. Советские «партайгеноссе» абсолютно не понимали, что партизанская война представляет собой нечто принципиально иное. На деле попытки «зажечь землю» приносили незначительный ущерб оккупантам. Но они («попытки зажечь») в то же время провоцировали немецев на ре-

прессии против населения*. И эту мысль подкреплю ссылками на «Дневник...»:

> «14 августа 1941 года сожжен мост в деревне Пудать. Немцы за это сожгли несколько домов.
>
> 28 октября 1941 года за связь с партизанами немцы сожгли деревню Захаренки».

А сейчас прикинем, сколько на территории Беларуси появилось летом 1941 года таких вот бездумных и бездушных «шмырёвых»? Как минимум, по одному на район, потому что в каждом районе был свой райком, и были свои партийные активисты, укрывшиеся в лесах и глухих деревушках.

Во время празднования одной из годовщин Дня Победы в телепередаче на одном из минских телеканалов прозвучали строки из стихотворения Аркадия Кулешова «Баллада о четырех заложниках».

«Перад бацькам Мінаем
Станьце, усе бацькі, на калені»

Лично я не стал бы на колени перед Минаем Шмырёвым. Я сделал бы это и положил бы цветы на его могилу, если бы он спасал своих детей и своих земляков. Он этого не сделал, и делать не пытался. Потом он скажет, что не имел права рисковать жизнью партизан ради освобождения своих детей. Детей держали под арестом в райцентре Сураж. Но ведь нападал он на Сураж ради уничтожения «провокаторов», а однажды (13 сентября 1941 г.) хозяйничал здесь на протяжении трех часов. Тогда он про жизни партизан почему-то не думал.

Что ж, «батька» не захотел спасать своих детей. И 14 февраля 1942 года нацисты расстреляли всех четверых: 14-летнюю Лизу, 10-летнего Сергея, 7-летнюю Зину, трехлетнего Мишу.

На примере отряда «Батьки Миная» хорошо видно, что смертельная опасность для населения существовала и со стороны немцев, и со стороны партизан.

---

* В 2004 г. на экраны вышел художественный фильм «Враги» (режиссер — Мария Можар) снятый киностудией «Беларусьфильм». «Интрига» фильма такова: деревенский дедок, всегда отличавшийся бестолковой суетливостью, подпилил пару столбов под деревянным мостком в свой же деревне. Проезжали немцы на мотоциклах, опора подломилась, они свалились в воду. Вылезли, стали разбираться: кто пилил? Дед мгновенно убежал в ближайший лес. В итоге немцы поймали и расстреляли двух человек, носивших жратву старому дураку: женщину и подростка. Неужели дед — герой? По-моему, он самый настоящий провокатор, пусть по глупости. Моя мысль проста: большинство партизанских «диверсий» в 1941—1942 гг. своим характером по сути не отличались от «диверсии» упомянутого деда.

А вот другой случай «в тему».

«Буда, деревня в Дубровенском районе. Центр совхоза имени Ю.В. Смирнова. За (...) 2 км от железнодорожной станции Осиновка на линии Орша — Смоленск, на шоссе Минск — Москва. 429 жителей, 152 двора (1992 г.)...В октябре 1943 гитлеровцы сожгли 87 дворов деревни, погубили 34 человека...» (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, Том 2, Мінск, 1994, с. 111).

О произошедшем в деревне Буда в октябре 1943 года довелось услышать из уст одного из жителей этой деревни, поныне здравствующего. Дело было так.

Деревня Буда сто лет никому не нужна была, и немцам тоже. Но в один несчастливый день здесь пересеклись пути двух немецких велосипедистов, приехавших «за салом», и партизана из окрестных лесов, решившего навестить мать, проживавшую в деревне. Неизвестно какой частью тела думал партизан (возможно, рассчитывал на свою ловкость — убить обоих, а потом закопать где-нибудь), но открыв огонь по велосипедистам он убил лишь одного. Второй изо всех сил припустил до ближайшей комендатуры, после чего и последовало то, о чем сказано в энциклопедии. Во время этой «выборочной экзекуции» погибла и мать незадачливого «мстителя».

Казнь очередного «провокатора»

Неужели этого придурка можно назвать «мстителем» или героем?

Советские партизаны, провоцируя немцев на репрессии против мирных граждан, осуществляли именно те шаги, за которые Гаагская конференция 1907 года и одноименная конвенция признавали партизан *вне закона* — за *провоцирование* оккупационных властей на репрессии против мирного населения.

Ежегодно 9 мая, в день Победы, правительственные чиновники в своих «дежурных» речах приводят одни и те же цифры:

> «...немецко-фашистские захватчики сожгли 9200 беларуских деревень. В 4667 из них частично уничтожено и население. А 628 деревень были сожжены вместе с жителями».

Не секрет, что почти все деревни уничтожались по одному и тому же сценарию, сочиненному в Москве. Детали уточнялись на местах. Немцы исполняли заключительную кровавую роль в этом сценарии. Но часто и это они перекладывали на полицейские подразделения, укомплектованныех недавними советскими гражданами.

Хатынь

Казалось бы, что давно уже сказана правда о Хатыни. Тем не менее, средства массовой информации продолжают распространять вымыслы о трагедии жителей этой деревни, произошедшей 22 марта 1943 года — более 70 лет тому назад.

Напомню: по официальным советским данным каратели уничтожили здесь 149 человек, из них половину (75) составили дети младше 16 лет. Почти все остальные — женщины и старики-мужчины. Это злодеяние совершил 118-й полицейский охранный батальон, полностью состоявший из украинцев.

Но вот читаю материал журналистки Светланы Еременко «Хатынская боль», опубликованный в апреле 2014 года в газете «Аргументы и факты в Белоруссии» (№ 16, стр. 6):

> «Начиная с 1943 г. фашисты тщательно заметали следы своих злодеяний. История Хатыни в их изложении преподносилась как "тяжелый бой на краю села с партизанами". Большая часть сельчан покинула Хатынь несколькими днями раньше».

И далее:

> «Хатынь — это месть за убийство партизанами Ганса Вёльке, олимпийского чемпиона Игр-1936 в толкании ядра и личного друга фюрера. Вёльке ехал на аэродром в Минск, его сопровождали два грузовика с сотрудниками 118-го батальона. По пути им встретились

женщины, которые валили лес. Колонна остановилась спросить, не видели ли женщины партизан.Они ответили, что не видели. Не проехав и 300 м, колонна попала под обстрел, Вёльке погиб.

Охранный батальон вернулся к женщинам и расстрелял их (23 человека). А потом запросил подмогу, к ним присоединился батальон "Дирлевангер". Они вместе стали прочёсывать лес, искать партизан. И вышли на деревню Хатынь, где и расправились с местными жителями».

Спрашивается, откуда вдруг взялась это новая сногшибательная версия? А вот откуда. Журналистка где-то нашла ветерана КГБ из города Куйбышев (ныне Самара) Леонида Колмакова. Он ей и «навесил лапшу на уши». Олимпийского чемпиона зачем-то приплел, а подлинный факт — длительный бой с партизанами, засевшими в Хатыни, изобразил «выдумкой немцев».

Самым первым автором, рассказавшим правду о Хатыни, была беларуская писательница Кобец-Филимонова*. Вот материал из минской газеты «Новы час» (№ 22 от 3 июня 2011 г.), посвященный этой истории, в переводе на русский язык:

«В 1970 году беларуская писательница Елена Кобец-Филимонова получила заказ московского издательства «Детской литературы» написать книжку для детей о Хатыни.

— Заведующая отделом, башкирка по национальности, мне так и сказала: "Про Хатынь должны знать все дети Советского Союза", — рассказывает писательница. — Им нужен был молодой автор, который знал войну. По крайней мере, я помнила войну, ибо жила под немецкой оккупацией в Минске. Сначала я отказывалась от предложения, так как до этого писала сказки для детей. Но меня убедили, что я сумею написать хорошее произведение. Таким произведением стала детская повесть "Жаворонки над Хатынью".

Когда началась работа над книгой, информации о Хатыни практически не было. Писательнице пришлось заняться исследовательской деятельностью — ехать на место, находить и опрашивать свидетелей, работать в архивах. Так появилась возможность узнать о жутких обстоятельствах уничтожения Хатыни, Великой Губы, убийства крестьян из соседней деревни Козыри.

— Тогда я не знала, что в уничтожении Губы, Хатыни виновны не только полицаи, но и советские партизаны, — говорит Елена Кобец-Филимонова.

---

* Елена Кобец-Филимонова (1932–2013) — дочь писателя Григория Кобеца (1898–1990), который 20 лет (1938–1958) провел в сталинских лагерях и на спецпоселении по политическому обвинению (полностью реабилитирован в 1960 г.).

Книга “Жаворонки над Хатынью” вышла в 1973 году. Но то, как собирались материалы для ее написания, трудности, с которыми столкнулась писательница во время выхода книги в печать, новая, живая информация свидетелей, которую нельзя было вставить в книгу, — дали основание написать еще одно произведение — документальную повесть «Распятая Хатынь», которая вышла в 2005 году.

— Обычно изданным в Москве книгам открывался зеленый коридор, — рассказывает писательница о детской повести «Жаворонки над Хатынью». — Их печатали в союзных республиках, переводили на разные языки, отправляли тиражи за границу ради пропаганды. Но мою книжку не захотели печатать в Беларуси. Даже после того, как она была издана в Москве.

Особенно вредил мне тогдашний директор музея Великой Отечественной войны. По договору московского издательства он должен был написать рецензию на книгу. А написал разгромный материал. Когда рукопись книги была подготовлена и послана на рецензию, бывший партизан и тогдашний директор музея Лавецкий в рецензии отметил:

— Для чего, спрашивается, автор на сорока страницах расписывает пребывание партизан в Хатыни? Это, во-первых, даёт пищу всякого рода разговорам, особенно со стороны иностранных туристов, а также является благодатной почвой для буржуазной пропаганды. Во-вторых, тем самым сводится на нет вся пропагандистская работа по Хатыни. Плана уничтожения “Ост” — как не бывало...

— В Истпарте (Партийный архив Института истории партии ЦК КПБ), где я работала с документами, меня тоже пугали: «Если напишите, что в Хатыни были партизаны, мы сделаем всё, чтобы ваша книга не была издана».

Когда Елена Кобец-Филимонова начала собирать информацию для книги, историки уже работали над шеститомником о партизанском движении в Беларуси. Им было категорически запрещено писать о том, что 22 марта 1943 года в Хатыни находились советские партизаны. Ведь написать об этом — означало подтвердить вину партизан в хатынской трагедии. Документальная книга «Распятая Хатынь» тем и уникальна, что впервые рассказывает, что в трагедии Хатыни виновны не только полицаи, нацисты, но и советские партизаны.

Писательница продолжает:

— Рецензентов не удовлетворяли некоторые другие факты, например, информация о Каминском (Иосиф Каминский — легендарный хатынец, который по официальной версии чудом остался живым после сожжения деревни; увековеченный памятником “Не-

покоренный человек" — образ старика, который держит на руках убитого мальчика). Так, мне стало известно, что его зять был полицаем. Кстати, много хатынских семей были полицейскими. Тогда и об этом нельзя было писать. А в частных беседах с жителями мне стало известно, что полицейских семей, которые ненавидели советских партизан, было много — и в Хатыни, и в Великой Губе, и в других местечках.

Позже в книге «Распятая Хатынь» я приведу разговор с Каминским, из которого следует, что и он нехорошо относился к партизанам. Так, Каминский в сердцах признался, что партизаны, которые пришли в Хатынь накануне пожара, приказали зарезать его последнюю овцу. "Немцы никогда ничего не забирали, а партизаны — забирали!" — скажет он.

Когда в 1970-х я начала опрашивать свидетелей, то заметила, что хатынцы, жители соседних деревень, категорически отказываются рассказывать мне подлинную историю уничтожения деревни. Путались в фактах, врали, отмалчивались. Я поняла, что их запугали.

Но это меня не устраивало. И я упрямо продолжала расспрашивать местных жителей. Позже я выяснила, отчего, например, вторая жена Иосифа Каминского так холодно меня встретила. Не позволяла ему рассказывать о том страшном дне, всячески препятствовала разговору. Что же, советская пропаганда сделала из Каминского легенду, мученика, который случайно остался в живых, вынес мертвого ребенка на руках, когда пылала Хатынь, — продолжает Елена Кобец-Филимонова.

— Но я узнала, что Каминского в ту ночь не было в Хатыни. Вернулся он в деревню только на следующий день после трагедии. Там сожгли его семью. Именно он донес на партизан. И партизаны скверно о нем вспоминали. Также стало ясно, что Каминский был не единственным жителем Хатыни, который остался в живых.

Во время сбора информации о Хатыни писательницу арестовывали как шпионку (!) А однажды Елене позвонила женщина (Елена Кобец-Филимонова попросила не называть ее фамилию) и сказала: "У вас есть сын. Подумайте о нем!"

— Трагедия Хатыни началась с того, что полицаи согнали на валку леса 26 крестьян из деревни Козыри. Происходило это возле деревни Великая Губа. Там же советские партизаны устроили засаду. И когда мимо проезжал немецкий патруль, чтобы проверить работу крестьян и настроить радиосвязь, партизаны открыли по ним огонь. Крестьяне стали жертвами короткого боя. После этого советские партизаны пошли в Хатынь, а немцы двинулись по их следам. Таким образом, козырчане были расстреляны, а судьба хатынцев уже была решена, — рассказывает писательница.

А теперь сравним рассказ писательницы с немецким документом времен войны, в котором история расстрела крестьян из деревни Козыри и уничтожения Хатыни показана с точки зрения оккупантов. Важно отметить, что этот документ был опубликован только в 1995 году, значительно позже выхода книг Е. Кобец-Филимоновой.

Донесение фюреру СС и полиции округа «Борисов»
об уничтожении деревни Хатынь.

Фюрер СС и полиции округа «Борисов» в Плещеницах
12 апреля 1943 г.

В приложении к донесению комиссара округа «Борисов» докладываю следующее:

22.03.1943 г. между Плещеницами и Логойском бандитами была повреждена телефонная связь. К охране восстановительных работ и проведению блокирования в 9.30 был направлен усиленный 2-й взвод 1-й роты 118-го батальона вспомогательной полиции порядка капитана охранной полиции Вёльке.

В 600 метрах позади населенного пункта Губа были обнаружены рабочие, занимавшиеся вырубкой леса. На вопросы, заданные им, они отвечали, что никто из них не имеет отношения к бандитам.

Бой в деревне между партизанами и немцами

Когда же выяснилось, откуда они, с восточного направления, с расстояния 30 метров, был открыт сильный пулеметный и винтовочный огонь. Завязался бой, во время которого капитан Вёльке и 3 украинских полицейских погибли, 2 полицейских получили ранения. Но в ходе сильного огневого контакта противник был разбит и унес своих убитых и раненых в восточном направлении на Хатынь.

После этого командир украинского взвода взял на себя командование, однако у него не было необходимых сил для продолжения акции. Полицейские укрепились в своих подозрениях относительно рабочих, валивших лес, а также в том, что противник считал это место подходящим для нападения. Севернее населенного пункта Губа часть бандитов пыталась спастись бегством /имеются в виду арестованные крестьяне. — *М.П.*/, старалась выйти из-под огня, при этом 23 из них было убито, остальные натолкнулись на жандармерию из Плещениц и были захвачены с целью проведения допроса. Бандиты утверждали, что их вина не доказана и требовали, чтобы их освободили.

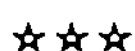
К преследованию отступающего противника были привлечены крупные силы, в том числе часть батальона СС Дирлевангера. Между тем противник имел в деревне Хатынь дружественное бандитам население. Деревня была блокирована со всех сторон и обстреляна. Противник вел огонь из деревенских домов и оказывал упорное сопротивление, и чтобы подавить его, войскам пришлось применить противотанковые орудия и гранатометы. В ходе боевых действий было убито около 34 бандитов, часть жителей была сожжена.

Источник: Kohl P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944. Sowjetische Uberlebende berichten. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995, s. 263.

Как видим, партизаны специально стремились к тому, чтобы «подставить» местное население. Сначала устроили засаду в том месте, где мобилизованные крестьяне из деревни Козыри валили лес. Естественно, что немцы и полицейские заподозрили их в связи с партизанами. Потом засели в Хатыни и вели бой, превратив хаты в огневые точки.

Солдаты любой армии в такой ситуации не делают различия между партизанами и местными жителями. Достаточно вспомнить, как российские войска действовали в Чечне. Если кто-то успел забыть, то напомню: в Чечне в ходе двух военных кампаний погибли около 100 тысяч гражданских лиц. Практически все они стали жертвами российских вооруженных сил. Одни — во время авиационных бомбардировок, массированных артобстрелов городов и сел, дру-

гие — в ходе уличных боев, а вот «третьи» — в результате «зачисток» с целью уничтожения пресловутых боевиков.

Инициатором создания мемориального комплекса на месте Хатыни стал тогдашний «генсек» беларуских коммунистов Петр Машеров. В марте 1967 года он объявил о строительстве мемориала, а 5 июля 1969 года произошло открытие этого странного сооружения.

Но, как вскоре выяснилось, мемориал представлял собой мину замедленного действия. Ведь могла стать известной правда о том, что деревню сожгли с частью ее жителей вовсе не немцы, а украинцы из 118-го полицейского батальона. Он формировался под Киевом, но местом его дислокации стал беларуский Новогрудок. Тогда партийные руководители Украины и Беларуси договорились скрыть правду о Хатыни. Когда наступила горбачевская «перестройка» с ее «гласностью», правда все же открылась. Главным виновником уничтожения Хатыни объявили Григория Васюру, бывшего старшего лейтенанта РККА, бывшего начальника штаба батальона (напомню, что командир, немец Вёльке, погиб в самом начале инцидента).

Г. Васюру в 1952 году трибунал осудил на 25 лет лишения свободы, но уже в сентябре 1955 он по амнистии вышел на свободу. После этого долгое время работал заместителям директора совхоза на Киевщине. Часто выступал в школах перед пионерами, рассказывал, как воевал на фронте. Стал почетным курсантом Киевского высшего военно-инженерного училища связи. Но КГБ нашел новые улики. Васюру арестовали и в декабре 1986 года приговорили к расстрелу. Суд происходил в Минске.

Другой участник тех событий, командир взвода 118 полицейского украинского батальона, бывший лейтенант Красной Армии Василий Мелешко был приговорен к расстрелу еще в 1975 году.

Когда на месте сожженной деревни появился мемориал, даже после этого советская власть не решилась назвать настоящих преступников. О них стало известно только при Горбачеве. Но, как уже сказано, снова соврали: мол, правду держали в тайне для того, чтобы не повредить дружбе народов СССР. Истинная причина — вовсе не дружба. Коммунистические руководители и идеологи не хотели признавать тот факт, что советские люди добровольно и массово вступали в военизированные формирования оккупантов, ревностно служили новым хозяевам.

***

Таким образом, в уничтожении беларуского населения в годы Второй мировой войны повинны как немецкие оккупанты, так и советские партизаны. Чья вина больше, чья меньше, в этом еще надо разобраться.

Советская власть с самого начала войны занималась учетом преступлений оккупантов на советской территории. Так, еще 6 января 1942 года правительство СССР заявило, что советские органы ведут подробный учет преступлений гитлеровской армии. Но преступления нацистов не были тогда массовыми.

И только через 10 месяцев после этого заявления и через 1 год 4 месяца от начала войны, когда через линию фронта были переброшены «партизанские отряды» — подстрекатели, а иногда и исполнители преступлений, 2 ноября 1942 года Президиум Верховного Совета СССР своим указом создал «Чрезвычайную госкомиссию по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков».

Членами комиссии на местах стали комиссары и политруки партизанских отрядов. Именно они составляли протоколы или акты, вели подсчет немецких преступлений. Вести такой учет было не трудно, партизаны заранее знали о готовившихся расправах, ведь они сами их и планировали. В Чрезвычайную государствнную комиссию на рассмотрение поступило 304 тысячи протоколов и актов о немецких преступлениях на оккупированной территории.

Под шумок была предпринята попытка списать на немцев и преступления НКВД — расстрелы в первые дни войны заключенных советских тюрем. Так, 25 июня 1941 года возле деревни Тростенец чекисты убили около 2 тысяч заключенных минской тюрьмы. 26–28 июня 1941 года в урочище Кирпичный завод около городского поселка Червень чекисты расстреляли 2 тысячи политзаключенных из минской и других тюрем. В июле 1941 года, отступая из Витебска, чекисты облили бензином тюрьму и сожгли ее вместе с политзаключенными*.

В конце 80-х — начале 90-х годов советская, а потом и нынешняя власть вместе с КГБ пытались «повесить» на немцев и Куропаты, искали там несуществующий «немецкий след». Не вышло! Если на каждое преступление немцев даже в глухой деревне партизаны тут же составляли протокол, то скрыть от подпольщиков массовые рас-

---

* Эти сведения взяты из книги С. Струменского «Потери Беларуси...».

стрелы в околице Минска было просто невозможно. Подпольщики обязательно зафиксировали бы это в документах.

Тему можно продолжать бесконечно. О немецких злодеяниях написано очень много, а партизаны все еще остаются «чистыми» и «пушистыми». Пора сказать правду и о них.

Вот что пишет Марк Бартушка в своей книге «Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг.»:

> «На основе сведений самих партизан (...) они /партизаны. — *М.П./* уничтожили многих представителей местной администрации, часто вместе с их семьями».

Точная цифра, сколько «предателей» убили партизаны, где-то в архивах имеется, но она и сейчас, через 23 года после распада СССР, недоступна исследователям. Открывать такие архивные документы невыгодно. Сначала потому что после войны к власти в Беларуси пришли те самые партийные и партизанские начальники, которые отдавали и исполняли преступные приказы. Не могли же они «чернить» самих себя. Напротив, они и нанятые ими писаки сочинили множество «героических» мифов о «подвигах народных мстителей».

Такое же положение существует в Беларуси сейчас. Воспитание молодежи в духе патриотизма, изучение истории Второй мировой войны продолжается на основе все тех же лживых мифов.

Глава 4

Партизанское решение еврейского вопроса

Juden? — Ausrotten! (Евреи? — Истреблять!)

Согласно Всесоюзной переписи населения, проведенной в январе 1939 года, в БССР проживало 375 тысяч евреев. После «освободительного похода» в сентябре того же года и присоединения Западной Беларуси к БССР их численность возросла примерно в три раза (в том числе за счет беженцев из этнических польских воеводств) и превысила миллион человек*.

Как известно, нацисты осуществляли программу уничтожения «расово неполноценных» народов — евреев, цыган и ряда других. С

* По переписи 1931 г. на территории «Крэсов Всходних» евреев было 495 тысяч или 11% от общей численности населения. К 1939 г. их стало еще больше.

этой целью в Германии были созданы специальные Айнзатцгруппы. Первая появилась в 1938 году, когда Австрия соединилась с Германией. Гитлер считал, что австрийцы — те же немцы, потому надо очистить Австрию от «расово неполноценных». В 1939 году была создана Айнзатцгруппа для «очистки» территории оккупированной Польши.

Перед нападением на СССР в мае 1941 года были созданы 4 новые группы. Айнзатцгруппа-В предназначалась для действий в Беларуси. Ее штаб в разное время размещался в Волковыске, Слониме, Минске, Смоленске. Группа состояла из 655 человек. Большинство составляли военнослужащие СС (не менее 220 человек). Кроме того в ее состав входило около 20 человек из СД, 20–25 человек из криминальной полиции, 60 человек из гестапо, 50–60 из вспомогательной полиции, 90–95 человек из полиции порядка. В группе также были переводчики, телеграфисты, радисты и другие технические специалисты.

Айнзатцгруппа-В в свою очередь состояла из 7 более мелких единиц по 70–120 человек: четырех зондеркоманд и трех айнзатцкоманд. Зондеркоманды действовали в прифронтовой полосе, они двигались вслед за наступавшей на Москву группой армий «Центр». В сентябре 1941 года они уже покинули пределы Беларуси. Так, зондеркоманда-7а дислоцировалась в Смоленской области, зондеркоманда-7в — в городе Орле, зондеркоманда-7с предназначалась для Москвы и Московской области. Из состава айнзатцгруппы-В на территории Беларуси остались всего две команды: команда-8 в Могилёве и команда-9 в Витебске.

Две команды общей численностью не более 240 человек физически не могли уничтожить ни 650, ни 715, ни — тем более — 940 тысяч евреев. Я не оправдываю нацистов. Просто хочу расставить все по своим местам.

Немцы в своих документах тщательно фиксировали все, что делали, день за днем. Вот выдержка из «Донесения о полицейской деятельности Айнзатцгруппы-В с 9 по 16 июля 1941 года для командования группы армий «Центр»:

> «...в Белостоке были арестованы и ликвидированы 37 человек. Это были: 4 комиссара РККА, 7 русских за коммунистическую агитацию, 3 беларуса — члены компартии, 8 поляков за коммунистическую деятельность и мародерство, 12 евреев за коммунистическую деятельность и враждебное отношение к немцам, 3 поляка бежавших из заключения за мародерство. В Гродно местная айнзатцко-

манда арестовала 16 евреев, которые при советах работали в органах НКВД...

Поиску таких лиц препятствует мнение населения, что города, которые в руках немцев, могут быть взяты назад Красной Армией. Но население агитируется к сотрудничеству. Доносы, которые поступили, демонстрируют, что беларусы уже начали участвовать в поиске функционеров».

Расположение минского гетто

Несомненно, что все эти аресты происходили по доносам наших соотечественников. Успешно формировались полицейские роты и батальоны из числа местных жителей. Они и занялись массовым уничтожением евреев. Немцы охотно передали им эти кровавые функции. Доктор исторических наук Леонид Смиловицкий отмечает, что роль беларуской полиции в массовых убийствах стала особенно заметной с февраля — марта 1942 года, когда полицейские структуры были укомплектованы, а немецкие формирования отправлены на фронт. Есть много документов, подтверждающих этот факт. Например, сотни беларуских полицейских уничтожали евреев в гетто Баранович, Минска, Корелич, Наровли, Зембина и в других местах.

Но уничтожить такую массу людей одним только беларуским полицейским формированиям тоже было не под силу. К уничтожению

евреев подключились русские, украинские, литовские, латышские и эстонские полицейские батальоны.

Так, всего за три дня (20–22 октября 1941 г.) батальон русских полицейских количеством 200 человек расстрелял 7 тысяч евреев Борисовского гетто из тех 9 тысяч, что здесь содержались. По 35 душ на каждого полицейского. Самым жестоким среди последних был некий Константин Панин, ленинградец.

Существовало военное формирование с громким названием Русская национальная народная армия (РННА). Штаб с марта 1942 года находился в поселке Осинторф Дубровенского района Полоцкой области. Рота этой «армии», количеством около 125 человек 2 апреля 1942 года в местечке Ляды Дубровенского района убила около 2000 евреев.

Антисемитизм советских партизан

Положение евреев на оккупированной немцами территории было значительно хуже, чем других национальных групп еще и потому, что в СССР, как и в нацистской Германии, процветал антисемитизм. Беларусь не составляла исключения. «Толерантные», «памяркоўныя» (рассудительные) беларуские полицаи были столь же безжалостными, как и немцы. Причины? Здесь и антисемитизм, и стремление доказать свою преданность оккупантам, и опьянение властью, и желание получить награду за ревностную службу, и возможность присвоить имущество евреев.

Местное население в своем большинстве тоже отвернулось от евреев. И дело не в том, что оккупанты расстреливали тех, кто пытался укрывать евреев. Прятали же красноармейцев. Причина в антисемитизме. Выдавали немцам евреев, которые пытались эвакуироваться, оставили свое место жительства и застряли в чужих местах. Выдавали даже своих хороших знакомых. Выдавали тех, кто бежал из гетто.

Правда, были и такие беларусы, которые, рискуя своей жизнью, спасали евреев. Много беларусов получило звание «Праведник мира», которое присваивает израильский институт «Яд вашэм». Разные источники называют разные цифры, но чаще встречается цифра 569. По этому показателю Беларусь занимает 8-е место в Европе после Польши, Голландии, Франции, Украины, Бельгии, Летувы, Венгрии. Беларусов — «праведников мира» стали массово выявлять после 1987 года. Дело в том, что тема Холокоста в СССР с 1948 по 1987 год считалась запретной.

Но самыми первыми беларусами, получившими почетное звание «Праведники мира», стали в 1965 году Андрей Николаев и его жена Наталия Станько, спасшие семью подпольщика-еврея Исая Казинца. Дело в том, что в 1965 году впервые после 1947 года день 9 мая снова объявили праздничным — Днем Победы. А к новому празднику потребовались новые герои. Кремлёвское руководство подсчитало, сколько именно, послало разнарядку в союзные и автономные республики. В БССР на руководящих должностях сидели тогда бывшие руководители подпольных обкомов КП(б)Б и партизанские функционеры, естественно, они искали героев в своей среде. Вот так в список попал Казинец. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, назвали в его честь площадь и улицу в Минске.

Но мы отклонились от темы антисемитизма. Антисемитизм существовал не только на бытовом уровне среди населения, среди рядовых партизан, но и во всех эшелонах советской власти. Доктор исторических наук профессор Давид Мельцер пишет, что в начале ноября 1942 года Москва направила радиограмму подпольным партийным органам и командирам партизанских формирований, запрещавшую принимать в отряды евреев, сумевших спастись от немцев. Этот запрет в основном соблюдался. В докладных записках городских подпольщиков руководителям подпольных обкомов партии отмечалось, что партизанские отряды не принимают евреев к себе, а иногда возвращают назад в гетто и даже расстреливают. Из этого можно сделать вывод, что очень часто встреча с партизанами ничего хорошего евреям не обещала.

О том же подробно рассказал историк Леонид Смиловицкий (выпускник минского пединститута) в своей книге «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.» (Тель-Авив, 2000 г.). Он привел много примеров встреч евреев с партизанами, которые завершились трагически. Так, бывший студент Яков Рубенчик бежал из Минского гетто. Встретив партизан, посчитал, что пришло спасение. Но как же он ошибался, партизаны его расстреляли! Весной 1942 года семья Хаи Рабинович, бежавшая из гетто в Пинской области, встретила партизан. Командир согласился взять в отряд только двоих старших детей-подростков. А пожилую женщину с малолетними детьми партизаны бросили на волю судьбы.

Партизанский отряд Антонова действовал в Глубокском районе. Когда в октябре 1943 года немцы начали карательную операцию против партизан, Антонов приказал 9 евреям покинуть отряд.

Может быть, он не хотел компрометировать себя в глазах немцев тем, что у него есть евреи? Евреи протестовали против того, что их выгнали из отряда, отобрав при этом оружие. Они просили Антонова, чтобы он расстрелял их на месте, потому что без оружия, без продовольствия, без походного снаряжения им некуда деваться. Они пытались двигаться вслед за отрядом, но их предупредили, что будут стрелять.

Евреи-партизаны

Были случаи, когда советские партизаны с криками: «Бей жидов!»— нападали на еврейские отряды. Такие нападения происходили вплоть до полного освобождения Беларуси от немецкой оккупации.

Л. Смиловицкий привел факт, когда командир еврейского партизанского отряда Туви Бельский написал рапорт генералу Платону. Скорее, это крик отчаяния. Бельский сообщил генералу, что командир партизанской бригады имени Дзержинского «товарищ Шишкин» не пропускает партизан еврейского отряда по мосту через Неман, отбирает у них подводы с продовольствием и лошадей. Это угрожает людям Бельского голодом. Дело проверял помощник генерала Платона. В итоговом приказе было сказано, что проверкой выявлены случаи массового террора по отношению к партизанам-евреям со стороны советских партизан.

Что здесь можно сказать? Вероятно лишь то, что и немцы, и служившие им полицейские, и советские партизаны делали одно и то же дело — уничтожали евреев. То, что партизаны, как и немцы, уничтожали евреев — это факт. Приведу для подтверждения этой мысли фрагмент из работы российского историка Бориса Соколова:

«Не лучше относились к несчастным и партизаны. Герой Советского Союза подполковник госбезопасности Кирилл Орловский, командовавший партизанским отрядом имени Берии в Беларуси в

сентябре 1943 года, рассказывал сотрудникам Института истории Белорусской компартии:

"Организовал я отряд имени Кирова исключительно из евреев, убежавших от гитлеровского расстрела. Я знал, что передо мной стоят невероятные трудности, но я не боялся этих трудностей, пошёл на это лишь только потому, что все окружающие нас партизанские отряды и партизанские соединения Барановичской и Пинской областей отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. Например, «партизаны»-антисемиты отряда Цыганкова убили 11 человек евреев, крестьяне деревни Раджаловичи Пинской области убили 17 человек евреев, партизаны отряда имени Щорса убили 7 человек евреев" (Соколов Б.В. Как решали «еврейский вопрос» советские партизаны)».

Отношение политического руководства нацистской Германии и коммунистического СССР к евреям во многом совпадало. Доктор юридических наук профессор Аркадий Лейзеров пишет в своей работе «Некоторые аспекты отношения советского руководства к Холокосту в Беларуси»:

«Как известно, во времена Великой Отечественной войны советская официальная пропаганда почти полностью замалчивала геноцид евреев на оккупированных немцами территориях. Сообщения советского Информбюро не содержали информации о создании немцами гетто, о массовых расстрелах евреев как в гетто, так и в других местах. Если что-то и сообщалось, то очень редко... В сводках 1942–43 гг. вообще не было ни одного сообщения о массовых расстрелах евреев. Именно в эти годы проводилось тотальное уничтожение еврейского населения».

Вот почему молчала советская пропаганда.

Партизаны-евреи

Часто приходится слышать мнение о том, что евреи во время Второй мировой войны не прилагали никаких усилий для своего спасения. Но это не так. Еврейское сопротивление нацистам существовало. Во многих гетто действовали подпольные организации.

В сентябре 1942 года в местечке Лахва Лунинецкого района Пинской области колонну евреев привели к месту расстрела. По сигналу они внезапно бросились на конвой и разбежались. В результате около 2000 человек погибли, но примерно 600 человек спрятались в лесу. То же самое произошло в местечке Радунь Вороновского района Барановичской области. В мае 1943 года группу евреев привели

здесь на расстрел, но они бросились бежать. Спаслись 160 человек, погибли 20. В августе 1943 года произошло восстание в гетто местечка Глубокое, часть евреев вырвалась на свободу. Такие же выступления произошли в Клецком, Несвижском, Копыльском гетто и в других местах.

Кроме того, в Беларуси действовали еврейские партизанские отряды. Большая часть их была вполне «советской» (как, например, отряд имени Кутузова в бригаде С.Н. Иванова), а меньшая часть — принципиально иной, «семейной». В то время как советские партизаны провоцировали немцев уничтожать гражданское население, и сами достаточно часто делали то же самое, некоторые еврейские партизаны ставили своей целью спасение людей. Самым известным еврейским отрядом такого рода отряд братьев Бельских.

Когда начались массовые расстрелы евреев, братья Бельские — Туви, Асаэль и Зусь — собрали своих родственников и в декабре 1941 года увели их в лес. Недалеко от деревни Станкевичи, что между Лидой и Новогрудком, они оборудовали в лесу лагерь. Поначалу их было всего 17 человек, из оружия — один пистолет. Но к августу 1942 года в отряде насчитывалось 250 человек, он пополнился за счет евреев, бежавших из Новогрудского гетто. Отряд начал действовать. Это ощутили немцы и заметили советские партизаны.

Туви Бельский, командир еврейского партизанского отряда

Главной своей целью Туви Бельский считал не борьбу против немцев, а спасение евреев. Он принимал всех: женщин и детей, стариков и больных. Туви говорил, что лучше спасти одну старушку-еврейку, чем убить десять немецких солдат. В этом заключается принципиальное различие между отрядом братьев Бельских и отрядами советских партизан. Выполняя приказы Москвы, советские партизаны усердно исполняли роли диверсантов, террористов и провокаторов, они причинили огромный вред беларускому населению.

Весной 1943 года отряд Бельских насчитывал уже 750 человек, а к июню 1944 года в нем было 1230 человек. Однако вооруженных бойцов было не более 500, все остальные — гражданские люди. Задачей вооруженных бойцов являлась их защита, а не травля немцев.

Группа бойцов отряда Т. Бельского

Известен также еврейский «семейный» отряд имени Калинина (он же отряд № 106) Барановичского партизанского соединения. Это отряд создал в мае 1943 года Шалом Зорин (1902–1974), бежавший из минского гетто. К 9 июля 1944 года, когда отряд соединился с частями РККА, в нем было 562 человека, в том числе 141 боец и 421 член их семей.

Существовали и другие еврейские партизанские отряды.

Так, Иезекиль Атлас создал отряд из 120 евреев, у которых гитлеровцы уничтожили семьи и родственников. И они беспощадно мстили убийцам. Партизаны Атласа действовали в районе Деречин — Козловщина — Руда-Яворская. И. Атлас погиб в бою летом 1942 года.

Одним из крупнейших еврейских отрядов в Беларуси командовал Шолом Зандвайс. В отряде было свыше 500 бойцов, все они бежали из гетто Баранович, Пинска, Бреста, Кобрина. Люди были отчаянные.

Вообще, по данным современных исследователей, в Беларуси командирами 47 партизанских отрядов были евреи. Это не считая начальников штабов и политкомиссаров. Но, в силу махрового антисемитизма партийно-советского руководства СССР правда об участии евреев в партизанском движении (и в войне в целом) всегда скрывалась.

Впрочем, крестьян они грабили точно так же, как и другие.

Глава 5

Антипартизанские силы оккупантов

Планы немецкого руководства

В административном плане Беларусь во время оккупации была разделена на несколько частей.

В центре находился генеральный округ «Weissruthenia» (Беларусь). В него вошли 68 из 194 районов предвоенной Беларуси, общей площадью около 54 тыс. кв. км, с населением 2,5 млн. человек. Генеральный округ «Беларусь» состоял из 9 районов (gebiet) с центрами в Барановичах, Вилейке, Ганцевичах, Глубоком, Лиде, Минске, Новогрудке, Слониме, Слуцке. Сам город Минск считался при этом 10-м округом. В свою очередь, генеральный округ «Weissruthenia» входил в состав рейхскомиссариата «Ostland» с административным центром в Риге.

Витебская и Могилёвская области, большая часть Гомельской, восточные районы Минской, несколько районов Полесской области вошли в Тыловой район группы армий «Центр». Линия условной границы Тылового района была следующей: Западная Двина — западнее Лепеля — западнее Борисова — западнее Старых Дорог — озеро Красное (Червоное).

Северо-западные районы Вилейской области и часть Барановичской области немцы включили в Генеральный округ «Литва».

Всю Белостокскую область с несколькими северными районами Брестской области присоединили к Восточной Пруссии под названием округ «Белосток».

Южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей оказались в составе рейхскомиссариата «Украина». При этом районы Брестской и Пинской областей с северной границей по реке Ясельда вошли в генеральный округ «Волыния-Подолия», а часть Полесской и Гомельской областей (южнее озера Красное) — в генеральный округ «Житомир».

Однако такое разделение мыслилось как временное. На совещании военно-политического руководства Третьего рейха в Берлине 20 июня 1941 года глава внешнеполитического отдела руководства НСДАП (национал-социалистической немецкой рабочей партии) Альфред Розенберг представил фюреру свой план административно-политического переустройства западной части СССР. План предусматривал создание шести марионеточных государств:

— Baltikum (три прибалтийских государства «в одном флаконе») — с восточной границей возле Ленинграда.

— Grosser Weisruthenia («Великая Белоруссия») — с восточной границей возле Подмосковья, что в принципе соответствует историческому ареалу беларуского этноса.

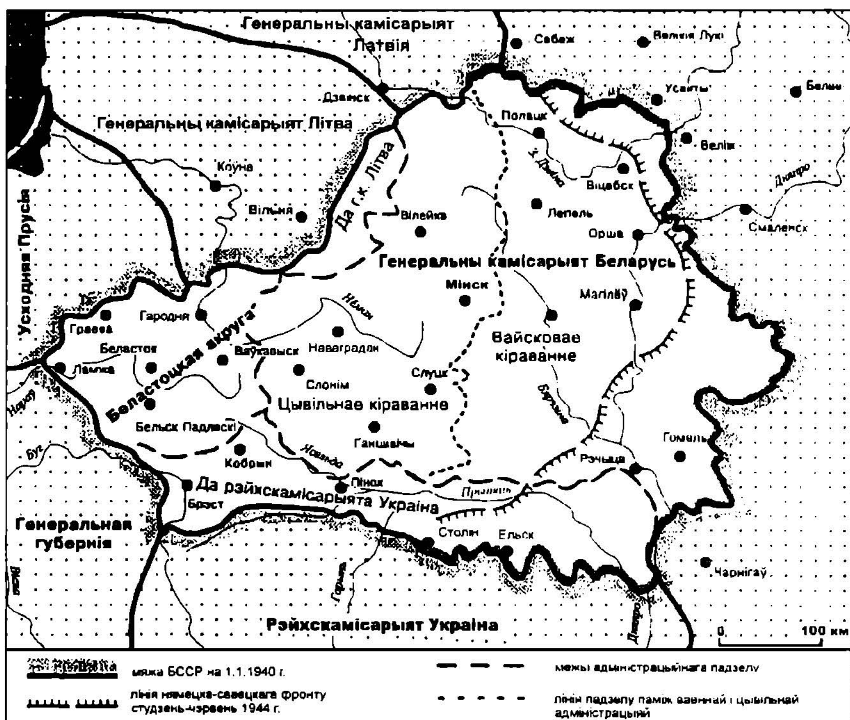
— Grosser Ukraine («Великая Украина») — с восточной границей в районе Волги.

— Grosser Caucasia («Великий Кавказ») — в естественных границах, включая Северный Кавказ и Закавказье.

— Idel Ural (территория Татарской АССР, ряд прилегающих к ней районов Башкирской АССР и соседних областей РСФСР) с восточной границей по Уралу.

— Turkestan — все республики Средней Азии и часть Казахстана.

Эти шесть государств, совместно с «Великой Финляндией» на севере, должны были отрезать от цивилизованного мира аграрную «Московию», которую предполагалось «интенсивно эксплуатировать» и ссылать на ее территорию «нежелательные элементы» из го-

Территория Беларуси во время оккупации

сударств — барьеров (политический статус «Московии» планировалось сделать ниже, чем у окружавших ее новых государств).

Фюрер согласился с этим планом и 17 июля 1941 года подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных территориях. Отвечало за эти мероприятия новое рейхсминистерство Оккупированных восточных областей под руководством самого Розенберга.

Тезис идеологов и стратегов рейха об СССР как «колоссе на глиняных ногах» с национальным вопросом в качестве «ахиллесовой пяты» (именно на ней «подвернулся» Советский Союз в начале 90-х годов) был верным. Однако немцы сами не знали, кто и как будет реализовывать возможности разгрома «империи Сталина» путем нового решения «национального вопроса».

С самого начала было понятно, что Вермахт не в состоянии одновременно воевать с Красной Армией на огромном фронте от Арктики до Кавказа и при этом контролировать оккупированную территорию площадью свыше миллиона квадратных километров, которая в два с половиной раза превышала площадь Третьего рейха по состоянию на июнь 1941 года. В Германии просто не было для этого человеческих ресурсов.

Теоретически, единственным разумным решением проблемы являлось создание наряду с оккупационной администрацией еще и администраций национальных — коль скоро было решено создавать марионеточные государства. А национальные администрации должны иметь собственные вооруженные силы.

Но вот тут-то и вышла загвоздка. Идея санитарного кордона вокруг «Московии» из вновь созданных марионеточных «государств» вошла в противоречие с идеей тотального онемечивания «подходящего в расовом отношении населения» Прибалтики, Беларуси и Украины. В самом деле, если решено, что эти территории должны войти в «тысячелетний рейх», то зачем создавать здесь какие-то национальные государства, пусть даже в форме ограниченных автономий?

Идеологам и руководителям рейха до конца 1943 года национальное правительство казалось опаснее партизан. Не случайно СД арестовало 24 декабря 1942 года и в тот же день расстреляло члена Центрального совета БНС (Беларуская народная самапомач) Винцента Годлевского.

Руководство «боевого крыла» нацистской партии — охранных отрядов СС — во главе с рейхсфюрером Генрихом Гиммлером вступило в конфронтацию с ведомством Альфреда Розенберга. Аппарат

СС и подчиненного ему СД (имперской службы безопасности) хотя сам не имел реальных возможностей для полноценного контроля оккупированных земель, принялся старательно «торпедировать» усилия по созданию национальных администраций и вооруженных сил. Гиммлер заявил своим подчиненным:

> «Никаких независимых государств и уж тем более — национальных вооруженных сил!».

В результате на оккупированной территории БССР возник политический вакуум — немецкие войска ушли на восток, оставив за собой бесконтрольную, по сути, территорию, с «окруженцами» и «партийцами», укрывшимися в лесах. Аппарат СС-СД осел в более или менее крупных городах, а на периферии фактически царило безвластие. На бумаге структура административного управления СС-СД в генеральном округе «Беларусь» выглядела солидно. Но эта структура не имела вооруженных сил, способных контролировать подчиненную ей территорию.

Вооруженные силы оккупантов

Многие исследователи невольно (некоторые — сознательно) вводят читателей в заблуждение, когда пишут, что вооруженные силы оккупантов на территории БССР составляли в 1941–1942 гг. около 160 тысяч человек. А этого более чем достаточно для того, чтобы «прихлопнуть» партизанское движение во всех областях БССР. Поскольку же «прихлопнуть» не удалось, постольку делается вывод о выдающихся успехах партизанского движения.

Механизм заблуждения многообразен. В основном он вытекает из попыток суммировать общую численность присутствоваших на территории БССР воинских подразделений оккупантов (просто взяли список и сложили вместе людской состав). Но в действительности далеко не все из этих частей были созданы в 1941–1942 гг., далеко не всегда присутствие тех или иных воинских контингентов было связано с антипартизанской деятельностью или хотя бы с охранными мероприятиями.

Чтобы не быть голословным, кратко проанализируем наличие воинских частей Вермахта, СС и полиции на оккупированной территории БССР.

1) Прежде всего это четыре охранные дивизии группы армий «Центр» — 201-я, 203-я, 221-я и 286-я (за все время войны на оккупированной территории СССР действовали 15 охранных дивизий).

Численность и огневая мощь таких дивизий составляла половину от пехотной: один пехотный полк со штатным вооружением, а второй охранный, без тяжелого вооружения. Кроме того, имелся артиллерийский полк (в 286-й дивизии вместо артполка — один дивизион), отдельный караульный батальон и саперная рота.

Историки дружно «дислоцируют» эти четыре дивизии на территории БССР, совершая тем самым грубую ошибку: в 1941—1943 гг. на территории ББСР располагались штабы указанных дивизий (201-й — в Лепеле, 203-й — в Бобруйске, 221-й — в Гомеле, 286-й — в Орше; в Витебске располагались охранные части 59-го армейского корпуса), однако сами дивизии были растянуты от Беларуси до Подмосковья и Орловской области, поэтому считать их «беларускими» можно с таким же успехом, как «смоленскими» и «брянскими».

Смотр полиции безопасности у Дома правительства в Минске (1943 г.)

Армейские части группы армий «Центр» периодически и с различными задачами выводившиеся в разное время на территорию БССР (более 200 пехотных рот, 12 противотанковых рот, около 10 рот тяжелого вооружения и артиллерийских батарей) тоже не имели постоянного базирования на территории республики. В конце же 1943 года в пределы БССР отступила вся группа армий «Центр», но считать ее войска антипартизанскими не приходится (хотя они и привлекались к подобным мероприятиям).

2) Постоянно учитываются в качестве активных антипартизанских соединений абверкоманды (и подчиненные им абвергруппы). На территории БССР располагались две резидентуры Абвера с центрами в Глубоком и Молодечно. При штабе группы армий «Центр» находились 103-я, 203-я и 303-я абверкоманды. Каждой из абверкоманд подчинялись абвергруппы при штабах 2-й, 4-й, 9-й полевых, 2-й и 3-й танковых армий. Кроме того, имелись еще три абверкоманды в распоряжении полевых комендатур и одна — в распоряжении Люфтваффе.

Но все эти подразделения до конца 1943 года действовали преимущественно по Смоленщине и Брянщине, а борьбой с разведорганами РККА, парашютистами и партизанами занимались только те из них, которые входили в структуру A-III, то есть контрразведывательного управления Абвера (управления A-I и A-II занимались шпионажем и диверсионной деятельностью в тылу противника).

3) Группы тайной полевой полиции (GFP), занимавшиеся контрразведывательной деятельностью, охраной лиц высшего командного состава, а также линий связи в зоне боевых действий и на оккупированной территории.

С 1941 по 1943 годы в восточной части Беларуси базировались пять таких групп: 570-я (при штабе 4-й полевой армии), 580-я (при штабе 9-й полевой армии), 612-я и 639-я (при штабе 2-й танковой армии) и 703-я (при штабе 3-й танковой армии). Но деятельность этих подразделений распространялась, в основном, на прифронтовую полосу (которая с сентября 1941 по октябрь 1943 года находилась за пределами БССР), да и их численность была менее 100 человек в группе, притом половина — вспомогательный персонал). Вряд ли кто-то из них мог оказать влияние на общую ситуацию с партизанским движением.

4) Фельджандармерия (полевая жандармерия), аналог советских внутренних войск — те самые, из кино, с бляхами на груди. Она была опасным противником для партизан, но на территории БССР до 1943 года располагались в основном только управления жандармерии (в областных центрах), посты (в районных центрах) и лишь отдельные опорные пункты на периферии. Основные силы полевой жандармерии — батальоны — входили в состав группы армий «Центр» (531-й — при 9-й полевой армии; 581-й — при 2-й полевой; 591-й — при 2-й танковой армии; 551-й, 694-й, 695-й — при 3-й танковой армии; 695-й, 696-й, 697-й — при 4-й полевой армии; 690-й — при штабе группы армий).

До 1943 года они боролись не с беларускими партизанами. Только в апреле 1943 года Бах-Зелевскому подчинили 11 моторизованных взводов жандармерии, но если учесть, что общее количество бойцов в них не превышало 500 человек, становится ясно, что серьезного значения в борьбе с партизанами Беларуси они не имели.

Таким образом, главную антипартизанскую роль до конца 1943 года играли отнюдь не армейские и приданные им формирования, а вооруженные силы оккупационной администрации, в число которых входили:

а) подразделения вспомогательной полиции;

б) подразделения военизированной полиции;

в) части СС.

По поводу последней категории надо пояснить, что речь идет о подразделениях, специально сформированных для борьбы с повстанцами, а не о танковых и гренадерских дивизиях СС, воевавших на передовой.

Еще в мае 1941 года рейхсфюрер СС Гиммлер назначил главным фюрером СС и полиции сектора Россия — Центр Эриха фон дем Бах-Зелевски (1899–1972), главного фюрера СС и полиции Юго-Востока. По идее главный фюрер России-Центра должен был насаждать «новый порядок» и подавлять партизанское сопротивление на оккупированной территории в тылу группы армий «Центр». На деле же, во-первых, за Бах-Зелевски осталась закрепленной еще и неспокойная Польша, а в сферу его ответственности входила огромная территория от Одера до Подмосковья.

Главный борец с советскими партизанами Эрих фон дем Бах-Зелевски

Во-вторых, учредив пост «главного фюрера» сектора Россия — Центр, Гиммлер не обеспечил его необходимыми силами для контроля территории этого «сектора». Войск в распоряжении Бах-Зелевски было, прямо скажем, небогато:

— одна моторизованная (1-я пехотная) бригада СС. Аналогичную ей 2-ю пехотную мотобригаду

вскоре передали в распоряжение сектора Россия — Север под Ленинград; у Баха забрали туда же и отдельный полк СС «Гамбург»;

— 1-я кавалерийская бригада СС (два кавалерийских полка);

— отдельный специальный батальон Ваффен-СС, который в российской литературе иногда ошибочно называют «батальоном специального назначения».

Вот собственно и все.

В обеспечении указанных сил находился дивизион ПВО «Восток» (SS-Flak «Ost»), но его части базировались не только на территории БССР. В 1942 году дополнительно был сформирован 1-й батальон ПВО штаба рейхсфюрера, еще через год — 2-й такой же, однако борьбой с партизанами они не занимались.

Связь и коммуникации частей Баха обеспечивала специальная (10-я) полицейская рота.

Что касается зондеркоманды СС «Дирлевангер», состоявшей большей частью из полудебилов во главе с законченным ублюдком, то это подразделение (сформированное в сентябре 1940 года как «штрафная команда «Ораниенбург») было численностью менее батальона и лишь к 1943 году развернуто в «штурмовую бригаду». Кроме того, оно появилось на территории БССР только весной 1942 года, первую боевую операцию провело в начале лета.

Поэтому можно утверждать, что кроме двух бригад (моторизованной и кавалерийской) в распоряжении Бах-Зелевски больше не было ничего.

5) Главными борцами с партизанским движением должны были стать полицейские полки СС, создававшиеся с 1940 года (по 1942-й удалось сформировать 30 таких полков). Они в свою очередь делились на батальоны по 500 человек. Осенью 1941 года в распоряжении главного фюрера СС и полиции сектора Россия — Центр было 9 таких батальонов и одна рота связи — то есть менее 5000 человек от Минска до Вязьмы, так как действовали они в тылу группы армий «Центр» — в Восточной Беларуси и за ее пределами. К лету 1943 года число полицейских батальонов увеличилось до 15, но все равно они насчитывали менее 8000 человек. В состав этих полицейских полков входили австрийские, венгерские, французские и другие национальные роты.

6) Постоянно упоминаемые в качестве «антипартизанских» айнзатцгруппы (оперативные группы СД) в борьбе с партизанами не принимали участия хотя бы потому, что и не должны были. Их главными задачами являлись:

— поиск и уничтожение враждебных элементов (в первую очередь представителей «неполноценных рас», интеллигенции и «левых» деятелей), лидеров политических течений и т.д.;

— захват документации и архивов на оккупированной территории;

— информирование армейского командования о политическом положении на этой территории.

Как уже отмечено выше, во вторжении в СССР приняли участие 4 айнзатцгруппы: А (в полосе группы армий «Север»); В — в полосе группы армий «Центр»; С и D — в полосе группы армий «Юг». На практике деятельность «айнзатцгрупп» сводилась к уничтожению евреев, цыган и коммунистов.

Патруль из состава 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гейер» в тыловой зоне группы армий «Центр»

Действовавшая в Беларуси группа В (айнзатцкоманды 8 и 9, зондеркоманды 7А, 7В, 7С и отряд «Смоленск») насчитывала в разное время от 500 до 1200 человек и единственное, что у нее получалось хорошо — это убийство евреев.

Осознав нехватку вооруженных сил для борьбы с партизанами, немецкая оккупационная администрация стала использовать на территории БССР добровольческие формирования из других оккупированных регионов СССР (не считая собственно беларуских, о которых речь пойдет ниже). Среди них:

— 18 «восточных батальонов» (русские формирования из бывших военнопленных) и 1-й Восточный добровольческий полк;

— так называемая «Дружина» или 1-я Русская национальная бригада СС;

— Русская освободительная народная армия (РОНА);

— 5 казачьих дивизионов, два казачьих полка и еще 10 пехотных полков в составе «Казачьего Стана»;

— 10 украинских охранных батальонов «shuma» (в том числе известный сожжением Хатыни 118-й батальон);

— 5 латышских батальонов «shuma»;

— 4 литовских батальона «shuma»;

— 2 эстонских батальона «shuma»;

— 3 батальона «Восточных легионов» (азербайджанский, татарский, туркестанский)*.

Представители советской власти не хотели признавать тот факт, что на оккупированной территории СССР существовали полицейские роты, батальоны, эскадроны, полки, бригады и даже дивизии, состоявшие из вчерашних советских граждан. Поэтому в послевоенное время советская пропаганда распространяла дезинформацию: мол, немцам служили единицы — уголовники и деградировавшие элементы.

Как видим, это совсем не так. На территории оккупированной БССР дислоцировались не менее 48 полицейских батальонов (включая беларуские), укомплектованных советскими людьми, в том числе бывшими красноармейцами.

Важно учитывать, что указанные подразделения эти появились в Беларуси далеко не сразу и, тем более, не одновременно. Так, РОНА (она же «бригада Каминского») прибыла в Беларусь только в конце 1943 года.

А бригаду Гиль-Родионова «Дружина» бывший командир партизанской бригады «Железняк» И. Титков впервые упоминает в связи с операцией «Котбус», это тоже 1943 год.

* По другим данным, на территории Беларуси с 1941 по 1944 год в разное время действовали 24 украинских батальона (около 11 тыс. чел.).

Отделение бойцов 13-го беларуского батальона СД

Мой общий вывод таков: понимания, каким образом следует бороться с партизанами, у нацистов не было, поэтому они так и не создали ни специального штаба по борьбе с партизанами, ни специальной антипартизанской воинской группы.

Национальные беларуские формирования

На мой взгляд, западный термин «коллаборационисты» не применим по отношению ко многим политическим деятелям и бойцам вооруженных формирований республик, краев и областей, входивших до оккупации в состав СССР. Предателями этих людей называть глупо хотя бы по той причине, что во многих случаях они не являлись гражданами СССР — кого они, в таком случае предали? Что до их «коллаборационизма», в смысле — сотрудничества с Рейхом, то, как говорится — у каждого свой план. Почему-то Сталина, делившего с немцами Восточную Европу и тесно сотрудничавшего с Рейхом в 1939—1940 гг. никто коллаборационистом не считает.

Да, они надеялись на то, что немцы позволят им создать подлинно автономное (т.е. самоуправляемое) национальное государство. А политика генерального комиссара Кубе, поощрявшего «беларусизацию» Беларуси убеждала в реальности таких надежд.

Кроме того, в период 1941—1944 гг. на Беларуси фактически шла гражданская война местного значения. Много, очень много обид и претензий накопилось у беларусов к советской власти. Не удивительно, что наиболее активная часть населения, пострадавшая от большевиков, воспользовалась возможностью отомстить «красной

сволочи». Но уничтожением беларуских деревень национальные формирования не занимались. Уверения в этом являются преднамеренной ложью советских и просоветских авторов. Убивали коммунистов и евреев.

С 1941 года (с момента организации первых беларуских частей «службы порядка») по 1945 год в частях Вермахта и СС прошли службу около 50 тысяч беларусов.

Первой боевой операцией беларуской «службы порядка» (около 5 тысяч) стали совместные с украинскими отрядами Максима Боровца (до 10 тысяч человек) действия по очистке Полесья от «сил русско-большевистского террора» (под таковым имелись в виду остатки разбитых частей РККА, а также партийно-советские функционеры).

В 1942 году подразделения службы порядка начали переформировывать в беларуские батальоны вспомогательной полиции (Schutzmannschaft-Bataillone — «shuma»), к 1944 году удалось сформировать 13 таких батальонов (36-й, 48-й, 49-й, 60-й и другие). Численность некоторых батальонов доходила до 2-х тысяч человек.

Командирами поначалу были только немцы. Но беларусы не знали немецкого языка, потому возникали многочисленные недоразумения. На этой почве началось дезертирство. Тогда в помощь немецким командирам привлекли эстонцев, знавших русский язык.

Отряд местных жителей отправляется на операцию против партизан (Барановичи, лето 1943 г.)

Но для беларусов и эстонцы были иностранцами, а русский язык — чужим. Наконец, немцев и эстонцев заменили офицерами-беларусами. Дезертирство сразу прекратилось.

Другими беларускими подразделениями были:

— 1-й беларуский штурмовой взвод — создан в 1941 году, в том же году вошел в состав беларуской полиции города Минска.

— Корпус беларуской самообороны (БСА — Беларуская самаахова) — до начала 1943 года сформировали 20 батальонов. Но в 1943 году германские власти упразднили корпус.

— Беларуский батальон железнодорожной охраны — создан в 1942 году. Роты батальона дислоцировались в Минске, Полоцке, Барановичах, Лиде, Крулевщине, Столбцах. В 1944 году батальон передали в 1-ю беларускую дивизию ваффен-СС.

— 13-й беларуский полицейский батальон СД — создан в 1942 году, в 1944 включен (вместе с остатками батальонов «shuma» и железнодорожным батальоном) в состав 1-й беларуской бригады СС.

Этот батальон формировал в Минске Франц Кушель (1895–1968), который во время Первой мировой войны окончил пехотное училище, командовал взводом, потом ротой на Западном фронте, получил чин штабс-капитана. Он поставил немцам ряд условий: а) командный состав батальона должен быть беларуским; б) все приказы и команды — только на беларуском языке; в) политическое воспитание и пропаганду должны вести беларусы; г) вооружение, материальное обеспечение, питание бойцов — по нормам Вермахта; д) знаки различия на мундирах — беларуские; е) батальон должен действовать только в Беларуси и только против советских партизан.

Деревенские бойцы беларуской самообороны (зима 1942/43 гг.)

За короткий срок Кушель создал из добровольцев две роты по 200 человек. Скоро батальон вырос до 1000 человек (5 рот). Местом его дислокации стала Вилейка. Условия Кушеля немцы исполняли. Так, пропагандистом в батальоне был беларус лейтенант Чеботаревич.

Бойцы беларуской самообороны из Могилёва (весна 1943 г.)

Ротами командовали беларусы Буравка, Мазур, Орсич, Хмельницкий, Якубёнок.

— Новогрудский кавалерийский эскадрон Бориса Рогули — создан в 1943 году, позже включен в состав БКА.

— Беларуская краевая оборона (БКА), подчинявшаяся Беларуской центральной раде — БЦР. В 1944 году были сформированы 39 пехотных и 6 саперных батальонов (плюс к ним кавалерийский эскадрон Б. Рогули).

— Десантный батальон «Дальвиц» — создан в 1944 г.

— Бригада «shuma» «Зиглинг» — переформирована в 30-ю дивизию Ваффен-СС (она же 2-я русская).

— 1-я Беларуская бригада Ваффен-СС — переформирована в 1-ю беларускую дивизию Ваффен-СС.

— Ягдкоманда в составе 38-й мотодивизии СС «Нибелунги».

Фактическое безвластие в сельской местности

Немецкие оккупационные власти вследствие «подковерной» борьбы между различными ее ветвями вели себя непоследовательно. Например, разрешили создать национальную администрацию и вооруженные силы, но не стремились их вооружать (так, бойцы БСА — Корпуса беларуской самообороны — сами добывали себе оружие всеми способами, вплоть до обмена на самогон). Но только

Корпус превратился в серьезную организованную силу, как его тут же распустили.

Первые два года оккупации на значительной части Беларуси царило фактическое безвластие. Немцы взяли под свой контроль более или менее крупные населенные пункты и важнейшие транспортные пути, а на остальной территории (куда оккупационные власти лишь совершали вылазки для сбора продналога и за рабочей силой) возник вакуум. Вот главная причина расползания «партизанской бациллы».

Нет сомнения в том, что если бы в 1941–1942 гг. были созданы национальные вооруженные формирования, подчиненные национальной администрации (Радослав Островский оценивал их вероятную численность как минимум в 90 тысяч человек), то «партизанщину» удалось бы задушить еще при рождении.

Но Берлин вел себя, как собака на сене — «сам не гам, и другому не дам». Позиция рейхсфюрера Генриха Гиммлера была простой до глупости:

> «Когда некий белорус или украинец создает свою армию, то, несмотря на это, он все равно остается русским... Такого вот понатворил нам этот дурак Розенберг» (цит. по: Романько О.В. Коричневые тени в Полесье, с. 101).

Генеральный комиссар округа «Беларусь» В. Кубе понимал необходимость создания органов самоуправления и подразделений самообороны. Но он мог санкционировать только местную администрацию, и то с оглядкой на Розенберга, не имел никаких полномочий по части организации местных вооруженных формирований. Гиммлер же, контролируя войска и органы СС на территории Генерального округа, не мог в то же время контролировать его гражданскую администрацию. Возникла патовая ситуация.

После того как агенты НКВД — при явном попустительстве СД — «грохнули» Кубе, исполняющим обязанности генерального комиссара стал Курт фон Готтберг. Занявшись вплотную проблемами гражданского населения, Готтберг постепенно осознал необходимость создания и органов самоуправления, и национальных вооруженных формирований.

В итоге, в декабре 1943 года была учреждена Беларуская центральная рада — прообраз правительства, а с марта 1944 года (приказом Готтберга от 23 февраля и приказом президента БЦР Островского от 6 марта 1944 года) началось формирование корпуса Беларуской краевой обороны — прообраза национальных вооруженных

сил. Советские историки любили рассказывать басни о том, будто бы мобилизация в БКО провалилась, солдаты дезертировали из частей и т.д. Но это ложь. Всего за один месяц (апрель) удалось мобилизовать 40 тысяч человек! Из них можно было сформировать три дивизии.

Нетрудно представить, как развивались бы события в 1941 году, если бы фюрер объявил набор украинцев, беларусов и прибалтов в Вермахт. Наверняка Вермахт в 1942 году дошел бы до Омска. К счастью для Москвы, этого не произошло. Не вышло и в 1944-м: немцам вдруг пришло в голову, что из-за массового набора в беларуское войско некому будет работать на полях, и они из 40 тысяч мобилизованных 20 тысяч отправили по домам. Это тот самый случай, когда плакали по волосам, утратив голову — РККА стояла уже на Днепре! Оставшиеся 20 тысяч не получили ни оружия в нужном количестве, ни должной военной подготовки.

Однако факт остается фактом: мобилизация беларусов в свое войско проходила с большим общественным подъемом. Как свидетельствуют участники документального фильма «Беларусь под немецкой оккупацией», в 1944 году 80 % населения все еще оккупированных беларуских земель не желало вновь оказаться под властью

Отряд самообороны выходит на патрулирование окрестностей деревни (1944 г.). Именно такие отряды партизаны называли полицейскими «гарнизонами»

большевиков, несмотря на туманность перспективы обретения своей государственности из рук немцев. Главным препятствием снова оказалась «тупая» позиция политического руководства Рейха.

Через несколько месяцев Йозеф Геббельс будет стенать по поводу того, что на Востоке «была допущена серьезная ошибка», что «противнику были оставлены значительные мобилизационные ресурсы». Зато Сталин, заняв Украину и Беларусь, тут же стал «хомутать» тамошних мужиков под ружье без разбору.

Оборонные деревни

После того, как начальник беларуской полиции бригаденфюрер СС Вальтер Шимана разогнал в 1943 году Корпус беларуской самообороны, Альфред Розенберг не сдался и выдвинул идею так называемых «оборонных деревень». Суть ее заключалась в том, что еще до решения аграрного вопроса на «восточных территориях» (его предполагалось решить только после окончания войны) крестьяне могли получить земельные наделы в частную собственность, но преимущество следовало отдавать тем, кто оказывал «содействие в борьбе против партизан».

Проект ставил целью привлечь беларуских крестьян на сторону новой власти, а организованные «оборонные деревни» (в которых крестьяне и получали эти наделы) должны были стать «опорными пунктами» для распространения влияния оккупационной администрации на окрестное население.

Сама по себе идея «укрепленных деревень» отнюдь не утопия, ее успешно применяло в 1960-е годы британское командование в период боев на Борнео против диверсантов, забрасываемых из Индонезии. Тактику оборонительных деревень использует также армия обороны Израиля. Но реализация этой идеи требует выполнения ряда условий, а именно:

— оборонные селения должны располагаться неподалеку друг от друга и от ближайшей воинской части;

— должна быть радио- или телефонная связь с этой воинской частью;

— гарнизон из местных жителей должен пройти военную подготовку (хотя бы в объеме трех недель);

— подступы к селению должны прикрывать дерево-земляные укрепления (ДЗОТ);

— гарнизон должен быть хорошо вооружен;

— основной задачей гарнизона является оборона деревни,

— за пределами периметра обороны гарнизон ведет разведывательно-дозорную службу посредством патрулей.

Немцы же, создав 44 «оборонные деревни» (14 в Барановичском районе, по 10 в Новогрудском, Слонимском и Слуцком районах), неподалеку от лесов, где скрывались крупные силы партизан, вменили в обязанность гарнизонам этих деревень ни много, ни мало отражение партизанских атак, а также захват разведывательных и диверсионных групп. Никакого обучения жители не проходили, технических средств связи с воинскими частями не имели, а вооружение гарнизона в каждой деревне состояло из 20 винтовок Мосина с небольшим запасом патронов к ним. Вот на «войне» с такими «гарнизонами» партизаны и отличались, посылая в Москву сообщения о победах над «немцами».

«В связи с этим президент БЦР Радослав Островский 25 мая 1944 года обратился к генеральному комиссару фон Готтбергу с таким письмом: "...Будучи в Слуцке, я узнал, что местные «оборонные деревни» не могут выполнять возложенные на них обязанности, так как их вооружение (несколько винтовок) не может дать отпор хорошо вооруженным советским партизанским отрядам, возглавляемым командирами-специалистами, сброшенными на парашютах. В результате, гибнут не только добровольцы, которые пытаются сопротивляться, но и их семьи. Поэтому убедительно прошу Вас, г-н Генерал, остановить акцию «оборонных деревень»...". Фон Готтберг откликнулся на просьбу Островского и приказал ликвидировать эти деревни не только в Слуцком округе, но и в других районах» (Романько О.В., с. 158).

Между тем при условии правильной организации оборонные деревни могли успешно бороться с партизанами. Этот тезис убедительно доказывает история крестьянской самообороны, созданной в окрестностях Полоцка еще в 1942 году:

«Партизаны во многих местах пытались мешать весеннему севу. Советские листовки, которые разбрасывали с самолетов, запрещали крестьянам под страхом смерти обрабатывать землю «для немцев». В Беларуси много лесов — поля обычно окружены деревьями. По тем, кто работал в поле, иногда постреливали из винтовок. Были убитые и раненые. Складывались совершенно неблагоприятные условия для работы. Местами почти невозможно было выходить в поле. Крестьяне, которые возлагали все свои надежды на урожай, впадали в отчаяние и в большинстве случаев безнадежно просили помощи у немцев.

Наконец прибыли немецкие отряды для охраны полей. Чаще всего это были маленькие группы, состоявшие из немолодых людей, негодных к строевой службе. Позже появились какие-то русские казацкие отряды. Трудно было понять, почему чужим казакам можно было давать оружие в руки, а крестьянам, страстно желавшим самим защищать свое добро — нельзя. Тем не менее, присланные отряды все же помогли как-то засеять почти все поля: силы партизан были в то время ничтожны.

...Три района, где была создана крестьянская самооборона, были единственными, которые не обращались к немцам за помощью во время сельскохозяйственных работ. Они сеяли и выращивали в условиях относительного спокойствия (...). Все деревни "Республики Зуева" /Михаил Евсеевич Зуев был старостой деревни Гендики — *Ред.*/, как их тогда стали называть независимо от района, фельдскомендант тщательно отметил на своей карте местности. Комендант был лично знаком с Зуевым... (с. 227).

(...) Партизаны подбрасывали Зуеву письма, в которых сначала уговаривали его, а потом начали угрожать. Все шло к тому, что партизаны готовят серьезное нападение на гнездо крестьянского сопротивления, чтобы одним разом покончить с ним. (...) Крестьянская самооборона оказалась в безвыходном положении между молотом и наковальней. Больше ждать не приходилось. Мы решили (...) добыть от немцев официальное разрешение хотя бы на одну винтовку на деревню. Только это могло спасти положение. Если бы кто-нибудь знал, каких усилий нам это стоило! (...) Зуевская деревня Гендики, как и некоторые другие «наши» деревни, находилась на берегу большого озера. Фельдскомендатура объедалась у нас свежей рыбой. Самогон в фельдскомендатуру привозили бочками. (...) Наконец, разрешение на восемь винтовок было получено. (...)

Наш «генералиссимус» Зуев приказал немедленно поднять со дна озера два ящика винтовок и привести их в боевую готовность. В местной крестьянской кузнице фабричные номера на оружии исчезали как по волшебству, а вместо них набивались новые. И — вот так чудо — что ни винтовка, все один и тот же номер, тот самый, который был обозначен в разрешении фельдскомендатуры. И так с каждым комплектом из пяти винтовок. На деревенском участке полоцкого фронта «жить стало лучше, жить стало веселей», как говорил товарищ Сталин, (...) ведь 40 винтовок — это не шутка! (с. 228–229)

Вскоре /осенью 1942 г. — *М.П.*/ на зуевскую цитадель напали партизаны. Тяжело пришлось бы крестьянам, если бы у них были только те восемь винтовок, на которые они получили разрешение от фельдскомендатуры. Партизаны явно не ожидали серьезного со-

противления. Послав на операцию несколько десятков хорошо вооруженных людей, они были уверены в легкой победе. Подводы, на которых приехали и на которых собирались везти назад пленных и награбленное имущество, они оставили за ближайшим лесом.

Благодаря письмам с угрозами и некоторым другим признакам, Зуев ждал нападения и хорошо подготовился к нему. Только незначительная часть его «вооруженных сил», какие-то 7—8 человек оставались на ночь в деревне и держали оборону в окопах на ее окраине. Остальные составляли главный подвижный ударный отряд под командованием самого Зуева, эти последние после того, как темнело, уходили куда-нибудь в лес, в овраг или придорожный кустарник. Секреты были выставлены со всех сторон и в достаточном числе. Связь поддерживали через мальчишек 12—15 лет.

Оборонная деревня Курганы

Когда отряд подвыпивших партизан, беззаботно продвигаясь во тьме, приблизился к деревне Гендики, Зуев со своим ударным отрядом пошел вслед за ними. На околице партизаны оказались между окопом «первой линии обороны» спереди и ударным отрядом — сзади. Это был самый удачный момент для начала военных действий. Прежде чем партизаны успели о чем-то догадаться, несколько дружных залпов выкосили их ряды почти полностью. Те, кто остались живыми, бросились кто куда. Пленных не брали, все было кон-

чено буквально за несколько минут. Винтовки, автоматы, ручные гранаты, пистолеты и один ручной пулемет стали добычей победителей. Зуев потерь не имел.

Эта операция показала немцам как серьезную опасность со стороны партизан, так и эффективность крестьянской самообороны. Она дала нам возможность вырвать у немцев разрешение еще на 50 винтовок, на несколько автоматов и пистолетов, а также на ручной пулемет» (с. 234)*.

О принципиальных изменениях в немецкой тактике первым сообщил в Москву в июне 1943 года командир бригады А.Я. Марченко:

«За последнее время гитлеровцы изменили тактику борьбы с партизанами. Вместо обычных расстрелов на месте они захваченного или перешедшего на их сторону партизана зачисляют в полицейские, дают паек на семью, даже на 2–3 семьи дают корову. Вновь захваченных или перешедших помещают отдельно. Им даже не дают общаться с полицейскими, перешедшими на службу к гитлеровцам зимой. Из таких создают отдельные группы и посылают вылавливать мелкие группы партизан» (Соколов, с. 193).

Но «поезд уже ушел». Все это надо было начинать годом раньше.

Глава 6

Операции немцев против партизан

Изменение условий и тактики

Важнейшим фактором, способствовавшим относительно успешному существованию партизан в 1942 году было то, что в абсолютном большинстве деревень гарнизоны противника отсутствовали до конца войны. «Партийцы», воспользовавшись этим обстоятельством, установили свою власть в полном объеме.

Вдобавок к тому, партизаны вовсе не рвались в бой. В основном они занимались самообеспечением (грабили население), расправами с представителями новой администрации и мелким вредительством. А при малейшем намеке на карательную операцию разбегались в разные стороны.

---

* П. Ільнскі. Тры гады пад нямецкай акупацыяй у Беларусі (Жыцьцё Полацкай акругі 1941–1944). Журнал «Архэ», 2004, № 3.

«В 1941 году немцы контролировали сельские районы, даже не оккупируя их, тогда как партизаны проводили только отдельные вылазки.

В 1942 году партизаны и существовавшие у них политические штабы установили контроль и осуществляли управление сельскими районами, куда немецкие войска и полицейские формирования вторгались лишь время от времени для реквизиций продовольствия и набора рабочей силы. Партизаны частично восстановили советскую власть...» (Армстронг, с. 174—175).

«Мелкие операции против партизан, проведенные весной и летом 1942 года немецкой 201-й дивизией, просто заставили партизан искать временное убежище в других местах» (Армстронг, с. 172).

К ноябрю 1942 года на территории Полоцкой низменности, в регионе Витебск — Полоцк — Лепель, под полным контролем немцев находились только 108 административных участков, тогда как под контролем партизан — 150 (плюс к ним еще 71 участок, где немецкая администрация появлялась исключительно под защитой военных).

Вплоть до лета 1943 года группы советских диверсантов пешим порядком проходили от Брянских до Пинских лесов, нигде не встречая оккупантов.

«Одна партизанка по имени Нина писала своей сестре Тане в октябре 1942 года из белорусского Полесья: «Ну вот, наконец мы и на месте. Прошли 1130 км... У немцев в тылу совершенно нет войск, а это видно из того, что мы прошли такой путь и не встретили ни одного немца» (Соколов, с. 206).

Но партизаны чувствовали себя вольготно лишь до тех пор, пока не появились подразделения самообороны (БСА) и полицейские батальоны. С другой стороны, если бы не партизаны, то никто не стал бы создавать отряды самообороны, ведь изначально оккупационные власти никакой «самообороны» не планировали. А в 1944 году, в связи с отступлением Вермахта, кончилось счастливое для партизан время, когда на много километров вокруг не было даже духа оккупантов.

«Парадокс заключался в том, что по мере успешного продвижения Красной армии на Запад положение партизан не улучшалось, а, наоборот ухудшалось. Партизанские края теперь попадали в оперативную зону, а позднее и в прифронтовую полосу Вермахта. Партизанам все чаще приходилось вступать в бой с регулярными армейскими частями, которые превосходили их и по вооружению, и по боевой подготовке» (Соколов, с. 203).

***

Советские историки подсчитали, что на территории БССР за время с апреля 1942 по июнь 1944 года были проведены 115 антипартизанских операций. В том числе 62 в 1942 году, 45 — в 1943 году, 8 — в 1944 году*.

Поверить в эту статистику трудно. Как мы уже знаем, до поздней осени 1942 года партизаны на территории Беларуси ограничивались «булавочными уколами». Откуда историки взяли 62 операции, в среднем больше чем по одной в неделю?! Это загадка.

Все, что нам известно о борьбе германского командования с партизанами, убеждает в противоположной тенденции: количество и размах антипартизанских операций со временем возрастали, а не сокращались.

Тем более не соответствует действительности «типовая схема» карательной операции, изображенная Б.В. Соколовым (и многими другими авторами):

> «Для очистки прифронтовой полосы и тыловых коммуникаций немцы, как правило, выделяли одну-две армейские дивизии, которые при поддержке коллаборационистских формирований проводили крупномасштабные карательные операции, нанося партизанским соединениям большие потери. Партизан загоняли в труднодоступные районы, откуда те не могли угрожать коммуникациям и оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход событий на фронте» (Соколов Б.В., с. 6).

Если бы немцы каждый раз снимали для антипартизанских акций одну-две армейские дивизии с фронта (от 12 до 28 тысяч человек), то проблема партизан очень скоро перестала бы их беспокоить вообще.

Однако немецкое командование, несмотря на имевшийся уже в 1942 году опыт успешных операций (уничтожение дорогобужско-ельнинских партизанских зон, действия 11-й полевой армии в Крыму), далеко не сразу осознало, что для достижения значительных результатов необходимо применять против партизан значительные силы. Понимание этого факта пришло к ним только весной — летом 1943 года:

> «Начальник СС и полиции в Белоруссии бригаденфюрер СС Курт фон Готтберг на совещании в Минске 10 апреля 1943 года признавал: «Ошибки, допущенные нами в борьбе с бандами, заключа-

* См.: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, том 4. Мінск, 1997, с. 122—124.

лись в том, что мы пытались обеспечить спокойствие, находясь в гарнизонах (опорных пунктах), в то время, когда держать эту страну в покое можно, только постоянно преследуя врага, нападая на него и уничтожая»... (Соколов, с. 188).

«Большинство немецких исследователей согласны, что (...) единственным способом совладать с ними /партизанами — *М.П.*/ путем военных действий являлось проведение крупномасштабных антипартизанских операций с последующим введением в очищенные от партизан районы крупных контингентов тыловых войск охраны.

Но необходимых для таких действий войск всегда не хватало. В силу ряда обстоятельств немцы были вынуждены концентрировать свои войска вдоль основных линий коммуникаций даже после того, как им самим стало ясно, что справиться с партизанским движением путем подобной оборонительной тактики невозможно». (Армстронг, с. 172).

Блиц-допрос пленного партизана

Поэтому немецкий автор Э. Миддельдорф не прав, когда заявляет:

«Для борьбы с партизанами немецкое командование выделило примерно 50.000 человек из состава охранных частей, почти полностью укомплектованных личным составом старших возрастов или другими категориями военнослужащих, не подготовленных к ведению борьбы с партизанами» (Армстронг, с. 117).

Механизм заблуждения прост: он ошибочно квалифицировал дивизии охраны как антипартизанские подразделения. Между тем, эти дивизии находились в районах своей дислокации вне зависимости от того, имелись ли там партизаны. Они охраняли тыл, пребывая на одном и том же месте, у них кроме партизан хватало забот, многие их части никаких партизан в глаза никогда не видели. Выдумки немецкого историка дополняет российский:

> «Кстати, к выделенным против партизан 50 тыс. немецких солдат надо прибавить значительно большее количество бойцов коллаборационистских формирований, задействованных в борьбе с партизанами, а также солдат союзных с Германией армий, которые считались недостаточно боеспособными для борьбы на фронте с Красной армией. Так, в 1943 году борьбой против партизан в полосе группы армий «Центр» было занято около 100 тыс. немцев и их союзников, включая коллаборационистов. Кроме того, в прифронтовой полосе при проведении крупных карательных операций против партизан дополнительно бросались одна-две дивизии регулярных войск, а не ограниченно годных тыловиков» (Соколов Б.В., с. 117–118).
>
> «П.К. Пономаренко после войны утверждал, что всего в боевых действиях против советских партизан... противник использовал 55 охранных полков, 206 отдельных охранных батальонов, 34 полицейских полка, 115 полицейских батальонов, 1 кавалерийскую бригаду жандармерии, 1 полк полевой жандармерии, 38 отдельных моторизованных жандармских взводов и ряд других подразделений. Все это было эквивалентно 20 дивизиям. Кроме того, для действий против партизан привлекалось до 30 дивизий противника. Отсюда Пономаренко делает вывод, что всего партизаны сковали около 50 дивизий немцев и их союзников. Будто бы только на Украине с начала войны и до 1 октября 1944 года партизаны сковали 786 тыс. немецких солдат и офицеров. Звучит внушительно. Но надо иметь в виду, что все перечисленные силы действовали против партизан отнюдь не одновременно. В среднем же за 1942–1944 годы советские партизаны вряд ли имели против себя силы, эквивалентные хотя бы 10 вражеским дивизиям» (Армстронг, с. 130–131).

Все же действия немцев постепенно претерпели существенные изменения. Если в 1941–1942 гг. они стремились просто загнать партизан как можно глубже в лес или рассеять — в расчете на то, что через некоторое время, особенно после падения Москвы, партизаны сами собой ликвидируются, то к осени 1943 года тактика изменилась:

«...Цель состоит не в том, чтобы изгнать партизан из укрытий, а в том, чтобы их уничтожить... Полный успех будет обеспечен тогда, когда удастся совершенно неожиданно для партизан окружить, а затем прочесать район, который находился под их контролем или куда они незадолго до этого проникли. Но следует иметь в виду, что внешнее кольцо окружения должно быть достаточно плотным, чтобы с самого начала окружения предотвратить возможность просачивания отдельных групп или прорыва крупных подразделений партизан. Кольцо окружения необходимо последовательно сужать либо путем планомерного продвижения со всех сторон к центру кольца окружения, либо... путем оттеснения противника к какому-либо заранее подготовленному укрепленному рубежу, усиленному использованием естественных препятствий, например реки. Затем крайне важно вытеснить партизан из заболоченных лесов на открытую местность» (Соколов Б.В., с. 204).

Далее мы рассмотрим — в качестве примеров — четыре крупные антипартизанские операции.

«Коттбус» («Cottbus»)

Осуществлялась на протяжении месяца (с 20 мая по 21 июня 1943 г.) в Бегомльском, Лепельском, Плещеницком, Холопеничском районах — против бригад «Дяди Коли», «Железняк», имени Кирова, Чашницкой, «Дубова», «Народные мстители», «Штурмовая», а также отрядов «Смерть фашизму», «Гвардеец», «За Родину». Основной целью являлась ликвидация Борисовско-Бегомльской партизанской зоны.

Для устройства «котла» планировалось использовать район Домжерицких болот восточнее реки Березина, где обычно укрывались отряды Борисовско-Бегомльской зоны (на это отводилось 10 дней). Планировалось также прижать партизан Полоцко-Лепельского соединения к Западной Двине и там уничтожить. Отдельными задачами явились восстановление дорог Минск — Витебск, Докшицы — Лепель и очистка от партизан берегов реки Березины.

Операцией командовал бригаденфюрер СС Курт фон Готтберг, сформировавший боевую группу. Группа наступала со стороны Борисова, Минска, Докшиц и Лепеля. Главный удар наносился в сторону Бегомля.

Группа «Норд» генерал-майора Дормагена (2-й полицейский полк, три отдельных охранных батальона, средства усиления) наступала на Пышно — Зарубовщину, чтобы замкнуть окружение с севера.

Группа полковника Кицеля наступала от Борисова, осуществляя прочесывание вдоль берегов Березины. Группа подполковника Дирлевангера наступала на Бегомль со стороны Минска и Плещениц. Группа подполковника Клупша наступала из Долгинова.

Со стороны Докшиц вдоль дороги на Лепель двигалась бригада Гиль-Родионова, а с нею два отдельных полицейских батальона СС. «Родионовцы» шли навстречу группе «Норд» (Дормаген) до Березино (северного), чтобы совместно восстановить и защитить дорогу Докшицы — Лепель. 2-му гренадерскому полку поручили отлавливать прорвавшихся партизан.

Фронтовые резервы и два артиллерийских полка блокировали дорогу Лепель — Борисов, обстреливая лес в районе озера Палик и Домжерицких болот.

В ходе операции были задействованы из резерва еще два десятка различных частей. Общая численность группировки достигла 14 тысяч человек.

Тактика немцев строилась на действиях двумя эшелонами: первый осуществлял сплошное прочесывание и наводку артиллерии, танков и авиации на партизан; второй представлял собой подвижные группы преследования.

Бригада «Железняк» для противодействия противнику выдвинула 1-й и 5-й отряды в район Докшиц, 2-й — к Плещеницам, 3-й — в сторону Борисова, 4-й — к Долгинову, 6-й и 7-й (последний взаимодействовал с бригадой «Дубова») в направлении Лепеля. Подвижный резерв бригады (автоматчики, конница, батарея артиллерийских орудий) располагался в районе Бегомля.

Тактика партизан заключалась в том, чтобы не отступать туда, куда гонит враг, не оседать в окружении, не организовывать постоянной обороны, а прорываться на флангах с последующим выходом в тыл противника. Были предусмотрены маршруты выхода из окружения.

Немцы начали общее наступление 20 мая.

На 14 июня партизаны наметили общий прорыв кольца окружения, но Борисовский межрайонный партийный комитет приказал им отойти за Березину в район Домжерицких болот для спасения мирного населения, которое там скопилось. В результате к середине июня в районе Домжерицких и Палицких болот оказались в окружении бригады «Железняк», «Дяди Коли», имени Кирова.

18 июня каратели разделили болотный массив на два участка по сторонам от дороги Моисеевщина — Дуброво — Студень — Пострежье — Брод. В ночь на 19 июня партизанам удалось прорвать

окружение в районе деревень Крайцы и Пострежье и выйти в леса у озера Палик. Они понесли существенные потери. Тем не менее фон Готтберг остался недоволен достигнутыми результатами операции, а 21 июня ее пришлось прекратить, так как войска потребовались на фронте.

Как всегда, больше всего пострадало местное население. Были сожжены десятки деревень, в том числе вместе с жителями: Иканы и Горелый Луг (576 человек), Асовы (178 человек), Буденицкая Рудня (103 человека), Сосновая (96 человек), Кветча (60 человек), Жамойск (27 человек), Крайцы (21 человек). Всего погибли 2024 мирных жителя. Авиация и артиллерия уничтожили около 2000 деревенских хат. В городском поселке Бегомль были убиты 300 человек, на каторжные работы вывезены 605 человек (по другим данным — 894). Каратели «конфисковали» около 6500 голов крупного рогатого скота, овец, свиней, вывезли на работу в Германию 6053 человека.

Потери карателей, по данным партизан, только от действий бригады «Железняк» составили свыше 800 человек, 4 танка и бронемашины, захвачено 1690 единиц различного оружия. Понятно, что эти цифры надо сократить в 10 раз.

«Герман» («Herman»)

Операция проводилась в Воложинском, Ивенецком, Любчанском, Новогрудском и Юратишковском районах с 1 июля по 11 августа 1943 года — шесть недель! Основной целью операции являлась ликвидация Ивенецко-Налибокской партизанской зоны, одновременно с вывозом оттуда сельхозпродукции, скота и местного населения (для чего привлекались спецкоманды барановичского гебитскомиссариата и хозяйственной инспекции «Восток»).

Несмотря на то, что в самом начале акции партизанам (еще не знавшим о ее начале) удалось захватить боевой приказ на операцию «Герман» и приложенную к нему карту, руководство Барановичского подпольного обкома КПБ, штабы Особого соединения партизанских отрядов (ОСПО) Ивенецкого, Лидского и Щучинского партизанских соединений оказались неповоротливыми. В блокированном карателями районе по рекам Ислочь, Березина, Неман, Сула оказались 5 бригад (имени Жукова, Кирова, Сталина, Чкалова, Первомайская) и 6 отрядов (имени Александра Невского, Котовского, Кутузова, Чкалова, Денисенко и «Большевик»). Это могло привести к весьма тяжелым последствиям, однако противник тоже оказался не шибко поворотливым.

Советские историки заявляли, что немцы привлекли к этой операции 50-тысячную группировку. Хочу обратить внимание читателей на то, что если бы немцы имели в Западной Беларуси 50 тысяч свободных «штыков», то от партизан в этом регионе ничего бы не осталось. На деле в акции участвовали: 1-я мотобригада СС, особый батальон СС «Дирлевангер», три полицейских полка, три батальона Вермахта и полиции, 5 взводов жандармерии, пехоты и артиллерии, спецподразделения полиции безопасности и СД, а также некоторые другие, всего до 15 тысяч человек.

Сил для полного окружения столь обширного района было явно недостаточно (для окружения примерно здесь же частей 3-й и 10-й советских армий в июне 1941 года немцам пришлось задействовать три армии!). Вдобавок Готтберг совершил ту же ошибку, что в операции «Котбус» — вместо того, чтобы с самого начала локализовать район окружения, а уже потом затягивать кольцо, он снова разделил свои силы на несколько групп, которые наступали на партизанскую зону с разных сторон (от Лиды, Новогрудка, Баранович, Заславля, Воложина, Дзержинска и Столбцов), преимущественно вдоль дорог. Партизаны вывели свои основные силы из-под удара именно в промежутках между группами карателей.

По советским данным потери «мстителей» были незначительны — 130 погибших и около 50 раненых. Главный удар, как обычно, пришелся по местному населению партизанской зоны (особенно «отличились» ублюдки из батальона Дирлевангера). Погибли 4280 жителей, еще 654 арестовали чины СД. Для вывоза в Германию было захвачено 20.944 человека, в том числе 4173 детей, полностью реквизирован скот, сожжено более 150 деревень, некоторые — вместе с жителями (так, в Воложинском районе 146 человек погибли в деревне Доры, 70 — в деревне Среднее Село, 45 — в деревне Дубовцы, 43 — в деревне Мишаны, 21 — в деревне Полубовцы.

Оскар Дирлевангер, командир карательного батальона его имени

Вместе с тем, партизанская зона была ликвидирована. Впоследствии в Налибокской пуще еще базировались отдельные отряды, но большинство ушло в Барановичское и Вилейское партизанские

соединения (восточнее и южнее бывшей Ивенецко-Налибокской партизанской зоны).

«Весенний праздник» («Fruhlingsfest»)

Эта операция заняла 19 дней (17 апреля — 5 мая 1944 г.), она завершилась ликвидацией Полоцко-Лепельской партизанской зоны и одноименной оперативной группы ЦШПД.

Советское командование, планировавшее использовать партизан для содействия операции «Багратион», допустило грубую ошибку, сконцентрировав большие силы (15 партизанских бригад и отдельный полк, общей численностью свыше 17 тысяч человек)*, непосредственно в оперативном тылу группы армий «Центр» (в полосе 3-й танковой армии, 1-го и 9-го армейских корпусов). Предполагались совместные действия с парашютным десантом по захвату Полоцка. Затем десант отменили, но отвести партизанские отряды забыли.

Это позволило немцам, не снимая крупных соединений с фронта, создать группировку из армейских частей (подразделения из пяти пехотных, 6-й особой авиаполевой, 201-й охранной дивизий, 501-го танкового полка) и войск СС (12 полков СС и полиции, особый батальон СС Дирлевангера, бригада Каминского). Руководили операцией командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Рейнхард и генеральный комиссар округа «Беларусь» Готтберг.

На этот раз немцы действовали по методу, успешно использованному весной 1942 года генералом Шпейделем в брянских лесах: кольцо вокруг партизан затягивалось постепенно, но основательно. К маю все соединения вместе с оперативной группой ЦК КПБ и Беларуского ШПД во главе с В.Е. Лобанком оказались в окружении. Как обычно, штабы советских войсковых соединений (в первую очередь 1-го Прибалтийского фронта) не смогли оказать экстренной помощи партизанам. Авиация (легкие самолеты По-2 и Як-6) совершила всего лишь 354 вылета; пилоты доставили 250 тонн грузов (706 кг за один вылет) и вывезли на «Большую землю» менее 1500 раненых и больных партизан (4 человека за вылет).

Через несколько дней положение партизан стало катастрофическим — бригады были стиснуты в районе Ушач в 20-километровом кольце, а с южного участка назревал удар трех немецких дивизий.

---

* Они имели на вооружении 9344 винтовки, 1544 автомата, 721 пулемет, 150 противотанковых ружей, 143 миномета, 21 орудие.

Немцы прочесывают местность

В ночь с 4 на 5 мая, не считаясь с потерями, партизаны отчаянным броском прорвали окружение и ушли в Борисовский район.

Практически полностью погибла 1-я Антифашистская бригада (бывшая «Дружина») вместе со своим командиром Гиль-Родионовым.

Немецкое командование сообщило о 7011 убитых «бандитах», хотя большинство этих жертв составило, конечно же, гражданское население. Еще 11 тысяч человек «гражданских» вывезли в Германию. Несмотря на то, что ликвидировать ядро партизанского соединения не удалось, в значительной мере были очищены тылы 3-й танковой армии немцев, ликвидирована крупная партизанская зона в тылу группы армий «Центр».

В беларуской историографии события апреля — мая 1944 года в районе Ушач известны под названием «Полоцко-Лепельская битва 1944 года».

«Баклан» («Kormoran»)

Проводилась в июне 1944 года для окончательной (после операции «Весенний праздник») очистки тылов немецкой 3-й танковой армии, восстановления нормального движения по дорогам Докшицы — Лепель, Минск — Витебск и захвата Бегомля.

Операция «Корморан» по масштабам была крупнее операции «Коттбус» и проводилась в основном силами резервов 2-го эшелона

группы армий «Центр», оттого ее темп оказался с самого начала разгромным для партизан. За основу был взят план операции «Коттбус», «котёл» предполагалось устроить в районе болот возле озера Палик. На востоке партизанской зоны создавалась плотная линия окружения вдоль дороги Лепель — Бегомль.

5 июня был захвачен Бегомль и действовавший там партизанский аэродром. 6 июня, в результате наступления со стороны Плещениц немцы заняли населенные пункты Литвичи, Веретей, Отрубы, Кальник, Ускромы, Бабцы и ряд других.

На следующий день из кольца окружения, через реку Цна в сторону реки Вилии, удалось вырваться нескольким соединениям, в том числе бригаде «Железняк», которая ушла на запад Бегомльской зоны — в Жамойтский лес.

Советские историки позже писали:

> «В ходе операции «Корморан» бригада «Железняк» совместно с другими бригадами северных районов Минской области сковала крупные резервы немцев из 2-го эшелона группы армий «Центр»; сорвала попытки фашистов создать оборонительный рубеж по реке Березина севернее Борисова, не допустила восстановления движения по шоссейной магистрали Плещиницы — Лепель и удержала свой рубеж до подхода советских войск. Соединениями Борисовско-Бегомльской зоны были нарушены коммуникации витебской группировки немцев, затруднено маневрированис наличными силами».

Реальная картина выглядела куда более грустной — соединения Борисовско-Бегомльской зоны чудом избежали гибели. За 8 дней немцы загнали в котёл у озера Палик почти все бригады региона.

> «Партизаны, измученные многодневными изнурительными боями, испытывали острый недостаток в продуктах питания, боеприпасах, были отягощены ранеными, больными, заботами о населении, которое вместе с ними стойко переносило все ужасы блокады. К тому же фашисты обрушили на «пятачок» у озера Палик сотни бомб. Только один налет вражеских самолетов, совершенный утром 18 июня, продолжался более часа. Затем начался артиллерийско-минометный обстрел. Все перерыли снаряды и мины. Возросло количество убитых и раненых. Получили ранения Р.Н. Мачульский (командир соединения Борисовско-Бегомльской зоны — *М.П.*) и уполномоченный БШПД А.Ф. Бардадын...
>
> Девять дней вели тяжелые бои в полном окружении партизаны. А в ночь на 23 июня, когда должен был произойти решающий штурм партизан, радист принял сообщение о начале Белорусской наступа-

тельной операции. Фашистское командование вынуждено было снять действовавшие против партизан войска» (Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941-1944: Справочник, с. 169).

Как видим, дело завершилось бы полным уничтожением партизан, но на их счастье началась операция «Багратион».

Наш обобщающий вывод таков:

Практически все операции немцев, проводившиеся до конца 1943 года, несмотря на больший или меньший частный успех, в целом не дали желаемых результатов. Тому две причины, но это не стойкость партизан, и не поддержка их местным населением.

1) Операции проводили силы, явно недостаточные для решения поставленных задач, притом в спешке.

2) Акциями руководили высшие чины СС и СД, не имевшие опыта проведения боевых операций вообще, операций подобного рода в частности.

Немецкий патруль убил «подозрительного», оказавшегося возле железной дороги

Глава 7

Чем партизаны помогли Красной Армии?

Пример Европы

Во Франции в начале 1944 года партизаны и подпольщики создали единые внутренние вооруженные силы (ФФИ). И когда 6 августа 1944 года началась высадка войск союзников на побережье Нормандии, подразделения ФФИ повсеместно перешли в наступление. Во-первых, они полностью перерезали железные дороги. Немцы не смогли доставлять подкрепления войскам, отражавшим высадку десанта. Эвакуироваться им тоже пришлось с помощью автомобильного транспорта, но не по железным дорогам.

Во-вторых, партизаны освободили от оккупантов или от своих коллаборационистов («вишистов») десятки городов и сотни деревень. В том числе столицу страны. Вот что сказано об этом в советском источнике:

> «ФФИ собственными силами освободили ряд городов и целые департаменты в Бретани, на Юго-Западе и в других районах страны (см. карту). Когда 15 августа 1944 года американские и французские войска высадились на юг Франции, в районе от Марселя до Бельфора отряды внутренних сил уже вели бои с оккупантами и вишистами. Кульминационным пунктом вооруженной освободительной борьбы французского народа явилось Парижское восстание (19–25 августа 1944 г.), в результате которого была освобождена столица Франции» (Советская Историческая Энциклопедия, том 15, с. 333–334).

Смотрим на карту и видим, что «ряд городов и целые департаменты» — это две трети территории Франции! Если Марсель находится на берегу Средиземного моря, то Бельфор — на севере страны, в Лотарингии. Вот что значит хорошо продуманный план действий и одновременное выступление всех партизанско-повстанческих сил в нужное время. Нужное — в плане общей стратегии войны.

Рассмотрим теперь пример Югославии. Тот же советский источник сообщает:

> «В Югославии быстро росла численность партизанских отрядов (к концу 1941 г. — около 80 тысяч человек, к концу 1942 г. — 150 тысяч человек), их боевые возможности. Еще 22 декабря 1941 г. была

сформирована 1-я Пролетарская бригада, знаменовавшая рождение Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). (...)

К осени 1944 г. часть территории Югославии была освобождена НОАЮ, которая насчитывала к этому времени 50 дивизий, значительное число бригад и партизанских отрядов — всего 400 тысяч человек. (...)

В марте 1945 г. НОАЮ была переименована в Югославскую армию. К 15 мая Югославская армия завершила освобождение Югославии от фашистских войск и их пособников». (Советская Историческая Энциклопедия, том 2, с. 218; том 16, с. 722, 723).

К этому надо добавить, что войска Красной Армии, которые вышли через Румынию и Болгарию к границам Югославии, в октябре 1944 года участвовали в изгнании немецких и венгерских оккупантов лишь в полосе между румынско-болгарской границей и железной дорогой Суботица — Нови Сад — Белград — Ниш. Это не более 20 % территории страны, составлявшей около 255 тыс. кв. км.

Албанию местные партизаны освободили от итальянских оккупантов своими силами к осени 1943 года:

«Освобождение партизанскими отрядами городов и сел Албании сопровождалось ликвидацией старых органов власти. Вместо старых органов власти создавались национально-освободительные советы (впервые возникли в марте 1942). (...) После капитуляции Италии (сентябрь 1943) в Албанию были введены войска фашистской Германии. Попытки оккупантов во время зимнего (1943–1944) и летнего (1944) наступлений (...) подавить национально-освободительную борьбу, мобилизовав для этого все силы внутренней реакции, потерпели неудачу. (...) 29 ноября 1944 года национально-освободительная армия заняла последний опорный пункт оккупантов и предателей — город Шкодер» (СИЭ, том 1, с. 344).

Упомянем еще и «греческий опыт». Советские историки писали в 1963 году:

«В декабре /1941 г./ было решено создать греческую Народно-освободительную армию (ЭЛАС), численность которой за два года достигла 70 тысяч человек. К лету 1943 года греческие патриоты освободили около трети территории страны /для справки: площадь Греции вместе с многочисленными островами составляет 130,9 тыс. кв. км./ В октябре 1944 года оккупанты, теснимые силами сопротивления, были вынуждены покинуть страну» (Советская Историческая Энциклопедия, том 4, с. 765).

Ничего подобного беларуские партизаны сделать не смогли. По официальным данным они якобы «освободили» 12 райцентров

(Видзы, Ивенец, Илью, Копыль, Кореличи, Куренец, Любчу, Островец, Руденск, Свирь, Старобин, Узду) и три станции (Будслав, Гудогай, Княгинин). В действительности немцы сами покинули эти населенные пункты, а партизаны успели войти туда раньше частей Красной Армии. Вот и все «освобождение»! Ни из одного города или поселка в 1944 году партизаны немцев самостоятельно не выбили. Из Минска немцы и сотрудничавшие с ними беларусы без всяких помех уехали поездами.

Удивляться здесь нечему. В результате антипартизанских операций 1944 года немцы разгромили значительную часть партизанских соединений, а остальных загнали в самые глухие места, где те сидели и боялись высунуть нос до тех пор, пока не началась операция «Багратион». А ведь предполагалось, что они ударят в спину немцам, сопротивлявшимся наступающей Красной Армии!

Сказка про «огромный ущерб»

Общий урон, причиненный оккупантам в результате партизанских действий, как уже доказано в предыдущем изложении, многократно преувеличен. Вот его «показатели» по советским официальным данным:

> «За три года борьбы партизаны в результате диверсий, боев и операций подорвали и пустили под откос 11.128 эшелонов, 34 бронепоезда, разгромили 29 железнодорожных станций, 948 штабов и гарнизонов, подорвали и уничтожили около 19 тысяч автомашин, более 5,5 тысяч мостов, разрушили более 7 тысяч километров телефонно-телеграфных линий, сбили в воздухе и сожгли на аэродромах 305 самолетов, подбили 1355 танков и бронемашин, уничтожили 438 орудий и 939 военных складов, убили и ранили сотни тысяч гитлеровцев и их подручных; захватили 85 орудий, 278 минометов, 1874 пулемета, 20.917 винтовок и автоматов». (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, том 5, с. 414).

Мы уже знаем, что гарнизоны — за редкими исключениями — это деревни, сожженные партизанами, в некоторых имелись отряды самообороны («полицейские гарнизоны»), но немцы отсутствовали; почти все мосты — деревянные низководные в сельской местности, которыми пользовались местные жители; никаких штабов партизаны нигде не уничтожили, это осталось их «голубой мечтой». Число подорванных эшелонов надо сократить, самое малое, в пять раз. А может быть и в 10 раз. Иначе выходит 10–11 эшелонов ежедневно, 309 в месяц (разделите 11.128 эшелонов на 1095 дней, из которых

состоят 3 года), что является несусветным враньем! Тысячи километров уничтоженных телеграфно-телефонных линий — это та самая «повалка» столбов, которую мы упоминали как пример имитации «бурной партизанской деятельности»*.

Историк-чекист В.И. Боярский вопросу о результатах партизанских действий посвятил главу объемом 25 страниц! В ней он, в частности, остро критикует сказку об огромном ущербе оккупантов от действий партизан, сочиненную П.К. Пономаренко и опубликованную им в книге «Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг.». Книга вышла из печати в 1986 году, через два года после смерти автора. Бывший начальник ЦШПД написал в своем обобщающем сочинении:

> «Советские партизаны и подпольщики за время войны нанесли фашистской армии огромный урон в живой силе. Они уничтожили, ранили и пленили свыше 1,6 миллиона солдат и офицеров вермахта, военно-строительных организаций ТОДТ, немецких чиновников оккупационной администрации, военных железнодорожников и колонистов».

Далее цифры разнесены по регионам. В частности, на долю партизан БССР приходится «более 500 тысяч убитых, раненых и плененых фашистов», союзников фашистов, их «пособников» из числа местного населения. Но Боярский возражает:

> «Ближе к истине данные историка-коммуниста из бывшей ГДР В. Кюнриха, полученные на основании анализа первоисточников. Согласно им, за все время войны немецкая сторона потеряла в своем тылу на оккупированной территории СССР 550 тысяч военнослужащих. Причем в эту цифру входят, помимо немцев, их союзники, а также воины-добровольцы, например, из дивизий СС «Беларусь» и «Галичина», Российской освободительной армии и полицейские, вербовавшиеся из местного населения» (Боярский, с. 220).

Итак, неведомый нам немецкий «партайгеноссе» Кюнрих сократил цифру советского «партайгеноссе» Пономаренко в три раза! Есть взять за основу выкладки В. Кюнриха, получится, что парти-

---

* «Я уже вспоминал мост через реку Поню. А таких мостов и мосточков в Беларуси была не одна тысяча. Разломай кладки через ручей и посылай наверх донесение, что уничтожен еще один стратегический объект. Прочитал как-то мемуары комбрига Титкова «Бригада Железняк». Из них я узнал, что партизаны в моей родной деревне дважды разгромили немецкий гарнизон. Но ведь в Небышино за всю войну никогда не было немецкого гарнизона. Как можно дважды разгромить то, чего вообще не существовало?!» (Копыл I. Нябышына, с. 79).

заны БССР «намолотили» в самом лучшем для них случае более 167 тысяч немцев, их союзников и «восточных добровольцев» (цифру «полмиллиона», приведенную Пономаренко, делим на три).

Попытаемся продолжить критический анализ. Материалы нашей книги неопровержимо свидетельствуют о том, что главной мишенью партизанских действий на всем протяжении войны являлись не вооруженные силы оккупантов, а так называемые «предатели». В первую очередь — служащие вспомогательной полиции, военизированных формирований из числа представителей местного населения, а также их семьи.

В этой связи напомню цифру, приведенную Б. Бонвечем: максимум 35 тысяч немецких военнослужащих и их союзников за три года на всем оккупированном пространстве СССР. Даже если на долю партизан Беларуси приходится половина, то это 17,5 тысяч! Но уж никак не 167 и, тем более, не 500 тысяч!

Остается сделать вывод, крайне неприятный для бывших и современных «певцов» коммунистической идеи. Всё советское партизанское движение — это огромный миф, состоящий из целого комплекса мифов меньшего масштаба! Очень много было суеты, криков, сказок, а практический результат — в смысле реального воздействия на положение Вермахта на фронте — почти нулевой.

Зато с собственным народом партизаны воевали всерьез.

Ныне известно, к примеру, что в Слуцком районе БССР за 1942 год партизаны убили 1024 человека, 819 (80 %) из которых являлись местными крестьянами и представителями местной же администрации (см. документальный фильм «Беларусь пад нямецкай акупацыяй. 1941–1944»).

Аналогичная картина наблюдалась и в других районах, где действовали партизаны. Вот отрывок из доклада гебитскомиссара Вилейского округа (гебита) Газе генеральному комиссару Кубе от 25 февраля 1943 года:

> «...Вследствие действий банд убито 7 немецких жандармов, 3 немецких ландзондерфюрера, 7 голландцев (полицейских — *М.П.*), 6 лесничих-полицейских, приблизительно 30 чинов организации Тодта (военных строителей — *М.П.*), 110 местных полицейских, 106 солтысов, сельских старост и работников местного самоуправления (...), 46 членов семей полицейских, приблизительно 500 человек местных жителей. Все время повторяется резня семейств полицейских...» (Соколов Б.В., с. 219).

В документах Белорусского штаба партизанского движения можно найти кое-какую статистику. Например, сведения о том, что

в 1941–1942 гг. советские партизаны убили на «временно оккупированной территории БССР» 4795 «полицейских и изменников родины», а за три первых месяца 1943 года — уже 8902! Кроме того, за год и 9 месяцев войны (июль 1941 — март 1943) еще 776 «изменников» они захватили в плен и тоже убили (казнили)*.

Неизвестно, сколько среди этих 14.473 человек было беларуских учителей, работников культуры, медработников, артистов, священников, просто национально сознательных граждан. Для профессиональных палачей — сотрудников органов НКВД — все они были только «лагерной пылью» (см. журнал «Беларускі рэзыстанс», 2005, № 1 с. 131).

Займемся арифметикой. В БССР было 194 района. Если предположить (чтобы не обвиняли в «сгущении красок»), что средняя цифра для всех районов меньше чем в Слуцком районе в пять раз (205 чел.), уже получим 39.565 убитых за год «предателей». Добавим к ним 1024 «случаков». Выходит более 40,5 тысяч. В 1943 году, несомненно, жертв расправ было больше как минимум вдвое — около 80 тысяч. За 7 месяцев 1944 года — еще 40–45 тысяч. В итоге получаем не менее 160 тысяч жертв партизан. И это — по самому нижнему уровню. Вот с кем воевали советские партизаны — с нашим народом.

Цифры БШПД намного меньше, чем приведенные по Слуцкому району. Но все же поработаем и с ними. В 1941–1942 гг. — убиты 4795 человек; в 1943 году — 35.608 (8902 жертвы первого квартала умножим на 4); в 1944 году — 17804 (8902 х 2). Плюс к ним не менее 1164 казненных пленников (776 х 1,5). В сумме — 59.371 человек. Округленно — 60 тысяч. Эта цифра в несколько раз превышает число убитых военнослужащих Вермахта, войск СС, военной полиции, формирований союзников Германии.

С любой точки зрения выходит, что на первом месте для советских партизан была война с беларуским народом. Подробнее об этом — в заключительной части книги.

ЧАСТЬ IV
ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН

О «ВЫСОТЕ» МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Коммунистические историки и ура-патриоты на протяжении семи десятилетий, прошедших после войны, изображают советских граждан, сражавшихся против немцев (неважно, в армии или за линией фронта) настоящими рыцарями.

А ведь эти граждане были в своем подавляющем большинстве людьми малообразованными, отличались крайне низким уровнем общей культуры*. Если справедливы высказывания философов и психологов о том, что современный человек — дикий зверь, скрывающийся под тонким слоем лака цивилизации, то у «человека советского» образца 1930–1940-х годов слой этот был исключительно тонким, зачастую он совпадал с животными инстинктами.

Дикие нравы большинства советских людей — тема, во все времена находившаяся под запретом. В современной России любые попытки такого анализа называют «русофобией». Там всерьез утверждают, что СССР (Россия) — это государство, которое было населено высокоморальными и культурными гражданами. Между тем прав Владимир Белинский, утверждающий на страницах своей книги «Страна Моксель» (Смоленск, 2009 г.), что если и была Россия когда-нибудь средоточием чего-либо, так только средоточием варварства. Советский режим это варварство многократно усилил, так как уничтожил столь мощные регуляторы поведения как веру в Бога и традиционную систему нравственных ценностей, созданную в сословном обществе.

Первое что бросается в глаза — идентичность поступков представителей советских вооруженных формирований (будь то регулярная армия или партизаны) вне зависимости от времени.

> «Победу красные отметили погромами местного польского населения и массовыми убийствами пленных. 18 августа /1920 г./ будущий писатель Исаак Бабель (1894–1940), служивший в 6-й кавдивизии, записывал в дневнике:

* Малоизвестный факт: средний уровень общего образования секретарей райкомов партии по всему СССР осенью 1939 года составлял 4 класса начальной школы!

«Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных, Апанасенко (И.Р. Апанасенко, в 1920 году — командующий 6-й кавдивизией, будущий генерал армии. — *Авт.)* умывает руки. Шеко обмолвился — рубить, это сыграло ужасную роль. Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы... Ад.

Как мы несем свободу, ужасно. Ищут в ферме, вытаскивают, Апанасенко — не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда — сестру (медицинскую. — *Авт.*) зарезать, поляков зарезать... Сведения об обороне Львова — профессора, женщины, подростки. Апанасенко будет их резать — он ненавидит интеллигенцию» (Тарас А.Е. Анатомия ненависти, с. 441—442).

Прошли два десятилетия. В СССР в 1941 году человек с семью классами образования встречался нечасто. Многие представители «совкового» общества, как только немцы сокрушили структуры советской власти, почуяли вседозволенность и словно сорвались с привязи.

Типичный случай привел в своей книге «Нябышына» Илья Копыл. В его родную деревню, где немцы за все время оккупации появились буквально два-три раза, повадились партизаны. Главной целью их визитов являлись продукты питания и самогон. Но, поскольку партизаны в своем большинстве были молодыми мужчинами, их интересовала еще и женская часть деревенского населения.

И вот во время одного из таких посещений деревни пьяный партизан явился в хату местного жителя Ильи Спиченка, где собралась несовершеннолетняя молодежь, и стал приставать к 17-летней Фане Пашевич. Когда та выразила возмущение, партизан выхватил пистолет и двумя выстрелами в упор убил девушку. Никакого наказания за это подлое преступление он не понес*.

О том, каких высот «морального самосознания» достигли одичавшие в лесах советские партизаны, вспоминал в своей книге Георгий Климов. Он, будучи капитаном РККА, летом 1944 года был послан в Ленинград на курсы усовершенствования командного состава. Вот что он там узнал:

«Вскоре после освобождения Ленинграда из кольца блокады в январе 1944 года в городе торжественным парадом было отмечено вступление партизан Ленинградской области. Через месяц в Ленинград с фронта были поспешно отозваны несколько спецбригад НКВД для разоружения расходившихся лесных вояк. Партизаны вели себя в городе, как завоеватели во вражеской крепости, и с пы-

---

* Копыл І. Нябышына: Акупацыя вачыма падростка, с. 21.

тающимися призвать их к порядку милиционерами разговаривали не иначе, как на языке ручных гранат и автоматных очередей. Милиционеров они считали своими потомственными врагами и открыто хвастались, кто сколько “лягашей” уложил.

После разоружения всех партизан без особого шума загнали в телячьи вагоны и переправили в спецлагеря НКВД...» (Климов Г. Песнь победителя, с. 6–7).

Сподвижник Иосипа Броз Тито генерал Милован Джилас в 1945 году специально приехал в Москву для того, чтобы пожаловаться Сталину на бесчинства в Югославии советских солдат, пришедших «спасти братушек» от зверств нацистов (см. Б. Соколов. Красный колосс..., с. 186). Но реакция Сталина на демарш «югославского товарища» была совсем не такой, как тот ожидал:

«...И что страшного в том, если он (советский солдат — *М.П.*) пошалит с женщиной после таких ужасов?» (к моменту вылета Джиласа в Москву красноармейцы успели изнасиловать в Сербии 121 местную женщину, из которых 111 они убили — *М.П.*) (Там же).

О том, как вели себя бойцы Красной Армии, к примеру, на улицах венгерских городов, сейчас можно узнать из многих книг, а также интернет-сайтов. Коммунисты, комсомольцы и беспартийные в массовом порядке, абсолютно не считая это зазорным, сдирали с убитых немцев наручные часы и обручальные кольца, выворачивали им карманы в поисках поживы. Так что не надо спихивать «ужасы войны» на одних лишь немцев — «советские» в плане зверств, насилия и грабежей ничем от них не отличались.

Глава 1

Нарушение международного законодательства

Пропаганда вместо права

Отношение современных российских авторов к военным преступлениям, которые совершали советские партизаны, в целом можно выразить одной фразой: «все виноваты — никто не виноват».

Например, рассуждения Бориса Соколова на эту тему в его книге «Фронт за линией фронта» напоминают старый советский анекдот: «А у вас в Америке негров линчуют!» Мол, поскольку военные преступления во время Второй мировой войны совершали все парти-

заны (югославские, греческие, итальянские...) то и говорить об этом нечего — простим и забудем.

Однако в той же России любят писать, говорить и кричать что на военные преступления срок давности не распространяется. Они в любом случае подлежат расследованию и наказанию. Правда, при этом подразумевается, что преступниками были исключительно германские нацисты, итальянские фашисты и японские милитаристы, а также их союзники и пособники.

В ответ на заявления немецких авторов о бандитизме партизан обычно следует глубокомысленный пассаж вроде такого: немцы тоже уничтожали партизан на месте без суда. Смею думать, что российские историки в данном случае «путают Бабеля с Бебелем». Немцы ведут речь о юридических нормах, регламентирующих военные действия и повсеместном нарушении их партизанами, тогда как российские авторы отождествляют военные преступления ...с нарушением норм морали.

При чем здесь мораль? А при том! Это российские большевики (коммунисты) придумали разделять войны на «справедливые» и «несправедливые». Если кто-то напал на «первое в мире пролетарское государство», то война со стороны обороняющегося СССР — справедливая. Соответственно, любые действия «советских людей» против агрессоров морально оправданы. В том числе крайняя жестокость, массовые убийства и прочие мерзости: мол, сами виноваты, не надо было лезть! А «несправедливых войн» Советский Союз и Россия (пусть даже царская!) — по их мнению — никогда не вели.

Причины такого словоблудия обусловлены имперским мышлением вождей, идеологов и пропагандистов «старой» и «новой» России. Например, давно запланированную и долго готовившуюся Россией фактическую аннексию Абхазии и Южной Осетии российские политики и журналисты объявили ...«агрессией Грузии»*.

---

* Напомню, что российские власти по собственному почину выдали российские паспорта всем абхазам и осетинам (гражданам Грузии!), после чего стали кричать о том, что «необходимо защитить российских граждан» от коварных грузин, нагло пытающихся обеспечить юрисдикцию своего правительства на территории своего государства.

И обеспечили. С помощью России абхазы (95 тыс. человек — 17,8 % населения) изгнали из Абхазии всех грузин (244 тыс. — 45,7 % жителей), а осетины (65,5 тыс.) — изгнали грузин (28,7 тыс.) из Осетии. Разве это не этническая чистка?

Потом Россия разбомбила десяток грузинских городов, утопила грузинский флот, официально признала «независимость» марионеточных «республик» и создала там свои военные базы. Но если кто-то пытается обвинять Россию в агрессии против Грузии, в Москве это квалифицируют как ...«русофобию». А то, что ни одна страна Европы не признает марионеток, так это, по мнению россиян, обусловлено «традиционной ненавистью Запада к России» и пресловутыми «двойными стандартами». — *М.П.*

Вообще заявления российских авторов о «коварной агрессии» гитлеровской Германии против сталинского СССР напоминают беседу Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова во время первого собрания «Союза меча и орала» (из книги Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев»):

> «Кто это говорит? Это говорит граф Толстой? Или Дарвин? Нет. Я слышу это из уст человека, который еще вчера только собирался забраться ночью в квартиру Грицацуевой и украсть у бедной вдовы мебель».

Кто до сих пор талдычит о «немецкой агрессии»? — Правопреемники того самого СССР, который был союзником нацистской Германии с 24 августа 1939 по 21 июня 1941 года!

Кто в ночь с 23 на 24 августа 1939 года подписывал секретный документ (протокол к договору) о разделе Восточной Европы?! — Риббентроп и Молотов подписывали, первый по поручению Гитлера, второй по поручению Сталина.

Кто, поправ советско-польский Договор о ненападении от 25 июля 1932 года, напал 17 сентября 1939 года на Польшу, героически сражавшуюся с германскими войсками? — СССР напал, лицемерно заявив при этом, что никакого нападения нет, есть «Освободительный поход»!

Правда, «освободители» убили за месяц около 3,5 тысяч польских военнослужащих в боях, а еще 25 тысяч гражданских лиц и военнослужащих расстреляли без всякого суда, но это «не считается»*. Люди, напоминающие сегодня о таких «мелочах» — безусловно, русофобы! Ведь еще сам «товарищ Сталин» сказал: «лес рубят — щепки летят!»

А на Финляндию кто напал 30 ноября 1939 года? — СССР напал, устроив предварительно «инцидент в Майниле». Да заявил при этом на смех всему миру, что крошечная Финляндия угрожает безопасности Советского Союза и «готовит агрессию против него».

Кто оккупировал и аннексировал Эстонию, Латвию, Летуву, Бессарабию и Буковину в 1940-м году под ширмой «свободного волеизъявления их народов»? — Известно кто, Советский Союз оккупировал и аннексировал, устроив для «отмазки» это самое «волеизъявление» под прицелом стволов танков и бронемашин советских войск, ранее введенных на территорию указанных стран якобы для

* К ним надо добавить почти 22 тысячи жертв Катынской бойни весной 1940 года, 243 тысячи польских граждан, вывезенных в 1940–41 гг. в отдаленные районы СССР «на поселение», 121 тысячу заключенных и ссыльных. В сумме — около 386 тысяч польских граждан! — *М.П.*

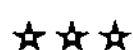
защиты их от «агрессии с Запада». К настоящему времени опубликовано множество фотографий, документов, воспоминаний очевидцев, наглядно показывающих как тогда всё происходило.

Кто поздравлял Гитлера правительственной телеграммой в 1939 году в связи с захватом Варшавы, а в 1940 году — Парижа? — Товарищи Сталин и Молотов поздравляли.

И, наконец, кто с лета 1940-го готовил нападение на союзную Германию?

Ответ во всех случаях один и тот же: Советский Союз во главе с «вождем коммунистической партии и советского народа товарищем Сталиным».

Всем нормальным людям понятно, что СССР был таким же агрессором, как и нацистская Германия. Именно поэтому российские историки (а также их верные «янычары» в бывших союзных республиках) бесятся, когда им приходится читать или слышать подобные обвинения. Они «с пеной у рта» в принципе отвергают любые попытки отождествления политических режимов Советского Союза и Третьего рейха, любые попытки называть СССР союзником нацистской Германии или агрессором! Даже закон приняли об уголовной ответственности за подобные утверждения. Что ж, для внутреннего употребления в России это «проходит». Но мы (автор, редактор, издатель) живем не в России, и мы не русские.

Некорректны рассуждения российских историков о тождественности партизанского движения в СССР в 1941–1944 годах (якобы «национально-освободительного») и повстанческой борьбы в Ичкерии (Чечне). В Чечне вооруженная часть народа сражалась с российскими войсками, оккупировавшими республику в 1994 году — после того, как она провозгласила независимость согласно воле абсолютного большинства ее жителей. А на оккупированных территориях Советского Союза во время войны руководство и ядро партизанских формирований составляла партийно-советская номенклатура (т.е. представители нового класса эксплуататоров), отстаивавшая интересы Москвы (т.е. России).

Вполне справедливо командующий войсками Вермахта Вальтер фон Браухич заявил осенью 1941 года: «Они (советские партизаны) борются не за свободу, а за большевизм». На народ партизанские командиры (почти все — коммунисты) и комиссары (коммунисты поголовно) «плевать хотели», они делали то, что предписывала им Москва, да еще то, что самим на ум взбредет.

Однако современные российские исследователи «поют» другую «песню». Мол, партизаны «имели моральное право» расправляться с немцами (а тем более с «предателями-коллаборационистами») без следствия и суда хотя бы потому только, что немцы таким же образом поступали с партизанами (это те самые «негры» из анекдота, которых «у вас линчуют»).

Приходится констатировать непонимание юридического аспекта проблемы. В большинстве случаев немцы имели *юридическое право* на подобные действия, а партизаны — нет, так как первые являлись *комбатантами*, тогда как партизаны — не являлись. Иначе говоря, с юридической точки зрения советские партизанские формирования и их бойцы в подавляющем большинстве случаев находились *вне закона*.

Любой гражданин СССР, взявший в руки оружие и отправившийся в лес партизанить, должен был сознавать, что с этого момента он становился субъектом международных законов, регламентирующих военные действия — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Иное дело, что в СССР в те времена фактически не существовали понятия «закон» и «законность». Их заменяло понятие «власть». Даже юристы в СССР в 1930–1940-е годы понимали дело так, что где власть — там и закон. Поскольку высшие органы советской власти издают законы, постольку любые распоряжения этих органов — законны.

Не случайно столь убогое впечатление производил на Нюрнбергском процессе генеральный прокурор СССР Роман Руденко (зачитывавший по бумажке свои обличительные речи, где каждое слово было согласовано с Кремлем) — типичный продукт «советской юридической системы»*. Своей риторикой он напоминал дешевого пропагандиста, а в области международной юриспруденции оказался просто невеждой. Его глупые нападки на Геринга привели к тому, что тот «лягнул» советскую сторону обвинением в Катынском расстреле, что едва не увело в сторону весь процесс. Удивительно, как это не выступил тогда Риббентроп, и не поведал о том, как они с Молотовым и Сталиным делили Восточную Европу, а затем продолжили в том же духе в Берлине. После этого Нюрнбергский процесс наверняка обернулся бы грандиозным скандалом!

---

* Р.А. Руденко (1907–1981) был из бедной крестьянской семьи с Украины. То есть, об интеллигентности речь не шла. Учился на юридическом факультете Киевского университета, но обучение не завершил. С 1929 г. работал в органах прокуратуры. Его становление как профессионала пришлось на время «раскулачивания», уничтожения пресловутых «национал-фашистов» и «врагов народа». — *М.П.*

Следует заявить со всей определенностью, что сами по себе цели и мотивы партизанской войны, каковы бы они ни были, не означают вседозволенности. Всякий гражданин, взявший в руки оружие в условиях военного времени, с этого момента подлежит *юридической ответственности* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не имеет значения, известно ему об этом или нет (кстати, одним из принципов советской юриспруденции был следующий: «незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение»).

В этой связи хочу напомнить читателям определение из «Военного энциклопедического словаря». Там сказано, что на партизан распространяются нормы международного права. Другое дело, что власти СССР ни до войны, ни во время войны, ни после нее не признавали это самое право как «буржуазное». А все «буржуазное» автоматически считалось «антисоветским». Чем кончилось дело — общеизвестно. СССР исчез с политической карты мира. Ныне юридическая практика постсоветских государств направлена именно на приведение принципов и норм своего законодательства в соответствие с принципами и нормами международного права*.

Когда говорят и пишут о Гаагских конвенциях 1899 и 1907 годов, то применительно к партизанам имеют в виду лишь одну из них — «О законах и обычаях сухопутной войны». Само собой разумеется, что советские (ныне российские) историки трактуют ее положения так, как им хочется.

В частности, они постоянно упоминают «статью об обмундировании», хотя в действительности такой статьи там нет. И еще то, что положения этой статьи «не отвечают реальности», то есть следовать им на практике якобы невозможно. (Напомню, что партизанские условия войны почему-то не мешали ни вооруженным силам США,

---

* Правда, гуманные законы «буржуазного Запада» чрезвычайно не по нраву российским и прочим сторонникам «сильной власти». И вот уже кое-кто из депутатов Государственной Думы России предлагает принять свой закон, по которому российское право (или бесправие, точное определение — дело вкуса) в принципе выше законодательства международного.

Хотелось спросить у этих оголтелых «путинцев»: а как они, в случае одобрения их инициативы, мыслят себе соблюдение международных соглашений?! Но захват и аннексия Крыма в феврале — марте 2014 г. дал ясный ответ: никак! Отныне российские власти намерены исполнять те, и только те подписанные ими международные соглашения, которые считают выгодными для России. В таком случае, зачем вообще заключать договоры?! Ведь любой договор — это компромисс между сторонами. — *М.П.*

ни армии Южного Вьетнама, ни партизанам Вьет Конга воевать в стандартной униформе с хорошо различимыми обозначениями государственной принадлежности и воинских званий).

А раз «не соответствуют», то, по мнению российских умников, можно без раздумий нарушать эти нормы, не опасаясь никакой ответственности. В этой связи напомню известный тезис о том, что несовершенство законов еще не означает, что их можно безнаказанно попирать. Законы создаются не для того, чтобы соответствовать человеку, а для того, чтобы человек соответствовал законам.

Рассуждения о «несоответствии международного законодательства» советской действительности отражают и выражают убожество авторов таких рассуждений. Они исходят из того, что в СССР представители органов власти всех уровней категорически не желали соблюдать те нормы своих собственных законов, которые их не устраивали*.

Советское государство создали бандиты, и суть системы власти в нем тоже была бандитской. В доказательство этого тезиса написаны и опубликованы горы книг и статей, поэтому не будем отвлекаться от нашей основной темы. Приведу всего лишь один маленький пример. Во время разговора по прямому проводу 4 сентября 1941 года между Ставкой и штабом Резервного фронта Сталин сказал Жукову следующее:

> «Вы в военнопленных не очень верьте, допросите его с *пристрастием*, а потом *расстреляйте...*»(Соколов Б.В. Красный колосс, с. 94).

Ну, и чем Сталин с Жуковым «лучше» Гитлера, Гиммлера, Кейтеля и прочих нацистских преступников?! А сами они кто? Разве не преступники? Так о каком соответствии норм международного права советским реалиям вы толкуете, господа российские историки, депутаты и политики?

Теперь о самих нормах. Некоторые лица в России совершенно серьезно утверждают, что в Гаагских конвенциях якобы содержатся

---

* В этой связи приходят на ум советские правозащитники 1960–80-х гг. Чего они добивались? Того, чтобы органы советской власти соблюдали законы, которые сами же приняли. Эти наивные люди долго не могли понять очень простую истину: законы в СССР существовали только для рядовых граждан, и только с той целью, чтобы можно было «держать их в узде», определенным образом сортировать наказания для них. Само же партийно-советское «начальство» (номенклатура) находилось за пределами права. Судьбу провинившихся решали партийные руководители, а не юристы. Юристы лишь оформляли их решения. — *М.П.*

статьи относительно действий партизан и повстанцев, а другие идут еще дальше и рассуждают о применении статей Женевских конвенций к событиям периода Второй мировой войны.

На самом деле четыре международные конвенции «О защите жертв войны» были подписаны в Женеве 12 августа 1949 года, поэтому никакого отношения ко Второй мировой войне они не имеют.

К началу мирового побоища (1 сентября 1939 г.) действовали положения 2-й Гаагской конвенции 1907 года («О законах и обычаях сухопутной войны»). В ней не было статей, регламентирующих действия партизан. Дело в том, что Гаагская конференция фактически признавала партизан вне закона. Не спешите обвинять ее участников в глупости — они знали, что делают.

Делегаты конференции не отрицали законности партизанской войны как таковой, но лишь в том случае, если ее ведут регулярные (либо причисленные к ним) воинские формирования. Партизанам было отказано в статусе законных комбатантов (они обрели этот статус лишь в 4-й Женевской конвенции 1949 года) по вполне конкретной причине.

Участники партизанского движения изначально не соответствовали требованиям, предъявляемым к воюющим сторонам, так как маскировались под гражданское население, не имели ни униформы, ни знаков различия, а оружие носили скрытно. Тем самым они вынуждали оккупационные власти любого государства и на любой территории применять репрессивные меры ко всему населению. Именно поэтому в соответствии с Гаагской конвенцией 1907 года «вольные стрелки» (франц. «franc-tireurs») не пользовались в плену правами военнопленных. Вместо того, чтобы содержать и кормить эту публику, рекомендовалось предавать ее военно-полевому суду — с неизбежным применением «пенькового галстука» в качестве радикального средства лечения от заблуждений и ошибок.

Итак, мы приходим к «крамольному» выводу: советские партизанские формирования в абсолютном большинстве случаев являлись *незаконными*. Или, другими словами, они пребывали в положении *вне закона*.

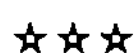
Соответственно, их действия подпадали в таком случае под уголовное законодательство — конкретно под статьи о *бандитизме* (особенно если учитывать несовпадение интересов «мстителей» с интересами местного населения). Поэтому, расстреливая или вешая партизан, немцы не совершали военного преступления. Они оставались в рамках положений Гаагской конвенции 1907 года: воору-

женные лица, находящиеся в зоне военных действий, но не обладающие статусом *комбатантов,* подлежат смертной казни без следствия и суда.

Другое дело, что немцы совершали военное преступление, расстреливая и вешая в большом количестве людей (в том числе несовершеннолетних), которых лишь *подозревали* в партизанской деятельности.

И напротив, убийства немецких военнослужащих (включая чинов полиции и полевой жандармерии) советскими партизанами во всех случаях можно квалифицировать как военные преступления, так как их совершали в отношении комбатантов лица, *пребывающие вне закона.* Вот это и есть то, чего не желают понимать и признавать российские историки (а также журналисты, политики и прочие демагоги), и о чем пишут немецкие ветераны войны в своих мемуарах*.

Коль речь зашла о том, что преступления в годы Второй мировой войны совершали партизаны и в других странах, то надо отметить, что многие из этих партизанских формирований вполне соответствовали нормам Гаагской конвенции. Например, в Китае партизанские действия против японских войск вели войска правительства Гоминьдан**, даже формирования коммунистов (заключивших в 1937 году союз с Гоминьданом) были сведены в две армии — 8-ю и 4-ю. Все они были одеты в униформу, носили знаки воинского различия. То же самое было на Филиппинах, где «партизанили» части регулярной армии, ушедшие в джунгли после оккупации островов японцами. Старались соблюдать указанное правило (ношение униформы, знаков различия) формирования Армии Краёвой в Польше.

Изначальный «железобетонный принцип», согласно которому «наши — всегда правы и неподсудны», не позволяет прокоммунистическим авторам (а также нынешним российским «державникам») отождествлять деятельность советских партизан с карательными акциями оккупационного режима.

> «Тыловое охранение партизан своевременно обнаружило преследователей. После боя с партизанами, мгновенно организовавшими

---

* Реакция советских и российских авторов на подобные высказывания немецких ветеранов однозначна — мол, «фашисты пытаются оправдать свои зверства смехотворными ссылками на международное право».

** Гоминьдан (кит. «национальная партия») — правящая партия в Китае с 1931 до 1949 года. В 1949–2000 гг. правящая партия государства Тайвань.

засаду, часть полицейских попала в плен. Оставшихся в живых партизаны заставили бегать по противопехотному минному полю, установленному в начале войны, до тех пор, пока все предатели не подорвались.

После разгрома зимой 1943 года немецко-полицейского гарнизона в одной из деревень Долосчанского сельсовета была захвачена в плен большая группа немецких солдат и полицейских. Немцев партизаны расстреляли.

После этого на трофейных санях с запряженными в них лошадьми были сколочены П-образные виселицы, на которых пленные полицейские были повешены. Лошадям под хвостами партизаны намазали горчицей. Бешено мчащийся обоз с повешенными мертвецами, в рот которых были засунуты их отрезанные половые органы, ворвался в поселок Идрица. После этого страшного террористического акта желающих добровольно вступить в полицию уже не было, а служившие там начали дезертировать или проситься в партизанские ряды» (Спириденков В.А. Лесные солдаты, с. 65–66).

Партизаны Сумского отряда занимаются мародерством — раздевают убитых немцев. (1943 г.)

Как видим, автор (В.А. Спириденков) просто в восторге от зверства «мстителей». Ему не приходит в голову мысль о том, что убийство попавшего в плен солдата, одетого в форму (равно как и чинов вспомогательной полиции) согласно положениям Гаагской конвенции 1907 года — военное преступление. «Философия» нынешних российских авторов ничем не отличается от сталинской — мол, нашим все простительно. С такой точки зрения и миллион (!) изнасилованных немок они воспринимают как мелкое хулиганство, а не военное преступление.

С пленными военнослужащими противной стороны партизаны (сами пребывавшие вне закона) обходились очень просто.

«В дневнике командира одного из отрядов соединения Сабурова описывается эпизод, когда в январе 1943 г. в плен было захвачено несколько даже не немцев, а чехословаков: «Командование соединения решило всех пленных чехословаков в силу сложившейся трудной обстановки расстрелять. Оперуполномоченный Долбин и я по-

вели трех чехов, посадили на колени, раздели, и 3-мя выстрелами из своего пистолета положили их. (...)

«Писатель Николай Шеремет, проведя 4 месяца в соединении А. Федорова, весной 1943 г. свидетельствовал о похожем поведении партизан: «Немцев партизаны до одного на месте уничтожают. Других национальностей часть убивают, а некоторых отпускают на волю, чтобы рассказал правду про партизан». (Гогун А. Коммунистический партизанский террор в Украине в годы советско-германской войны, 1941–1944 гг., с. 150).

«15 августа 1943 года Тимофей Строкач послал в Черниговское партизанское соединение им. Коцюбинского под командованием Николая Таранущенко радиограмму: «Вопрос с пленными решайте на месте, исходя из обстановки». (...)

«В июне 1944 г. бандеровское разведдонесение о соединении Шукаева так характеризовало партизан: «Немцев ненавидят прямо органично. Всех без разницы убивают. Мадьяров разоружают и отпускают домой». (...)

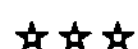
Из дневника командира отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Григория Балицкого:

«21 июля 1943 г. Немцев привели в расположение лагеря с тем, чтобы некоторые партизаны посмотрели на этих зверей. Сначала допросили всех... После всех разговоров я распределил немцев по ротам: там их били до смерти, а тогда закопали» (Гогун А., с. 151).

«Донесение СД сообщало о случае, когда двое полицаев, захваченных партизанами на Черниговщине, спустя десять дней после пленения были найдены с отрубленными руками и головами. В другой ситуации недалеко от Корюковки при нападении на поезд глава охранного персонала — жандарм — был живьем кинут в паровозную топку.

По сведениям бандеровцев, один из отрядов Сумского соединения 18 июля 1943 г. в селе Розсульная Станиславской (сейчас — Ивано-Франковской) области вступил в бой с немцами: «Во время боя попал в руки партизан немецкий капитан. Его партизаны порубили на куски и кинули в бочку местного священника» (Гогун А., с. 152).

Так что очень большой вопрос, кто в большей степени был зверьем — немцы или «мстители»?

Как уже сказано, советские партизаны с точки зрения международного права однозначно пребывали вне правового поля.

Начнем с того, что Сталин не признавал ни положений Гаагской конвенции, ни положений Международного Красного Креста (как и сам Красный Крест). Поэтому такого понятия, как воинское преступление *по отношению к врагу* в СССР не существовало вообще. Вместо этого пропагандировался общий принцип: «если враг не сдается, его уничтожают» — неважно каким способом. Но, как показывают приведенные выше конкретные примеры, уничтожали и сдавшихся врагов.

Эти важнейшие обстоятельства российские авторы намеренно опускают. Вместо того чтобы осудить зверства «своих» в отношении пленных, они предпочитают болтовню о несовершенстве норм международного права относительно военной формы для партизан. Между тем никакого «закона о форме» для партизан никогда не существовало. Есть положение о знаках отличия, или, точнее — об «определенном и явственно видимом издали отличительном знаке», но это положение Женевской конвенции 1949 года. Здесь мы подходим к сути: многие авторы толкуют о «несоответствии международных законов о партизанской войне реалиям этой самой войны», но при этом не знают положений самого законодательства.

Познакомимся хотя бы с женевскими конвенциями 1949 года.

В 4-й Женевской конвенции определены четыре обязательных условия, при которых ополченец считается комбатантом, а не уголовным преступником и на него распространяются те же права, что и на военнослужащих регулярной армии.

***Условие первое.** Ополченцы должны иметь во главе своих формирований командование, ответственное за своих подчиненных.*

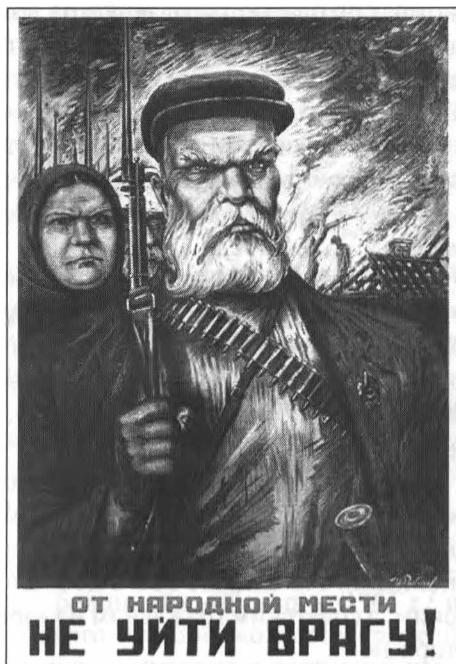
То есть, партизаны должны принадлежать к какому-либо организованному отряду, возглавляемому ответственным лицом, так как подчинение начальнику (командиру) отряда есть важнейший признак правомерности действий отряда. Данное положение фактически подразумевает то обстоятельство, что партизанский отряд (вместе со своим командиром) официально числится в списках вооруженных формирований государства. Тем самым ответственность за деятельность партизан несет государство, которому отряд принадлежит.

В случае с советскими партизанами установить связь и «поставить на учет» большинство отрядов удалось лишь во второй половине 1942 года — первой половине 1943. До этого момента отряды, с которыми не удалось наладить связь являлись незаконными вооруженными формированиями — даже с точки зрения Женевских конвенций, не говоря уже о Гаагской.

***Условие второе.** Ополченцы имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак.*

Это тот самый закон о «военной форме», муссируемый многими авторами.

«Гуманитарное право обязывает государство вести боевые действия только против комбатантов, а для этого необходимо, чтобы партизаны отличались от мирного населения. Надевая форму или отличительный знак, партизан отказывается от привилегий мирного населения и становится комбатантом. Во-первых, это дает ему право принимать участие в военных действиях, во-вторых, позволяет воюющим соблюдать нормы гуманитарного права, отличая партизан от мирного населения».

Даже на плакате у советских партизан нет отличительного знака

В этом вся соль. Отечественные историки проели плешь, доказывая, что отличительные знаки каким-то образом мешают партизанам вести боевые действия, демаскируют их. На самом деле это полная ерунда. Давно миновали те времена, когда обмундирование воина (красного, голубого или белого цвета) издалека выдавало его врагу. Ныне все обмундирование имеет маскировочную окраску, а погоны (тоже защитного цвета), небольшие по размерам эмблемы и кокарды не демаскируют бойцов. Как известно, сидящему в засаде тигру его оранжевые полосы не мешают.

Понятие «определенный и явственно видимый» относится к нормальным, естественным условиям (когда двое противников встречаются вблизи) и отнюдь не означает, что сидящий в засаде «мститель» обязан перед нападением высунуться по пояс из кустов, чтобы продемонстрировать противнику свои отличительные признаки.

Стенания многих российских авторов по этому поводу тем и вызваны, что отличительные знаки и униформа мешают партизану раствориться в гражданской среде, когда наступает время «шухера». То есть, советские партизаны предпочли бы пользоваться «правами комбатантов» лишь тогда, когда вокруг тишина да спокойствие. А вот когда враг окружает и стреляет, тогда советскому «мстителю» прав комбатанта даром не надо — спастись бы.

Условие третье. *Ополченец обязан открыто носить оружие.*

Это условие тесно связано со вторым, в годы Второй мировой войны советские партизаны фактически не соблюдали и его.

Условие четвертое. *Ополченцы обязаны соблюдать нормы и обычаи войны.*

Выполняя это условие конвенции, партизан собственно и получает право называться комбатантом. Кроме того, оно имеет своей целью пресечение попыток превращения войны в кровавую вакханалию. За несоблюдение законов войны ответственность несет не весь отряд (подразделение) огулом, а конкретное лицо (лица), нарушившее закон.

И как же обстояло дело с соблюдением этих норм советскими «мстителями»? Мы уже знаем о том, как они «соблюдали» их в отношении военнослужащих противника и чинов вспомогательной полиции. Но больше всего доставалось не немцам и не полицейским, а советским гражданам на «временно оккупированной территории».

Убийство бывших военнопленных и дезертиров в течение всей войны являлось приоритетной задачей «мстителей»:

> «Жительница села Рудня Мария Петренко вспоминала, что в их деревне ходили едва ли не легенды о судьбе бывших военнопленных: партизаны «привязывали /их/ к двум деревьям и разрывали надвое». Как говорил бывший красный партизан Василий Ермоленко, «в первый год войны партизаны расстреливали тех, кто бежал из плена и дезертировал. Замучают, а потом убьют. Воевать надо, а не бежать». (...)
>
> «Ветеран Красной Армии Иван Шарый рассказывал, что в их селе Рейментаровка (Черниговская область) партизаны из отряда Бориса Туника разрубили топором на куски кулака Даниила Ивановича (интервьюируемый, к сожалению, забыл фамилию убитого), а на следующий день такая же участь постигла и его жену» (Гогун А., с. 149)
>
> «Житель той же Рейментаровки Федор Разстольной рассказал: из-за того, что его отец был в полицаях, партизаны убили не только

его, но и его племянницу, проживавшую в селе Гуриновка. Двоюродную сестру Федора «народные мстители» убили, несмотря на то, что ее брат был лейтенантом Красной армии, а ее сын — в партизанах» (Гогун А., с. 149).

«Согласно сообщению главы 4-го управления НКГБ СССР Судоплатова 25 июня 1943 г. соединение Сабурова разгромило Давид-Городок (БССР): «Когда ночью отряд ворвался в местечко, немецкие солдаты и полиция вышли из местечка в казармы, захватив с собой оружие и боеприпасы. Все они остались невредимы. Тов. Сабуров отдал приказал дома жителей местечка разграбить, а само местечко сжечь. Бойцы тотчас же бросились по квартирам и, разграбив их, местечко сожгли» (Там же).

«Жительница села Рудня Корюковского района Черниговской области Александра Шевченко рассказывала, что ее соседу партизаны федоровского соединения «повыкалывали глаза, страшно над ним издевались». Убитый был столяром, в начале периода оккупации сделавший для партизан отряда под командованием Балабая землянки. А потом его заставили пойти в полицию, и за это его убили. Федоровцы, расстреляв в июле 1942 г. 12 человек в с. Рудня, «зубы им повыбивали. Сперва намучают, а потом убьют». (Гогун А., с. 151).

Из дневника командира отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Григория Балицкого: «29 марта /1943 г./ в штабе соединения «крестил» одного шпиона, которого привели рано утром. После моего «крещения» сбежавшиеся партизаны палками уничтожили эту сволочь, били, толкали дубинками и даже обливали кипятком...

4 апреля 1943 г. (...) Привели бургомистра, верного слугу немцев. Вечером его привели в штаб соединения, здесь его докончила партизанская рука. Били этого мерзавца кто чем мог, кроме этого поливали кипятком. Обед в штабе соединения. Пили водку, еще немного попало партизанской водки, которая имела крепость 96 градусов. Настроение после этого было исключительно хорошее».

(...) «В другом случае (...) /немецкого/ бургомистра взяли в Белоруссии — в райцентре. Так я видел, как ему кипяток за шиворот лили при допросах. Особый отдел Мельника. А потом выяснилось, что он был советским разведчиком» (Гогун А., с. 151—152).

«Июнь 1943 г.: «В Колковском районе /Ровенской области/ большевистская банда в числе 90 человек напала на село Пельче. Народ кинулся в бегство, банда ворвалась в село и грабила что попало, а всех, кто лишь попадал под руку, беспощадно убивала. В этом селе убито 35 человек» (Гогун А., с. 153).

«Август 1943 г.: «На Берестейщине (Брестская область БССР — *М.П.*) много сельского населения бежит от немцев и от красных, так как красные грабят, стреляют, и даже буквально вырезают наиболее сознательный элемент, а когда пьяные, то часто уничтожают кого попало...У кого найдут хотя бы обрывок нашей (украинских националистов — *М.П.*) литературы, тому чаще всего приходится прощаться с жизнью» (Гогун А., с. 154).

«Ноябрь 1943, северо-восток Ровенской области: «...На село Карпиловку напали ночью красные банды в большом количестве — ограбили, сожгли и убили при этом 183 наших (украинских — *М.П.*) крестьянина... Село Дерть окружили, ограбили (забрали до 300 шт. скота). Тут поймали одного крестьянина, посадили на могилу и подорвали ее.

3.XI снова напали на село Боровое, дожгли хозяйства, которые оставались немцами не сожженными (то есть, что не уничтожили при отступлении немцы, то уничтожили партизаны — *М.П.*), и убили 20 крестьян» (Там же).

«В Ляховичах тогда бандеровцев не было. А красные напали на село ночью 19 декабря 1943 года. До утра оно было почти уничтожено. Напали с южной стороны. Убивали всех, кого видели. Первыми убили Марчика Степана и его соседку — Матрену с восьмилетней дочкой, Хвесик Николая и Хвесик Матрену с десятилетней дочкой, Мельника Василия. Семью Хвесик Ивана (жену, сына, невестку и ребенка-младенца) убили и кинули в горящую хату. В общем на протяжении той кровавой ночи без вины погибло 50 человек» (Гогун А., с. 154—155).

Глава 2

«Длинная рука» советской власти

Народ мой — враг мой

Народные массы в СССР всегда являлись только средством для реализации всевозможных планов большевиков (коммунистов). Секретари подпольных райкомов и обкомов, чекисты и прочая номенклатура, возглавившая партизанские формирования, воспринимала местное население в период оккупации точно так же, как до войны — как стадо, которое можно и нужно гонять, стричь, доить, а при необходимости — резать.

Стоит ли удивляться многочисленным фактам откровенного бандитизма со стороны партизан? Ведь, как уже сказано, понятие

«закон» в СССР не существовало. По образному выражению бывшего начальника Управления НКВД по Калининской области и участника «катынской операции» Д.С. Токарева, выше указаний Политбюро для «советских» было только «седьмое небо».

И если это «7-е небо» приказало убивать «немецких пособников» (то есть тех, кто по мнению номенклатурщиков может выступить против советской власти или хотя бы не желает поддерживать ее) и «сжигать членов их семей», то можно не задумываясь осуществлять все это, так как отвечать за убийства не придется. Вместо ответа за преступления против собственного народа можно будет всегда и везде заявлять: «Я выполнял свой долг (или приказ) перед Родиной».

По такому же поводу фюрер (вождь) немецкого народа Адольф Гитлер говорил: «Я освобождаю вас от химеры совести...». Вождь советских людей Сталин по этому поводу ничего не говорил, но требовал действовать точно таким же образом.

Вот отрывок из дневника партизанского командира Василия Коржа от 18 июля 1942 года:

> «...уничтожены два солтыса и один зав. мельницей. Все три активно помогали фашистам» (см. статью «Цензоры не выпустили мемуары легендарного партизана Коржа» («Комсомольская правда в Белоруссии», № 49, 18–24 марта 2010, с. 6).

Все преступление этих несчастных заключалось в том, что их назначили старостами в деревне и заведовать мельницей. Между прочим, деревенским жителям мельница нужна в любом случае — ведь оккупация продолжалась три года. Что ж, три года жить без муки?! Но, по мнению всяких коржей, орловских, рабцевичей и прочих чекистов, крестьяне, пытавшиеся наладить нормальный деревенский быт — это гитлеровские прихвостни. Их обязательно надо убить, тем более, что они безоружны и никакого сопротивления оказать не могут. Это ведь не солдаты Вермахта, от которых чекисты всегда и везде драпали первыми.

Писатель Василь Быков правильно отметил:

> «Партизанское движение с самого начала инспирировалось и контролировалось партийными органами, засланными из-за линии фронта чекистскими кадрами, которые продолжили свою обычную довоенную деятельность. Белоруссия в этой войне оказалась между огнем и полымем: с одной стороны, жестокостью оккупационной власти, с другой — не меньшей жестокостью «народных мстителей» по отношению ко всем, кто не с ними. Национальная воля белорусов к самоопределению, точно так же, как и самовыражению, не

принималась во внимание; война с обеих сторон велась безжалостными методами средневековья без всякого милосердия к мирным жителям.

Каждый террористический акт или акт саботажа стоил белорусам сотен и тысяч жизней заложников — ни в чем не виноватых людей, которые не могли взять в руки оружие и на правах мирных обывателей жили в населенных пунктах. Сотни белорусских сел были уничтожены руками немцев только потому, что их уничтожение было спровоцировано партизанами». (По книге: Дуда А. и др. В боях за украінску державность. 1918–1941–1944. Кіів, 1995, с. 126).

☆☆☆

Некорректно утверждение о том, что «партизаны совершали преступления против *собственного* народа».

Партизаны в деревне (послевоенная «агитка»)

Во-первых, при таком подходе все народы сбивают в одну кучу. Но ведь в СССР не существовал единый «советский народ» (его только собирались создать), и, как показали репрессии во время войны против калмыков, чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев, крымских татар, далеко не все из них считались «советскими» или «своими».

Во-вторых, авторы таких утверждений намеренно не упоминают о том, что практически ни одна из так называемых «союзных республик» не вошла в состав РСФСР добровольно. В период 1918–1922 гг. были захвачены вооруженным путем Беларусь и Украина, Грузия и Армения, Азербайджан и Бухара. Страны Балтии, Запад-

ные Беларусь и Украина, Бессарабия и Буковина «советы» оккупировали в период с осени 1939 по лето 1940 года.

Туву сделали частью СССР в октябре 1944 года. При этом ее не удостоили статуса хотя бы автономной республики, назвали автономной областью (и это страну площадью 170,5 тысяч кв. км — больше Летувы, Латвии и Эстонии, вместе взятых!), но на всякий случай расстреляли всех членов правительства, все руководство здешней народно-революционной партии и всю немногочисленную интеллигенцию.

Следует уточнить тезис создателей фильма «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» о том, что партизаны боролись с последствиями немецкой оккупации. Партизаны боролись с последствиями *крушения советской власти на оккупированных территориях*. Действия «мстителей» были направлены на то, чтобы не позволить местному населению выйти из сферы влияния «нового правящего класса» — партийно-советской номенклатуры. Поэтому удары партизан сыпались на головы тех, чьи действия представляли явную или потенциальную угрозу для советской власти — не только и не столько немцев, сколько тех граждан, кто в той или иной форме сотрудничал с оккупантами, или пропагандировал «свой» национализм (поляки, украинцы, те же прибалты, отчасти и беларусы).

Причины преступлений в отношении гражданского населения были разные (в том числе сведение личных счетов, дескать, «война все спишет»). Но все же можно выделить причины, наиболее часто «детонировавшие» ситуацию.

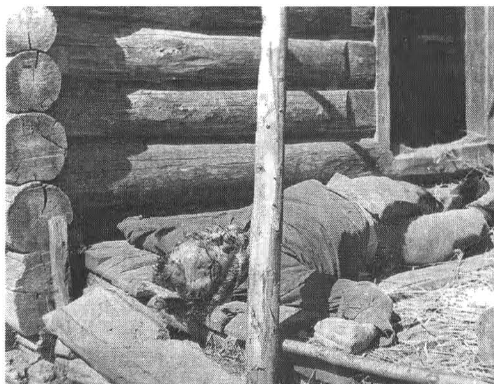
Зачистка от «нежелательного элемента»

Об этом советские и российские авторы никогда не писали, но подобные указания «сверху» имели место. Поскольку чекисты первыми бежали от войск наступавшего противника, на оккупированной территории осталось много людей, которых органы НКВД не успели ни расстрелять, ни арестовать. Таковые подлежали уничтожению.

Из книги А. Гогуна

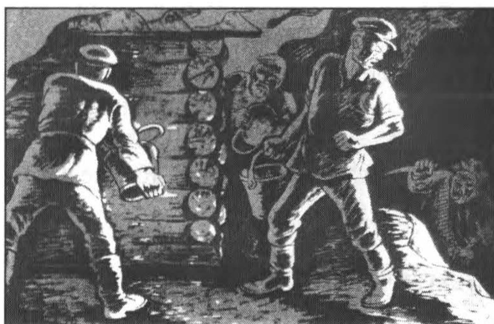
«Согласно детальному рассказу Копенкина (Иван Копенкин, командир партизанского отряда имени Буденного, до войны — оперуполномоченный Татарбурнарского райотдела НКВД Измаильской области УССР — *М.П.*), его партизаны расстреливали мирных жителей, лояльно настроенных к немцам, агентов германских спецслужб, старост, «церковников» (глубоко верующих людей или слу-

жителей религиозных культов), дезертиров из Красной Армии, а также солдат, отпущенных немцами из плена. Расстреливаемые были в возрасте от 14 лет и старше.

Деревенский житель, убитый партизанами на пороге своей хаты

Любопытно, что сам Копенкин откровенно рассказывал о том, что убивал и членов семей указанных граждан — в том числе жену, мать и дочь одного старосты (бывшего кулака) — мотивируя это тем, что они «активно распространяли антисоветские слухи» (...) Иван Копенкин получил звание Героя Советского Союза 18 мая 1942 г...» (Гогун А. Коммунистический партизанский террор в Украине в годы советско-германской войны, 1941–1944 гг., с. 148).

Антипартизанский плакат на беларуском языке

***

К слову, после возвращения советской власти в 1944 году целому ряду партизанских отрядов поручили новое важное дело — грабить местное население в интересах Красной Армии. Эту тему — откуда РККА брала продовольствие — исследователи либо обходят, либо фальсифицируют (мол, крестьяне добровольно сдавали, так сказать «радостно и с песней»).

И. Старинов в шифрограмме заместителю начальника Украинского ШПД Т. Строкачу 17 марта 1944 года сообщал:

«[В] освобожденных районах Тарнопольской области население спрятало часть скота, свиней, создав тайные склады для банд националистов, которые пока ушли в подполье, леса, на территорию, занимаемую немцами. На работы по ремонту дорог выходит незначительный процент. Есть случаи отравления, убийств, обстрелов. Чувствуется явная враждебность к нам. (...) такое же положение, видимо, и [в] Львовской области... Четвертую войну воюю, но никогда не встречал такой враждебной среды, как [в] освобожденных районах Тарнопольской области» (Сергийчук В. Десять бурных лет. Западноукраинские земли в 1944–1953 гг. Новые документы и материалы. Киев, 1998, с. 32).

Сочетание приятного с полезным (имитация боевой активности)

Воевать с вражескими солдатами было очень непросто и весьма опасно. Совсем другое дело — уничтожать мирных граждан, объявляя их «вооруженным противником» (полицаями), а деревни — вражескими гарнизонами.

Указания «Центра» требовали «уничтожения опорных пунктов противника». Но большинство партизанских командиров интерпретировали их по-своему. Вместо опорного пункта в деревне N они уничтожали саму деревню N. Ведь приказ не уточнял деталей. «Атаковать селение N» (подразумевая противника в нем)? Так мы и атакуем селение N! Постреляем местных, сожжем хаты и отрапортуем в ЦШПД об «успешной реализации замысла». Своих-то безоружных в тысячу раз легче убивать, чем чужих вооруженных!

Бойня в Старой Рафаловке

Жуткие преступления совершили советские партизаны на Украине в селе Старая Рафаловка.

«Приведем рассказ Раисы Сидорчук, жительницы села Старая Рафаловка Владимерецкого района Ровенской области. Речь идет об уничтожении этого села отрядом Разведуправления Генштаба Красной Армии 13 октября 1943 года в разгар войны между бандеровцами и коммунистами. Но репрессии партизан против населения начались еще до создания УПА.

"Немцы наш городок огибали. Они в Новой Рафаловке, это километров за 15 от нас, стояли. А в лесах вокруг Старой Рафаловки вскоре зашевелились красные партизаны... Часто наведывались в

наш городок. Называли себя партизанами "Дяди Пети" (полковника А. Бринского — *М.П.*)...

Началось с того, что партизаны "Дяди Пети" взялись "вершить суд" над семьями, ребята из которых и оказались в шуцманах. Тогда и по этой причине совершили дикую расправу над семьей Пасевичей. В ней, кроме старших, было двое девчат, и ребята — Николай, Дмитрий и Леонид, который служил в шуцманах. Николая спасло то, что ушел в тот вечер из дома. Ему после войны дали за брата 10 лет (в СССР лицемерно заявляли, что "сын за отца не отвечает" — *М.П.*). А старшего Пасевича убили сразу. Потом, на глазах у матери, изнасиловали старшую дочь, Лизу. И всех постреляли. В старую Пасевичиху, Палажку, в мать то есть, которая на все это должна была смотреть, всадили под конец три пули. Но судьба распорядилась так, что Пасевичиха как-то выжила и прожила еще лет 20...

Также расправились они и с семьей Яновицкой Марии, у которой только младший парень остался, и с семьей Паламарчуков... Всего детей в семье было семеро. Сыновья Иван (он в шуцманы пошел), Андрей, Георгий и дочери Надя, Клава, Юля, Вера... Всех Паламарчуков, кроме Ивана и Георгия, которых партизаны не застали дома, поставили на колени и расстреляли. С Надей расправились в особенности жестоко, ее изнасиловали, выкручивали руки, истязали. Клаву тоже, прежде чем убить, изнасиловали.

А рядом с этим велись и обычные грабежи. Не дай чего партизанам, — жизнь отдашь. У старика Лазаря, жил такой в городке, семья была большая, — штаны из корта забирали. А он: "Не дам, это мне на смерть". Выстрелил какой-то злодей: "Вот тебе, дед, смерть". Я для себя перешила пальто покойной матери. Пришли. "Отдай!" — говорят. Прошу: "Оно ж одно у меня, последняя одежка!" Но напрасно было умолять...

В 1943-м пришли в Старую Рафаловку бандеровцы. Много. Какое-то подразделение УПА... Мы встревожились, так как кто его знал, зачем и что от них ожидать. Но никого, видим, не трогают. Даже в дома не заходят... Потом оставили из своих 16 человек гарнизон, да и ушли куда-то...Как-то рано утром разжигаю печку, слышу, будто выстрел где-то. Потом родителей вопль: "Убегайте, прячьтесь на пасеке!" А стрельба уже со всех сторон. И горит уже. Мы спрятались, а Галя (соседская девочка — *Авт.*) нет. И дяди моего нет, он еще раньше пошел к хлеву скот пасти. Отец мне говорит: "Выгляни, может где-то здесь". Я вылезла: Галя, вижу, бежит. Корзиночку впереди себя с котятами несет. Я ей: "Сюда!" А она машет руками: «Подожди, сейчас!» Ошалевшая со страха. Понесла котят к хлеву. А через некоторое время оттуда такой вопль ужасный, что не передать.

Когда все уже успокоилось, узнали: это петровцы окружили Старую Рафаловку и повели “бой с бандеровцами”. Бандеровцев убили нескольких, а городок наш, считай, полностью уничтожили. И людей ни в чем не виноватых убили, не скажу даже сколько. Галю живьем в огонь бросили. Обгорелый труп дяди нашли мы около хлева. А на дворе и возле дома, — тоже сгоревших, — еще шесть трупов тех, кто искал себе, где мог, спасения.

В нашем хозяйстве уцелел только погреб. В нем обнаружили Олежку (соседского ребенка — *Авт.*). Был в новеньких, бабкой шитых башмачках и с распоротым штыком животиком. Мать его в другом месте пряталась. Спаслась. Сказали ей про сына. Прибежала, забрала. Как сейчас вижу, несет в охапку Олежку, кишки у него из живота выпали, волочатся по дороге, путаются к матери под ногами. Она же и не замечает ничего, ум от горя утратила. Такого Старая Рафаловка за все свое существование не знала.

А красные согнали всех, кто уцелел и на глаза попался, разгребать насыпанный бандеровцами курган (памятник погибшим за независимость — *Авт.*). Не разрешили даже лопат взять. Должны были голыми руками, пусть и кровь из-под ногтей, разгребать, хоть зубьями грызть и горстями разносить, пока ровным то место не стало. Потом всех, кто разгребал, расстреляли... Петровцы знали, в какой хате чем можно поживиться, как и то, что основные силы УПА под командованием “Верного” тогда ее оставили, и, поэтому, можно было показать свой “героизм”»...

Отмечу, что полковнику Антону Бринскому (“Дяде Пете”) присвоили звание Героя Советского Союза 4 февраля 1944 года — через два с половиной месяца после того, как его партизаны разгромили Старую Рафаловку» (Гогун А., с. 156–157).

Антон Бринский (1906–1981), командир партизан, убивших жителей села Старая Рафаловка

Отметим попутно, что А.П. Бринский включен в «Энциклопедию истории Беларуси» как «один из организаторов и руководителей партизанского движения на Беларуси в годы Великой Отечественной войны» и «писатель» (том 2, с. 83).

Напрасно искать в его сочинениях рассказ о зверских убийствах

женщин и детей в Старой Рафаловке. Нет там такого. В своих сочинениях он рассказывает о любви к «девчонке из Марьиной рощи», о своих «боевых спутниках» и «друзьях-товарищах» (таких же бандитах), о «героических действиях» против «фрицев, засевших в хорошо укрепленных опорных пунктах» (наподобие Старой Рафаловки)...

Береснёвка — партизанские Куропаты

«Уважаемая «Народная Воля!»

Каждый раз, когда речь заходит о массовых репрессиях 30–50-х годов прошлого века, символом которых стали у нас, в Беларуси, Куропаты, находятся люди, которые если и не отрицают эти преступления, то говорят примерно так: зачем, мол, тревожить эту рану, уже все известно, надо сплотиться для будущего. А как же без достоверного знания того, что было в прошлом, «сплачиваться» для будущего?

Сам я житель Бегомля, провожу свое расследование событий, которые происходили в этих местах до войны, во время войны и после войны.

Для нашей семьи эти события начались в январе 1929 года, когда арестовали двух старших братьев моего отца — Михаила и Александра Глазко. Отвезли на хутор в Пострежье, заперли в сарай, а через неделю, придушенных холодом и голодом, доставили в Витебск, где 10 апреля военный трибунал приговорил их к 10 годам каждого за... шпионаж.

Дальнейшие подробности пока опущу. Скажу только, что деревню, где с начала войны жили дядька Михалка и семья его сына Виктора и где одно время базировались партизаны, 9 июля 1942 года сожгли каратели. Людей, правда, не тронули...

19 декабря 1942 года партизаны снова заняли Бегомль. И тут же составили списки так называемых неблагонадежных. В эти списки попали те, к кому немцы в хату заходили, кто в прошлом «нарушал» советские законы и т.п. Попали в список и дядька Михалка и его сын Виктор.

На второй день Коляд, 8 января (1943 г. — *М.П.*), партизаны подъехали к дому, где жил дядька Михалка: «Иди-ка сюда, садись». Завезли под деревню Бересневку, в ельничек: «Слазь!» Дядька Михалка перекрестился, встал. Знал уже, что последняя дорога. Вдруг — летит возок. Подъезжает человек из Домжериц, Вашкевич Иван, друг Манковича (С.С. Манкович, секретарь Бегомльского райкома партии, считающийся создателем крупнейшей в районе партизанской бригады «Железняк», сперва ее командир, позже — комиссар,

Герой Советского Союза — *Авт.*). Этот Иван сильно ненавидел дядьку Михалку. Как наших арестовали, он, Вашкевич, забрал себе дом Владимира, младшего брата дядьки Михалки.

И вот дядька Михалка потопал по снегу, шапка такая старенькая, валенки старенькие — ну где ж ему, знаете, было после лагеря новые справить... А Иван Вашкевич взял у одного из партизан винтовку и сам ему в спину выстрелил. Такая была ненависть.

...Сын дядьки Михалки, Виктор, поехал в Бересневку на Коляды в гости. Партизаны — за ним. И повезли в то самое место, чтобы расстрелять.

Около леса их догнала сестра Виктора, Ксения, которая ехала следом. А из соседней деревни уже летела полная ужаса Надежда Глазко. По дороге ехали и другие люди из Бересневки — за сеном. Подняли крик: «А что вы делаете! Немцы убивали, а теперь вы убиваете!»...Тогда партизаны посадили Виктора в сани и привезли в штаб Манковича. Он на них: «Почему не расстреляли?» А Виктор с Манковичем — земляки, вместе служили в армии в 1922 году, кровати вместе стояли. Через двери было слышно, как Манкович говорил Виктору: «Я ошибался в тебе. Почему ты живешь со шпионом?» «Это же мой отец, какой же он шпион?» — спросил Виктор. Грохнул выстрел.

А жене Виктора Насте уже сказали, что Виктора забрали... Вломилась туда, упала на мужа: «Ай, мой родненький!!» А Манкович подошел — и ей в голову выстрелил. Потом сказал: везите в Березино (это родина Манковича, в 20 километрах от Бегомля) и повесьте там на дереве.

Привезли. Собрались люди: «Кого же будут казнить, что такое?» Их тела выбросили из возка, один партизан, проходимец этакий, начал веревку вешать на березе. А люди как закричали! Они увидели, что это Виктор. Знакомые, даже родственники были. Так партизаны трупы снова в возок за руки-ноги швырнули и куда-то увезли. Где их косточки, никто не знает.

В тот день расстреляли более 60 человек. Спецгруппы выезжали в деревни и истребляли людей семьями. Не щадили даже младенцев и детей. А потом пять дней не разрешали забирать тела для погребения»...

Константин Гайдук (г.п. Бегомль Витебской области)
(«Наша Ніва», 12 мая 2010, с. 8–9).

Вряд ли Манкович действовал по собственному почину — личных счетов с пострадавшим семейством у него, в отличие от Вашкевича, не было. Судя по всему, он получил указание «ликвидировать» в своем районе всех «нежелательных», в категорию коих попал и «явный

враг народа» — дядька Михалка, и «вероятный враг» — его сын Виктор, а также «пособник» в лице жены Виктора (за время войны партизаны убили практически всех родственников К. Гайдука).

Что же касается хладнокровия, с которым будущий Герой Советского Союза застрелил своего бывшего сослуживца и его жену, то не стоит забывать, что партизанский комиссар — всего лишь бездушный винтик бездушной машины. Он был готов к выполнению ЛЮБЫХ приказов «сверху», ибо только таким способом мог сам забраться на этот «верх» по номенклатурной лестнице. У советских «партийцев» верность партии всегда тесно переплеталась с собственным шкурным интересом (почти все они были выходцами из низов, вспомним рассуждения И.Л. Солоневича об «активе»), различать эти две ипостаси (где верность партии, где — собственный интерес) практически невозможно.

В заключение — несколько слов о жизненном пути этого «активиста», палача своего народа.

Степан Манкович (1903–1978) был родом из местечка Березино Борисовского района Минской области. Получил начальное образование. С 1929 года занимал ряд руководящих должностей в Бегомльском районе (т.е. этот малограмотный «кадр» принадлежал к номенклатуре районного уровня). В 1939 году стал секретарем Бегомльского райкома КПБ. В 1941 году эвакуироваться не смог, где-то скрывался. В марте 1942 года подался в партизаны. Уже в апреле его назначили комиссаром отряда «Железняк», а с августа — еще и секретарем подпольного райкома партии. В 1944 году получил звание Героя Советского Союза за «организацию и руководство патриотического подполья и партизанского движения на территории Минской области». В 1944–1946 гг. «ценный кадр» обучался в Высшей партийной школе в Москве. Далее едва ли не до конца жизни находился на советской и партийной работе. В честь Манковича названа улица в Бегомле и школа в поселке Березино.

Дражно

Отряд Израиля Лапидуса из бригады Сергея Иванова 14 апреля 1943 года атаковал деревню Дражно (в Стародорожском районе). Это было уже второе нападение на деревню, первое состоялось в январе. Разгромить крестьянский отряд самообороны партизаны тогда не смогли.

Не удалось партизанам покончить с этим отрядом и в апреле. Но в этот раз они сожгли околицу деревни — Застенок (37 домов), убив при этом 25 жителей (10 мужчин, 15 женщин и детей), которых в от-

чете назвали «полицаями», увеличив число убитых «предателей» до 234 (более чем в девять раз).

Через 60 лет после трагедии минский литератор Виктор Хурсик издал за свой счет малым тиражом (150 экземпляров) небольшую книгу «Кровь и пепел Дражно». Однако, несмотря на сенсационное содержание, она осталась тогда почти незамеченной. Только минский журнал «Абажур» в № 5 за 2008 год напечатал интервью с Хурсиком, посвященное этой истории. Вот отрывки из указанного интервью:

> «Нелицеприятную историю, в которой партизаны предстают преступниками, Виктор Хурсик не считает журналистской сенсацией.
>
> — Да разве об этих фактах знаю только я?! В любой деревне вам расскажут шепотом, как партизаны грабили, расстреливали за одежду, еду или просто так, как кутили и насиловали. Многие факты зафиксированы работниками особых отделов партизанских отрядов и бригад, хранятся в архивах. Моя роль в этой истории — транслятор. Я просто озвучил факты, которые достаточно хорошо известны. Единственное, что выглядит сенсационно в нынешних условиях в

Горит беларуская деревня

Беларуси, — вопреки официальной точке зрения на партизанское движение, вдруг появился иной взгляд. (...)

В Беларуси, говорит Виктор, все еще делят жертв войны на «правильных и «неправильных».

— Пожалуй, все народы Европы, кроме белорусов, прошли путь национального примирения после Второй мировой войны. В странах, переживших ту войну, нет деления комбатантов — людей, которые держали в руках оружие, — на своих и чужих. Это мы видим на примере России, Украины, не говоря уже о Прибалтике и Западной Европе.

Беларусь этот путь еще не прошла. Мы так и не вникли в суть причин, заставлявших белорусов убивать друг друга. Мы очень далеки от того, чтобы поставить памятник безымянной крестьянке, у которой муж воевал на фронте, а партизаны грабили подворье. Это в деревне Хозянинки Пуховичского района командир отряда Писарчик расстрелял мать и ее малолетних детей за то, что истерзанная поборами женщина не выдержала... (...)

— О ситуации в Беларуси во время той войны нужно говорить с позиции правды. Иначе мы и далее будем оставаться в плену бумажных партизанских приписок и очковтирательства. Сегодня очевидно, что белорусы вели тогда гражданскую войну. Зачастую и партизаны, и полицейские сводили личные счеты, вели разборки за причиненные обиды, не нанося значительного урона противоборствующим армиям. (...)

Израиль Лапидус, командир отряда имени Кутузова, расправившегося с жителями Застенка, околицы Дражно

— Нельзя отрицать: многие партизаны-белорусы храбро сражались тогда за свободу Советского Союза. Но при этом допускались преступления против мирного населения (не допускались, а совершались в массовом порядке! — *М.П.*). И не только в Дражно. Такая же трагедия произошла в деревне Староселье Белыничского района, в Налибоках и других местах.

После появления публикаций о Дражно Виктору Хурсику звонят люди. Хотят выговориться. Рассказывают новые истории о злодеяниях партизан. Выходит, общество уже готово по-иному взглянуть на свое прошлое?

— Да, эта тема стала востребованной. У людей сохранились воспоминания о расстрелах, сожжениях, мародерстве «народных защитников». До сих пор люди боя-

лись это обсуждать, — подчеркивает журналист. — Факты преступлений нельзя замалчивать. (...)

— С другой стороны, есть единственный стойкий брэнд Беларуси как республики-партизанки. Тогда мы рискуем его лишиться...

— Мы действительно пострадали в той войне больше всех. Но давайте спросим сами себя: только ли от немецко-фашистских захватчиков? Мы ведь истязали, истребляли сами себя с невероятной жестокостью. Какая нация может этим гордиться?

Если сосчитать количество убитых партизанами врагов и число партизан и мирных жителей, убитых фашистами, то цифры получатся несопоставимые*. До конца 1942 года партизанской войны на территории Беларуси практически не велось. Лишь в 1943 году Сталин в ответ на болтологию Пономаренко о героизме в тылу врага начал требовать конкретных результатов. Вот тогда и стали засылать в Беларусь спецотряды из-за линии фронта, чтобы вывести ситуацию в республике из состояния равновесия. Вывели. Вплоть до ненависти друг к другу. (...)

Злодеяние партизан в Дражно отказываются признавать на официальном уровне. Но и после громкого резонанса в обществе никто не привел веских аргументов в оправдание «народных мстителей». Никто не взялся опровергать факты, изложенные в книге Виктора Хурсика «Кроў і попел Дражна».

Но вскоре по всей Беларуси буквально прогремела статья Е. Волошина «Злодеяния партизан», опубликованная в газете «Комсомольская правда в Белоруссии».

Злодеяния партизан
(Евгений Волошин, «Комсомольская правда в Белоруссии»)

Советская история идеализировала образ «народного мстителя», и говорить о его проступках было немыслимо. Только через шесть десятков лет уцелевшие жители белорусской деревни Дражно Стародорожского района решились рассказать о страшных событиях, пережитых ими в 1943 году. Их истории собрал в своей книге «Кроў і попел Дражна» белорусский краевед Виктор Хурсик. Показания уцелевших дражненцев автор подтверждает документами из Национального архива Республики Беларусь.

Один из выживших свидетелей сожжения деревни Николай Иванович Петровский после войны переехал жить в Минск, где до пен-

* В качестве примера приведу цитату из книги Василия Яковенко: «В Слонимском округе, например, за восемь месяцев 1942 года партизаны уничтожили 111 немцев и 36 полицейских. А своих мирных жителей в 5,5 раз больше — 823 человека!» (См.: Якавенка В. Пакутны век, с. 479. — *М.П.)*

сии проработал электриком на госпредприятии. Сегодня ветерану 79 лет, он тяжело болен.

— Наверное, в последний раз навещаю Дражно, — медленно, нахмурившись, говорил Николай Иванович, когда мы въезжали в деревню. — Больше шестидесяти лет я каждый день вспоминаю тот ужас, каждый день. И хочу, чтобы люди узнали правду. Ведь партизаны, которые убили своих земляков, так и остались героями. Эта трагедия страшнее Хатыни.

«Выстрелы разбудили нас около четырех утра»

— Когда в 1941 году пришли фашисты, полицейский гарнизон, на нашу беду, сформировали в Дражно. Полицаи, а их было 79 человек, обустроились в школе, которую огородили дзотами. Место это было стратегическим. Деревня стояла на пересечении дорог, на возвышенности. Полицаи могли идеально простреливать местность, да и леса стояли далеко — в трех километрах от Дражно.

Еще до прихода немцев мой отец, председатель сельпо, член партии, успел уйти в лес вместе с председателем колхоза и майором Красной армии. И вовремя. Полицаи начали зверствовать: арестовали ветврача Шаплыко и расстреляли. Охотились и за моим отцом. Ему устроили засаду возле дома.

Всю нашу семью — меня, маму, трех братьев и сестру Катю почти голыми погнали в колхозное гумно. Отца пытали на наших глазах, били, заставили копать могилу. Но почему-то не расстреляли и через несколько дней отправили в концлагерь, — Николай Иванович старается говорить сухо, без эмоций. Но, кажется, старик вот-вот сорвется.

— Так мы и жили: без отца, с ненавистью к оккупантам, ждали освобождения, — продолжает Николай Иванович. — И вот в январе 1943 года партизаны провели операцию по захвату полицейского гарнизона.

Сегодня ясно, что операция была спланирована бездарно, партизаны атаковали в лоб, почти всех их положили из пулемета. Сельчан заставили хоронить убитых. Помню, как мама переживала, плакала. Ведь партизан мы считали нашей надеждой...

Но через несколько месяцев эти «защитники» учинили невиданное зверство! — Старик на минуту остановился, окинул взглядом деревню, долго смотрел в сторону леса.

— Выстрелы разбудили нас около четырех утра 14 апреля 1943 года.

Мама кричала: «Дзеткі, гарым!» Голые выскочили на двор, смотрим: все хаты горят, стрельба, крики...

Мы побежали спасаться на огород, а мама вернулась в дом, хотела что-то вынести. Соломенная крыша хаты к тому времени уже пылала. Я лежал, не двигался, долго не возвращалась мама. Повернулся, а ее человек десять, даже женщины, колют штыками, кричат: «Получай, сволочь фашистская!» Видел, как ей перерезали горло. — Старик снова сделал паузу, его глаза были опустошены, казалось, Николай Иванович снова переживал те ужасные минуты.

— Катя, сестра моя, вскочила, просила: «Не стреляйте!», достала комсомольский билет. До войны она была пионервожатой, убежденной коммунисткой. Билет и партийное удостоверение отца во время оккупации зашила в пальто и носила с собой. Но высокий партизан, в кожаных сапогах, обмундировании начал целиться в Катю. Я закричал: «Дзядзечка, не забівайце маю сястру!» Но раздался выстрел. Пальто сестры вмиг набрякло кровью. Она умерла на моих руках. Я навсегда запомнил лицо убийцы.

Помню, как я отползал. Смотрю, соседку Феклу Субцельную вместе с малюткой-дочкой три партизана живьем бросили в огонь. Свою кроху тетка Фекла держала на руках. Дальше, у дверей пылающей хаты, лежала старушка Гриневичиха, обгоревшая, в крови...

— Как же вы уцелели? — спрашиваю у почти рыдающего старика.

— Огородами мы с братьями доползли до дядьки. Дом его сожгли, а он чудом выжил. Выкопали землянку, в ней и жили.

Позже мы узнали, что ни одного полицая партизаны не застрелили. Дома, которые находились за их укреплениями, тоже уцелели. В деревню приехали гитлеровцы, оказали пострадавшим медицинскую помощь, кого-то отвезли в госпиталь, в Старые Дороги.

В 1944 году уже полицаи начали издеваться, отправили меня и еще нескольких подростков на работы в концлагерь города Униген, под Штутгард. Нас освободили американские военные.

После войны я узнал, что непосредственно сжигали и убивали дражненцев партизаны из отряда имени Кутузова, которым командовал Израиль Лапидус. Другие отряды из бригады Иванова «кутузовцев» прикрывали. Я нашел Лапидуса, когда мне было 18 лет. Он жил в Минске, в районе Комаровки, работал в обкоме партии. Лапидус спустил на меня собак... Знаю, что этот человек прожил неплохую жизнь, так и умер героем.

На дражненском кладбище похоронены убитые 14 апреля 1943 года жители. Некоторые семьи в то роковое утро партизаны уничтожили полностью.

Не жалели даже семьи фронтовиков

Сегодня Дражно — благополучная деревня, с хорошей дорогой, старенькими, но ухоженными домиками.

У деревенского продовольственного магазина мы встретились с другими живыми свидетелями партизанского преступления. До дома Евы Мефодьевны Сироты (сегодня бабушке идет 86-й год) партизаны не добрались.

— Деточки, не дай Бог кому-нибудь узнать ту войну, — хваталась за голову Ева Мефодьевна. — Мы выжили, а мою подругу Катю застрелили, хоть кричала: «Я своя!» Застрелили невестку и свекровь, их маленького мальчика бросили умирать. А ведь отец их семейства воевал на фронте.

— Люди хавались в ямах из-под картошки, так одну семью прямо там и расстреляли, не пожалели, — с отчаянием говорил 80-летний Владимир Апанасевич. Дедушка не выдержал и разрыдался. — Меня судьба спасла, а ведь некоторых подростков партизаны специально отводили за полкилометра в поле и расстреливали.

Александр Апанасевич, сын дедушки Владимира, показал паспорт убитой партизанами Валентины Шамко. На фотографии — девочка, милая, с наивным взглядом, беззащитная.

— Это моя тетя. Мама рассказывала, что ей стреляли в голову, — с недоумением в голосе рассказывает дядька Александр. — Мама хранила простреленную косынку Валентины, но сейчас найти ее я не могу.

Комбриг Иванов: «...бой прошел очень удачно»

А комбриг Иванов в докладе начальству подвел итог боевой операции в Дражно так (из дела № 42 фонда 4057 Национального архива РБ, целиком сохраняем авторский стиль):

«...бой прошел очень удачно. Свою задачу выполнили, гарнизон разгромлен полностью, за исключением 5 дзотов, в которые войти не удалось, остальная полиция уничтожена, убитыми и задохнувшимися от дыма насчитывается до 217 сволочей»... (цифру он взял с потолка. — *М.П*)

За эту «операцию» многие партизаны были представлены к наградам.

Если бы дражненцы не рассказали о трагедии далеких дней Виктору Хурсику, о сожжении белорусской деревни партизанами никто никогда бы не узнал.

Виктор Хурсик: «Партизаны хотели выдать мирных жителей за полицаев»

— Виктор, некоторые люди пытаются оспорить содержание вашей книги...

— Видимо, это делать поздно. Мне известно, что, когда вышла книга, Министерство информации отправило ее на закрытую ре-

цензию авторитетным специалистам. Ученые пришли к выводу, что факты, которые я привожу в книге, соответствуют реальности. (...) У меня была одна цель — поиск истины. К политике книга «Кроў і попел Дражна» никакого отношения не имеет.

— Как вы узнали о сожжении деревни?

— Ко мне решились обратиться сами дражненцы. Сначала я не поверил, что партизаны могли сжечь деревню с мирными жителями. Проверял и перепроверял. Копался в архивах, не раз встречался с жителями Дражно. Когда я осознал глубину трагедии, то понял, что необходимо говорить не только о геройстве, но и о преступлениях партизан, а они были.

— В книге много документальных компроматов на партизан, откуда?

— В каждом отряде был чекист. Он старательно фиксировал все случаи нарушений дисциплины, доносил об этом вышестоящему начальству.

(...) случаи преступлений против мирного населения были и не только в Дражно. Такая же трагедия произошла в деревне Староселье Могилевской области, в других регионах. Сегодня необходимо ставить вопрос о том, чтобы государство установило памятники на местах трагедий.

— А какова судьба командира 2-й минской партизанской бригады Иванова?

— Руководить бригадой Иванова направили из штаба партизанского движения. Из документов понятно, что из-за его неопытности погиб не один партизан. Тех, кто от-

Виктор Хурсик возле креста, установленного на месте бывшей околицы Застенок

казывался идти в глупые атаки, он лично расстреливал. По сведениям, полученным от бывших ответственных работников Пуховичского райкома КПБ, он покончил жизнь самоубийством.

— И все-таки в голове не укладывается, почему партизаны пошли на такое жуткое преступление?

— До 1943 года они практически не воевали, отсиживались в лесах. Полицаи и партизаны жили относительно мирно, только под давлением сверху случались стычки. Но в 1943 году Сталин начал требовать конкретных результатов. Взять полицейский гарнизон в Дражно Иванову не хватило таланта. Тогда командование бригады пошло преступным путем. Решили сжечь деревню, убить местных жителей и выдать их за полицаев.

«За отрядом Кутузова мародерских поступков очень много»

Виктор Хурсик включил в свою книгу свидетельства еще нескольких выживших жертв сожжения Дражно. Этих людей уже нет в живых. Приводим отрывки из книги «Кроў і попел Дражна».

Докладная записка начальника особого отдела НКВД Безуглова «О политико-моральном состоянии 2-й минской партизанской бригады»:

«...Возвращаясь обратно, заехали (партизаны. — *М.П.*) к Гуриновичу М., выдрали еще 7 семей пчел, сломали замок, влезли в хату, забрали все вещи, вплоть до чугуна, забрали также 4 овечки, 2 свиней и прочее. Данным мародерским поступком возмущено все население и требует от командования защиты. За отрядом Кутузова мародерских поступков очень много, поэтому требуется по данному вопросу принять меры в самом жестком порядке...»

Об одном письме

Доктор исторических наук Эммануил Иоффе в свое время обратился в редакцию газеты «Комсомольская правда в Белоруссии» с письмом по поводу книжки В. Хурсика и статьи Е. Волошина. Письмо не было опубликовано, и тогда автор разместил его в интернете. Познакомимся с аргументами доктора исторических наук.

«В интервью с Е. Волошиным один из выживших свидетелей сожжения деревни Николай Иванович Петровский говорит: «Когда в 1941 году пришли фашисты, полицейский гарнизон, на нашу беду, сформировали в Дражно полицаи, а их было 79 человек, обустроились в школе, которую огородили дзотами. Место это было стратегическим, деревня стояла на пересечении дорог, на возвышенности, полицаи могли идеально простреливать местность, да и леса стояли далеко — в трех километрах от Дражно».

Н.И. Петровский ошибается. Полицейских было значительно больше, не говоря уже о том, что подавляющее большинство из них были местными жителями. В деревне Дражно в годы войны располагался один из самых мощных, самых сильных полицейских гарнизонов на территории Беларуси.

В 1961–1964 гг., работая учителем истории в Стародорожском районе, недалеко от этой деревни, я неоднократно бывал в Дражно и помню, что во время бесед некоторые жители этой деревни вспоминали годы войны и обилие полицаев, в большинстве местных жителей.

Типичный пример. Кандидат исторических наук Константин Ильич Доморад в годы войны был заместителем командира Борисовско-Бегомльского партизанского соединения. После войны он стал профессиональным историком, кандидатом исторических наук, автором ряда книг о партизанском движении в Минской области. В книге «Памяць, Старадарожскі раен» (1998) опубликована его статья «Фронт в тылу врага». В ней К.И. Доморад писал:

«На перекрестке гравийных и проселочных дорог около дер. Дражно оккупационные власти создали крупный гарнизон для борьбы с партизанами. Он контролировал окрестные деревни, подходы к Старым Дорогам и Варшавскому шоссе. В составе гарнизона были полицейские, солдаты «добровольных» формирований, немецкой жандармерии, охранных и эсэсовских частей. Он насчитывал 365 человек. Имел на вооружении 4 станковых пулемета, винтовки, артиллерию и размещался в 36 дзотах и блиндажах, которые были соединены между собой подземными ходами».

Мой комментарий:

Это называется — врет, не моргнув глазом. Упоминает пять различных видов формирований, в том числе вездесущих «эсэсовцев». Не было такого! Если стояла где-нибудь рота или взвод из состава охранной дивизии, то уж никаких эсэсовцев там быть не могло. Да еще и артиллерию приплел! Суть дела иная: в этой злосчастной деревне имелся отряд самообороны от партизан — 78 или 79 местных жителей. Если учесть, что партизаны сплошь и рядом называли «гарнизонами» деревни, где оккупантов представляли староста (солтыс) и пара полицаев из числа местных жителей, то Дражненский отряд почти в 80 человек однозначно казался им «крупным гарнизоном» во главе с «эсэсовцами».

Иоффе продолжает:

«Теперь о бригаде, осуществившей разгром полицейского гарнизона в Дражно. Это 2-я Минская партизанская бригада, действовав-

шая в Пуховичском, Минском, Стародорожском и Руденском районах. Она была создана путем объединения отрядов «Сокол» Н. Теренника (позже имени Суворова), имени Чапаева, имени Кутузова, имени Калинина.

Командиром бригады в сентябре 1942 — июне 1943 г. был Сергей Иванов, комиссаром — Алексей Михайлов, начальником штаба — Иван Тищенко. (...)

Хурсик утверждал, что «командование бригады (2-й Минской — Э.И) пошло преступным путем — решили сжечь деревню, убить местных жителей и выдать их за полицаев».

Вот фрагмент отчета (в июле 1944 г.) Хачика Матевосяна, с мая 1943 г. командира отряда имени Чапаева 2-й Минской бригады, где он пишет о разгроме 2-й Минской бригады полицейского гарнизона в д. Дражно Стародорожского района 13-14 апреля 1943 г.:

«...2-я Минская бригада, в составе которой был тогда отряд им. Чапаева, была расположена в деревнях Стародорожского и Гресского районов. Противник имел густо разветвленную сеть своих гарнизонов, из которых по своей свирепости в расправе над мирным населением выделялся гарнизон, расположенный в Дражно — большом селе Стародорожского района. Гарнизон имел около 400 полицейских и «добровольцев». Команда, как и в других немецких гарнизонах, была безусловно немецкая. Штаб 2-й Минской бригады через свою агентуру узнал, что минометы дражненского гарнизона вывезены в другой гарнизон. Перед бригадой встала задача разгромить гарнизон в Дражно и уничтожить укрепленные точки гарнизона.

13 апреля 1943 г. командование бригады поставило перед отрядом им. Чапаева задачу двигаться в район Дражно и 14 апреля в 5.00 занять исходные позиции между дер. Залужье и дорогой, идущей из Дражно на северо-восток. Отряд им. Чапаева получил приказ громить доты и дзоты противника, расположенные с восточной стороны гарнизона. Бой длился 3 часа. Операции отряда им. Чапаева по уничтожению дзотов протекали в тесном взаимодействии с другими отрядами бригады. Отряд выполнил поставленную задачу: разгромил дзоты и проник на улицы гарнизона. Ввиду того, что засевшие полицейские вели огонь из домов, были подожжены эти дома, В 9.00 по условленному сигналу (ракете) отряды бригады начали отход...

Сожжены здания, где находились полицейские, уничтожены в основном доты... Потери отряда убитыми и ранеными — 13 чел.

Командир бригады им. Чапаева ст. лейтенант Матевосян.

Нач. штаба бригады капитан Цветков».

Таким образом, делает вывод Иоффе, все здания и постройки, сожженные партизанами во время разгрома полицейского гарнизона в деревне Дражно 14 апреля 1943 года, это дома полицейских, проживавших в этой деревне.

Комментарий: Ну конечно, ведь на каждом из них были вывески, с надписями большими буквами: «Здесь живет семья полицейской сволочи». ДЗОТы (дерево-земляные укрепления) уже превратились в ДОТы (долговременные огневые точки). В общем, опять вранье. Но заметьте, что о потерях противника в документе X. Матевосяна ничего не сказано!

☆☆☆

Далее Э.Г. Иоффе признает, что среди 234 «сволочей» были и 25 мирных жителей, и что партизаны сожгли именно их дома. Это дело рук партизан отряда имени Кутузова (командир Израиль Лапидус), атаковавших околицу Дражно под названием Застенок, где и произошла трагедия.

Доктор-историк сокрушается по поводу того, что Хурсик (автор книжки) и Волошин (автор газетной статьи), во-первых, обвиняют советского патриота с кристально чистой совестью — Лапидуса — в преднамеренном убийстве мирных селян, а во-вторых, утверждают, что весь отряд имени Кутузова состоял из евреев. Мол, бросают мрачную тень на людей еврейской национальности.

Между тем, подчеркивает он, в списке партизан отряда имени Кутузова среди 109 человек только 21 (19 %) имели явно еврейские фамилии, имена или отчества.

Хочу отметить, что И.А. Лапидус был не просто командиром отряда. Этот лейтенант РККА, бывший политрук роты, одновременно занимал еще и пост секретаря Минского сельского подпольного райкома партии. Иными словами, являлся типичным представителем советского «актива», готового на все ради личной карьеры.

Относительно имен и фамилий... Вот что писал 28 марта 2002 года в своей статье «Партизанские командиры — евреи» журналист Марк Штейнберг (сайт «Russian Canadian INFO»):.

> «Одним из первых ***еврейских*** партизанских отрядов (выделение мое. — *М.П.*), действовавших в Белоруссии, командовал Израиль Абрамович Лапидус, который этот отряд и сформировал весной 1942 года».

Далее журналист, ссылаясь на свидетельства бывших партизан-евреев, приводит интересный факт. Оказывается, «начальство» требовало от партизан-евреев менять свои имена, отчества и фамилии

на русские или украинские. Якобы потому, что они похожи на немецкие, другим партизанам (не евреям) «ухо режет». Например, лейтенант РККА Исаак Аронович Зейфман назвался Иваном Андреевичем Гринюком. Аркадий Григорьевич Лехтман сохранил свое имя и отчество, а вот фамилию поменял на Волков. Евгений Финкельштейн превратился в Мирановича.

Наконец, М. Штейнберг пишет, что «национальные еврейские отряды выполняли только боевые задачи, в основном диверсионно-террористического плана». Эта характеристика идеально соответствует уничтожению жителей Застенка — околицы Дражно.

Вопрос: с какой стати в деревне Дражно, пусть она на перекрестке дорог, был огромный гарнизон (365 человек, по меркам военного времени — целый батальон) и 42 дзота с пулеметами и пушками? Это уже не опорный пункт, а настоящая полевая крепость!

Мы знаем, что успешно штурмовать хорошо укрепленные и вооруженные опорные пункты противника (да еще такие, где якобы сидели эсэсовцы — отборные вражеские солдаты!) партизаны не умели, не хотели и не могли. Но почтенный профессор как ребенок верит (или делает вид, что верит) сказкам партизанских начальников. В качестве доказательства он приводит справку из Национального архива Республики Беларусь от 30 сентября 2003 года:

> «Сообщаем, что вопросу ликвидации партизанами 14 апреля 1943 г. полицейского гарнизона в д. Дражно в архиве имеются следующие документы:
>
> В истории организации и боевой деятельности 2-й Минской бригады Минской области в разделе «Характерные боевые операции» записано: «Разгром полицейского гарнизона Дражно проводился по приказу штаба бригады, гарнизон насчитывал 400 чел. полицейских и 42 дзота, которые нужно было штурмовать, на гарнизон наступала бригада полностью. Заслоны выбрасывала соседняя бригада им Суворова. Уничтожено 217 полицейских и разрушено 38 дзотов, противник при поддержке крупных сил танков и артиллерии со стороны Старые Дороги сбил заслон, бригада вынуждена была отойти, не подобрав трофеев...».

Комментарий: Несусветное вранье! Танки в глубоком тылу Вермахта просто отсутствовали! В Старых Дорогах и артиллерии не было. Это ведь не прифронтовой тыл группы армий «Центр». Численность «гарнизона Дражно» здесь увеличена на 35 человек, а его потери наоборот сокращены на 17 трупов.

⁂

Далее Иоффе сильно обижается на высказывание Хурсика:

«До 1943 года они /партизаны/ практически не воевали, отсиживались в лесах, полицаи и партизаны жили относительно мирно, только под давлением сверху случались стычки...».

В качестве доказательства неправоты автора Иоффе ссылается на очередную партизанскую сказку:

«Приказ № 1 по 2-й Минской партизанской бригаде о разгроме вражеского гарнизона в деревне Омельно Пуховичского района 29 сентября 1942 г.

Для борьбы с партизанами, для грабежа населения, сбора заготовок, насильной мобилизации рабочей силы в Германию, для охраны дорог враг поставил военно-полицейский гарнизон в дер. Омельно. Состав гарнизона — около 60 чел. Вооружены 2 станковыми пулеметами, 6 ручными, 4 автоматами, 1 ротным минометом и остальные — винтовками. Гарнизон размещен и укреплен только в школе.

Приказываю: Силами 4 отрядов бригады гарнизон уничтожить. Наступает на гарнизон 1-й отряд. Командиру 2-го отряда сделать засады силою полтора взвода по дороге Омельно — Любачка, на опушке леса, полтора взвода по дороге Липники-Омельно, на опушке леса. Командиру 3-го отряда сделать засаду по дороге Омельно — Поречье. В районе дер. Островки командиру 5-го отряда сделать засаду по дороге Омельно — Клетное. Быть на месте к 4.00 30 сентября 1942 г. Я наступаю вместе с 4-м отрядом.

Комбриг Иванов».

Сергей Иванов, командир 2-й Минской бригады, напавшей на Дражно

О результатах этого боя свидетельствует документ из Национального архива Республики Беларусь, подписанный командованием 2-й Минской партизанской бригады во главе с капитаном Н.Г. Андреевым, который стал ее командиром с июня 1943 г. Приведем фрагмент из документа:

«Начали гаснуть звезды. Рассветало, отряды были на местах, 1-й отряд во главе с командиром отряда Доможиро-

вым, с ними и комбриг Иванов, незаметно, бесшумно подходили к деревне. Гражданская охрана была захвачена врасплох, боевые группы отряда вошли в деревню. Осталось до фашистского логовища 75 м. Поднялись на горку и перед глазами во весь рост встала школа, огороженная проволокой. Обнесенная деревянным забором, обсыпанная песком. 2 часовых, стоящих около школы, увидев вблизи от себя народных мстителей, растерялись, подав тревогу, бросились бежать. Но было поздно. Первый выстрел минометчика — и мина, попав в трубу дымохода школы, зажгла ее, все выходы со школы были оцеплены. Фашистские людоеды, вылезая из подвалов школы на улицу, уничтожались в упор. Удалось бежать из помещения школы нескольким изменникам. Но они попадали на засады и все были пойманы и уничтожены...

Операция по разгрому гарнизона проведена весьма успешно. Прошло не более 20 мин. как гарнизона не стало. В итоге проведенной операции потери противника: убито и сожжено 47 гитлеровцев. Взяты 2 РП, 30 винтовок и 3 тыс. винтовочных патронов, остальное оружие и боеприпасы сожжены в школе. Потери партизан: осколком мины ранен комбриг Иванов и тяжело ранен его адъютант, который впоследствии умер...

Командир 2-й Минской партизанской бригады капитан Андреев.

Комиссар бригады батальонный комиссар Ванкевич.

Нач. штаба бригады капитан Ф.Раткевич» [6].

Комментарий: Из текста этого поистине эпического повествования можно сделать кое-какие выводы. «Фашистами» и «гитлеровскими людоедами» названы обыкновенные беларусы, то ли из полицейского батальона, то ли из отряда «самааховы». А как мне нравится партизанский снайпер-минометчик? Первая же выпущенная им мина влетела в трубу! Лично я видел на учениях десятки стрельб минометов, но с такой точностью никогда не встречался. Более того, в любом наставлении можно прочитать, что миномет как гладкоствольное оружие предназначен для ведения огня по площадям.

Наконец, начальники пишут, что застали «людоедов» врасплох, которых в процессе непонятного «вылезания из подвалов школы на улицу» уничтожали в упор, и что весь гарнизон был уничтожен за 20 минут. Кто же, в таком случае ранил Иванова и его адъютанта? И почему трофеями стали только 2 ручных пулемета и 30 винтовок? Неужели партизаны отказались от миномета, 4 автоматов, 4 ручных и 2 станковых пулеметов, еще 20 винтовок?

В общем, в этих двух партизанских документах, как всегда, вранье резко преобладает над правдой. Тем, кто сомневается, реко-

мендую еще раз перечитать «Поэму о самой успешной операции» в 7-й главе первой части этой книги.

А чего стоит, например, «Акт командования партизанского отряда имени В.И. Чапаева 2-й Минской бригады о подрыве партизанами вражеского эшелона в районе Руденска от 15 октября 1942 года».

Герои сообщили в Москву, что в результате крушения поезда, по данным разведки из числа гражданского населения, «убито 256 фашистов». Неужели немцы пустили местных считать трупы?

☆☆☆

В конце своего письма Иоффе заявил:

> «Да, война была беспощадной. Партизаны, у которых немцами и полицейскими были расстреляны семьи, которые сами чудом спаслись от смерти, мстили коллаборационистам — полицейским, служившим нацистам. И иногда действовали горячно, выполняя приказ: «Не щадить никого!». И тогда это оборачивалось человеческой трагедией».

Что ж, и за то спасибо. Раньше коммунистическая публика в упор не хотела признавать за «своими» никаких злодеяний. Теперь стали списывать военные преступления на «желание мстить» и на «горячность».

☆☆☆

Рассказы о трагедии, произошедшей в Дражно, требуют разъяснений.

Во-первых, «полицейский гарнизон» — это отряд так называемой «самаахови» (самообороны), состоявший из 78 или 79 жителей деревни. Обороняться они были намерены от грабежей со стороны партизан. И действительно, в январе им удалось отбить попытку партизан поживиться крестьянскими запасами, причинив потери последним.

Напомню, что согласно инструкциям, которые отправляли из Москвы «на места» Центральный штаб партизанского движения (П.К. Пономаренко) и Белорусский штаб (П.З. Калинин), все деревни, имевшие отряды самообороны, зачислялись в категорию «полицейских гарнизонов». Жители таковых подлежали поголовному уничтожению!

Примечательно, что целенаправленные нападения партизан Кличевских (2-й и 5-й), Березинской (3-й) и Могилёвской (6-й) бригад на ряд сел в Белыничском районе Могилёвской области, где

имелись отряды самообороны (якобы «полицейские гарнизоны»), повлекшие значительные жертвы среди сельских жителей (т.н. «Белыничские операции») тоже произошли в апреле 1943 года.

Во-вторых, отряд имени М.И. Кутузова, которым командовал Израиль Лапидус, входивший во 2-ю минскую бригаду С.Н. Иванова, состоял из евреев, которым удалось сбежать из минского гетто. Им сказали, что «полицаи Дражно участвовали в расстрелах минских евреев». Это мало похоже на правду, так как расстояние от Дражно до городской черты довоенного Минска (площадь столицы БССР в 1941 году было меньше нынешней в 10 раз) около 90 километров. Однако благодаря выдумке комиссаров бойцы Лапидуса горели жаждой мести.

В-третьих, после публикации книжки Хурсика официальное расследование описанной в ней бойни было проведено, но его результаты засекречены. Поэтому никто среди пишущей публики не может сейчас уверенно говорить о том, какие факты, приведенные Хурсиком — правда, а какие — нет. Можно лишь предположить, что «факты в основном подтвердились», в противном случае выводы следователей были бы опубликованы.

Налибоки

В ночь с 8 на 9 мая 1943 года партизаны атаковали местечко (ныне деревня) Налибоки (в нынешнем Столбцовском районе). Это были отряды им. Дзержинского (командир Ф.В. Сурков), им. Суворова (командир А.Е. Макеев) и «Большевик» (командир Г.Л. Кудрин) из бригады имени Сталина. Общее командование операцией осуществляли командир бригады П.И. Гулевич, комиссар А.Г. Мурашов, представитель Ивенецкого межрайонного партийного центра Р.Л. Василевич. По их отчету, бой длился 2 часа. Партизаны якобы уничтожили 250 «полицаев», потеряв всего лишь 6 человек убитыми и 6 ранеными.

В действительности деревня имела отряд самообороны, которым командовал Евген Климович. Отряд самообороны возник в ответ на постоянные грабежи деревни советскими партизанами. Весной 1943 года командование советских партизан договорилось с Климовичем о разделении зон действий. Согласно ему, отряд самообороны и дальше охранял деревню. Но вскоре большевики нарушили соглашение и совершили крупномасштабное нападение.

Они убили от 120 до 129 деревенских жителей, ограбили и сожгли часть домов. Кроме того сожгли мельницу и костёл. При этом все 120 (или 129) человек были расстреляны, а не погибли в бою.

Для оправдания своей террористической и грабительской акции партизанское командование издало боевой приказ № 4 от 7 мая 1943 года. Всё его содержание — прямая ложь:

«Самоохрана местечка Налибоки Ивенецкого района со дня создания организации систематически занимается выступлением против партизанских отрядов и отдельных партизанских групп. Она тормозит партизанское движение и помогает немецко-фашистским войскам в их бесчеловечной антинародной бойне»*.

То есть, самозащита населения от систематических грабежей партизан названа «систематическим выступлением против партизанских отрядов». Вот ведь какие мерзавцы, не дают себя грабить. Не хотят понимать, что «народным мстителям» очень нужны в лесу хлеб, сало и самогонка. А истребление мирного населения — это не бойня. Это «разгром гарнизона»!

Открытие памятного знака в Налибоках 8 мая 2008 г.

Вот что вспоминала одна из свидетельниц:

«Магілы, магілы, магілы, магілы... Не было канца магілам. У Карневічаў забілі бацьку і двух сыноў. Маці заламала рукі, то і яе забілі. Да іх зайшоў зяць — забілі і яго. Пяць трунаў у адным доме... У Дукашэвічавай удавы забілі дарослага сына Часлава і падлетка Янку. У кожным доме была жалоба»**.

* Столяр Д. 8 мая 1943 г. у памяці жыхароў вёскі Налібокі. Журнал "Arche», 2010, № 7–8, с. 624.

** Там же, с. 638.

Великая Губа

Это еще одна деревня из многих, ставших жертвами партизан. Она находилась неподалеку от Хатыни. Ниже приведена статья Татьяны Власенко, рассказывающая о разыгравшейся здесь трагедии.

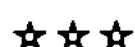
Крест распятой Губы

9 мая Брестская крепость, Хатынь, Линия Сталина принимают бесчисленных шумных туристов. Но в полной тишине по всей Беларуси стоят призраки уничтоженных во Второй мировой войне деревень, на которые следовало было бы обратить внимание. Ибо трагедию, которая там произошла, невозможно простить карателям. Уничтожены были эти деревни совместными усилиями нацистов и советских партизан. Точно известно, что жертвой такого страшного преступления стала деревня Великая Губа, которая находилась рядом с известной всему миру Хатынью.

Когда-то — двенадцать хат, двенадцать семей. Но ни дымохода, ни фундамента. Ничего не осталось такого, что напоминало бы о загубленных человеческих жизнях. Обозначена это деревня только в немецких военных документах, а также на польской карте 1930-х годов. Ветераны, школьники, государственные представители не возлагают здесь цветов и не зажигают свечи. До недавнего времени Великая Губа была окутана тайной.

Бывший комиссар отряда «Мститель», Герой Советского Союза Иван Тимчук поведал мне, что это деревня стала жертвой расправы и нацистов, и советских партизан. В деревне жили вперемешку семьи и тех, и других. По его словам, однажды ночью в Губу пришли партизаны и вырезали все семьи тех, кто служил у нацистов, не пожалели даже детей. Трупы сожгли. «На следующий день немцы (не полицаи) отомстили так же» (Цитата из книги «Распятая Хатынь»). Сначала вырезали жителей, а потом сожгли дома.

То же самое говорил про Губу и бывший партизан бригады «Народные мстители» Василий Алай. Только, по его словам, в этой деревне было десять полицейских хат и две партизанские. Несмотря на то, что информация различается, общая картина вырисовывается вполне ясная. В уничтожения Великой Губы, Хатыни, крестьян деревни Козыри виновны и те и другие.

До недавнего времени многострадальная деревня Великая Губа оставалась белым пятном на карте Беларуси. О жуткой трагедии, которая там разыгралась, практически никто не знал. Но 18 марта 2009 года по инициативе председателя движения солидарности «Вместе»

Вячеслава Сивчика, члены секции «Мемориал» установили на месте сожженной Губы памятный знак — крест Ефросинии Полоцкой. 22 марта того же года произошла церемония освящения креста, на которой присутствовали известные общественные деятели, члены секции «Мемориал». Почетным гостем была приглашена на церемонию писательница Елена Кобец-Филимонова. Освящал крест православный священник отец Леонид Акалович.

Тогда же во время акции В. Сивчик заметил, что памятный крест будет установлен и на места расстрела козырчан, а секция «Мемориал» намерена добиваться от властей возведения достойного памятника на месте Великой Губы.

С момента установления креста акция по чествованию памяти жертв Второй мировой войны стала традиционной. 22 марта, в день сожжения Хатыни, члены движения солидарности «Вместе» организовывают траурный маршрут в уничтоженные деревни, где возлагают цветы, зажигают свечи, читают молитвы.

О деревне Великая Губа приходилось слышать такую бездумную фразу: «Что ж вы хотите — была война. Расплачивалось мирное население...» Но ведь никто не простил эту войну нацистам, никто не собирается их оправдывать! Давно осуждены немецкие каратели. Когда же будут осуждены преступления коммунистов, участвовавшие в убийствах своих сограждан?»

(Из газеты «Новы Час» № 22 (245) от 3 июня 2011 г.
Перевод с беларуского)

Конюхи

Как известно, Сталин дважды — в октябре 1939 и в ноябре 1940 годов — приказал отдать Летуве часть исконных беларуских земель, включая весь Виленский край. Это 9,5 тысяч квадратных километров (6,9 + 2,6). Вот так беларуская деревня Конюхи оказалась в составе Летувы, а после войны превратилась в Канюкай. Но речь о другом.

Советские партизаны численностью до 150 человек, под командованием Г.О. Зиманаса (псевдоним «Юргис»), 29 января 1944 года ворвались в эту деревню и убили 46 ее жителей — беларусов-католиков, в том числе 22 несовершеннолетних. Всех убитых партизаны обвинили в «предательстве», в «сотрудничестве с оккупантами». Надо думать, что женщины и дети тоже пошли на службу к немцам!

В 2008 году депутат литовского парламента Ритас Купчинскас направил в прокуратуру запрос «О массовом убийстве гражданских жителей, совершенном советскими партизанами в деревне Канюкай Шальчининкского района». Прокурор Римвидас Валентукяви-

чюс, проводивший расследование, установил, что партизаны убили жителей деревни за то, что они отказались отдавать партизанам продукты. Правда, некоторые авторы по-прежнему лгут о «разгроме местного отряда самообороны». Но Леонард Огар давно опубликовал в интернете поименный список всех мирных граждан, убитых партизанами в Конюхах под видом «самооборонцев» и «пособников нацизма»*. Большинство — женщины и дети!

В общем, все как всегда! Однако выяснилось попутно, что командир отряда Генрикас Зиманас был евреем. И его отряд то ли полностью, то ли большей частью состоял из евреев. Сразу же всполошились еврейские организации. Известный центр Симона Визенталя (он находится в Вене) 28 мая 2008 года заявил протест в МИД Летувы.

В своем письме центр обвинил правоохранительные органы Летувы, ни много, ни мало, в том, что они «начали кампанию с целью дискредитации участников еврейского сопротивления, лживо обвиняя их в военных преступлениях».

В этом смысле еврейские организации ничем не отличаются от коммунистических: «наши» всегда и везде были «образцом благородства». Преступления против гражданского населения совершали только нацисты и их пособники. Все, кто заявляет о противоположном, безусловно антисемиты!

Глава 3

Юридический прецедент: дело Кононова

Сказанного выше достаточно для того, чтобы читатель мог понять глубину и тяжесть проблемы. Партизанскую войну большевики вели «по-большевистски» — то есть, не соблюдая никаких юридических норм. «Советские» ежедневно и повсеместно совершали военные преступления не только против комбатантов (служащих вооруженных и полицейских сил противника), но и против гражданского населения, проживавшего на той территории, где они дислоцировались.

В 1998 году латвийские власти арестовали и приговорили к 6 годам заключения — «за геноцид и преступления против человеч-

* См. сайт www.waronline.org/forum/viewtopic.php?

ности» — бывшего командира партизанского отряда 1-й Латвийской партизанской бригады отставного полковника милиции Василия Макаровича Кононова*.

Первоначально Верховный суд Латвии признал обвинения недостаточно обоснованными и обвиняемого в апреле 2001 года оправдал. Но после протеста генеральной прокуратуры дело было направлено на доследование, после чего Верховный суд Латвии приговорил Кононова в апреле 2004 года к 1 году и 8 месяцам тюрьмы за военные преступления (несмотря на то, что обвинение требовало 12 лет). В связи с истечением срока наказания (так как Кононов уже успел отбыть его), подсудимого тут же, в зале суда, освободили из-под стражи.

С точки зрения представителя обвинения дело не стоило выеденного яйца, так как к моменту суда собранного материала вполне хватало для вынесения однозначного приговора. Сам Кононов ничего не отрицал и не скрывал, так как считал, что 60 лет назад действовал абсолютно правильно.

27 мая 1944 года отряд под командованием Василия Кононова вошел в латвийскую деревню Мазие Бати (Малые Баты), где убил 9 жителей деревни (пятерых партизаны расстреляли, четверых сожгли заживо, в том числе беременную женщину) якобы за то, что они тремя месяцами раньше (в феврале) выдали немцам 12 партизан.

Однако Конононов все время твердил о «предательстве» латышами советской власти. Так в латышском суде впервые юридически столкнулись правовая позиция государства, относительно недавно вернувшего себе независимость от СССР, и представителя этого самого СССР.

Кононов родился 1 января 1923 года в селе Страуя Лудзенского района Латвии, и на этом основании считался коренным гражданином Латвии. В действительности он представлял ту самую русскоязычную «пятую колонну», которую Петербург насаждал в Прибалтике с XVIII века. Сталин это дело продолжил, поэтому его подручные (такие как Берия и Меркулов) осуществляли массовые депортации жителей Прибалтики в Сибирь и Казахстан — на вымирание. Политика была простой: коренных жителей трех прибалтийских республик — в Сибирь, русских — в Прибалтику. Вот почему в

* Все «латышские партизаны» в годы войны базировались за пределами Латвии (в Беларуси, на Псковщине) и оттуда совершали свои налеты.

Латвии ныне едва ли не половина населения является русскоязычной.

С точки зрения *советской* Кононов действительно неподсуден — он ведь уничтожил «пособников оккупантов» — категорию, придуманную в Политбюро ЦК ВКП(б), и этим же Политбюро приговоренную к уничтожению. Именно таким уничтожением занимались все советские партизанские отряды от Балтийского моря до Черного.

Да вот беда — под марку «пособников» можно было в годы войны подвести практически все население Латвии. Напомню — государства Балтии к началу операции «Барбаросса» являлись фактически оккупированными СССР и никто на Западе эти сталинские «приобретения» официально не признавал. Смешно думать, что оккупированные Москвой латыши за один год (с 20 июня 1940 по июль 1941 гг.) успели превратиться в ярых приверженцев советской власти. Скорее они успели искренне ее возненавидеть. Поэтому термин «коллаборационисты» применительно к латышам, ненавидевшим советскую (московскую!) власть и «сотрудничавшим» с режимом нацистов (то есть продолжавшим нормально жить вместо того, чтобы заниматься саботажем и диверсиями) звучит абсурдно.

Коллаборационистом в этой ситуации являлся сам Кононов — гражданин Латвии, но поборник советского режима — оккупационного для Латвии.

Отделался полковник запаса сравнительно легко. Тени убитых в Мазие Бати душу его не тревожили (да и была ли душа у этого нелюдя?), зато беспокоил нежданно-негаданно свалившийся на голову титул «военного преступника», а потому ветеран обратился за защитой...к проклятым буржуям — в суд по правам человека в Страсбурге.

В. Кононов в годы войны

В.М. Кононов со своим иском попал в яблочко — «жирные европейские коты» оказались в двусмысленной ситуации. Признать правоту Верховного суда Латвии означало создать прецедент, подрывающий основы конструкции созданного после войны «нюрнбергского гламура» — с очень грязным нацизмом в противоположность очень чистому антифашизму. Ведь тогда могли последовать иски против бойцов «Сра-

жающейся Франции» (которые, как отмечал Г. Уильямсон в книге «СС — инструмент террора» совершили ряд военных преступлений), против итальянских, греческих, югославских и других бывших партизан. Что уж говорить про СССР, правопреемницу которого — Российскую Федерацию, «жирные европейские коты» в тот момент видели своим политическим другом (в смысле — поставщиком энергоносителей и рынком сбыта всевозможного барахла) на веки вечные. Они ведь еще не догадывались о предстоящей аннексии Крыма.

В. М. Кононов с российским флагом в руке. Однако уехать в Россию из буржуазной Латвии он отказался

А потому Европейский суд по правам человека в Страсбурге 24 июля 2008 года вынес решение в пользу Кононова и постановил выплатить ему компенсацию в размере 30 тысяч евро (полковнику запаса 30 тысяч оказалось мало, он назвал эту сумму «издевательством»)*.

Европейские бюрократы рассчитывали, что латыши проглотят горькую пилюлю и заткнутся. Но те оказались последовательными и в январе 2009 года обжаловали решение страсбургского суда, после чего оно было рассмотрено в Большой палате Европейского суда по правам человека. Доказанный факт убийства 9 гражданских лиц в политкорректной Франции проигнорировать не решились, и 17 мая 2010 года, отменив решение Малой палаты, Большая палата признала приговор Латвии в отношении Кононова справедливым — на основании статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека. Таким образом, юридический прецедент для расследования преступлений, совершенных в годы Второй мировой войны советскими партизанами, был создан.

Наряду с тем процесс показал всю условность западного термина «коллаборационист» применительно к гражданам союзных республик, входивших в состав СССР во время войны. Ведь все эти якобы «союзные» республики фактически были оккупированы РСФСР.

---

* Бывший чекист и милиционер Василий Кононов, официально признанный в Латвии советским военным преступником, умер в Риге 1 апреля 2011 года на 89-м году жизни. Несмотря на предоставление ему российского гражданства в 2000 г., в Россию он не уехал. — *М.П.*

Поэтому коллаборационистами можно было считать только граждан РСФСР, но никак не жителей территорий, оккупированных в период Гражданской войны 1918–20-х или в 1939–40 гг. Один из участников фильма «Беларусь пад нямецкай акупацыяй. 1941–1944» абсолютно верно сказал:

«Если принять за основу определение «коллаборационизма», как сотрудничество с врагом во вред *своей державе и своему народу*, то какой же я коллаборант?»

Судите сами. Бороться против власти коммунистов (ныне трижды проклятой) под лозунгом «Беларусь — перад усім!» («Беларусь — превыше всего!» — фраза из гимна Беларуской краевой обороны) — это «предательство». А воевать за власть комиссаров во главе со Сталиным, Молотовым и Берией, за расстрельные «тройки», голодомор, тотальную русификацию, да еще под это дело убивать своих мирных сограждан — это патриотизм! Такую позицию патриоты стран, превращенных в свое время в колонии России, воспринимают как циничную и подлую.

Именно для замены понятия «патриотизм» была придумана ширма — понятие интернационализма. Молодежь призывали геройски сражаться и умирать за победу интернациональной коммунистической идеи. Истинная же цель призывов была иной: сохранение власти преступной шайки — коммунистических правителей СССР и созданной ими массовой преступной организации — ВКП(б).

Глава 4

Партизанский «беспредел»

Из статьи Елены Анкудо «Неизвестные страницы партизанского движения в Беларуси»

В последнее десятилетие на головы бывших советских граждан вылилось столько горькой правды из рассекреченных документов, что, казалось бы, дальнейшие разоблачения невозможны. Но в Беларуси хватает тайн. Одна из них — преступления бойцов партизанских отрядов против местного населения. Уголовные дела, заведенные на партизан, считались секретными и хранились в архиве КГБ, а затем документы с грифом «совершенно секретно, при опасно-

сти — сжечь» переданы в Национальный архив Беларуси. Теперь они доступны историкам. Но, в отличие от подвигов, партизанские преступления описывать не спешат. Неблагодарное это дело: рассказывать о преступлениях тех, кого считали героями...

«Партизаны похожи на клоунов»

Законы военного времени рассматривали эти поступки /пьянство и мародерство — *М.П.*/ как преступления, карающиеся самым строгим образом — вплоть до расстрела. Но смерть на войне всегда рядом, а удовольствия редки. И потому среди отчетов о боевых действиях, посылаемых первому секретарю ЦК КП(б)Б Пантелеймону Пономаренко, были и такие:

«Довожу до вашего сведения об исключительном безобразии отряда Боготырева. Начиная с июня, отряды не вели никаких боевых действий. Занимаются мародерством и пьянством. Основали 5 винокуренных аппаратов. Устраивают именины и дни рождения, сопровождаемые недельными попойками. Сам Боготырев женился и в официальных приказах разрешает женитьбы. Завел себе до десятка ординарцев и требует для себя приготовления изящных блюд. (...) Боготырев вызывает смех и презрение населения. Партизаны Боготырева похожи на клоунов — лисьи горжетки на воротниках».

Боевые хозоперации

Несложно представить, как жили партизаны: об этом рассказывает едва ли не каждый второй фильм, снятый на киностудии «Беларусьфильм», получившей в советские времена весьма точное название — «Партизанфильм». Землянки, вырытые в лесной чаще, котлы на костре. К сожалению, никто из режиссеров не рассказал, откуда берутся продукты, из которых партизаны варили «нехитрую» еду в этих самых котлах. (...)

Партизаны кормили себя за счет захвата муки, зерна, скота и др. в немецких имениях, за счет захвата со складов противника, угона скота полицейских и захвата их продуктов питания». Среди военных документов действительно есть отчеты о боевых операциях на «складах противника». Однако были и другие бумаги — жалобы крестьян на партизан. Вот лишь несколько подобных заявлений, написанных командирам отрядов и в местные органы НКВД:

«22 июня 1943 г. партизанами отряда «За Советскую Белоруссию» взята коровка рябой масти, которая у меня одна. С хозяйства больше ничего не имею. Семья моя состоит из двух человек и трех детей беспризорных, батьки которых погорели в деревне Кузовичи».

«С 11 на 12 января 1943 г. к нам зашли партизаны из отряда Захарова, трое человек и потребовали от нас одежду и сапоги. Голого Владимира (хозяина дома. — *Е.А.*) выводили стрелять. После этого

мы были вынуждены отдать брюки двое суконных, сапог две пары хромовых и одну пару простых. Кроме этого сделали обыск и взяли шерсть овечью, три наволочки белья, овса мешок. Вышеуказанные вещи были взяты последние, и мы совершенно без одежды».

«Это что-то ужасное»

По словам жителей деревень, «грабительские заготовки» отличались от карательных экспедиций немцев лишь тем, что одни говорили по-русски, а другие — по-немецки.

Как следовало из докладной записки секретаря Логойского райкома партии Ивана Тимчука вышестоящему руководству, «на заготовках настолько обобрали крестьян Ильянского, Курилецкого, Кривичского районов, что получились антисоветские настроения. В прошлом году это были прекрасные люди, готовые на все за советскую власть, сейчас совершенно противоположное». Доходило до курьеза: однажды запуганное и обобранное население деревни Родевичи «при виде партизан стало скрываться».

(...) Нередкими были и жестокие побои. Партизаны отряда им. Котовского избили 60-летнего сторожа. Тимчук писал: «Старик показывал нам избитые места, это что-то ужасное: тело порублено и синее».

Без самогонки партизаны жить не могли (Сумское соединение, июль 1943 г.)

Порой «заготовки» напоминали самый обычный грабеж. Летом 1943 г. партизанский отряд № 7 проводил боевую операцию в Логойском районе. Как это нередко происходило, безоружное население попряталось в лесу. Бой закончился, и командование, пользуясь отсутствием крестьян, «дало указание обыскать ямы по деревням, где крестьяне кое-что спрятали от немцев». По сообщению Тимчука, «очень тяжелое, враждебное настроение вызвало у крестьян это действие. Крестьянин возвращается из лесу и узнает, что его имущество забрали партизаны».

(...) Голодали ли партизаны? Вот как описывают свою жизнь бойцы отряда им. Калинина:

«Нормирования в питании не было. Хлеб раздавался столько, сколько мог съесть человек. С мясными продуктами ограничения тоже не было. Имели свою прекрасную скотобойню. Больные всегда были обеспечены маслом и другими молочными продуктами».

Разумеется, в изобилии жил не каждый отряд. Бойцы одного из отрядов вспоминали, что изысканным лакомством была соль: ее выдавали больным в виде раствора, по чайной ложечке. Но случались и такие истории, поверить в которые патриотически воспитанным белорусам почти невозможно.

«Шайка командира Красненкова»

Партизанский отряд им. Котовского появился в Логойском районе в декабре 1942 г. и почти сразу же стал известен. Прославили его отнюдь не боевые операции. По информации уполномоченных особого отдела отряда (сотрудников НКВД) и многочисленным заявлениям крестьян, командир отряда Митрофан Красненков «организовал под видом разведки Минска группу своих “партизан” и занялся торговлей народным добром».

Партизаны отряда мародерствовали, забирая в деревнях то, что удалось сберечь от немцев, и возили на минские базары. «Было продано 10 крестьянских лошадей, 10 КРС /крупного рогатого скота/, пару десятков овец, хлеб и пр. За вырученные деньги доставались в неограниченном количестве водка (“Русская горькая”), папиросы, духи, пудра, табак, женские чулки, туфли, кожи хром на три пальто для командира отряда и кое-кому из начальства штаба бригады». Для реализации товара «в отряд в апреле было принято два цыгана, которые все время находились в городе “на разведке”. В июле о действиях Красненкова стало известно в райкоме. Началось следствие. Назначенные комиссары «не только подтвердили первоначальный материал, но и добавили много нового». Однако показательного процесса не получилось.

«Чтобы не позволить добиться точных данных о количестве проданного народного добра, партизан Наседкин убивает двух цыган за "разоблачение явочных квартир". Партизана Ковалева за то, что он пытался рассказать кое-что об этой преступной деятельности, арестовывают и изгоняют в гражданский лагерь. Дело смазывается».

Это не единственный «компромат», собранный на партизан отряда им. Котовского. Командир роты Цыганков, уже приговоренный ранее условно к расстрелу за мародерство, проиграл однажды бой с полицаями, после чего «рассвирепел и отдал приказ поджечь деревню Стайки. Село подожгли через дом. Сгорело 64 крестьянских двора».

Начальник штаба Владимир Кобылкин жестоко избил крестьянина — за то, что тот «сшил ему шапку не такую, как он хотел». В своей жалобе крестьянин, даже не надеясь на то, что его обидчик будет наказан, написал: «Ну что ж, пока придется потерпеть такие невзгоды, потому что на сегодняшний день никого нет старше его, а поэтому он что захочет, то и сделает с любым гражданином».

Партизанская порука

Многие донесения об отряде им. Котовского написаны Иваном Тимчуком. Секретарь Логойского райкома партии, представленный к званию Героя Советского Союза, он в разное время был комиссаром трех отрядов и многих партизан знал лично. Его рассказы о бойцах отряда им. Котовского и бригаде «Народные мстители», в которую входил этот отряд, изобилуют личными наблюдениями.

В годы войны в Логойском районе были известны 9 партизанских бригад. Одна из самых крупных, объединившая 5 отрядов, называлась «Народные мстители». Первым командиром бригады, который ее и основал, стал Василий Воронянский.

По рассказам Тимчука, Воронянский, Красненков и Цыганков женились на трех сестрах. «Общие встречи у тещи, общие разговоры перенеслись на служебные дела». А вот что пишет о комбриге капитан Серегин, начальник штаба бригады.

«Воронянский с момента появления женщин в отряде, несмотря на то, что по возрасту ему более 40 лет, женится на Бабитской Лизе, которая дважды выходила замуж, имея от роду 22 года. (...) Имевший уже жену и детей, оказался в таком положении из расчета, что его все равно застрелят, и решил жениться на этой женщине. (...) Тимчук протестовал против женитьбы комбрига и других морально разложившихся людей, которые также, следуя примеру, решили пожениться, несмотря на то, что есть жены и дети».

По сведениям Серегина, партизанская жена комбрига была представлена к ордену Красной Звезды за то, что она «с ним спит

вместе и готовит ему кушать». Воронянский «в силу своей близорукости создал группу подхалимов, которые всеми силами начали заниматься сплетнями». И все же случай с наградой едва не расколол бригаду. Более трех десятков партизан перешли в другие отряды, остальные потребовали созыва собрания. Но собрание было «смазано». Настроения приближенных к руководству и должность комбрига сыграли свою роль: майор Воронянский отделался легким испугом. Вскоре он был повышен до полковничьей должности и добился перевода Тимчука в другой отряд. Однако жизнь вынесла ему свой приговор.

Спустя год самолет, на котором Воронянский летел в штаб партизанского центра, был сбит. Полковник погиб, что, возможно, спасло его в дальнейшем от судебного приговора. Не вернулись домой и многие «подхалимы». Основанная Воронянским бригада получила его имя. А вскоре закончилась война. Вспоминать плохое было непатриотично.

«Наши славные девушки-партизанки»

Рассказ о неизвестных страницах войны был бы неполон без воспоминаний о женщинах-партизанках. Их было немного в партизанских отрядах — менее 10 % от всего количества бойцов. Несложно представить, какие драмы порой разыгрывались в глуши белорусских лесов. Командир отряда «За Отечество» Владимир Захаров, «подозревая своего партизана в интимной связи со своей т.н. “женой”, расстрелял его в деревне Новоселки». (...)

Пытаясь попасть в партизанский отряд, многие женщины вовсе не стремились «бить врага». «Наши славные девушки-партизанки», как их называли в отчетах, выполняли функции обслуживающего персонала. Они стирали и чинили одежду, ухаживали за скотом и лечили людей. Этой доли можно было избежать, удачно «выйдя замуж». Командир или комиссар обладали неограниченной властью. По их приказу любой крестьянин обязан был снять с себя единственные сапоги, а партизан — пойти на опасное задание, чтобы раздобыть женщине командира шелковые чулки.

«Неправильно используется в партизанском отряде женщина,

— писал Тимчук. — Как правило, они являются или кухарками, или “женами” командиров. Эти “жены” отрицательно действуют на бойцов. Для них стараются достать лучшие продукты и приличную одежду, а все это надо достать от крестьян. Когда у крестьянина возьмешь сапоги, рубаху или штаны — это полбеды. Но когда берут платья или женскую одежду, это большое неудовольствие. Все крестьяне знают положение женщин в отряде».

«Выходя замуж», юные партизанки решали не только свои личные проблемы — они получали возможность подкормить и приодеть своих родственников. «Хозоперации» иногда проводились именно для того, чтобы набрать «родственникам» продуктов и одеть «жену». Начальник штаба Яков Чумаков (один из тех, кого называли «подхалимами Воронянского») «с целью удовлетворить личные потребности своей жены, не имея на это никакого права, послал двух партизан за костюмами, в результате чего партизан Егоров был убит немцами».

Униженные и оскорбленные

(...) Насилие на войне было обычным делом: обладание женским телом считалось законным правом победителя. И часто было совсем неважно, к какой из воюющих сторон он принадлежит.

О зверствах фашистов написано немало. Интересно, писал ли кто-то, кроме осведомителей, о насилии со стороны партизан? А ведь белоруски военного времени могли рассказать немало печальных историй. О том, например, как «в деревне Гаяны группа партизан в количестве четырех человек под предлогом осмотра сараев со скотом вызвала хозяек (всего пять женщин) и изнасиловали их». Или о партизане Петрове, который якобы для допроса позвал в комнату некую Анну, местную жительницу. Партизан, не задавая лишних вопросов, заперся с ней в комнате, и колхозники слышали «выстрелы, плач Анны и как Петров сказал ей снимать панталоны».

Изнасилованные и оставшиеся в живых могли считать, что им еще повезло. Бывало, что девушку, оказавшую сопротивление, расстреливали на месте отказа. Военный приговор — листок, вырванный из школьной тетради, с несколькими предложениями, наспех написанными простым карандашом, в таких случаях не составляли. Начальник разведки отряда имени Лазо Борис Келлер, бывший секретарь Минского обкома партии, под угрозой расстрела изнасиловал 15-летнюю дочь старосты деревни. Крики девушки разбудили всю деревню, и Келлер приказал убить её. Исполнительный подчиненный застрелил девушку, когда она была «под партизаном Тарасевичем». Случай этот, произошедший в деревне Мачулище, стал предметом разбирательства. Но это уже совсем другая история...

(...) Грабежи, изнасилования, избиения, а порой и убийства ни в чем не повинных местных жителей — все это позволяло очевидцам сравнивать партизанские отряды с карательными. И сравнение часто было не в пользу первых.

Преступление в военное время — столь же обычное явление, как и подвиг. Мародерство, издевательства над людьми — все это сопровождало сражения независимо от того, в какую эпоху и в какой стране они происходили. Но у каждого народа были и свои особенности. Например, некоторые граждане Страны Советов и на поле боя остались верны своим национальным привычкам — припискам и пьянству.

Особенности национального движения

«Пьянство является основным злом партизанского движения», — писал руководству партизанских отрядов секретарь Логойского райкома партии Иван Тимчук. Но этот документ, содержавший «отдельные характерные факты пьянства и дебоша партизан», вряд ли стал откровением для командования. Водка для советских людей и в мирное время входила в число предметов первой необходимости, как буханка хлеба и красный флаг. На войне, правда, чаще пили медицинский спирт и самогон. Доставали их в деревнях вместе с продовольствием. Случалось, гнали самогон и в партизанских отрядах. Однако результат всегда был одинаковым. Вот, к примеру, несколько эпизодов из жизни командира партизанского отряда «За Отечество» Владимира Захарова.

«Захаров систематически пьянствует и в пьяном виде под силой оружия заставлял подчиненных ему партизан танцевать. (...) В деревне Канатоги было нагружено несколько подвод крестьянским добром. Командир не возвратил это добро до тех пор, пока крестьяне не дали отступного — самогона».

Захаров «организовал свадьбу своему адъютанту, два дня справляли пьяную попойку, сопровождая ее ненужными выстрелами».

Не отставал от руководства и рядовой состав.

«Яновский Винок — партизан из отряда Захарова, в деревне Лобуньщина в пьяном виде ранил ребенка».

«Группа партизан Генштаба, которой руководит майор Федоров, (...) дискредитировала партийные организации. Партизаны напились пьяные, в т.ч. старшина Спорик, открыли стрельбу из автоматов в деревне Бобры Калачевского сельсовета. На предложение прекратить стрельбу старшина снимает автомат и заявляет: мы е... ваши постановления, мы Генштаб и никому не подчиняемся, будешь приставать — пристрелю».

(...) Начальник штаба партизанского отряда имени Калинина Василий Алай «25 апреля 1943 г. в пьяном виде приехал в деревню Горожанку, открыл стрельбу, ворвался в квартиру гражданки Ганух Антонины, которую поставил к стенке, вынул маузер и пытался расстрелять, не имея на это никаких оснований».

История не уточняет дальнейшую судьбу гражданки Ганух, упоминая лишь, что начштаба приезжал в её дом несколько раз. А вот сам Алай, несмотря на постановление партийного центра «расследовать возмутительные действия», остался безнаказанным.

Под страхом смерти

Случалось, на войне и наказывали. 21 марта 1943 г. боец артбатареи Иван Спирягин, которого послали на боевое задание, «напился пьяный», после чего «учинил расправу над гражданином деревни Заборье Столяровым И.». Спирягин расстрелял его только за то, что «гражданин Столяров не мог вовремя доставить Спирягина к месту попойки». На следующий день военный трибунал партизанской бригады «Железняк» приговорил Спирягина к расстрелу «как случайного элемента, подобранного в ряды партизан с целью личных интересов».

Пьянство среди партизан приняло такие масштабы, что понадобилась серия вышестоящих указаний для наведения хотя бы минимального порядка. Весной 1943 г. секретарь Логойского райкома партии разослал командованию отрядов документ, предписывающий «всех лиц, занимающихся пьянкой, задерживать и обезоруживать». (...) Однако больше рисковали те, кто выполнял указания командования.

Командир отряда имени Буденного Игорь Рахманько конфисковал у крестьянина деревни Стайки около 10 пудов ржи, которую партизан Романов привез «для самогонокурения». Спустя несколько дней Романов с двумя бойцами (все трое — в пьяном виде) напал на Рахманько в лесу, «избивал, отнял автомат и наган и делал попытку расстрелять тут же из пулемета». Лишь случай спас Рахманько жизнь — нападение произошло рядом с партизанским отрядом. А вскоре в нарушении порядка был уличен уже сам Рахманько. Командир отряда «производил выстрелы при гражданке Ядвиге, добиваясь любви».

«Покой нам только снится»

Быт партизанских отрядов, каким бы он ни был — это ещё далеко не вся война. В борьбе с самогонокурением «лесные братья» не забывали и о своей главной задаче — уничтожении врага на оккупированной территории. О подвигах партизан рассказано немало, по-

этому остановимся на фактах, не упоминающихся в военной литературе.

(...) Часто во главе отрядов становились случайные люди, действия которых стоили жизни сотням рядовых партизан и крестьян. Вот каковы последствия боевой операции, проведенной в Логойском районе в мае 1943 г.

«Полная растерянность среди командного состава. Наибольшая — в бригадах "Дяди Васи" и "Дяди Димы". Два этих героических дяди ушли от немцев заранее. (...) Дядя Вася даже оставил в своем лагере два цинка патронов, тол, второй потерял радистку. (...) Моральное положение крестьян повернулось против нас. Группа крестьян заявила: если вы бегаете от немцев, то дайте нам винтовки, мы сами будем защищать свои семьи».

Злость населения можно понять: партизаны часто провоцировали фашистов на карательные операции, не нанося при этом врагу никакого вреда.

«Группа из отряда имени Суворова кружилась около Логойска 20 дней и за это время достала одну винтовку и две гранаты без запала. Поскольку эта группа все время на ночь возвращалась в деревню Идалино, немцы об этом узнали, приехали в деревню, сожгли 5 домов и расстреляли 40 человек».

На этом фоне «подвиг», совершенный бойцом этого же отряда в деревне Якубовичи, выглядит невинным развлечением: «Партизан на 1 Мая выстрелил несколько раз зажигательными патронами и поджег два сарая».

Аналогичным было положение и в отряде имени Котовского:

«Пьянство, дебош, веселые пьяные вечеринки, инсценировка расстрелов, избиение крестьян в поисках оружия и мало боевых действий. (...) Население района возмущается тем фактом, что когда нет близко полиции, тогда партизаны разгуливают по деревням, а когда появляется вблизи полиция, население бросают беззащитно».

Но награды находили героев даже в такой непростой ситуации. Командир роты бригады «Народные мстители» Сергей Прочко получил приказ «спустить эшелон» и с группой в 10 человек отправился на задание. «Вместо выполнения приказа прошатался целый месяц по населенным пунктам, мучил группу людей для того, чтобы жене достать сапоги». После возвращения в лагерь командование представило Прочко к ордену Красной Звезды.

Подвиг на бумаге

(...) Неудачи в боях старались скрыть, пользуясь приписками. Если сложить длину железнодорожных путей, выведенных из строя всеми партизанскими отрядами за годы войны, окажется, что ими

можно несколько раз опоясать нашу планету. А вот и реальная история, подтверждающая правоту этого предположения.

В начале лета 1943 г. на перегоне Уша — Радошковичи группой партизан под командованием некоего Драпека была совершена диверсия: взорван эшелон противника. По возвращении в отряд Драпек составил рапорт о том, что «уничтожен 1 паровоз и 14 вагонов».

Продолжает историю Тимчук. «Через час почему-то переделали этот рапорт на 19 вагонов, а после беседы с командиром отряда Красненковым почему-то рапорт был составлен, что уничтожено 39 вагонов с техникой и живой силой врага. За это действие вся группа представляется к правительственной награде, а Драпек — на звание Героя Советского Союза».

Позже стало известно, что «на эшелон нашлось много претендентов». В отчете отряда «Дяди Димы» говорилось, что переезд был заминирован их бойцами, что привело к подрыву 64 вагонов. Группа Кузьмича сообщала то же самое, с той лишь разницей, что вагонов было 57.

И это далеко не единственная история о партизанских приписках. «1-я рота партизанского отряда «Мститель» донесла, что она напала на полицейский гарнизон в имении Сервач и убила трех полицейских, а 10 сожгла в доме. На самом деле ни одного полицейского не убито, не сожжено, а сожгли квартиры рабочих и их имущество, и избили ночных сторожей».

Дело партизана Келлера

Обычно в «досье» партизана собиралось 1-2 компрометирующих его документа. В деле «о проведении следствия по Келлеру Борису, партизану 3-й минской бригады» — 61 лист. В них — подробное описание жизни и приключений 23-летнего партизана на войне, которая осталась для советских граждан неизвестной.

Келлер воевал на фронте полтора месяца, после чего был захвачен в плен. Таких, как он, были тысячи, но немногим удалась головокружительная карьера. Бежав из плена, Келлер, воспользовавшись родственными связями, попал в партизанский отряд, был назначен на командные должности, а вскоре занял пост секретаря Минского сельского РК ПКСМБ. Какими достоинствами обладал этот молодой человек? Гораздо больше нам известно о недостатках. Вот донесение секретарю Минского обкома КП(б), датированное июнем 1943 г.:

«На территории Сенницкой волости действует группа партизан под руководством секретаря Минского сельского райкома Келлера Бориса. Повседневно занимается мародерством, жульничеством и даже явным хулиганством, чем компрометирует партизанское дви-

жение. За один только апрель 1943 г. в деревне Капцевичи ими изъято у населения 6 костюмов, 4 ручных часов, 3 плаща и много других вещей. Приезжая в Сенницкую волость — Бобовозовский лес — Борис вызывает людей и поручает продать изъятое у крестьян. (...) Деньги прогуливает с женщинами, а после устраивает дебош со стрельбой. Так, в деревне Мачулищи в июне 1943 г. Борис с группой бойцов арестовал старосту поселка Хараевского, велел запрячь лошадь и отвезти его в следующую деревню. Подняли с кровати дочь Хараевского, 1928 г. рождения, изнасиловали и застрелили. Подтвердить данный факт могут все жители деревни».

Случай с изнасилованием стоил Келлеру карьеры. Его уже ждал суд, но партизан ушел от наказания. Под предлогом заготовок соли он исчез из поля зрения НКВД на месяц, после чего неожиданно получил назначение уполномоченного райкома по работе с подпольными организациями. В донесении говорится, что Келлер использовал связи в обкоме. Назначенный на должность нового секретаря некий Альхимович долгое время игнорировал жалобы крестьян на «пьянство, мародерство, ограбления»: деньги, вырученные от реализации награбленного, использовались на нужды райкома.

На допросах Келлер подтверждал, что «получал задания от Альхимовича продать 6 коров и купить для обкома 3 кожаных пальто, 4 костюма, 4 заготовки на сапоги, 6 комплектов белья, бумаги и других продуктов, на что получил удостоверение». Кроме костюмов и сапог обкому было передано «6 пар рейтуз, 6 пар дамских чулок, махорки, папирос и сахарину». Если бы всё ограничилось чулками и махоркой, дело Келлера вряд ли получило бы известность. Но случилось ЧП.

Партизанский бал

На правах уполномоченного Келлер организовал в деревне Кузьменка штаб для работы со связными. По инструкции, уполномоченный должен был требовать от подпольщиков «работы по нанесению ущерба и срыва мероприятий немцев». Однако гораздо чаще его приказания носили личный характер: «достать водки и закуски, папирос, табаку» — необходимые составляющие для «организации балов, пьянок в честь своего дня рождения и других праздников по его усмотрению».

Очевидцы рассказывали, что «отряд по своему размеру и шуму напоминал среднюю ярмарку дореволюционного времени». Стоит ли удивляться, что о «штабе Бориса» крестьяне донесли немцам без всякого принуждения со стороны последних. Карательный отряд

сжег деревню, угнал жителей в Германию, уничтожил больше 40 связных и разгромил подпольную сеть.

Похождения Келлера на этом не закончились. В декабре 1943 г. он был «в перестрелке между партизанами отряда имени 25 лет ВЛКСМ ранен, обезоружен и доставлен в райком», где получил от Альхимовича назначение в отряд имени Лазо на должность командира разведки. Теперь задания подчиненным выглядели следующим образом: «пойти по шоссе Минск — Слуцк и забрать оттуда коров и свиней». Без сомнения, командир разведки пополнил опыт партизан, научив их «взламывать замки и забирать незаметно» кур из сараев.

Допрашивал Келлера начальник НКВД Минского района, который заключил, что «виновность установлена полностью по всем фактам: мародерство, грабеж, насилие, избиение мирных жителей, беспробудная пьянка». Припомнили партизану и провал подполья, и сожженную деревню, и 15-летнюю девочку. Однако приговора ни в деле Келлера, ни в военных архивах нет. След этого человека обрывается в июле 1944 г., когда Келлер получил направление в ЦК КПБ. И это еще одна загадка неизвестной войны...

(Белгазета, 2002, 25 ноября и 2 декабря)

Отклики на книгу Ильи Копыла

Газета «Народная воля» с 26 февраля по 29 марта 2010 года из номера в номер печатала книгу Ильи Копыла «Небышына: Вайна» (на беларуском языке). Эта публикация вызвала настоящую бурю. Никогда еще в редакцию не поступало столько писем-откликов. Вот некоторые из них.

Э. Тобин, Ф. Тобина, поселок Смолевичи

«Мы с женой (...) всю войну пережили в деревнях Верхомень Смолевичского района и Прыступовщина Дзержинского района. Все хорошо помним. И могли бы описать даже более жуткие сцены, чем это сделал автор «Небышина. Война».

Впрочем, и нашим семьям немцы сделали меньше вреда, чем бандиты из соотечественников. Приобретя каким-то образом в Смолевичах 3 спички, мать не успела разжечь печь, как назло в хату ворвались бандиты: «Отдавай, сука, спички!» Соседка Анна выдала. Использовав момент, мать бросила спички мне на печь. Я их быстренько спрятал между ногами под живот и залез в уголок. И вот, сильный луч электрического фонаря ударил мне в глаза, а острый конец штыка уперся в мой пуп: «Давай сюда, гадёныш, спички, заколю!» И волосатой лапой выдрал эти три спички. Наша хата и впредь осталась остывать и без тепла и без света.

Партизаны забрали покрывало, ватник, простыни, подушки и прочее. Ночью выдрали пчел, несмотря на то, что была зима. Летом украли корову, отвели в Дуброву, там зарезали и неделю пили. Мать, плача, просила отдать корову. Мы плакали навзрыд. Через несколько месяцев от холода и голода умер мой младший брат. Ограбленные партизанами, мы были буквально в лохмотьях, не было чего есть, не могли разжечь огонь».

Галина Гапанович, дочь ветерана

«А вот воспоминания моей матери, которой в начале войны исполнилось 14 лет: «От партизан страдали гораздо больше, чем от немцев. По ночам спать боялись. Партизаны приходили постоянно, забирали всё подчистую: одежду, обувь, продукты. Даже нательные крестики детей умыкнули. Вместе с кожухом, валенками, салом партизаны унесли и мамино платье».

Анатоль Кавальчук, г. Лоев

«Хорошо запомнил, как люди плохо отзывались о партизанах. Мне думалось, что это в нашем регионе они бездействовали, а в других регионах республики убивали фашистов на каждом шагу. Оказалось, нет. Партизаны отряда «За Родину» по ночам делали рейды по сбору продовольствия, избивали за сотрудничество и сочувствие немцам».

Василий Шаболтас, г. Осиповичи

«Во время войны, в 1941 году мне было 7 лет, и все, что происходило в те и в следующие годы, я помню отчетливо. Прочитанная повесть оживила в моей памяти рисунки прошлого, они будто ожили и зашевелились. Жили мы тогда в деревне Курицичы на Петриковщине. Моего отца на войну не взяли, ему в военкомате выдали «белый билет». Он сильно кашлял и плевал кровью. Слово туберкулез в нашей хате не звучало, го-

ворили чахотка или сухоты. Началась война. Появились немцы и партизаны.

1942 год, зима, морозы стояли сильные. Как-то ночью в окно нашей хаты постучали. «Кто там? — спросил отец, подойдя к двери. «Свои, открывай». Двери открылись, в дом ввалились 8 мужчин. «Хозяин, зажигай лампу», — приказал один. Я спал на печи, выглянул из-за дымохода.

С другой половины дома в дверях появилась фигура матери. «Хозяйка, ставь на стол все, что есть. Хозяин, пока баба будет готовить закуску, доставай самогон».

Моя детская душа интуитивно ощущала, что от этих злых дядек ничего хорошего мы не дождемся. «Садитесь, пожалуйста, к столу», — сказала мать.

Прицепились к отцу с вопросом: отчего он не на войне. Отец объяснил, что у него белый билет. Главный партизан поднялся из-за стола, поставил среди дома длинную лавку и приказал, достав из винтовки шомпол: «Ложись спиной вверх. Я тебе покажу белый билет! Я что, ... твою мать, должен за тебя родину защищать? — и стал бить отца шомполом. «Дяденьки, за что вы бьете моего папку?» — заскулил я. «Брысь отсюда, сучонок, а то и тебе попадет», — и он пнул меня ногой в бок, и опять принялся за отца.

«Миленькие, за что вы бьете моего мужа?» — не выдержала мать. «Отойди, баба, — и приказал: «Степан, выведи женщину на двор». Главный еще раза три стеганул отца: «А теперь вставай, будешь знать, как от фронта дезертировать».

Открылись двери, в дом вошел тот, что вывел мать, и предложил: «Сидоренко, сходи и ты, баба вкусная, не пожалеешь». Через некоторое время он вернулся с заплаканной матерью.

Партизаны продолжали пить и веселиться, делая вид, что ничего такого не случилось. Ушли они от нас ночью. Забрали все сало, лук, грибы. Так партизаны поступали не только с нами.

Все в нашей деревне партизан стали бояться. Они воевали больше с населением, чем с немцами. Пришла пора вещи назвать своими именами».

Рымарев Николай, г. Минск

«В войну мне было 13—15 лет и я тоже был свидетелем, как выживала деревня в годы войны. Особенно ярко и правдиво описал И. Копыл действия партизан. И в нашей деревне не так боялись немцев, как партизан. Не немцы, а партизаны забирали домашний скот, продукты питания и вообще всё, что понравилось. Избили 70-летнего старика за то, что он не отдавал гармошку.

Но самое страшное — партизаны убивали ни в чём не повинных людей. Так в конце 1942 года и весной 1943 года в нашей деревне партизаны схватили и убили 5 совсем молодых людей, из них три учителя: Архипенко Яков Иванович, Рымарев Гавриил Асонович, Руденко Павел, Шиленков Захар Алексеевич, Рымарев Павел Асонович. В соседней деревне Кирово схватили директора школы Корицкого, набросили на шею верёвку и тащили через деревню, пока не умер».

Обычная сцена времен войны: партизаны пришли в деревню за продуктами, самогонкой и теплой одеждой

Иван Батяновский, г. Минск

«В первый год войны я видел немцев раза 3–4. Они приходили в нашу деревню Панишевщина и обращались к жителям: «Матка, яйка». Но в 1942 году события коренным образом изменились. Однажды ночью пришли к нам трое «партизан» и потребовали отдать корову. Родители отказались. Тогда они избили моих родителей, взломали сарай, забрали корову. Как-то зашёл к нам «партизан» с юным «партизаном», лет 10–12. Взрослый стоял с оружием, а юный партизан делал обыск под печью, в шкафу, в койках и забирали то, что считали нужным».

Николай Каханович, г. Пружаны

«Наша семья тогда жила в деревне Шани. Немцы заезжали в деревню нередко, но деревня жила тихо и мирно. Немцы население не грабили, никого не убивали, наоборот, привозили в лавку соль, спички, керосин, мыло и другой товар, необходимый крестьянину. Они были заинтересованы, чтобы люди работали на своих полях и платили соответствующие налоги.

Первое горе в нашу семью, по рассказу моих родителей, пришло в ночь на 3 день Рождества Христова 1943 года, это значит в ночь с 9-го января 1943 года. Мне на тот момент было уже немного больше 4 лет, моему братику только около 2 лет. В ту ночь наша семья проснулась от звона разбитого оконного стекла, потом грохот в двери, ругань незнакомых людей на русском языке. В дом ворвались только двое «партизан», а остальные остались во дворе. Наставив винтовки, отца и мать в нижнем белье поставили к стене. Мать успела взять на руки братика, а я, как старший, стал рядом с матерью, схватившись от страха за ее ночную сорочку. Каждый знает, что всегда хороший крестьянин перед Новым годом закалывает кабана. Поэтому сразу эти бандиты из леса стали требовать от отца показать, где спрятаны ушат с салом, окороки, колбасы и т.д. Отец все им отдал. Потом «партизаны» вынесли из клети мешки с мукой, гречихой, просом.

В тот же самый момент другие «партизаны» уже хозяйничали в хлеве, связали двух овец — и все это награбленное добро положили на сани. Они приехали обозом аж из трех саней. Отец потом говорил, что видел всего пятерых бандитов. Но дело на том не кончилось. Бандиты забрали родительский кожух и валенки. Бандиты почему-то знали, что у отца есть хромовые сапоги, хромовая тужурка и хорошие подштанники. Все это было надежно спрятано. Отец до последнего не собирался все это отдавать партизанам. Но бандиты, настойчиво угрожая, требовали отдать им все. Один из них сказал, что если отец не отдаст добровольно им названные вещи, то первым застрелит этого щенка, тыкая в мою детскую грудь стволом винтовки. Потом поднимает ствол винтовки выше моей головы и стреляет в стену. Что было дальше, я уже не помню. Потом мать сказала, что я сразу упал и потерял сознание. Но самое страшное для нашей семьи было то, что я от этого страха онемел. Вообще перестал говорить. (Вылечил немец, доктор. Речь постепенно вернулась. Отец этому немцу-волшебнику решил заплатить двумя, своим и маминым, золотыми кольцами. Но тот немец категорически отказался брать плату).

После той зимы 1943 года еще много натерпелись страха, так как каждое появление партизан в деревне могло закончиться трагедией

для селян. Советские партизаны-коммунисты не жалели даже детей, а фашисты их лечили».

Вацлав Бедункевич, г. Молодечно

«Моя родная деревня Студёнка из 24 дворов находилась в Белыничском районе на границе с Березинским. Первой жертвой войны в Студёнке, как и в Небышино, стала молодая девушка, и тоже от партизанской пули. Это 18-летняя Ядя.

Первые партизаны, что появились осенью — зимой 1941 года, занимались в основном тем, что забирали у населения все, что попадало им на глаза. За зиму 1941–1942 года партизаны съели всех свиней и овец. С осени 1942-го стали уводить из хлева коров. К 1943 году в деревнях, кроме кур и котов, домашней скотины не осталось».

Боров, отобранный у крестьянской семьи

Леонид Короткин

«Вот что люди говорят, я им давал газету почитать — днём грабила полиция, ночью «брали» партизаны, заявляя: «Ты дома сидишь, а мы тебя защищаем».

Моя сестра Вера и сейчас помнит (она ровесница И. Копыла) и мать рассказывала, как зимой 1943 года ночью пришли партизаны. Зорким оком узрели, что в детской кроватке подо мной слишком много подстелено, вытащили меня и нашли пальтишко старшего брата Коли, забрали».

Казус с книгой «Память»

Активисты БРСМ, в знак своего возмущения публикацией в газете «Народная Воля» «клеветнической», по их мнению, книги Ильи Копыла принесли в редакцию газеты несколько экземпляров книги «Память». На обложку каждой из них они наклеили записку — «Освежите свою память». Но получился казус.

Проблемы с памятью оказались не у редакции «Народной Воли», а у молодчиков из БРСМ. Они порекомендовали журналистам изучать историю из «правдивых источников». Надо думать, что таким правдивым источником является подаренная редакции книга «Па-

мять» (Минск, БЕЛТА, 2005 г.). Но, судя по всему, сами нынешние «комсомольцы» эту историко-документальную хронику не читали. Между тем, там есть много интересного. Например:

Верховодько Вера Федоровна, ушла в 1943 в партизанскую бригаду «Штурмовая», где незаконно расстреляна по приказу командования (стр. 321);

Вишневский Сергей Казимирович, р. в 1903, ушел в декабре 1942 в партизанскую бригаду «Штурмовая», где незаконно расстрелян в январе 1943 по приказу командования (стр. 321);

Загорская Мария Терентьевна, р. в 1912, ушла в декабре 1942 в партизанскую бригаду «Штурмовая», незаконно расстреляна в январе 1943 по приказу командования бригады (стр. 323);

Загорский Александр Демьянович, р. в 1915, ушел в декабре 1942 в партизанскую бригаду «Штурмовая», незаконно расстрелян в марте 1943 по приказу командования (стр. 323);

Кухта Ольга Ивановна, р. в 1919, незаконно расстреляна в январе 1943 по приказу командования партизанской бригады «Штурмовая» (стр. 325);

Лисецкая Мария Николаевна, р. в 1923, незаконно расстреляна в январе 1943 по приказу командования партизанской бригады «Штурмовая» (стр. 326)*.

Из истории бригады имени Ворошилова

Эта бригада под командованием Ф.Г. Маркова терроризировала население Поставского и Мядельского районов. Вот свидетельство жительницы Поставского района Адели К.

«...ночью к нам в дом ворвались партизаны и в грубой форме, используя нецензурные выражения, потребовали отдать велосипед. Когда я сказала, что велосипеда у нас нет, то командир стукнул меня рукояткой пистолета по голове. Кровью залило мне все лицо. Второй партизан вынул из винтовки шомпол и начал бить меня по спине. После побоев сделали обыск. Забрали продукты, ценности, женское нижнее белье, одежду, отрезы ткани» (блоггер Gienek).

Вот свидетельство жителя деревни Руда Поставского района Франтишека Драгуна:

«Большевистские партизаны очень народ угнетали. Приходили пьяные, всех выгоняли на двор, ставили к стене, а сами что хотели, то и забирали — даже последнюю свинью или курицу, не говоря уже

* Командиром партизанской бригады «Штурмовая» был Иван Лаврентьевич Птицын. Его настоящее имя — Иосиф Лазаревич Фогель.

про корову или коня. Угрожали нам, били и издевались. Потом, когда они уходили, забирали отца и нас и приказывали перейти железную дорогу на другую сторону. После нас они переходили сами. Партизаны боялись взорваться на мине или наткнуться на немецкую засаду».

Пока население ломало голову, как выжить, партизаны пьянствовали, вели разгульную жизнь. Мало того, что они при налетах на деревни насиловали женщин, так они еще проводили «мобилизацию» девушек в свои ряды или просто их насильно уводили в лес.

Так, в отряде Ф.Г. Маркова было 116 молодых женщин, причем только 9 из них имели какие-то должности. Остальные служили утехой для партизанской верхушки. На современном языке это означает, что девушки, молодые женщины должны были оказывать сексуальные услуги. Кое-что перепадало и рядовым партизанам. Сам Федор Марков совместно проживал с несовершеннолетней девушкой. Ей еще повезло, потому что Ф. Марков был молод и обладал нормальной внешностью. А что ощущали женщины, которых принуждал к сожительству комиссар 1-го отряда бригады «Железняк» Спиридон Барздыко — истинный урод?!

Федор Марков (1914—1978), командир бригады им. Ворошилова

Даже «главный партизанский начальник» Пантелеймон Пономаренко в своем очередном отчете Сталину сообщил о «мародерстве, необоснованных расстрелах и репрессиях в отношении к населению, непристойном отношении к женщинам в деревнях, длительном отсиживании, стремлении избежать встреч с противником».

Несмотря на все это, партизанские командиры за два-три года вырастали от лейтенантов до майоров и полковников, исправно получали награды — ордена и медали.

И другие тоже

«Итоги (результаты деятельности уполномоченного ЦШПД в Барановичской области — *М.П.*) шокировали. И не только потому что многие группы не желали подчиняться посланцу Москвы. Отчет также свидетельствует, что многие партизанские группы к тому времени (начало 1943 года — *М.П.)* превратились в банды мародеров,

терроризировавшие и грабившие население. Например, в рапорте, направленном в июне 1943 г. начальнику Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) Петру Калинину, отмечалось:

«В бригаду был послан майор Василевич, который выяснил, что бригада по состоянию на 01.02.1943 г. насчитывала 650 вооруженных членов. Бригада большей частью была сформирована из местного населения Дзержинского района в ходе мобилизации /то есть путем принудительного призыва — *М.П.*/. Большинство составляют молодые люди, которые не служили в Красной Армии. Командование бригады не ставило перед подразделением боевых задач, не проводило боевых операций. (...) В бригаде и подразделениях нет никакой дисциплины, распространено пьянство, мародерство и неправомерные расстрелы. Население отзывается о бригаде имени Фрунзе как о мародерах и бандитах» (Бракель А. Наиболее опасен гнев сельских жителей, с. 388–389).

Тем же летом (июль 1943 г.) еще один представитель ЦШПД посылает в Москву следующее сообщение:

«Сельские жители не делают разницы между партизанами и бандитами. Скрываясь в рядах партизан, бандиты грабят население. В этом участвуют многие партизанские отряды.

Игра в карты, пьянство, грабежи, отсутствие дисциплины, невыполнение приказов наблюдаются во всех отрядах. Это ведет к дискредитации партизанского движения и является разрушительным для самого дела...

Продовольствие и одежду у местного населения можно добыть только с большими сложностями и под угрозой применения оружия» (там же, с. 390–391).

В апреле 1943-го года, командир отряда имени Жданова так характеризовал положение в Несвижском районе Беларуси:

«С экономической точки зрения Несвижский район подразделяется на три зоны:

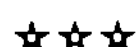
а) Зона вдоль железной дороги, которая находится под постоянным контролем немецких гарнизонов, которые окружают железную дорогу и действуют мобильными группами (ягдкомандами – *М.П.*). Каждое хозяйство имеет корову и овцу.

б) Не покрытая лесом зона между гарнизонами полиции, богатая с экономической точки зрения. В настоящий момент каждое хозяйство там имеет 1–2 коровы, есть овцы и свиньи. Хлеб в достаточном количестве...

в) Зона вдоль старой государственной границы, которая относится к партизанской зоне, ...бедная с экономической точки зрения.

У жителей этих деревень проходящие бригады и партизанские отряды... забрали практически весь крупный рогатый скот. Свиньи и овцы конфискованы полностью. В настоящий момент местные партизанские отряды рассматривают западные районы Белоруссии как базы, из которых можно брать все до последнего, не только в зонах влияния немецких гарнизонов, но также в партизанских зонах» (Там же, с. 397).

То есть, это партизаны грабили местное население подчистую, обрекая на голодную смерть, деревни же, пребывавшие под контролем немецких гарнизонов и полиции, жили вполне нормально.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в партизанской среде такие понятия как «дисциплина» и «законность» не существовали. Высшее командование не управляло ситуацией. Выживать в таких условиях местному гражданскому населению было очень трудно. Нынешние «ветераны» вооруженных сил и репрессивных органов, не имеющие никакого отношения к войне, пытаются доказать, что преступления партизан против своего населения — это единичные случаи. На самом же деле партизанский «беспредел» был массовым и повсеместным явлением.

Глава 5

Вильгельм Кубе и беларусы

Правда о комиссаре-нацисте

Все трагедии, произошедшие в оккупированной Беларуси во время войны многие авторы, писатели, пропагандисты, связывают с Вильгельмом Кубе (1887–1943). Например, вот что пишет Галина Кнатько в «Эниклопедии истории Беларуси» (том 4, с. 288):

> «Как последовательный антикоммунист Кубе не ограничивал полицию безопасности и СД в средствах и методах борьбы с партизанским движением и подпольем. В сентябе 1941 — сентябре 1943 гг. в Беларуси проведено около 100 карательных операций против населения и партизан, выявлены и жестоко наказаны многие участники антифашистского подполья, в т.ч. минского».

Но, во-первых, 68 районов генерального округа «Беларусь», где он был генеральным комиссаром (не гауляйтером!), составляли

Вильгельм Кубе

только 35 % от их общего количества (194 районов на июнь 1941 г.).

Во-вторых, генеральный комиссариат округа «Беларусь» во главе с В. Кубе это орган гражданской администрации. Репрессивный аппарат ему не подчинялся! Параллельно с гражданскими властями в округе действовали самостоятельные органы СС, куда входили армейские части СС, полиция безопасности, жандармерия, немецкие полицейские формирования и другие.

Кубе до Первой мировой войны был членом германской социалистической партии, то есть — «красным». Он 4 года (1908–1912) учился на философском факультете Берлинского университета, но не окончил. Потом работал домашним учителем, занимался журналистской и писательской деятельностью, наконец, стал драматургом. Его пьесы ставились в театрах многих стран Европы.

В нацистскую партию Кубе вступил в декабре 1927 года, а уже в январе 1928 фюрер назначил его гауляйтером Остмарка — руководителем областной партийной организации. После объединения областей Остмарк и Бранденбург в новую область Курмарк (самую большую в Германии) Вильгельм Кубе стал гауляйтером ее партийной организации.

Однако внутрипартийная борьба поссорила Кубе с такими влиятельными нацистами как Гейдрих, Гиммлер, Борман и Бух. В апреле 1936 года Кубе совершил роковую ошибку: написал и разослал письмо с обвинениями в адрес председателя Высшего партийного суда Буха от имени ...берлинских евреев! Следствие быстро установило истинного автора. В результате в сентябре того же года Кубе лишился мандата депутата рейхстага, должности обер-президента Берлина и партийного поста гауляйтера Курмарка.

И вот этого разжалованного деятеля Гитлер 17 июля 1941 года неожиданно назначил генеральным комиссаром округа «Беларусь». В Минск Вильгельм Кубе приехал через полтора месяца после назначения — 1 сентября.

Кубе был мягкий, насколько такое возможно в военное время, либеральный интеллигент. Он посещал театры и музеи, открывшиеся в Минске благодаря его личным усилиям. Ничего прежде не

знавший о Беларуси и ее истории, Кубе начал во все вникать (тем более, что лидеры беларуских националистов оказали ему посильную помощь в этом). А вникнув, нанес удар в самое больное место политики большевиков — сделал ставку на национальные слои беларуского общества. Осенью 1941 года Кубе приказал обучение в школах вести только на беларуском языке (какое злодейство, не правда ли?), одновременно сделал первые шаги к созданию национальной администрации. Вот так национал-социалист Кубе ввел в действие на территории Беларуси «национальный» фактор.

Именно по его инициативе и при его содействии были созданы Беларуская народная самопомощь (в октябре 1941 г.), Беларуское научное общество (в июне 1942 г.), Беларуский корпус самообороны (в июне 1942 г.), Беларуская рада /совет/ доверия (в июне 1943 г.), Союз беларуской молодежи (в июне 1943 г.), а также ряд других национальных организаций.

Кубе, вопреки басням советских пропагандистов, не организовывал карательные операции на территории комиссариата, напротив, был их противником. Он видел, что так называемые «антипартизанские» акции в действительности бьют по местному населению.

Все антипартизанские операции и карательные операции против населения — дело рук Бах-Зелевского или Готтберга. Кубе не мог их проводить, даже если бы хотел — ему подчинялись только административные органы, главой же всех подразделений СС на территории БССР являлся Бах-Зелевски, а он подчинялся только рейхсфюреру СС Гиммлеру. Бах-Зелевски руководил частями СС через Курта фон Готтберга, назначенного 21 июля 1941 года фюрером СС и полиции в генеральном округе «Беларусь». Готтберг исполнял только приказы Баха.

Советские «партийные историки» намерено превратили Кубе в главного нацистского преступника на территории Беларуси, что абсолютно не соответствует действительности. Вот что пишет об этом Олег Усачев, автор новейшего исследования, полностью основанного на документах, показаниях участников событий, воспоминаниях свидетелей.

> «Своеобразная, весьма инициативная и настойчивая деятельность Кубе по отношению к населению Беларуси вызывала сильное раздражение у Гиммлера и Сталина, что и вызвало их стремление как можно быстрее избавиться от Кубе». (...)
>
> «Для повышения ценности головы Кубе у нас ему умышленно присвоили:

— знатное (аристократическое) просхождение («фон» Кубе), хотя он происходил из небогатой многодетной семьи простолюдинов;

— наделили армейскими званиями (майор, генерал), хотя Кубе не имел военного образования и никогда не был армейским офицером;

— золотой партзначок у Кубе назвали наградой за партийные заслуги, хотя это был всего лишь юбилейный значок для 100 тысяч ветеранов партии;

— называли гауляйтером Беларуси, хотя такой партдолжности не существовало;

— назвали организатором нацистского террора в Беларуси, хотя историки не нашли ни одного соответствующего приказа Кубе.

Массовые расстрелы в Минске начались с первых дней оккупации /Кубе приехал сюда через полтора месяца. — *М.П.*/ и закончились за несколько дней до освобождения города /когда Кубе уже 21 месяц находился в могиле. — *М.П.*/. Главным их организатором и исполнителем были Управление полиции безопасности и СД по Беларуси и другие ведомства Гиммлера. Ответственность же за уничтожение жителей Беларуси переложили с разных ведомств Гиммлера (Айнзатцгруппа, Айнзатцкоманды, полиция безопасности, СД, подразделения войск СС) на одного лишь гражданского чиновника — Вильгельма Кубе»*.

Кто хотел устранить Кубе

Как уже сказано, в 1942 году Кубе совместно с лидерами беларуских националистов приступил к созданию Беларуского корпуса самообороны («Беларускі корпус самааховы») — БКС. В этом деянии Гиммлер ощутил явную угрозу — создание национальных вооруженных формирований, подчиняющихся комиссару «Вайссрутении», могло ослабить позиции СС в регионе. В Берлине решили «убрать» Кубе, но — руками «крайних».

Однако до тех пор, пока начальником полиции СС округа «Беларусь» был Карл Ценнер, лично преданный Кубе, устранить его в Минске было сложно, приходилось дожидаться очередной «поездки по стране». В этом случае через немецкую агентуру партизанам (или спецгруппам НКВД) «подкидывали» время, место и маршрут движения «первого лица». Но до поры до времени у «мстителей» по разным причинам ничего не получалось.

Вот что пишут о Кубе «партийные историки»:

---

* Усачев О. Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе. Минск, 2013, с. 291.

«Понятна ненависть, которую он вызывал в народе. Поэтому многочисленные крестьянские сходы в освобожденных деревнях, суды партизанских отрядов и групп сопротивления в городах требовали покарать Кубе. Это был голос народа, и к нему нельзя было не прислушаться, чем и объясняется то, что в 1942 году как в Москве, так и в Белоруссии было принято решение о ликвидации Кубе» (Дамаскин И.А. 100 великих операций спецслужб, с. 318).

Ложь! Не было никаких «сходняков» в деревнях и селах. И гонцов в Кремль, чтобы усатый гений помог устранить «фрица-кровопийцу» никто не посылал. Главный «пахан» партийной «номенклатуры» самолично потребовал уничтожения нацистского руководителя «генерального округа Беларусь».

17 февраля 1943 года Кубе случайно избежал засады в лесу под Ляховичами, организованной спецгруппой НКВД имени Л.П. Берии во главе с Кириллом Орловским. Затем избежал взрыва своего автомобиля в Барановичах. 10 июня 1943 года отсутствовал в составе

Бывший особняк Янчевского, где жил Кубе. Спальня комиссара, в котором он погиб от взрыва мины, это три окна справа на втором этаже

колонны высших должностных лиц комиссариата, направлявшихся в Слуцк (погибли областной комиссар Людвиг Эренлейтер, начальник областной жандармерии обер-лейтенант Карл Кала и ряд других чиновников. Правительственный инспектор Генрих Лозе был ранен). В начале сентября Кубе не явился на банкет офицеров СД — и правильно сделал, так как избежал взрыва.

Geheime Feldpolizei
Ausweis Nr. 34
Gruppe GFP 727
Hilfsfeldpolizeibeamten Otto Schulze
05861

Удостоверение сотрудника GFP (тайной полевой полиции) Отто Шульце, под именем которого действовал Карл Кляйнюнг

Но еще в мае 1942 года Гиммлеру удалось провести на пост главы полиции округа «Беларусь» вместо Ценнера (смещенного «за потворствование беларуским националистам») верного рейхсфюреру Вальтера Шимана — бывшего фюрера СС и начальника полиции сектора «Саратов». Агенты-двойники СД и гестапо тут же установили контакты с представителями разведывательно-диверсионных групп НКВД, предоставляя им полную информацию о Кубе.

Отмечу весьма красноречивую деталь: уже на второй день (!) после гибели Кубе минское СД представило своему руководству в Берлине рапорт, в котором есть всё — вплоть до указания места, откуда самолет забрал Марию Осипову и Елену Мазаник и увез в Москву. Кроме того, наивно думать, что в резиденцию Кубе можно было пронести взрывное устройство без молчаливого согласия немецкой службы безопасности.

Известно, что охоту на Кубе вели сразу 12 спецгрупп НКВД: «Артур», «Дима», «Юрий», «Местные»» и другие. Но главную роль в операции сыграли два человека: сотрудник НКВД Николай Хохлов (кличка «Свистун») и агент НКВД, немецкий капрал Карл Кляйнюнг (кличка «Виктор»). Именно они выбрали исполнителем диверсии (среди 40 «перспективных» служащих резиденции Кубе из числа «местных») 25-летнюю горничную Елену Мазаник. Хохлов заставил ее сделать это.

Вся «работа» Марии Осиповой — связной чекистской группы «Артур» — свелась к тому, что она по приказу Хохлова принесла из леса магнитную мину, которую Мазаник установила под кроватью

Кубе и привела в действие часовой механизм. Взрыв произошел в ночь с 21 на 22 сентября 1943 года. Но после войны советские партийные пропагандисты изобразили Осипову подпольщицей и главным организатором диверсии.

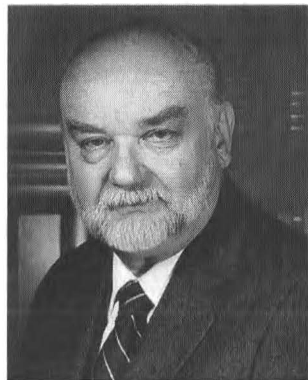
Во-первых, благодаря этому целенаправленную террористическую акцию советских спецслужб, осуществленную по приказу Москвы, удалось объявить результатом совместных действий подполья и партизан — то есть, «святой местью разгневанного народа».

Во-вторых, Николай Хохлов до начала 1954 года продолжал выполнять задания руководства МГБ. Раскрывать секретного действующего агента нельзя. А потом и вовсе случился конфуз. Хохлову поручили ликвидацию председателя антисоветской эмигрантской организации Народно-трудовой союз (НТС) Григория Околовича. Но Хохлов вместо того чтобы прикончить «врага-эмигранта» явился к нему, рассказал обо всем, и раскрыл себя резидентуре ЦРУ в ФРГ. Разразился грандиозный скандал. Хохлова в СССР заочно приговорили к смерти, агенты МГБ и КГБ дважды пытались его убить*.

Поэтому не приходится удивляться, что этот ключевой персонаж в операции по ликвидации Кубе десятки лет оставался неизвестным советским гражданам. Вместо него выставляли Марию Осипову (1909–1999) — завербованную

Мария Осипова

Николай Хохлов (фото 1990-х гг.)

Елена Мазаник

* Н. Хохлов получил американское гражданство, позже стал профессором психологии в университете штата Калифорния. Президент Российской федерации Б.Н. Ельцин амнистировал его своим указом № 308 от 27 марта 1992 г. Хохлов умер в США в 2007 г.

чекистами бывшую преподавательницу юридического института в Минске, исполнявшую скромную роль связной.

Курт фон Готтберг, организатор карательных акций на территории Беларуси

Заняв место Кубе, Курт фон Готтберг достаточно быстро понял, что покойный комиссар вел правильную политику и стал продолжателем его начинаний, да было уже поздно.

Итак, два вывода.

Первый: к ликвидации Кубе партизаны (а также подпольщики) не имеют никакого отношения. Это дело рук советских чекистов.

Второй: охоту на Кубе чекисты вели по требованию Москвы, так как своей национальной политикой в Беларуси он путал карты и Пономаренко, и Берии, и Сталину, и всей «родной коммунистической партии»*.

Официальные отечественные историки и, особенно, пропагандисты в погонах и без погон до сих доказывают «необходимость и большое политическое значение ликвидации Кубе». Но вот что пишет по этому поводу Олег Усачев:

> «Для обоснования необходимости убийства “палача белорусского народа Кубе” (даже жестокого Коха никто не называл палачом украинского народа) советская пропаганда бесполезный приказ Сталина подменила решением мифического суда народа, не указывая время, место, состав суда. Только в антиисторическом художе-

---

* Профессор Леонид Лыч пишет: «Совпадение подходов Кубе и широкого круга беларуских общественных деятелей к активизации национальной работы позитивно отразилось на ее состоянии».

«Если бы вдруг возник вопрос об избрании кого-нибудь из первых политических руководителей нашего Отечества за последние 70 лет почетным членом Товарищества беларуского языка имени Скорины, то у Кубе было бы больше шансов, чем у других, стать таковым».

См. книгу Л.М. Лыча «Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі у часы вайны. 1941–1944». Минск, 2011, с. 39, 305.

Ух, какую ненависть, какую бурю возмущения вызвали эти слова Л.М. Лыча у остатков старой и большинства новой номенклатуры!

ственном фильме “Часы остановились в полночь” (1958 г.) было показано заседание этого суда-призрака. Удивительно, но в отечественной прессе и сегодня ссылаются на решение этого суда-миража»... (Усачев О.И. Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе, с. 290—291.)

Единственное реальное последствие убийства генерального комиссара округа «Беларусь» – расстрел в Минске по приказу Курта фон Готтберга 300 заложников (точное число казненных установил после войны суд в городе Кобленц). Можно сделать обоснованный вывод: и эти 300 минчан стали жертвами сталинских террористов. Они прекрасно знали, что расправа с заложниками неизбежна. Более того, именно такая расправа была их целью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, ответы на три вопроса о советской партизанской войне в 1941–1944 годах, поставленные в начале книги, таковы:

Вопрос 1. Являлось ли партизанское движение общенародным явлением?

Ответ: Нет.

Вопрос 2. Было ли партизанское движение эффективным с военно-стратегической точки зрения?

Ответ: Нет.

Вопрос 3. Чем вообще было партизанское движение для оккупированных регионов?

Ответ: Продолжением довоенной политики советской власти, суть которой — удержание власти маргиналами путем массового террора против всех слоев населения, беспредельной демагогии, принудительной распределительной системы вместо свободных товарно-денежных отношений*.

Общий вывод таков: советское партизанское движение в целом — это огромный миф, состоящий, в свою очередь, из ряда взаимосвязанных мифов меньшего масштаба. Среди них выдумки о «всенародной» борьбе с оккупантами, о колоссальных людских и материальных потерях противника в результате действий партизан, о том, что партизаны являлись «защитниками» гражданского населения от «немецко-фашистского террора» и многое другое.

Я полностью солидарен с мнением Владислава Гриневича, который пишет следующее:

> «И сталинские генералы, и партократы как во время войны, так и после ее окончания относились к партизанам без особого пиетета. ...За свою «гламуризацию» партизанское движение должно благодарить Хрущева, который стремился усилить советский патриотизм и одновременно искал поддержки республиканской партийной элиты, вожаками которой стали представители партизанских кланов. Общими усилиями власти и творческой интеллигенции партизанская тема переросла в настоящий миф о всенародной борьбе в тылу немецких войск на оккупированной территории.

---

* «Террор — сама суть советской власти, один из трех главных ее "столпов", наряду с лживой пропагандой и возможностью успешной личной карьеры для отбросов общества ("кто был никем — тот станет всем")». Тарас А.Е. Краткий курс истории Беларуси. IX–XXI вв. Минск, 2013, с. 449.

(...) Хотя к моменту распада СССР ни одна другая историческая тема не могла сравниться с темой Великой Отечественной войны числом публикаций — около 20 тысяч библиографических позиций общим тиражом в один миллиард экземпляров (!) — среди этих гор печатной продукции напрасно было бы искать хоть что-то о горькой правде войны. Любые попытки отхода от официальной интерпретации наказывались» (альманах «Деды». Выпуск 3, 2010, с. 96–97, 102).

Термин «*Великая Отечественная* война» придумали коммунистические пропагандисты. Это они убеждали народы СССР в том, что война была *их* (народов) войной, защитой от неспровоцированной агрессии. Однако войну спровоцировал Сталин вместе со своим ближайшим помощником Молотовым. Еще летом 1939 года не существовало намека на то, что Рейх может напасть на Советский Союз — буферные государства надежно прикрывали советские рубежи*. Стараниями Сталина, вознамерившегося устроить вместе с Гитлером передел Европы, этот пояс был ликвидирован — так и пришла «семья братских народов» к 22 июня 1941 года, когда «друг Адольф» окончательно рассорился с «другом Иосифом».

Немецкая оккупация союзных республик в западной части СССР в 1941 году просто сменила московскую, а в 1944 году — наоборот.

Беларуские историки иногда спорят между собой: под кем было лучше беларусам — под Москвой, или под Берлином. По-моему, одинаковым злом для беларусов были и Советский Союз и Третий Рейх.

Это была не наша война — вопреки тому факту, что большинство людей заставили поверить в обратное. Нас в очередной раз заставили таскать каштаны из огня для тех и других, и пострадали мы от обеих враждовавших сторон.

Так уже было раньше. Например, во время Северной войны (1700–1721 гг.). Ныне нас убеждают в том, что мы тогда были «за Россию», мол, Речь Посполитая (конфедерация Королевства Польши и Великого Княжества Литовского) являлась союзником Петра I в борьбе со шведами. Но союзником Петра был только король Речи Посполитой, он же саксонский курфюрст Август II «Сильный» («Моцны»), а не Речь Посполитая. Ее сейм не поддержал решение Августа о вступлении в войну против шведов на сто-

* Для тех, кто плохо знает историю, специально назову «буферные» страны, разделявшие СССР и Германию: Польша, Летува, Латвия.

роне царя Петра. «Моцнаму» пришлось действовать исключительно своими саксонскими «ресурсами».

Однако и шведам, и русским на это было совершенно наплевать. Они здорово тогда «погуляли» на нашей земле. Литва (Беларусь) потеряла каждого третьего своего жителя!

От действий шведов наиболее пострадали Вильня, Клецк, Ляховичи, Минск, Мир, Могилёв, Несвиж, Пинск, Радошковичи, Слоним, Сморгонь, Шклов.

От действий русских — Бешенковичи, Борисов, Брест, Витебск, Гомель, Горки, Гродно, Дисна, Дубровна, Логойск, Мстиславль, Орша, Слуцк, Чашники, Полоцк (в Полоцке царь Петр сперва учинил бойню высшего униатского духовенства, а после и вовсе взорвал нашу древнюю святыню — древний Софийский собор)...

Истории свойственно повторяться — вот она и повторилась в 1941-м. Именно по этой причине важно понимать значение исторических событий.

История любой войны — это миф, созданный победителями и удобный для них. Миф, то есть ложь, которая имеет мало общего с истиной. На постсоветском пространстве — за исключением трех прибалтийских государств — даже спустя 22 года после распада СССР и в официальной идеологии, и в повседневном сознании обывателей резко преобладают мифы о войне. А это значит, что война все еще не закончилась, она продолжает держать нас в плену — в ущерб нашему будущему.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антипартизанская война в 1941–1945 гг. /Сост. А.Е. Тарас/. Минск: «Харвест», 2005. — 400 с.

Армстронг Д. **Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943.** /Пер. с англ./ М.: «Центрполиграф», 2007. — 430 с.

Арнольд Д.Г. **Змеиные джунгли.** /Пер. с англ./ М.: АСТ, 2010. — 412 с.

Асмолов А.Н. **Фронт в тылу вермахта.** М.: Издательство политической литературы, 1983. — 302 с.

Барабаш В.В. **Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.).** Гродно: Гродн. гос. университет, 1998. — 144 с.

Бартушка М. **Партызанская вайна ў Беларусі ў 1941–1944 гг.** /Пер. з нямец./ Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2011. — 188 с.

Батшев В.С. **Партизанщина: мифы и реалии.** // www.lebed.com/2007/art4934.html.

Бонвеч Б. **За кулисами «рельсовой войны»: советские партизаны в 1941–1944 гг.** (Пер. с немец.) // Журнал «Родина» (Москва), 2003, № 7, с. 72–76.

Боярский В.И. **Партизаны и армия: История утерянных возможностей.** Минск: «Харвест», 2001. — 302 с.

Боярский В.И. **Партизанство вчера, сегодня, завтра (Историко-документальный очерк).** М.: «Граница», 2003. — 448 с.

Брайко П.Е., Старинов И.Г. **Партизанская война.** М.: «Граница», 2004. Часть 1. — 248 с.; Часть 2. — 320 с.

Бракель А. **«Найбольш небясьпечен гнеў сялянаў...» Забеспячэньне партызанаў і іх стаўленьне да мірнага насельніцтва.** (Пер. з польск.) // Журнал «Arche», 2010, № 5, с. 372–434.

Брюханов В.А. **В штабе партизанского движения.** Минск: «Беларусь», 1980. — 256 с.

Бунич И. **Операция «Гроза». Кровавые игры диктаторов.** М.: «Яуза», «Эксмо», 2004. — 476 с.

Буровский А.М. **Не Вторая Мировая, а Великая Гражданская! Запретная правда о войне.** М.: «Яуза-пресс», 2012. — 512 с.

Бычков Л.Н. **Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Краткий очерк).** М.: «Мысль», 1965. — 454 с.

Веревкин С.И. **Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину?** М.: «Яуза-пресс», 2009. — 608 с.

Веремеев Ю.Г. **Мины вчера, сегодня, завтра.** Минск: «Современная школа», 2008. — 352 с.

Веригин С.Г., Лайдинен Э.П., Чумаков Г.В. **СССР и Финляндия в 1941—1944 годах: неизученные аспекты военного противостояния** (О партизанских рейдах на территорию Финляндии в 1941–1944 гг.) / «Российская история», 2009, № 3, с. 90—103.

Вершигора П.П. **Партизанские рейды (Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.)** Кишинев: «Штиинца», 1962. — 136 с.

Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 194). Документы и материалы. Минск: «Беларусь».

Том 1 (1967) — 744 с.

Том 2, книга 1 (1973) — 680 с.; книга 2 (1973) — 814 с.

Том 3 (1985) — 792 с.

Высшее партизанское командование Белоруссии, 1941—1944: справочник. /Под общ. ред. Э.Г. Иоффе/ Минск: «Беларусь», 2009. — 270 с.

Гелогаев А. **Беларуские вооруженные формирования в Генеральном округе «Беларусь» в 1941—44 гг.** // «Деды». Выпуск 7. Минск, 2011, с. 121–148.

Гнетнев К. В. **Тайны лесной войны: партизанская война в Карелии 1941—1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах**. Петрозаводск: «Острова», 2007. — 416 с., 32 л. ил.

Гогун А.С. **Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы.** СПб.: «Нева», 2004. — 412 с.

Гогун А.С. **Сталинские коммандос: украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории, 1941—1944.** М.: «Центрполиграф», 2008. — 476 с.

Гогун А.С. **Коммунистический партизанский террор в Украине в годы советско-германской войны** // В книге: Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия (Доклады Академии военных наук, № 38). Саратов, 2009, с. 146—160.

Гофман И. **Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы.** /Пер. с нем./ М.: «АСТ», «Астрель», 2006. — 360 с.

Грибков И.В. **Хозяин Брянских лесов: Бронислав Каминский. Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление.** М., 2008.

Гриневич В. **Миф войны и война мифов.** // «Деды»: дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 3. Минск, 2010, с. 92–111.

Гусаров Д.Я. **За чертой милосердия (Роман-хроника).** Петрозаводск: «Карелия», 1977. — 358 с.

Данилов И.П. **Записки западного белоруса: 1937–1945. Политика и война глазами очевидца и участника.** Минск: издатель В. Хурсик, 2007. — 358 с.

900 дней в горах Крыма (/Воспоминания комиссара партизанского отряда А.А. Сермуля). /Комментарии, обработка и предисловие А.В. Мальгина/. Симферополь: СОНАТ, 2004. — 98 с.

Деружинский В.В. **Потери беларусов: Печальная демография.** // «Деды». Выпуск 1. Минск, 2009, с. 28–41.

Диксон Ч., Гейльбрунн О. **Коммунистические партизанские действия.** /Пер. с англ./ М.: «Иностранная литература», 1957. — 292 с.

Дробязко С.И. **Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил.** М.: «ЭКСМО», 2004. — 608 с.

Дюков А.Р. **Кто командовал советскими партизанами: Организованный хаос.** М.: «Вече», 2012. — 304 с.

Елин Д.Д. **Партизаны Молдавии: Из истории партизанского движения молдавского народа в годы Великой Отечественной войны Советского Союза.** Кишинев: «Картя Молдовеняскэ», 1974. — 225 с.

Ермолович В.И., Жумарь С.В. **Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953).** Минск: БелНИИДАД, 1994. — 112 с.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. **1-я русская бригада СС «Дружина».** М.: «Вече», 2010. — 368 с.

Залесский А.И. **В партизанских краях и зонах: Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941–1944).** М.: Соцэкгиз, 1962. — 396 с.

Захаревич С.С. **Большая кровь: как СССР победил в войне 1941–1945 гг.** Минск: «Современная школа», 2009. — 560 с.

Захаревич С.С. **Горела ли земля под ногами оккупантов?** / «Деды». Выпуск 3. Минск, 2010, с. 126–141.

Захаревич С.С. **«Мы за ценой не постоим»: об операции «Багратион»** / «Деды». Выпуск 7. Минск, 2011, с. 78–100.

Ибатуллин Т.Г. **Война и плен.** СПб.: /б.и./, 1999. — 196 с.

Иоффе Э.Г. **Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945.** /Изд. 2-е/ Минск: «Харвест», 2008. — 384 с.

Киселев В.К. **Особый фронт партизан Белоруссии: Июнь 1941 — июль 1944.** Минск: «Беларуская навука», 2011. – 294 с.

Климов Г.П. **Песнь победителя.** /Изд. 5-е/ Краснодар: «Пересвет», 2004. — 686 с.

Кузнецов И.Н. **Партизанское движение: правда и мифы.** // «Белорусская деловая газета», 2005, № 44 (1536).

Ковалев Б.Н. **Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944.** М.: «АСТ», «Транзиткнига», 2004. – 496 с.

Ковтун И.И., Жуков Д.А. **Охотниеки за партизанами. Бригада Дирливангера.** М.: «Вече», 2013. — 448 с.

Козак К.И. **Германский оккупационный режим на территории Беларуси. 1941–1944 гг.: Историография и источники.** Минск: БГУ, 2006. — 268 с.

Копыл І.П. **Нябышына: Акупацыя вачыма падлетка.** Рыга: ІБГіК, 2014. — 288 с.

К'яры Б. **Штодзёнасць за лініяй фронта. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі. 1941–1944.** /Пер. з нямец./ Мінск: «Беларускі гістарычны агляд», 2008. — 390 с.

Левин И.Я. **Партизанские и подпольные газеты в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1944: Указатель.** М.: «Книга», 1976. — 188 с.

Літвін А. **Акупацыя Беларусі (1941–1944). Пытанні супраціву і калабарацыі.** Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2000. — 288 с.

Люк М. **«Паляваць дазваляецца»: барацьба з партызанамі ў Генеральнай акрузе Беларутэнія.** (Пер. з нямец.) // журнал «Беларускі гістарычны агляд», 2000, том 7, сшытак 2, с. 365–401.

Мальгин А.В. **Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941–1944 гг.** Симферополь: «СОНАТ», 2009. — 194 с.

Матох В. **Эвакуация ...на тот свет.** // «Деды». Выпуск 3. Минск, 2010, с. 112–125.

Матронов П.С. **Развитие способов вооруженной борьбы советских партизан в годы ВОВ (1941–1945).** М.: Военная академия им. Фрунзе, 1962. — 50 с.

Миддельдорф Э. **Русская кампания: тактика и вооружение.** /Пер. с немец./ СПб.: «Полигон»; М.: «АСТ», 2000. — 448 с.

Оллерберг Й. **Немецкий снайпер на Восточном фронте. 1942–1945 гг.** /Пер. с немец./ М.: «Яуза-пресс», 2009.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг.: Документы и материалы. /Сост. В.И. Адамушко и др./ Минск: «Вышэйшая школа», 2011. — 528 с.

Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада. /Отв. ред. Е.В. Тарле/. М.: ОГИЗ, 1943. — 115 с.

Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943. Документы и материалы. /Сост. Н.П. Галицкая и др./ Смоленск: Книжное издательство, 1962. — 520 с.

Партизанская дружба. Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны. М.: ОГИЗ, государственное издательство «Дер Эмес» — 1948. — 202 с. (Репринт: Минск: «Magic book». — 206 с.)

Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. /Сост. А.Л. Манаенкова и др./ Минск: «Беларусь», 1983. — 766 с.

Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Военно-исторический очерк. /Н.Ф. Азясский и др./ М.: «Кучково поле», 2001. — 462 с.

Партизаны и каратели. /Сост. Е.В. Егерс/ Рига: «Торнадо», 1998. — 44 с.

Петров М. **Лесные евреи.** // Дайджест «Деды», 2010. Вып. 7, с. 62 73.

Поляков В. **Страшная правда о Великой Отечественной: Партизаны без грифа «Секретно»**. М.: «Яуза», «Эксмо», 2009. — 384 с.

Пономаренко П.К. **Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941–1944.** М.: «Наука», 1982. — 440 с.

Попов А.Ю. **НКВД и партизанское движение: Факты и документы.** М.: «Олма-пресс», 2003. — 384 с.

Попов А.Ю. **Диверсанты Сталина: Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны.** М.: «Яуза», «Эксмо», 2004. — 512 с.

Попов А.Ю. **Диверсанты Сталина: НКВД в тылу врага.** М.: «Яуза», «Эксмо», 2009. — 478 с.

Пятницкий В.И. **Разведшкола № 005** (с. 3–164); Старинов И.Г. **История партизанского движения** (с. 165–277). М.: «АСТ»/Мн.: «Харвест», 2005. — 304 с.

Романько О.В. **Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945.** М.: «Вече», 2008. — 432 с.

Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил (Статистическое исследование). /Под ред. Г.Ф. Кривошеева/ М.: «ОЛМА-пресс», 2001. — 608 с.

Руководство по ведению партизанской войны. (Пер. с француз.) М.: издание Генштаба ВС СССР, 1988. — 130 с. / Перевод швейцарского наставления 1987 года. Есть PDF-файл в интернете.

Соколов Б.В. **Красный колосс: Почему победила Красная Армия?** М.: «Яуза», «ЭКСМО», 2007. — 352 с.

Соколов Б.В. **Оккупация: Правда и мифы.** М.: «ЭКСМО-пресс», 2003. — 344 с.

Соколов Б.В. **Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939–1945 гг.** М.: «Вече», 2008.

Солоневич И.Л. **Россия в концлагере.** Минск: «Современная школа», 2010. — 592 с.

Солонин М. **22 июня, или когда началась Великая Отечественная война.** М.: «Яуза», «Эксмо», 2006. — 512 с.

Спириденков В.А. **Лесные солдаты: Партизанская война на Северо-Западе СССР. 1941–1944.** М.: «Центрполиграф», 2007. — 368 с.

Старинов И.Г. **Мины ждут своего часа.** М.: Воениздат, 1964. — 224 с.

Столяр Д. **8 мая 1943 г. у памяці жыхароў вёскі Налібокі.** // Журнал «Arche», 2010, № 7–8, с. 620–647.

Судоплатов П.А. **Спецоперации: Лубянка и Кремль, 1930–1950 гг.** М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1999. — 686 с.

Тарас А.Е. **Анатомия ненависти (Русско-польские конфликты в XVIII–XX вв.).** Минск: «Харвест», 2008. — 800 с.

Тарас А.Е. **Герой и люди вокруг: Федор Крылович.** // «Деды». Вып. 4. Минск, 2010, с. 166–175.

Татаренко А. **Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах. 1921–1945.** СПб.: «Архив АТ», 2006. — 808 с.

Тийон Ш. **Французские франтиреры и партизаны в борьбе против немецко-фашистских оккупантов.** /Пер. с фр./ М.: «Иностранная литература», 1963. — 632 с.

Ткаченко С.Н. **Повстанческая армия (Тактика борьбы УПА).** Минск: «Харвест»/М.: «АСТ», 2000. — 512 с.

Туронок Ю. «**Каждый четвертый» и Куропаты.** / «Деды». Выпуск 7. Минск, 2011, с. 170–177.

Усачев О.И. **Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе.** Минск: «Харвест», 2013. — 368 с.

Фрайгер Р. **Вервольф: Осколки коричневой империи.** (Пер. с нем.) М.: «Яуза», 2007. — 384 с. /О немецком партизанском движении «Вервольф» в годы Второй мировой войны/

Фрейдзон М.М. **Репортаж из-за линии фронта. Партизанская война в Ленинградской области 1941–1945 гг.** М.: «Русь», 2010. — 320 с.

Хартфельд В. **Одинокие воины: Спецподразделения вермахта против партизан. 1942–1943.** /Пер. с нем./ М.: «Центрполиграф», 2012. — 192 с.

Хурсік В. **Кроў і попел Дражна. Гісторыя партызанскага злачынства.** Мінск: Выданне аўтара, 2003. — 76 с.

Шмит К. **Теория партизана.** (Пер. с нем.) М.: «Праксис», 2007. — 302 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I
СТРАТЕГИЯ, ТАКТИКА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН

Часть II
ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАХ

Часть III
ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ

Часть IV
ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН

ПИНЧУК Михаил Николаевич
СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Подписано в печать 12.06.2014. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$
Гарнитура NewtonC. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 28,5. Тираж 500 экз.

История партизанского движения на территории СССР, оккупированной войсками Германии и ее союзников, предельно мифологизирована. Критический анализ реальных событий подменяют выдумки идеологов КПСС, партизанских начальников, советских литераторов и журналистов.

Автор книги дает ответ на четыре основных вопроса:

— было ли партизанское движение общенародным сопротивлением?;
— что оно представляло собой на самом деле;
— какова его эффективность с военной точки зрения?;
— совершали ли партизаны военные преступления?

При этом он опровергает многие мифы советской пропаганды, сохранившиеся до нашего времени.